

которые могли заслонить собою масонство Новиковскаго кружка. Правда, отъ времёнъ Новикова не прерывалась филакия понятий и личныя связи съ людьми новыхъ поколѣній, но при всёмъ томъ, можно, кажется намъ, освободить память Новикова отъ нареканій, что его пропаганда отразилась въ необузданностяхъ обскурантизма двадцатыхъ годовъ. Личность Новикова остается чистой въ нашихъ глазахъ, но своей печальной судьбѣ, Новиковъ, хоти и мистикъ, остается дѣтелемъ и, къ сожалѣнію, мученикомъ русскаго просвѣщенія.

ГЛАВА IX.

Мистика. Мартинизмъ.

Мистичизмъ составлять вообще одну изъ главнѣйшихъ особенностей нашего масонства, какъ быть сильно распространёнъ и въ европейскомъ обществѣ XVIII-го вѣка. Оставивъ въ масонствѣ первоначально только отгѣнокъ его идеальныхъ тенденцій, мистичизмъ потомъ все сильнѣе и сильнѣе проникать въ него особенно въ континентальныхъ ложахъ, гдѣ онъ находить поддержку въ туземномъ, пѣтизмѣ и дошелъ до крайнихъ предѣловъ во второй половинѣ XVIII вѣка, когда всѣ направленія европейской мысли достигли высшей степени напряженія.

Названіе мистичизма прилагается, вообще, къ тому нравственно-религіозному взгляду, который принимаетъ, что истинное понятіе о божествѣ, природѣ и человѣкѣ невозможно для обыкновеннаго чувствѣческаго познанія, что этого познанія не дають и положительныя религіи, и что оно достигается непосредственнымъ, приближеніемъ къ божеству, чуждымъ единеніемъ съ высшимъ божественнымъ міромъ, которое происходитъ внѣ всякой дѣятельности сухого разсудка. Такимъ образомъ, основной чертой мистичизма является сильно возбужденное религіозное чувство и предположеніе полнаго безсильія разума, постигать высоты и таинственныя истины (изъ которыхъ мистики дѣлаютъ свою исключительную принадлежность) безъ помощи высшаго внутренняго свѣта. Чѣмъ сильнѣе возбуждаются въ чело-

вѣкѣ эти сверхъестественныя стремленія, и чѣмъ меньше онъ находить помощи въ разумномъ знаніи и мышленіи, тѣмъ больше онъ склоненъ выпадать въ мистичизмъ. Мистики живутъ только чувствомъ и фантазій, и стремятсѣ знать истину естественно превращается у него въ фантастическое желаніе проникнуть въ сверхъ-человѣчскій міръ и найти успокоеніе въ единеніи съ „причиной всего“, божескимъ духомъ...

Это настроеніе можетъ имѣть много различныхъ степеней, отъ спокойной религіозности, которая ищетъ личнаго нравственнаго удовольствія, до крайней неясности мысли, блуждающей въ теософскомъ туманѣ, до чрезмѣрнаго возбужденія, переходящаго въ патологическій экстазъ и галлюцинаціи, или до фанатическаго ожесточенія, отвергающаго всякія права человѣческаго разума и переходящаго въ крайній обскурантизмъ. Различныя степени и характеры мистичизма, какъ направленія, опредѣляются различными обстоятельствами — цѣлымъ характеромъ времени, степенью его знаній, общественными условіямъ, дающими мистичизму дорогу въ тѣ или другіе классы общества, какъ личное свойство, мистичизмъ вызывается въ обшихъ указанныяхъ условійхъ и собственно-личными особенностями и болѣзненными неправильностями организаціи, которыя дѣлають людей склонными къ подобной фантастикѣ. Всѣ проявленія мистики трудно, конечно, подвести подъ одно точное опредѣленіе, и мистическія направленія въ общественной жизни могутъ подлежать разнѣ исторической оцѣнкѣ.

Исторически, судьба мистичизма представляеть необходимо длинную дѣтопись господства его надъ человѣческою мыслью и трудной борьбы, которою веда противъ него рациональная наука. Представленія мистическаго характера являються у всѣхъ народовъ, при первомъ выходѣ ихъ изъ грубаго фетишизма въ богѣ идеальныя религіи. Эти представленія и вообще остаются наиболѣе популярнымъ разрядомъ понятій въ массахъ, которыя по степени ихъ умственнаго развитія всегда представляли удобную почву для особаго рода народнаго мистичизма.

Но мистичизмъ игралъ свою роль и въ обществахъ цивилизованныхъ, какъ литературное и философское направ-

взвѣненіе. Главнѣйшей эпохой этого рода были александрійскій періодъ, когда историческое развитіе греческой философіи завершилось неоплатонизмомъ и другими школами, искавшими въ мистикѣ исхода изъ философскаго скептицизма. Мистика, въ значительной мѣрѣ выходявшая изъ этого александрійскаго источника, стала господствующимъ характеромъ средневѣковаго міровоззрѣнія. Съ тѣхъ поръ роль мистицизма не прекращалась до самаго послѣдняго времени и въ литературѣ, гдѣ онъ являлся продолженіемъ стараго преданія и новой реакціей или противъ сухого нискольнаго догматизма или противъ крайностей матеріалистической философіи (какъ въ періодъ нѣмецкаго піетизма и въ XVIII-мъ вѣкѣ) и въ общественной массѣ, гдѣ онъ соединялся съ алхиміей и магіей, или производилъ болѣе или менѣе экзальтированныя религіозныя секты. Въ этой своей исторіи мистицизмъ получаетъ иногда смыслъ оживляющей оппозиціи противъ умственнаго застоя и нравственнаго гнета, но въ концѣ концовъ, если ему случалось пріобрѣтать силу и власть въ обществахъ, онъ всегда перерождается въ преслѣдованіе науки и свободы мысли ¹⁾. Обѣ эти роли играло и мистическое масонство XVIII-го вѣка.

Мистика ведетъ къ обскурантизму очень естественно. Мистицизмъ ставить себя внѣ и выше обыкновеннаго мышленія, единственнымъ руководителемъ своимъ признаетъ личное чувство и внутреннее созерцаніе; поэтому мистицизмъ и точное знаніе противоположны по самой сущности. Таково и было дѣйствительно ихъ историческое отношеніе. Въ средніе вѣка господство мистицизма было упадкомъ всѣхъ начатковъ точной науки, которые были оставлены классической древностію; всѣ прежніе результаты научнаго знанія оставались безплодными или забыты; въ умѣхъ исчезла способность смотрѣть на предметы съ научной

¹⁾ Для большихъ подробностей см.: Ewald, Briefe über die alte Mystik und den neuen Mysticismus, Tübing. 1822.—H. Schmid, Der Mysticismus des Mittelalters, Jena, 1824.—H. Reisch, Gesch. und Kritik des Mysticismus, Leipz. 1830.—Д р е н е р ъ, Ист. умств. развитія Европы, съ англ. 2 т. Спб. 1865.—L e e c k y, History of the Rise and Influence of the spirit of Rationalism in Europe, 2 vol. Lond. 1865.—N o a c k, Die christliche Mystik, Königsb. 1853. [Изъ болѣе новой литературы см. особенно K i e s e w e t t e r, Die Geheimwissenschaften, Lpz. 1895].

точки зрѣнія. „Такъ—разсказываетъ историкъ науки, имѣсто того, чтобы относить событія внѣшняго міра къ пространству и времени, къ осязательной связи и причинамъ, люди старались подвести такія явленія подъ духовныя и сверхчувственные отношенія и зависимость, они относили ихъ къ высшимъ разумнымъ существамъ, къ теологическимъ обстоятельствамъ, къ прошедшимъ и будущимъ событіямъ въ нравственномъ мірѣ, къ состояніямъ ума и чувствъ, къ созданіямъ воображаемой міеологіи и демонологіи. И такимъ образомъ, ихъ физическая наука сдѣлалась магіей, ихъ астрономія сдѣлалась астрологіей, изученіе состава тѣлъ стало алхиміей, математика стала созерцаніемъ духовныхъ отношеній чиселъ и фигуръ, и философія сдѣлалась теософіей“. Мистицизмъ такъ вѣрнѣе себя, что эти превращенія науки въ фантастическія бужденія мысли такимъ образомъ повторяются у масонскихъ мистиковъ XVIII-го столѣтія, несмотря на все то, что было уже сдѣлано наукой постъсреднихъ вѣковъ. Тотъ же писатель говоритъ, дабы о характерѣ средневѣковаго взгляда на науку сѣдующими словами, которые буквально прилагаются и къ мистическимъ кружкамъ въ XVIII-мъ вѣкѣ: „Различные результаты наклонности челоувческаго ума къ мистицизму, нами указанные (астрологія, алхимія, магія и т. д.) составляютъ, выдающіеся характеристическую черту умственнаго міра въ теченіе многихъ вѣковъ. Теософія и теургія ново-платониковъ, мистическая ариметика пинагорейцевъ и ихъ преемниковъ, предвѣщанія астрологовъ, притязанія алхиміи и магіи довольно ясно выражаютъ собой общій характеръ и наклонности тогдашняго образа мыслей относительно философіи и науки. Правда, бывали болѣе сильныя умы, которые въ болѣе или меньшей степени обрасывали съ себя эту массу обманчивыхъ и пустыхъ идей, но, съ другой стороны, въ толпѣ и между людьми немислящими мистицизмъ часто доходилъ до такихъ крайностей суевѣрія, о которыхъ мы съ трудомъ можемъ составить себѣ понятіе... Господствующія представленія были произвольны и неопредѣленны, и они разматривались съ болѣзненно-возбужденной фантазіей и энтузіазмомъ, которые не подчинялись здравому и спокойному размышленію ни на какихъ

условияхъ. Эта мысль, упреждавшая энтузіазмъ, нѣкоторымъ образомъ замѣнила разумъ, создавая вѣру; но мнѣніи, пробѣжденные такимъ образомъ, не имѣли прочнаго значенія; въ нихъ не было постоянного напоминанія старыхъ истинъ и твердаго основанія для новыхъ. Опытъ на-прасно собиралъ свои запасы... и люди такъ были заняты сверхъестественными сокровищами, которые должны были свалиться для нихъ съ облаковъ, что они мало замѣчали или не замѣчали вовсе тѣхъ богатствъ, которые они могли бы найти возлѣ себя¹⁾.

Тотъ же историкъ справедливо находить весь періодъ средневѣковаго мистицизма безплоднымъ для точнаго знанія, потому что мнимыя открытія алхимиковъ въ химіи были только случайными находками, для которыхъ алхимистъ не зналъ никакого разумнаго объясненія. И мистическія науки среднихъ вѣковъ не вѣдутъ уступили свое мѣсто новой наукѣ. Со временъ „Возрожденія“ имъ наносимы были сильныя удары со стороны гуманизма, который возвращалъ умы къ положительности древнихъ, и со стороны точныхъ наукъ, которые уже начинали владѣть оружіемъ правдываго научнаго метода, разрушавшаго, мало-по-малу, всѣ прибѣжища стараго суевѣрнаго невѣжества. Но въ XVII-мъ столѣтіи Кеплеръ, которому такъ много обязана астрономическая наука, все еще вѣрилъ въ астрологию: такъ медленно совершалась побѣда.

Въ теченіе XVII-го и XVIII-го вѣковъ, здравыя знанія сдѣлали однако такіе успѣхи, что, кажется, трудно было бы представить себѣ, чтобы послѣ Галилея и Ньютона, послѣ Декарта, Локка, Спинозы, послѣ рѣзкихъ вызововъ англійскаго и французскаго скептицизма, въ умахъ второй половины XVIII-го вѣка могли сохраниться мѣсто тѣхъ представленій о міровомъ порядкѣ, какія мы находимъ въ масонскомъ мистицизмѣ и какія причинны были развѣ только среднимъ вѣкамъ. И однако же, во второй половинѣ XVIII-го вѣка, распространене мистицизма привело опять къ алхиміи, магіи, мистической ариметикѣ и кабалистическимъ умствованіямъ. Нельзя представить себѣ болѣе рѣзкаго примѣра соединенія въ одной эпохѣ двухъ противоположныхъ вещей.

1) Уэвелль, Исторія индукт. наукъ, т. I, стр. 353, 381.

Это объясняется тѣмъ, что мистицизмъ обращался къ тѣмъ слоямъ общества, которые въ точныхъ наукахъ были очень слабы, но обладались перспективой получить знаніе тайнъ природы. Для этихъ людей тайна природы все еще являлась, какъ въ средніе вѣка, въ видѣ секрета, извѣстнаго немногимъ избраннымъ, въ видѣ удивительнаго фокуса и волшебства. Понятно, что мистики этого разряда способны были съ озлобленіемъ обрушиваться на ту науку, которая и тогда раскрывала алхимическія недѣльности и называла ихъ по имени. Мистики-лицемѣры, распространявшіе магію и алхимию по особеннымъ соображеніямъ, были, конечно, еще злѣйшими врагами науки, потому что она мѣшала ихъ планамъ. Тѣ и другіе не устали обвинять науку въ легкомысліи (за непризнаніе мистическаго глубокомыслія), въ вольнодумствѣ и безбожій, и даже приводили тогда и послѣ къ гоненіямъ противъ рациональной науки, какъ было, на-примѣръ, въ концѣ XVII-го столѣтія въ Германіи и въ періодъ бурбонской и іезуитской реставраціи въ XIX-мъ вѣкѣ почти во всей Европѣ.

Возвращеніе новѣйшихъ мистиковъ къ алхиміи и магіи было весьма послѣдовательно. Мистическія фантазіи неподвижны и долговѣчны, въ противоположность развивающемуся движенію науки. Глубочайшія знанія открываются мистикъ не путемъ изученія, а послѣ извѣстнаго религиознаго искуса, путемъ самоуглубленія, созерцаній и непосредственныхъ вдохновеній; и мистики, раздѣленные многими вѣками научныхъ открытій, могли, однако, совершенно сходиться въ своихъ воззрѣніяхъ, потому что путь ихъ былъ одинъ и тотъ же. Относительно происхожденія своихъ тайноученій, новыя мистическія секты ссылались всего чаще на глубочайшую древность и вѣрили въ преемственность тайны, соединяющую новѣйшія времена съ этой древностью. И здѣсь опять та же противоположность наукъ: постѣдняя мало-по-малу накопляетъ запасъ своихъ истинъ, начиная съ простѣйшихъ наблюдений и доходя потомъ до широкихъ обобщеній; въ мистикѣ, напротивъ, полнѣйшее знаніе приписывается древности: новыя времена и люди не прибавляютъ ничего, и только оберегаютъ въ тайнѣ, извѣстной немногимъ, старое сокровище и стараются подготовить и другихъ посвященныхъ хранителей этого сокровища.

Вывѣстъ съ этикъ, мистики, естественно, готовы видѣть отрывки древнихъ сверхъестественныхъ знаній во всякомъ мистицизмѣ старыхъ временъ, какой имъ случается узнать; такъ, для масонскихъ мистиковъ XVIII-го вѣка получили равный авторитетъ и средневѣковые мистики, и мистики III—IV столѣтій. Въ сущности, они удовлетворялись безъ особеннаго разбора всякимъ умозрительно-фантастическимъ туманомъ, поэтому въ масонскомъ мистицизмѣ XVIII-го вѣка, европейскомъ и русскомъ, почти нѣтъ возможности разграничить опредѣленныхъ направлений: идеально-фантастическая философія, вродѣ Бѣма, шла рядомъ съ каббалистической и алхиміей, сведенборгізмомъ и животными магнетизмомъ Месмера, съ вызываніемъ духовъ, добываніемъ золота и философскаго камня и съ чудесными испытаніями. Въ родѣ сверхъестественнаго совершались въ мистическихъ кружкахъ Европы XVIII-го вѣка, у піетистовъ были свои „вдохновенные“ и дѣтели золота; Гаснеръ производилъ чудесныя испытанія; Шрепферъ вызывалъ духовъ, даже въ XIX столѣтіи баронесса Крюденеръ пророчествовала.

Чтобы ближе ознакомиться съ характеромъ источниковъ, откуда почерпался мистицизмъ нашего масонства, мы остановимся на двухъ школахъ, которыя у насъ имѣли особенный успѣхъ и вліяніе. Одна школа была французская, это — мартинизмъ. Другая, нѣмецкая — розенкрейцеровство.

Слово мартинизмъ, которымъ обозначали ученіе французскаго мистика Сень-Мартена, очень долго служило самамъ обыкновеннымъ названіемъ для нашего мистическаго масонства. Мартинистами въ особенности называли членовъ и поствдователей новиковскаго кружка. Сень-Мартенъ пользовался у нашихъ масоновъ большимъ уваженіемъ, вѣроятно съ самаго появленія его книги „О заблужденіяхъ и истинѣ“ (1775 г.), хотя книга была издана по-русски уже познѣе (1785 г.). Книга Сень-Мартена говоритъ о всевозможныхъ сюжетахъ религіи, общественной жизни, естественнаго знанія, политики, нравственности т.д. ¹⁾ но не представляетъ,

1) Вотъ заглавіе русскаго перевода, по которому можно составить нѣкоторое понятіе о разнообразіи ея содержанія:

„О заблужденіяхъ и истинѣ, или воззваніе челоѣческаго рода ко всеобщему началу знанія. Сочиненіе, въ которомъ открывается Примѣчательная сомнительность изысканій ихъ и непрестанныя ихъ погрѣш-

вируемъ, полной и послѣдовательной системы. Самъ авторъ также не есть крайній представитель мистицизма, потому что одаренъ еще нѣкоторой долей осторожности, старается считать рѣзкость мистицизма, когда онъ переходитъ у другихъ въ роль грубаго волюнтаризма, хотя въ глубинѣ души все-таки вѣрить въ него. Среди сумасбродствъ Паскависа, Сведенборга, Экартсгаузена, Лафатера и крайняго легкомыслія людей, вѣрившихъ во всякія шарлатанства, его можно иногда принимать за умѣреннаго. Миръ, по представленію Сень-Мартена, есть эманация божественнаго Слова, которое онъ понимаетъ не въ христіанско-догматическомъ, а въ какомъ-то гностическомъ смыслѣ, дающемъ болѣе простора для фантазіи. Эманацией объясняется особенный миръ духовъ, который вообще играетъ такую важную роль въ мистицизмѣ, и изученіе котораго составляло для Сень-Мартена, какъ для множества другихъ фантастовъ XVIII-го вѣка, предметъ мучительныхъ усилій. Въ этомъ понятіи о мирѣ духовъ находится центръ тяжести въ ученіи Сень-Мартена. Въ общихъ чертахъ дѣло состояло въ слѣдующемъ. Вселенная и челоѣкъ оживотворяются однимъ общимъ принципомъ, изъ котораго эманируютъ спиритуальныя силы. Эти силы дѣйствуютъ и во внѣшней природѣ, и въ челоѣкѣ; низшія силы управляютъ матеріальной природой, высшія — умственной жизнью челоѣка. Челоѣкъ выше природы и вообще ближе къ этимъ высшимъ силамъ, и величайшее усиліе его духовныхъ способностей должно состоять въ „великомъ дѣлѣ“ (grand oeuvre), о которомъ Сень-Мартенъ всегда говоритъ крайне неопредѣленно и уклончиво и которое, безъ сомнѣнія, должно было состоять въ стремленіи къ непосредственному сліянію съ высшими силами, чѣмъ и достигается тогда знаніе тайнъ созданія и божества. Сень-Мартенъ не даетъ ближайшаго объясненія темнымъ

ностями, и вмѣстѣ указывается путь, по которому должно бы имъ шествовать къ пріобрѣтенію физической очевидности о происхожденіи Добра и Зла, о Челоѣкѣ, о Природѣ вещественной, о Природѣ невещественной и о Природѣ священной, объ основаніи политическихъ правленій, о власти государей, о правосудіи гражданскомъ и уголовномъ, о наукахъ, языкахъ и художествахъ. Философа неизвѣстнаго. Переведено съ французскаго. Изданіемъ типографической компаніи. Въ Москвѣ. Въ вольной типографіи И. Лопухина, съ указагого дозволенія, 1785 года“. XII и 542 стр., 8°.

выраженіямъ о возвышеніи въ высшія сферы, но иногда нельзя не видѣть въ нихъ весьма опредѣленнаго смысла—экстаза, духовидѣнія и галлюцинацій¹⁾. Силы, управляющія матеріальной природой, не суть физическіе законы, какъ мы понимаемъ ихъ теперь, а дѣйствующія спиритуальныя существа. Мистики вообще смѣшались надъ матеріальнымъ изученіемъ веществъ природы и сожалѣли о „школьныхъ“ химикахъ, которые тратятъ напрасно время, потому что не изучаютъ духа веществъ (*esprit, spiritus*), въ которомъ, однако, и заключается ихъ сущность: сами мистики говорили о духѣ соли, духѣ ртути и т. д.; и эти духи, обрѣтая матеріально природу и ея чудесныя тайны, выѣсть съ тѣмъ получаютъ у нихъ отвлеченное и нравственное значеніе, такъ что химическій терминъ есть также нравственное или теософическое положеніе, какъ въ средневѣковой алхиміи... Спиритуальныя силы имѣютъ различныя традіи: между міромъ земнымъ и высшимъ спиритуальнымъ, къ которому стремились всѣ желанія мистика, есть средній міръ, имѣющій свои области различнаго спиритуальнаго достоинства,—иные изъ нихъ имѣютъ даже свои опасности, потому что исполнены сѣтями и соблазнами. Не всѣ имѣютъ отпочать истинный путь въ высшія сферы, и истинное „просвѣщеніе“ (въ мистическомъ смыслѣ) есть трудный подвигъ. Человѣку мудро отрываться отъ земной ограниченности, и ему необходимы для этого особенныя усилія. Зѣлся начало теурій, мистическихъ обрядовъ и пріемовъ, потому что усилія, которыми достигалось сверхъестественное вѣдѣніе, были, несомнѣнно, не только усилія чувства и отвлеченной мысли, но и извѣстные матеріальныя способы. Къ этому направлены всѣ пламенные стремленія мистиковъ древ-

¹⁾ Въ книгѣ „О заблужденіяхъ и истинѣ“, говоря „о воспроизведеніи образовъ“ и о „истеченіяхъ изъ единицы“, Сень-Мартенъ дѣлаетъ такого рода намекъ (по русскому перев., стр. 84):

„Не присовокупилю я къ сему разсужденію тѣхъ доводовъ, которыми не повѣрять, хотя они такого свойства, что такъ невозможно мнѣ въ нихъ сомнѣваться, какъ бы я самъ присутствовалъ при сотвореніи вещей“. Находя въ его книгѣ подобныя вещи, легко понять, почему Николай, нѣмецкій масонъ-раціоналистъ, о которомъ мы упомянемъ еще дальше, человекъ весьма разсудительный, называлъ книгу Сень-Мартена гнуснымъ обманомъ („ein niederträchtiges hinterlistiges Werk“). Во многихъ другихъ мѣстахъ Сень-Мартенъ дѣлаетъ

нихъ и новыхъ; мистики были увѣрены, что могутъ достигать особеннаго сверхъестественнаго развитія способностей физическихъ и нравственныхъ, необыкновенныхъ вхоженій, сношеній съ высшими существами, дара предвѣщанія и экстаза и т. д.

Что для пріобрѣтенія этихъ способностей употребались матеріальныя способы, это не подлежитъ сомнѣнію, хотя мистики относительно этого очень скрытны, и Сень-Мартенъ, даже въ дружеской перепискѣ съ посвященными, говорить объ этомъ такъ темно, что часто невозможно понять, о чемъ собственно идетъ рѣчь. Одинъ изъ компетентныхъ знатоковъ дѣла, знаменитый Экарстаузенъ—которымъ зачитывался въ послѣдствіи Гололевскій почти исключительно—прямо утверждаетъ, что на человѣческомъ языкѣ нѣтъ словъ, какія нужны были бы для объясненія этихъ вещей. Таково было и „великое дѣло“ Сень-Мартена. Его учитель въ масонствѣ и мистикѣ, Мартинецъ Паскавальеръ, ревностно занимался теургическими операціями; ученикъ его, абабатъ Фурнье, рассказываетъ, что своими практическими упражненіями онъ достигъ, наконецъ, чудесныхъ видѣній. Духовидѣніе Сведенборга было предметомъ великаго удивленія.

Быть можетъ, Сень-Мартенъ былъ только умѣреннымъ въ этомъ отношеніи. Онъ не былъ расположенъ къ Месмеру, котораго считалъ „материалистомъ“, но материалистомъ, владѣющимъ большимъ могуществомъ; Сведенборгъ казался ему богами сильнѣе въ „наукѣ души“, чѣмъ въ „наукѣ духовъ“, онъ возстаетъ противъ „мнимыхъ миссій“ и „мнимыхъ манифестацій“ (исновидѣніе, магнетизмъ, сообщенія подобныя заплекающіе намеки о своихъ глубокыхъ сверхъестественныхъ знаніяхъ, которыхъ онъ только не хочетъ или не можетъ открыть: „Сколько желаю, чтобы всякій достигъ сего разумѣнія, столько обязанностями мои запрещаютъ мнѣ давать малѣйшее о семъ объясненіе“ (стр. 317).

„Но умолю, о святая истина! Я буду похититель твоихъ правъ, ежели и темнымъ образомъ возвѣщу тайны твои“ (стр. 493).

„Но можетъ я и такъ излишне сказалъ, и ежели поступлю далѣе, страшу нарушить права, не принадлежащіе мнѣ“ (стр. 400).

Масонъ-раціоналистъ, а потому илюминатъ Бо де въ своемъ *Examen impartial du livre intitulé „Des esprits et de la vérité etc.“* (1782). Считать эту книгу шифрованной языкомъ іезуитовъ.

съ низшими духами): ему самому представлялись божье возвышенные цѣли, сближеніе съ божье высокими сферами, и достигать ихъ ему хотѣлось, повидимому, безъ грубыхъ материальныхъ приемовъ. Тѣмъ не менѣе, онъ проходилъ школу Паскаля, и впоследствии занимался какими-то таинственными операциями съ графомъ д'Отривомъ (d'Ottrive), который пріобрѣлъ себѣ потомъ большую славу этими дѣлами: онъ, говорятъ, достигъ до „физическаго знанія дѣятельной и разумной причинъ“ (или „Слова“) и пріобрѣлъ способность освобождаться отъ своего тѣла во время своихъ мистическихъ восхожденій въ высшія спиритуальныя области. Сенсы Сень-Мартена съ нимъ не могли имѣть другой цѣли. Изъ его высшей мудрости остался еще его „Трактатъ о числахъ“, нѣчто вроде мистической арифметики или опыта въ каббалистикѣ, гдѣ онъ признается за числами мистическое знаніе („каждое число выражается божественный законъ, или спиритуальный—добры или злой, или стихійный“ и т. д.), причеи критиковать приемы другихъ счетчиковъ¹⁾. Несмотря на отказы отъ грубаго мистицизма, онъ все-таки остается вполнѣ мистикомъ: подл конецъ онъ сталъ крайнимъ почитателемъ Якова Бѣма и вѣдьмъ удивляется его ученику Тихтею, челоѣку и писателю на-половину, если не вполнѣ сумасшедшему.

Сень-Мартенъ отдѣляется нѣсколько выгодно отъ другихъ мистиковъ своего времени и несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ, который среди фантастическаго тумана обнаруживается иногда чертами ума и наблюдательности. Онъ умѣлъ уважать Руссо, удивляться Вольтеру, „cet homme extraordinaire, qui est un monument de l'esprit humain“, онъ

¹⁾ Именно Эккарстауэна; см. *Mattelet*, p. 263. Въ книгѣ „О заблужденіяхъ и истинѣ“ есть уже примѣры этой каббалистики. Разсуждая о суетности науки, о „торопливости астрономовъ“ и исправляя ихъ своими умствованіями, онъ, напримеръ, замѣчаетъ о „востокахъ“ (стр. 393, по русск. переводу): „Я говорю о истинномъ Востокахъ, котораго восхожденіе солнца есть токъ указательный знакъ, и который оказывается видимымъ образомъ и гораздо точнѣе въ уровнѣ (или ватер-пасѣ) и въ перпендикулѣ (или отвѣсѣ), о томъ Востокахъ, который числомъ своимъ четыре можетъ обнять все пространство, понеже, соединяя съ числомъ девять или съ числомъ притяженія, то-есть, соединяя дѣйствующее съ страдательнымъ, составляетъ онъ число тринадцать, которое есть число Натуры“.

мочь вступать въ диспутации съ сенсуалистомъ *l'abbé Garà*, оставаясь на почвѣ логики, что было бы совершенно невозможнo для многихъ другихъ людей этого разбора. При всемъ томъ, онъ совершенно не понимаетъ науки и относится къ ней враждебно. Въ книгѣ „О заблужденіяхъ и истинѣ“ онъ силится доказать тщету обыкновенной науки и возбудить къ ней недовѣріе: онъ не понимаетъ, каковы образцы „люди, знающіе сладость разума и духа, могутъ хоть на минуту заниматься матеріей“. Эта матерія отомстила за себя: Сень-Мартену приходилось становиться въ весьма глупыя положенія, которые характеристично представляются и всю роль мистицизма. Биографъ Сень-Мартена¹⁾ разсказываетъ (стр. 265), что онъ, какъ, вѣроятно, очень многие другіе мистики, былъ неприятно пораженъ открытіемъ планеты Урана: новая планета совершенно разстроивала принятое мистическое число семь, на которомъ было построено много самыхъ капитальныхъ мистическихъ умозрѣній. Сень-Мартену приходилось имѣть и другія неприятныя встрѣчи съ областью науки. Кажется, еще прежде этого открытія Урана, Сень-Мартенъ, желая пропагандировать свои идеи и въ самомъ ученномъ мірѣ, хотѣлъ побесѣдовать объ этихъ вещахъ съ знаменитымъ астрономомъ Лаландомъ. Звѣзды играютъ важную роль въ мистическихъ соображеніяхъ, и Сень-Мартенъ воображалъ, повидимому, что они съ Лаландомъ занимаются однимъ дѣломъ, или что онъ, Сень-Мартенъ, поможетъ Лаланду понять вещи какъ слѣдуетъ. Но Лаландъ не захотѣлъ и слушать его...²⁾. Онъ радуется, впрочемъ, что, несмотря на эту неудачу, его идеи часто „подтверждались“ въ его бесѣдахъ съ „другими“ людьми; эти „другіе“ были свѣтскіе маркизы, шевалье, герцогины и подобные знакомцы Сень-Мартена въ Парижѣ, въ Англіи, Италіи, Эльзасѣ, гдѣ бывалъ Сень-Мартенъ, и, наконецъ, многие русскіе, которыхъ онъ также имѣлъ въ числѣ своихъ друзей. Въ сущности, Сень-Мартенъ отказывается отъ всѣхъ земныхъ наукъ, потому что онъ принадлежитъ низшимъ способностямъ, и заботится только

¹⁾ *Mattelet* въ книгѣ „*S. Martin, sa vie et ses ouvrages*“, 2 изд. П. 1864. Ред.

²⁾ Лаландъ также былъ масонъ, но другого разбора. Онъ принималъ въ свою ложу Вольтера. См. *Надвѣшъ s. v. Lalande*.

о „небесныхъ“: онъ даже нападалъ на ревнителей религии за то, что они пренебрегаютъ или безсильны творить чудеса ¹⁾.

Мораль Сень-Мартена столько же туманна. Нравственное совершенствование сопутствуетъ, по его понятіямъ, возвышенію въ высокіи спиритуальныя сферы. Сень-Мартенъ не даетъ никакого опредѣленнаго нравственнаго кодекса; его не было и въ лекціяхъ о морали, читанныхъ имъ въ 1774 году въ лонской ложѣ благотворительности. Мораль его стоитъ вообще на религіозно-мистическомъ основаніи: какъ человеку нечего искать знанія въ книгахъ, такъ нечего искать тамъ и правилъ морали; онъ найдеть ихъ въ самомъ себѣ, потому что онъ есть отраженіе высшаго Начала, и руководствомъ долженъ служить ему внутренній свѣтъ. Человекъ не долженъ забывать своего высокаго человеческаго достоинства, долженъ стараться, чтобы и другіе также уважали его: любовь къ ближнему является сохраненіемъ чистоты самого Начала, которое оживотворяетъ человека.

Вотъ образчикъ мистицизма, который одно время былъ великимъ авторитетомъ для нашего масонства. Мистическія идеи шли къ намъ вообще широкой струей, разными путями: черезъ прямое посредство ложъ, черезъ личныя сношенія и путемъ литературы. Теперь еще трудно сказать, насколько Сень-Мартенъ имѣлъ вліяніе на наше масонство черезъ пропаганду ложъ, принимавшихъ его взгляды; но личное вліяніе его не подлежитъ сомнѣнію, а тѣмъ больше вліяніе литературное. Книга его произвела большое впечатлѣніе въ мистическихъ кружкахъ, и наши масоны не даромъ, конечно, получили названіе мартинистовъ. Въ біографіи Сень-Мартена мы находимъ нѣсколько русскихъ именъ въ числѣ его друзей. Особенный другъ и почитатель его былъ князь Алексѣй Голицынъ; дагте упоминаются Воронцовъ, Кошелевъ, Зиновьевъ, Скавронскій, гр. Разумовскій и др.

¹⁾ Matter, p. 182. О наукѣ онъ говорить такъ: „C'est mâcher à vide que de courir après la matière. J'ai vu (1) les sciences fausses du monde, et j'ai vu pourquoi il ne peut rien comprendre à la vérité: elles ne mettent en jeu que les facultés inférieures. Pour les sciences humaines, il ne faut que de l'esprit: elles ne demandent pas d'âme; tandis que pour les sciences divines il ne faut point d'esprit, parce que l'âme les engendre toutes“. Ibid. p. 417.

Между ними Сень-Мартенъ находилъ людей, способныхъ пониматься до его возвышенныхъ умозрѣній, какъ напр., Воронцовъ. Съ однимъ изъ Репниныхъ, вѣроятно, съ фельд-маршаломъ, Сень-Мартенъ былъ въ перепискѣ ¹⁾.

Мы видѣли выше, что книга Сень-Мартена нашла великаго поклонника въ тогдѣшнемъ Великомъ Мастерѣ русскихъ ложъ, Елагинѣ, который принялся за ея истолкованіе для „братевъ“. Но въ особенности названіе „мартинистовъ“ присоединялось къ масонамъ новиковскаго крута ²⁾, вѣроятно потому, что книга Сень-Мартена и у нихъ пользовалась авторитетомъ. Ими же она была переведена и на русскій языкъ. Названіе „мартинистовъ“ такъ и осталось специально за ними, хотя въ 80-хъ годахъ ихъ, собственно говоря, уже нѣльзя было называть мартинистами: ихъ мнѣніи о Сень-Мартенѣ измѣнились. Впоследствии наши масоны отзываются даже какъ будто свысока о книгѣ Сень-Мартена. Такъ, кн. Трубецкой въ письмѣ къ Ржевскому, въ 1783 г., насмѣхаясь надъ хвастовствомъ масона Рибаса, который хвалился, что знаетъ „внутреннія познанія ордена“, — говорить: „видно, что для него природа скачокъ стѣла, и, поступая вездѣ постепенно, его, яко избраннаго изъ всѣхъ смертныхъ, видутъ учинила совершеннымъ; нѣтъ... Когда же онъ называетъ познаніемъ (этихъ внутреннихъ орденовскихъ тайнъ) размышленія и толкованія іероглифовъ, подобно книгѣ Des Etrangers et de la Verité, я вѣдь скоро изобиліе такихъ толкованій доставлю; и кто, подобно Рибасу, думаетъ, что онъ по опыту имѣетъ внутреннія познанія, тотъ уподобляется мальчику, начертившему изъ Вобана чертёжъ и потому воображающему быть уже инженеромъ“ ³⁾. Въ это время московскіе масоны полагали себя уже гораздо дальше мистики Сень-Мартена, потому что вступили въ настоящій „внутренній орденъ“, т. е. въ

¹⁾ См. Matter, стр. 134 и слѣд.

²⁾ По-французски названіе „les martinistes“ очень неопредѣленно и, кажется, больше относится къ послѣдователямъ учителя Сень-Мартена въ мистицизмѣ, Мартинеса Паскалиса, и только послѣ приложеніе было къ почитателямъ Сень-Мартена, который собственно не основывалъ никакой особой секты. Ср. Matter, стр. 71.

³⁾ Шевск. Сочин. III, 535.

розенкрейперство, гдѣ, по ихъ убѣжденію, и заключались высшія теоретическія и практическія таинства ордена, наставлявшія отъ Адама и патриарховъ.

ГЛАВА X.

Розенкрейперство.—Его начало; возобновленіе въ концѣ XVIII-го вѣка въ Германіи; введеніе его въ Москву.

Розенкрейперство была послѣдняя форма масонскаго мистицизма, на которой остановились московскій кружокъ. Розенкрейперствомъ завершилось исканіе „истиннаго масонства“, такъ долго занимавшее московскихъ масоновъ, и на немъ Новиковъ, повидимому, остановился окончательно. По своему внѣшнему отношенію къ масонству, розенкрейперство было однимъ изъ тѣхъ наростовъ, которые прилагали къ масонству въ XVIII-мъ столѣтіи и вносили въ него свои собственные тенденціи, употребляли для этого новыя прибавочныя степеніи. Новыя степеніи и выдавались обыкновенно за настоящую масонскую тайну; онѣ возбуждали любопытство, привлекали прозелитовъ, а также открывали путь для тѣхъ интригъ и обмана, которые бывали ихъ дѣлюю. Въ низшихъ степеняхъ розенкрейперство сохранило обычное масонское содержаніе, — настоящее дѣло заключалось въ дальнѣйшихъ степеняхъ.

Розенкрейперство есть одно изъ тѣхъ фантастическихъ произведеній мистицизма, которыми такъ богаты были XVII-е и XVIII-е столѣтія¹⁾. Первое появленіе этого имени отно-

¹⁾ Исторія розенкрейперства до сихъ поръ еще обстоятельно не разъяснена; главные данныя можно найти въ слѣдующихъ книгахъ: Missiv an die Bruderschaft des Ordens des Goldenen und Rosenkreutzes, Leipz. 1783 (здесь списокъ розенкрейперскихъ книгъ 1614—1783 г.). — Les plus secrets mystères des hauts grades de la Maçonnerie dévoilés, ou le parait Rose-croix, trad. de l'anglais, Jérusalem (Orléans), 1768; — *Semler's Sammlungen zur Historie des Rosenkreutzes*, Leipz. 1786—88; — *Vuhle, Ueber Ursprung und die vornehmsten Schicksale der Freimaurer und Rosenkreutze*, Gött. 1804; — *F. Nicolai, Einige Bemerkungen über den Ursprung und die Geschichte der Rosenkreutze und Freymaurer* (по поводу книги Byne), Berlin u. Stettin 1806; — *Die beiden Hauptschriften der Ros., die Fama u. die Confession, kritisch gerührter Text etc.* Frankfurt. 1827; — изслѣдованіе Г у-

силь къ 1614 году, — но только имени, потому что собственно розенкрейперство явилось тогда только какъ проектъ общества. Авторомъ этого проекта былъ Валентинъ Андреа. Среди религіозныхъ и политическихъ смутъ начала XVIII-го вѣка онъ, какъ говоритъ, возымѣлъ мысль объ обществѣ, которое составилось бы для всеобщаго преобразованія и улучшенія государственныхъ и церковныхъ отношеній и воспитанія, въ противодѣйствіе гностическому мистицизму, который въ то время имѣлъ много приверженцевъ въ Германіи, и высту въ противодѣйствіе схоластической теологіи: онъ самъ хотѣлъ основываться на чистомъ ученіи Писанія. Этотъ планъ онъ изложилъ въ нѣсколькихъ книгахъ¹⁾, и въ одной изъ нихъ разсказана слѣдующая исторія. Христіанъ Розенкрейцъ, къ имени котораго приязана вся исторія этого общества (Розенкрейцъ, т. е. истинный христіанинъ съ его радостями и страданіями въ жизни, изображаемыми Розой и Крестомъ), родившійся будто бы въ 1388 г., былъ молодой дворянинъ, который, оставивши свой монастырь, отправился въ святую землю и затѣмъ въ Дамаскъ, Египтъ и Фецъ узналъ таинства физики, математики и магіи. Возвратившись въ Германію, онъ построилъ себѣ прекрасный домъ (*domus Secreti Spiritus*), и для основанія братства Розы и Креста выбралъ себѣ трехъ друзей изъ прежняго монастыря, съ которыми онъ и хотѣлъ начать трудъ своей міровой реформы; затѣмъ онъ выбралъ еще четырехъ, которые, получивши должныя наставленія, отправились трудиться для той же цѣли на дѣль. Члены общества должны были собираться разъ въ годъ въ домъ общества для отчета о своей дѣятельности; каждый долженъ былъ при жизни выбрать себѣ преемника; въ теченіе ста лѣтъ общество должно было сохраниться въ тайнѣ. Въ награду за участіе въ дѣлѣ общаго обладанія высшими знаніями и, при нравственно чистой жизни, безоботѣзан-

пауэра о Фаме и пр. въ *Niedner's Zeitschrift für historische Theologie*, N. F. 1852, стр. 298—302 [*Wolfstieg*, № 42234]. — *F. Bauer, Freimaurer, Jesuiten, Illuminaten*, Berl. 1863.

¹⁾ Это были: *Fama Fraternitatis R. C. oder Bruderschaft des hochlöblichen Ordens des R. C.*, Kassel. 1614; *Confession und Bekundnis der Societät und Bruderschaft R. C.*, ib. 1615; *Chymische Hochzeit des Christian Rosenkreutzes* (напис. 1603), 1616.

ность, смерть и мѣсто погребенія должны были быть скры-
ваемы. Общество существовало сто двадцать лѣтъ подъ
управленіемъ Христіана и его преемниковъ, и постѣ того
въ домѣ общества найдена была могила Розенкрейца съ
различными мистическими фигурами и предметами и съ
книгами, заключавшими въ себѣ таинства ордена. Андреа
приглашалъ ученыхъ изслѣдовать правила братства, а го-
сударей и подданныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, призывалъ
вступать въ него: въ церковномъ отношеніи для этого
нужно было признаніе евангельскаго Христа и принятіе
двухъ таинствъ, въ политическомъ — признаніе нѣмечкой
Римской имперіи; дѣланіе золота, считавшееся высшей за-
дачей тайной философіи, здѣсь отклонялось на томъ осно-
ваніи, что братство, хотя и могло дѣлать золота, но могло
схѣщать много другихъ вещей, гораздо лучшихъ.

Итакъ, исторія Розенкрейца есть просто романъ, въ
которомъ Андреа хотѣлъ изложить свои задушевные стре-
мленія. Этой исторіи другіе приписываютъ только чисто
сатирическое значеніе. Валентинъ Андреа былъ уважаемый
писатель своего времени, духовный поэтъ и сатирикъ. Въ
религіозномъ настроеніи, которое диктовало его фантазіи
о братствѣ Розы и Креста, священнымъ предметомъ его
стремленій было практическое христіанство и нравственное
улучшеніе общества; вездѣ, гдѣ можно, онъ устраивалъ
благотворительныя общества и учрежденія; его идеаломъ
была строгая нравственная дисциплина женевакаго калви-
низма¹⁾. Сатира противъ безпощадныхъ умствованій теосо-
фовъ и схоластической теологіи наполняетъ всю его писа-
тельную дѣятельность. Его книги о розенкрейцерахъ имѣли
странную судьбу: читатели, возбужденные религіозными во-
просами и пріученные къ теософской таинственности, при-
няли фантазію Андреа за дѣйствительно существующій ор-
денъ, который и произвелъ разнообразныя толки: одни воз-
ставили противъ него, другіе увлеклись характеромъ но-
ваго братства и желали быть его членами, напр., алхимисты
Майеръ, Шнеберъ, англійскій мистикъ Флольдъ и др. Андреа

¹⁾ Онъ говорить въ своей біографіи, что къ этой нравственной дис-
циплинѣ „онъ будеть стремиться всю свою жизнь, и что онъ употре-
блялъ всѣ усилія къ тому, чтобы ввести нѣчто подобное въ свою цер-
ковь“—онъ самъ былъ тогда лютеранинъ (Nicolai, стр. 33. Англ.).

издалъ потомъ нѣсколько сочиненій, въ которыхъ старался
разъяснить дѣло, но впечатлѣніе было уже произведено.
Разные значительные люди вступили въ сношенія съ Андреа,
чтобы дѣйствительно основать орденъ¹⁾, чему, однако, по-
мѣшали тревоги зотитѣйшей войны. Тѣмъ не менѣе, ми-
стики и алхимисты овладѣли планомъ Андреа, и съ 1622 г.
развѣтвленіями въ Германіи, Голландіи, даже Италіи. Члены
его именовались истинными розенкрейцерами, называли
основателемъ своего ордена Христіана Розе, въ своихъ со-
бранияхъ надѣвали голубую орденскую ленту съ золотымъ
крестомъ и розой. Исторія этихъ розенкрейцеровъ еще
мало опредѣлена; несомнѣнно, что въ ихъ обществѣ пріобрѣ-
таютъ господство идеи полнаго мистицизма и алхиміи.

Этому розенкрейцерову XVIII вѣка принадлежить цѣ-
лая обширная литература, нѣмецкая, англійская и француз-
ская, литература теософіи, алхиміи и магіи. Въ ней пода-
валось несомнѣннымъ существованіе таинственнаго брат-
ства, разсказывались удивительныя исторіи объ ихъ зна-
ніяхъ, о повлеченіи между людьми и т. д. Все это разска-
зывалось съ полнымъ убѣжденіемъ; указывались мѣста,
лица, видныя удивительныхъ, незнакомцевъ, которыми ока-
зывалось по нѣскольку сотъ лѣтъ, которые вкладывали богат-
ствами, неизвѣстно откуда происшедшими, вкладывали сверх-
естественными знаніями, и потомъ исчезали такъ же таин-
ственно, какъ появлялись. О нѣкоторыхъ алхимикахъ гово-
рили, что они принадлежали къ ордену и знали его тайны.
Вослѣдствіи всѣ эти исторіи и эти теософско-алхимическія
книги розенкрейцеровъ были приняты ихъ новѣйшими про-
должателями, какъ преданія ихъ ордена²⁾.

¹⁾ Въ энцикл., стр. Theosophes, говорится о розенкрейцерахъ: „Les
chevelles qu'ils disoient d'eux, leur attachèrent beaucoup de sectateurs, les
uns fourbes, les autres dures. Leur société peraltant par toute la terre
n'avoit point de centre. Descartes chercha partout des goso-
eioix, et n'en trouva point“ (XVI, 261). Энцикл. приб., однако, что
исторія ихъ стала такъ темна, что теперь (во время изд. энцикл.)
считаютъ почти прежніе рассказы о нихъ за басни.

²⁾ Позднѣйшій писатель о розенкрейцерахъ Дженингсъ (Jenning, стр.
The Rosicrucians, their Rites and Mysteries etc. London, 1870) посвящаетъ
цѣлую книгу мистической и фантастической сторонѣ розенкрейцеровъ
XVIII вѣка; онъ разсказываетъ нѣсколько чудесныхъ исторій о членахъ

Нѣкоторые историки масонства, сѣдя за исторіей этихъ розенкрейцеровъ, XVII-го вѣка, думали даже, что розенкрейцескія общества послужили началомъ самаго масонства. Новое видоизмѣненіе розенкрейцества обаяно своимъ появленіемъ тѣмъ интригамъ, которыя овладѣли нѣмецкими ложами со второй половины XVIII-го столѣтія. Трудно сказать, какими путями соединились всѣ элементы, составившіе это новое розенкрейцество, сколько было здѣсь суевѣрнаго невѣжества, легковѣрія и сознательной интриги; но не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти черты присутствовали въ его образovanіи. Оно появилось въ 1756—1768 г., началась въ южной Германіи (гнѣздъ іезуитства), выдавая свой орденъ за высшія степени масонства и утверждая, что настоящая глубокая тайна масонства именно заключается въ той теософіи, алхиміи и магіи, которыя открываются въ высшихъ розенкрейцескихъ степеняхъ. Въ Германіи ревностнымъ дѣятелемъ его былъ Лейпцигскій шарлатанъ Шрепферъ, фокусникъ вродѣ Каліостро, довольно долго морочившій свою публику вызываніемъ духовъ и постъ нѣ въ которыхъ неудачъ кончившій жизнь самоубійствомъ, но въ особенности Вѣдльнеръ, восторжествій прусскій министръ. Подъ вліяніемъ послѣдняго, розенкрейцество утвердилось въ берлинской ложѣ „Треухъ Глоубсовъ“, гдѣ сначала алхимическія и теософскія таинства ограничивались, повидимому, только теоріей, посвященіемъ въ „теоретическіе братья“ или „теоретическій градусъ“, но потомъ на этомъ градусѣ основана была цѣлая алхимическая и магическая іерархія (Juniors, Theoretici, Practici, Philosophi, Minors, Majores, Adepti Exempti, Magistri и Magi). Вѣдльнеръ, мистикъ и ханжа, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ лицъ ордена: онъ усердно занимался каббалистикой и магіей и этикъ прельщать лековѣрнаго Фердинанда Брауншвейгскаго. Другой алхимикъ и розенкрейцерь подобнаго свойства, Бишофвердеръ, довѣль шарлатанство до послѣдняго безстыдства.

этого общества, какъ имъ вѣрили въ XVII-мъ столѣтіи, — склонень на ходить глубокомысленную философію въ ихъ алхимической символикѣ, которую старается даже (въ отдаленныхъ примѣрахъ) разъяснить съ помощью новѣйшихъ изслѣдованій.—Но Дженингсъ нисколько не кажется чисто исторической стороны предмета,—именно происхожденія самаго ордена и его ученій.

Іог. Кристофъ Вѣдльнеръ (въ тапмлерствѣ eques a subo) (1732—1800) началъ свое поприще предикаторомъ въ небольшомъ мѣстечкѣ близъ Берлина и подлѣ коней былъ государственнымъ министромъ и министромъ духовныхъ дѣлъ при Фридрихъ-Вильгельмѣ II. Его историческая репутація самая незавидная: это былъ обскурантъ, своимъ „диктаторомъ религіи“ и введеніемъ цензуры уничтожившій терпимость и просвѣтительныя стремленія Фридриха Великаго. Его время было временемъ гоненія противъ всякой живой мысли его гоненію, между прочимъ, пошлалъ и Кантъ. Его роль въ придворной сферѣ была крайне сомнительная, его союзниками были люди положительно дурные, и, дѣйствія его не оправдываются тѣмъ обстоятельствомъ, что въ своихъ розенкрейцескихъ фантазіяхъ онъ былъ, какъ говорятъ, искрененъ, т. е. дѣйствительно вѣрилъ во всѣ тѣ негѣности, какія проповѣдывалъ¹⁾. Такъ, онъ вѣрилъ въ шарлатанскіе обманы масонскаго авантюриста Гугомоса на Висбаденскомъ конвентѣ въ 1776 г., вѣрилъ въ рассказы о духовидѣнійхъ и волшебной бутылкѣ другого шарлатана, Йосса, занимался самъ магіей и вызываніемъ духовъ, что мало рекомендуетъ и его здравый смыслъ, и государственныя способности.

Его достойнымъ со товарищемъ былъ Бишофвердеръ (1741—1803), сначала саксонскій камергеръ и штатмейстеръ принца Карла курляндскаго, потомъ офицеръ прусской службы при Фридрихѣ II, довѣренный человѣкъ наслѣднаго принца, а при Фридрихъ-Вильгельмѣ II—военный министръ. Какъ и Вѣдльнеръ, онъ принадлежалъ къ системѣ „Стратато Наблюденія“ (гдѣ назывался eques a guruho), но не удовлетворился ею и искалъ въ масонствѣ алхиміи и магіи. Когда Шрепферъ показывать свое искусство въ Лейпцигѣ Карлъ курляндскій послалъ Бишофвердера испытать это искусство; но посланный сдѣлался однимъ изъ ревностныхъ приверженцевъ этого обманщика, въ котораго совершенно увѣровалъ. Когда Шрепферъ застрѣлился, Бишофвердеръ привязался такимъ же образомъ къ его преемнику Фрейху, потомъ къ Гугомосу; этотъ послѣдній выдавалъ себя за единственно знакомаго подлиннаго таинства тапмлерскаго ордена, и Бишофвердеръ собирался сопровождать Гуго-

¹⁾ См. отзывъ Финделя, Ист. фр-мас., т. I, стр. 241.

моса въ его путешествіи на островъ Кипръ, гдѣ будто бы жилъ настоящий гроссмейстеръ ордена. Но Гугомось предпочелъ бѣжать, потому что другіе члены Висбаденскаго соборанія успѣли понять его продѣлки. Алхимія и магія Бишофсвердера кончилась приготовленіемъ возбуждающихъ средствъ и вызываніемъ духовъ; тѣмъ и другимъ онъ эксплуатировалъ своего короля.

Въ исторіи новиковскаго кружка упоминается, въ числѣ зараначныхъ братьевъ, нѣкто Дю-Боскъ ¹⁾. Это былъ Францъ Дю-Боскъ, игравшій важную роль въ берлинскомъ розенкрейцествѣ, купецъ, саксонскій камерратъ, членъ тап-піерской системы и основатель ложи въ Лейпцигѣ. Въ тап-піерствѣ онъ носилъ имъ eques ab arbone fugifera и принадлежалъ къ числу наиболѣе влиятельныхъ членовъ его. Въ Лейпцигѣ онъ былъ, между прочимъ, въ связяхъ съ тѣмъ же Шрепферомъ, которому давалъ деньги, кажутся, въ ожиданіи вознагражденія отъ его алхимическихъ предприятий. Въсплывшій, по вступленіи на престолъ Фридриха Вильгельма II, Дю-Боскъ переселился въ Берлинъ, гдѣ и игралъ значительную роль въ розенкрейцерскихъ дѣлахъ. По показаніямъ Трубенкова, съ Дю-Боскомъ имѣлъ сношенія въ Берлинѣ Кутузовъ, который былъ посредникомъ въ перепискѣ Трубенкова съ орденоскими властями.

Баронъ Шрёдеръ, принадлежавшій къ интимному кругу московскихъ розенкрейцеровъ, считается у нѣмецкихъ историковъ авантюристомъ сомнительнаго свойства. Шрёдеръ одно время жилъ въ Варшавѣ, гдѣ управлялъ масонскою ложей, потомъ, въ 1773 г. отправился въ Гамбургъ, и, наконецъ, сдѣлался агентомъ розенкрейцеровъ въ Москвѣ. По смерти Шварца, онъ сталъ, какъ извѣстно, начальникомъ московскаго розенкрейцества, подъ именемъ Sacerdos. Въсплывшій онъ возсталъ въ Берлинѣ противъ розенкрейцества и вызвалъ сдѣланіе или прекращеніе работъ. Нѣмецкіе историки рассказываютъ анекдотъ, что, когда заболѣлъ Шварцъ, то Шрёдеръ посылалъ на курьерскихъ въ Берлинъ, чтобы достать отъ Вёльтнера розенкрейцерское универсальное лекарство, и получить его, но оно пришло уже

поздно; потомъ оказалось, что доза лекарства была бы смертельна. По нашимъ извѣстіямъ Шрёдеръ побѣхалъ въ Берлинъ уже только по смерти Шварца, для извѣщенія орденоскихъ властей; и если этотъ анекдотъ не достовѣренъ фактически, то онъ все-таки характеристиченъ, потому что былъ совершенно возможенъ ¹⁾.

По смерти Фридриха Великаго (1786), Вёльтнеръ и Бишофсвердеръ, оба эти дѣтели "Соломоновыхъ наукъ", сдѣлались министрами и въѣхъ съ г-жей Рипъ (графиней Лихтенау), которой они были кліентами, играли самую позорную роль въ исторіи прусскаго двора и прусской политики.

Розенкрейцество, на ряду съ другими подобными явленіями, вызвало въ людяхъ разсудительныхъ живѣйшія опасенія и противодѣйствіе. Берлинскіе просвѣтители (Николаи и его друзья) видѣли въ розенкрейцествѣ положительно интригу, въ "тайныхъ начальникахъ" ордена, въ строю "повиновеній", которое требовалось отъ его членовъ, находили признаки іезуитства. Позднѣйшій писатель, выполнѣ компетентный для внутренней исторіи нѣмецкаго общества, говорить объ этихъ мнѣніяхъ такъ: "Что Николаи и его друзья были вообще правы въ своихъ опасеніяхъ относительно тайнаго проникновенія папизма, это достаточно доказали наступившія вскорѣ времена романтиковъ. Что они были правы въ частности, когда утверждали продолжающееся втихомолку существованіе іезуитовъ и ихъ большое вліяніе на тайные ордены, а черезъ нихъ дальше, и когда они опасались нѣкаго помраченія умовъ даже въ протестантскихъ странахъ, — это доказали реакціи іезуитовъ на югъ Германіи и успѣхи розенкрейцества въ Берлинѣ, тотчасъ по смерти великаго короля (Фридриха II), — успѣхи, послѣдствія которыхъ Николаи пришлось испытать на самомъ себѣ. Люди, какъ Броннеръ, хорошо знавшій положеніе вещей на югѣ и совершенно посвященный, какъ Форстеръ, который самъ участвовалъ въ розенкрейцествѣ на сѣверѣ — это такіе свидѣтели, голосъ которыхъ въ особенности заслуживаетъ вниманія. Послѣдній тѣмъ болѣе, что сначала совершенно враждебно относился къ "просвѣщенію" и къ

¹⁾ Zeitschr. für Freim. Altenb. 1825, стр. 243. Neueste Zeitschr. für Freim. 1841, 270—271. Тамъ же и о Бишофсвердерѣ.

¹⁾ См. Handb. I, 111, 124; III, 202, 483.

Николаи... А Форстеръ, какъ будто противъ воли, признавалъ, что берлинскіе просвѣтители, т. е. Николаи и его друзья, не безъ основанія чули здѣсь интриги папизма¹⁾. Самъ Николаи, впоследствии, когда можно было свободнѣе и яснѣе говорить о тогдашнихъ временахъ, такъ разсказываетъ объ общественномъ положеніи розенкрейцества.

... Въ то время въ Германіи и, особенно, въ Берлинѣ, пустилъ корни и такъ называемый орденъ Златорозоваго Креста, когда наскучили маскирады тамплиерства... Но въ это этого шутовства, здѣсь люди еще болѣе вреднымъ образомъ попались въ руки „неизвѣстныхъ начальниковъ“, черезъ посредство системы розенкрейцества; потому что эта система (какъ и всякое дѣло ловкихъ „неизвѣстныхъ начальниковъ“) въ концѣ концовъ совпадала съ тамплиерствомъ въ своей высшей степени, именно—въ *мистическомъ меркантилизмѣ*. Правда, я тогда еще не зналъ подлиннаго происхожденія, обширнаго распространенія и могущества шарлатанскаго ордена розенкрейцеровъ; я еще не видѣлъ съ точностью, какъ онъ могъ распространить столько свою силу посредствомъ невѣроятно послѣдовательной связи всѣхъ его частей: впоследствии, я достаточно узналъ все это, чтобы возненавидѣть этотъ столько же хитропридуманный, сколько наглый обманъ (*bübische Betügeren*), болѣе, чѣмъ какое-нибудь другое тайное общество, рожденное изъ нѣдръ, „неизвѣстныхъ начальниковъ“. Но я и тогда уже имѣлъ случай столько узнать объ этомъ орденѣ, что могъ видѣть, что черезъ него, кромѣ раздора и ненависти, распространялись также суевѣріе, теософія, магія, духовидѣніе, католицизмъ и алхимія. Въ особенности распространялась также и нелѣпая вѣра въ крайне древнее происхожденіе ордена.

Уже съ 1783 года, многія лица дѣлали предложенія о близкой смерти Фридриха Великаго и по этому поволу строились различные проекты. Директоры розенкрейцерскихъ кружковъ въ Берлинѣ довольно ясно высказывались въ дружелюбномъ обществѣ, какое вліяніе ихъ орденъ получить при новомъ правительствѣ, не только черезъ уничтоженіе всякаго, отъ нихъ не зависимаго, масонства, но и относительно многихъ предметовъ въ государствѣ. Люди,

¹⁾ Gerwinus, Gesch. der deutscher Dichtung, 4-e изд. V, 251, 275.

знавшие положеніе дѣла, легко могли видѣть возможность такого результата, а послѣдующее время показало также нѣсколько и дѣйствительность, въ особенности же обширные ядла „неизвѣстныхъ начальниковъ“¹⁾.

Въ это послѣдующее время Вёлльнеръ и Бишофвердеръ сдѣлались при новомъ правительствѣ министрами. Чтобы показать, чѣмъ было на практикѣ это прусское розенкрейцество, которое грозило пріобрѣсти у насъ вліяніе, мы приведемъ нѣкоторые подробности словами также близкаго свидѣтеля Шюссера:

„Старый прусскій король умеръ 17-го августа 1786 года; его наслѣдникъ, Фридрихъ-Вильгельмъ II, по своей природѣ, вслѣдствіе соблазновъ и воспитанія, уже весьма рано упалъ также глубоко, какъ Людовикъ XV упалъ только въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Онъ, какъ Людовикъ XV и какъ многіе мужнины и женщины, преданные чувственной любви, былъ весьма приверженъ, какъ говорится, къ церкви. При этомъ, онъ былъ во власти своихъ любовницъ и ихъ родственниковъ, а такіе люди, какъ Бишофвердеръ и Вёлльнеръ, фанатики, мистики и ханжи, мистифицировали его для своихъ цѣлей... Вёлльнеръ, Бишофвердеръ, Рипцъ и сообщники ихъ никому, кромѣ своихъ креатуръ, не давали хода... Дочь вальторниста Энке, которую король объявлялъ съ своимъ камергеромъ Рипцомъ, исполняла такіе же дѣла, какъ Помпадуръ, обязанностью которой было, какъ извѣстно, заботиться о Людовикѣ XV-мъ, какъ только она одна то умѣла. Рипцъ сдѣлалась главнымъ лицомъ въ государствѣ, и что тамъ творилось, какую роль играла она подъ именемъ графини Лихтенау,—она разсказываетъ намъ устами своего защитника. Книга, ею продиктованная, низкая и безстыдная, наполненная отвратительными и подлыми документами, издана въ настоящемъ столѣтіи (*Arologie der Gräfin Lichtenau. Leipzig. 1808.*)...“

Въ это время (въ 90-хъ годахъ) царствованіе Фридриха-Вильгельма походило на конецъ царствованія Людовика XV, прусскій король, такъ же какъ и Людовикъ, надѣялся примириться съ Богомъ за прегрѣшенія плоти—слѣпою вѣрою и дикимъ мистицизмомъ. Вёлльнеръ, который сначала хотѣ

Jude

¹⁾ Nicolai, Einige Bemerk. стр. 10, 12.

по надужности долженъ былъ сдерживаться, потому что король не хотѣлъ точься высказаться реакціонеромъ, окружилъ себя тошпой слѣпо вѣрующихъ, издалъ, такъ называемый религиозный эдиктъ и неистовствовалъ противъ рационализма... Если бы кто захотѣлъ писать скандальную хронику или сатиру вмѣсто исторіи, то прусская исторія вѣмени Фридриха-Вильгельма II представила бы для этого такой-же богатый матеріалъ, какъ и исторія Людовика XV... Одни письма Мирабо содержатъ въ себѣ значительный запасъ сплетенъ, истинныхъ и ложныхъ; а послѣ 1806 года появились, какъ извѣстно, цѣлая библіотека сочиненій о прусской придворной исторіи. Уже общезнавшіе рассказы о ежедневной жизни короля, слабыхъ отъ чувственности и фантазіи, и поэтому обладаемаго суевѣріемъ и мистицизмомъ, достоянію сообразительныхъ тайныхъ исторіи скандаляровъ того времени заняла бы многіе томы¹⁾. Со вступленіемъ на престолъ Фридриха-Вильгельма III (въ 1797 г.), когда, по словамъ Шлоссера, „произвошла благодѣтельная перемѣна при дворѣ и въ частныхъ дѣлахъ королевской фамилии, потому-что король и его супруга были образцами семейныхъ добродѣтелей и истинной религиозности“ (т. VI, стр. 101), достойная графиня и Бишофсвердеръ должны были немедленно оставить Берлинъ, вскорѣ за ними уламентъ былъ и Вейльнеръ. Розенкрейцество кончилось.

¹⁾ Шлоссеръ, *Исторія XVIII-го стол.*, т. IV (по русск. перев.), стр. 360—375 а также т. V.—Финдель, стр. 290—297 рассказываетъ эти частныя подробности о розенкрейцерахъ съ нѣкоторыми вариациями. Бишофсвердеръ hatte sich dem König, während dieser noch Kronprinz war, durch Vereitung künstlicher Stimulationen, der sogenannten Diabolini, ineffectuell beizugehen zu machen gewusst und ihn tief in die Netze mystischer Ordensgabeln (т. е. Розенкрейцества) verstrickt, so tief, dass er und seine Creaturen es unbedenklich wagen durften, die Majestät mit dem handgreiflichsten Betrug von Geistesbeschwörungen zu täuschen und zu ängstigen. Es existiert eine Erzählung aus dem Munde der Gräfin Lichteneau, wodurch wir erfahren, dass Friedrich-Wilhelm durch eine solche mit der phantastischen Täuschenspielerei veranstellte Geistesregitation, wobei man ihn Marie Antoinette und den grossen Kurfürsten sehen liess, in die lächerlichste Todesangst versetzt wurde“. F. Schlegel, *Deutsche Kulturgesch.* 2-oe изд., стр. 425.

Такова была настоящая сущность и практическая общественная дѣятельность мистической школы, у которой думало лишь конецъ изучаться масонство новиковскаго кружка. Мы не будемъ входить въ дальнѣйшія подробности о другихъ видоизмѣненіяхъ европейскаго мистицизма, проникшаго въ наши ложи,—изъ сказаннаго нами уже достаточно ясно, какого рода тенденціи прозяли овладѣть нашимъ масонствомъ, подобно тому, какъ онѣ овладѣли масонскими ложами въ Европѣ. Наше масонство было очень воспримчиво ко всякимъ подобнымъ влияніямъ; мы видѣли, что въ немъ, принимались самыя разнообразныя системы: англійская, шведская, французская, разныя нѣмецкія,—и хотя не всѣ могли утвердиться прочно и нѣкоторые, послѣ извѣстной критики, положительно отвергались, но всѣ могли оставить слѣды своего присутствія. Въ орденѣ были люди, крайне преданные его интересамъ—мы называли циннендорфиста Рейхеля, розенкрейцера Шварца, князя Репнина и др.; московскіе мистики имѣли даже постояннаго делегата при очагѣ розенкрейцества, и этотъ делегатъ, Кутузовъ, былъ можетъ, слѣдился бы іерофантомъ новыхъ мистерій, если бы смерть не унесла его. Не безъ влияния должны были оставаться и странствующие искатели истиннаго масонства, и любители мистики, какъ кн. Репнинъ, Голицынъ, Воронцовъ, Строгановъ и т. д. Очень вѣроятно, что этими путями должно было переходить къ намъ много разнообразныхъ мистическихъ воззрѣній, и наши масоны должны были познаться съ обширнымъ запасомъ мистическихъ идей и книгъ, въ которыхъ имъ указывали истинную мудрость. Мы увидимъ дальше, что запасъ, въ самомъ дѣлѣ, представлялся огромнымъ. Распространеніе масонскихъ идей въ русскомъ обществѣ пошло двумя путями—посредствомъ ложъ и литературнымъ образомъ. Въ то время, какъ масонскіе секреты могли распространяться только въ ограниченномъ средѣ избранныхъ и испытанныхъ людей, путемъ посвященій—литературная пропаганда могла дѣйствовать на всю массу общества, подготавливая его къ настоящему тайнамъ. Предпримчивость и ревность Новикова явились средствомъ для дѣйствія на общество въ духѣ масонства.

До какихъ же размѣровъ шелъ мистицизмъ Новикова и особенно его крайняя форма—розенкрейцество? Мы, ка-

жестя, имѣемъ возможность сказать, что этотъ мистицизмъ не дошелъ до своихъ послѣднихъ предѣловъ, какъ это было въ западныхъ мистическихъ сектахъ и ложахъ; наше розенкрейцество остановилось, сколько мы знаемъ, на первыхъ степеняхъ. Прямое показаніе Новикова говорить слѣдующее: „О дѣланіи золота, исканіи камня философскаго и прочихъ химическихъ практическихъ работахъ предписанныхъ, во взятыхъ бумагахъ, хотя и находится тамъ; но какъ изъ насъ не было никого еще, кто бы практическое откровеніе сихъ работъ зналъ, то посему всѣ предписанія и оставались безъ всякаго исполненія. Предъ отъѣздомъ же Кутузова изъ Берлина сказано было; о чемъ въ показаніяхъ моихъ не упомяну въ которыхъ мѣстахъ упомянуто, что Кутузовъ въ Берлинѣ будетъ наученъ и наставленъ между прочимъ и въ практическихъ химическихъ работахъ; но исполнилось ли сіе обещаніе или нѣтъ, не знаю, а слышалъ я отъ князя Трубецкаго, что Кутузовъ писалъ къ нему, что онъ упражнялся въ практическихъ работахъ“ (Лонг, стр. 1015). Въ магійи и кабалѣ и не могли изъ насъ никто упражняться, какъ то по бумагамъ видно, находись въ нижнихъ только еще графусахъ, и мнѣ о сихъ наукахъ, кромѣ названія ихъ не извѣстно. А въ химіи должны были мы уже упражняться, но не начинали и по неохотѣ, и потому, что ни первыхъ основаній показать намъ было еще не кому“ (тамъ же, стр. 1012). Это показаніе едва ли можно заподозривать, потому что послѣ смерти Шварца, послѣ удавленія Шрёдера, при отсутствіи Кутузова, до самой смерти остававшагося за границей, не было, кажется, никакихъ прямыхъ связей, черезъ которые новиковскій кружокъ могъ бы получить дальнѣйшія практическія степени розенкрейцества. Новиковъ и его друзья, вѣроятно, и не покушались дѣлать этого и искать философскаго камня: онъ избавился отъ этихъ послѣднихъ негѣпостей,—хотя, по всему видно, считалъ ихъ возможными. Тоже впечатлѣніе оставляютъ показанія Трубецкаго, Лопухина и Тургенева. Лопухинъ признается относительно „философскаго дѣла, о которомъ говорится въ герметическихъ книгахъ“, т. е. относительно алхиміи и магійи, что „дѣла сего онъ никогда не опровергалъ, не имѣя довольно разума доказать себѣ невозможность онаго“... Но если оно возможно, думалъ я (прибав-

ляеть къ этому Лопухинъ), не отрицая сей возможности по мнѣнію о безнѣ и непоколебимости всѣхъ сокрывшихъ божественной премудрости твореній ея (sic), то и сіе дѣло бесполезное быть не можетъ“ (Лонг. 1030). Эта грамматически темная фраза едва ли не выражаетъ темноты самой мысли Лопухина объ этихъ вещахъ, отъ Лопухина въ этомъ отношеніи не отличались, вѣроятно, и другіе. Впослѣдствіи, въ „Духовномъ Рыцарѣ“, Лопухинъ относитъ къ „антихристовой церкви“ тѣхъ „духовныхъ сластолюбцевъ“, которые „прилежатъ къ тайнымъ наукамъ не по любви къ истинѣ, но для удовлетворенія самолюбію своему“, которые „пригильются къ златодѣланію, къ продолженію грѣховной своей жизни, къ упражненіямъ въ буквяхъ теософій, кабалы, алхиміи“, и пр.,—изъ чего прямо слѣдуетъ, что къ этой антихристовой церкви онъ не причислялъ тѣхъ, кто занимался подобными вещами не для удовлетворенія самолюбію своему, а по любви къ истинѣ: очевидно, что здѣсь говорить въ немъ воспоминанія недоученаго розенкрейцества, и что пристрастіе къ игрѣ тайными знаніями онъ скрашиваетъ аскетической „любовью къ истинѣ“,—потому что онъ тутъ же говоритъ объ истинной химіи, тайной философій, божественной алхиміи и магійи,—пустая фразеология, которая была бы просто глупа, еслибъ не находилось людей, которые дѣлали ее орудіемъ обскурантизма. А это, къ сожалѣнію, было.

Точно также, какъ мы не предполагаемъ у нашихъ розенкрейцеровъ какого-нибудь пракческаго знанія и занятій алхиміей и магіей,—кромѣ развѣ немногихъ элементарныхъ попытокъ, принадлежавшихъ ихъ низшимъ „градусамъ“,—мы не предполагаемъ, чтобы имъ извѣстна была и та гнусная закусная интрига, надъ которой работали ихъ руководители, берлинскіе розенкрейцеры. Мы не знаемъ для этого никакихъ данныхъ, и, кажется, не имѣемъ основаній заподозривать показанія всѣхъ нашихъ розенкрейцеровъ, единогласно отвергающихъ въ своемъ (т. е. московскомъ) орденѣ всякія политическія тенденціи. „Повинованіе Великому Мастеру,“—показываетъ Лопухинъ,—и откровенность ему, я и всѣ, сколько мнѣ извѣстно, благомыслище (члены) общества нашего принимали только въ смыслѣ, до науки касающемся, если же бы кто сталъ отъ меня требовать чего противнаго

моимъ обязанностямъ христіанина и вѣропопощаннаго, то я не только бы отбѣжать отъ него, какъ отъ опаснѣйшаго врага, но и открыть бы его правительству... И послѣ во всѣхъ актахъ (ордена) не видѣть ничего, которое бы могло открыть мнѣ хотя тѣнь подозрѣнія на то, чтобы оныя обѣты (розенкрейцерская присяга) учреждены были въ видѣ обращения ихъ на отношеніи политическія, и ежелибъ одну тѣнь оную примѣтить, то возмущался бы всѣмъ институтомъ, яко богопротивнымъ. Также если бы изъ членовъ оного, отъ кого-либо услышать расположеніе обращаться тѣ обѣты на такой смыслъ, то бы пожелъ его извергомъ, котораго не только удалиться, но правительству открыть должно и полезно" (Монт., стр. 130). Огъ, несомнѣнно, такъ и думалъ, до политическихъ идей наше общество еще слишкомъ далеко не доросло въ тѣ времена, и наши розенкрейцеры въ этомъ отношеніи остались, конечно, совершенными младенцами, въ сравненіи съ ихъ берлинскими наставниками. Наставники внушали имъ, покаместъ, только одно—вражду къ илгоминатамъ, о которыхъ наши масоны думали не иначе, какъ объ извергахъ рода человѣческаго. Съ официальной точки зрѣнія за это ихъ можно было бы только похвалить. Впрочемъ, мы скажемъ еще объ этомъ предметѣ, а теперь обратимся къ литературной дѣятельности новиковскаго кружка, которая подлѣ концевъ стала главнѣйшимъ орудіемъ мистическо-масонской пропаганды.

Масонство, какъ система понятій, распространялось двумя способами: посредствомъ ложъ, т. е. прямого посвященія, и посредствомъ литературной пропаганды, и этимъ послѣднимъ путемъ понятія распространялись, конечно, сильнѣе, потому что книга относилась къ гораздо большому числу людей: эти читатели (если книга на нихъ дѣйствовала) еще не становились, правда, непосредственными членами общества, но по характеру воззрѣній они уже мало отличались отъ нихъ и были подготовлены къ дальнѣйшимъ открытіямъ масонской мудрости. Черезъ литературу масонство становилось гораздо болѣе обширнымъ явленіемъ, чѣмъ, если бы оно ограничивалось распространеніемъ ложъ: поэтому Новиковъ, какъ дѣятельный и предпримчивый изда-

тель, пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе въ исторіи русскаго масонства и въ распространеніи мистическихъ идей,—отголоски которыхъ слышатся во все время царствованія Александра.

Литературную дѣятельность нашего масонства, вѣроятно, безопытно можно назвать эклектической. Изданія новиковскаго кружка не представляютъ одной строгой системы; напротивъ, при основномъ мистическомъ характерѣ, они имѣютъ весьма разнообразныя отбѣнки. Это было естественно: во-первыхъ, самый мистицизмъ допускаетъ огромное разнообразіе произвольной фантастики, которое одинаково удовлетворяетъ мистика, недостаточно самостоятельнаго, т. е. не выбравшаго себѣ одной опредѣленной идеи fixe; во-вторыхъ, русскій мистицизмъ, какъ тенденція, и былъ именно слишкомъ новъ и мало самостоятеленъ, и потому въ самыхъ различныхъ источникахъ искалъ удовлетворенія для своей будуждающей мысли. Наконецъ, русское масонство, какъ орденская „система“, долго не устанавливалось въ одну прочную форму, и избранный московскій кружокъ только съ 1782 г. установился на розенкрейцерствѣ, т. е. на низшихъ степеняхъ его.

Изданія Новикова, выражавшія его мистическое направленіе, представляютъ, главнымъ образомъ, книги трыякаго свойства¹⁾.

Во-первыхъ, въ эти изданія входили книги, не имѣвшія, собственно, никакого отношенія къ масонству, но отличавшіяся мистическими свойствами, въ числѣ ихъ новиковскій кружокъ считалъ творенія христіанской философіи и книги аскетическія. Въ этомъ пунктѣ наши масоны какъ бы примыкаютъ къ общепринятой церковной литературѣ, и примыкаютъ совершенно искренно, потому что, кромѣ того, что наши масоны могли оставаться строго православными, какъ оставался Новиковъ,—въ частности, масонство, въ ихъ глазахъ, сближалось съ церковью и тѣмъ обстоятельствомъ, что

¹⁾ Въ слѣдующемъ далѣе перечетъ книгъ мы называемъ, вообще, книги, выходившія изъ типографіи Новикова, Типографической Компаніи, Лопухина,—хотя не всегда имѣемъ увѣренность въ происхожденіи книгъ, печатавшихся въ университетской типографіи, отъ инициативы новиковскаго кружка. Подробное библиографическое изслѣдованіе завело бы насъ слишкомъ далеко; но, въ общемъ, выводы останутся вѣрны.

обряды ордена, а следовательно и их таинственный смысл, представляли, по их мнѣнію, большое сходство съ обрядами греко-восточной церкви. При общепринятомъ тогда мнѣніи о незапамятной древности масонства и о томъ, что масонство было первоначально именно формальной религиозной мистеріей, нашимъ масонамъ приходила въ голову мысль искать объясненія масонскихъ таинствъ въ монастырскихъ архивахъ. Въ своемъ отвѣтѣ на циркулярное предложение просейстера, приглашавшее депутатовъ русскихъ ложъ на конгрессъ въ Вильгельмсбадъ и предлагавшее предварительные вопросы о сущности и формахъ масонства, они выставляли на видъ это свое мнѣніе и полагали, что наши древніе церковныя эмблемы, полученные изъ Греціи, и писанія восточныхъ отцовъ церкви, объясненны въ этомъ смыслѣ, придали бы масонству особенное уваженіе (Лонгъ, стр. 171). Впрочемъ, не безъ связи съ этимъ обстоятельствомъ въ одномъ изъ нѣмецкихъ масонскихъ изданій 1785 г., посвященномъ П. А. Татищеву¹⁾, помѣщено, между прочимъ, „описание одного мистическаго изображенія въ Софійскомъ монастырѣ (sic) въ Кіевѣ...“ Конечно, упомянутое сходство можно было найти только при особенномъ желаніи, и давать ему подобное объясненіе—только при несправимомъ масонскомъ уклоненіи, но наши масоны искренно думали, что оно есть, и должны были предполагать, что оно не случайно и имѣетъ свою причину въ древнемъ источникѣ, общемъ для обоихъ учреждений. Мы увидимъ дальше, что книги о разныхъ древнихъ религиозныхъ таинствахъ составляли важную принадлежность масонской бібліотеки. Такимы образомъ, общепринятія мистическія и аскетическія книги совершенно естественно стоятъ въ новиковскихъ изданіяхъ рядомъ съ подобными книгами, имѣющими положительный масонскій отбѣнокъ. Къ первому изъ означенныхъ нами отбѣнговъ мы именно относимъ эти общепринятія книги, которые соответствовали мистическимъ стремленіямъ масонства, и тѣ, которые хотя и не были общеприняты и даже казались сомнительными съ православной точки зрѣнія, но все не составляли „орденскихъ“ книгъ, т. е. писанныхъ въ специфически-масонскомъ смыслѣ.

¹⁾ Указаніе сдѣлано у Ешевскаго, III, 417.

Такъ, напримѣръ, изъ типографіи Новикова выходили различные писанія Василия Великаго, Іоанна Златоуста, Григорія Назіанзіана, Понисія Ареопагита („о небесной іерархіи“), Іустина Философа (1782—87); дагбе: блаженнаго Августина (нѣсколько книгъ), Лактанція, Анзельма, Огми Кемпійскаго (1783—87), книги Дмитрія Ростовскаго, Феодана Прокоповича, архіепископа Платона; дагбе, цѣлый рядъ религиозно-мистическихъ поэмъ: „Изобіеніе младенцевъ“, Маррино, съ итальянскаго (1779); „Авелева смерть“, Геснера; „Искушеніе Авраамова“, съ нѣмецкаго; „Іосифъ“, Битобе (перев. фонъ-Визина, 2-е изд.); „Потерянный рай“, Мильтона, перев. съ франц. (1780); „Даніиль во рвѣ львиномъ“, Мозера (1781)¹⁾; „Плачъ или пошныя размышленія о жизни, смерти и безсмертіи, съ присовокупленіемъ двухъ поэмъ: Страшный судъ и Торжество вѣры, извѣстнаго англійскаго мекланхолика Эдуарда Юнга, перев. съ нѣм. (1785); „Любопытное и достопамятное путешествіе христіанина и христіанки къ блаженной вѣчности“, Іоанна Бюниана, т. е. знаменитый *Riglim Progress* Джона Бѣниана, и „Собраніе сочиненій“ этого писателя (1786); „Мессіада“ Клопштока (1785—87); „О происхожденіи зла“, поэма Галлера, перев. Карамзина (1786); наконецъ, рядъ книгъ по мистической философіи: „Разсужденіе противъ атеистовъ и неутралистовъ“, Гуго Гроція (1781); „Христіанствъ, воинъ Христовъ и побѣдоносное оружіе“, Эразма Роттердамскаго (1783); „Объ истинномъ христіанствѣ“, Іоанна Аридта, книга, пользовавшаяся великимъ уваженіемъ у нашихъ мистиковъ (1784); „О познаніи самого себя“, Іоанна Масона (1783, 2-е изд. 1786), также книга очень уважаемая²⁾; „Естественная богословія

¹⁾ Наши издатели были, вообще, мало разборчивы относительно литературныхъ и философскихъ достоинствъ: мистика выкупала для нихъ все. Мозеръ былъ не незначительный нѣмецкій писатель, но достоинство его заключается вовсе не въ этой поэмѣ. Извѣстнѣйшая его книга „Владыка и слуга“ (*Der Herr und der Diener, geschiedent mit rätio-tischer Freiheit*), 1759,—смысловое обличеніе мелкихъ и крупныхъ деспотовъ тогдашней Германіи, гдѣ ихъ, какъ извѣстно, было очень много. Но объ его поэмѣ Шлоссеръ выражается такъ: „О „Даніиль во рву львовомъ“ и другихъ поэтическихъ произведеніяхъ Мозера мы упоминали бы изъ уваженія къ нему, даже и тогда, если бы писали специальную исторію нѣмецкой литературы“. (Ист. XVIII в., II, 416).

²⁾ Джонъ Масонъ (John Mason), одинъ изъ очень извѣстныхъ нов-

или доказательство бытія Божія и свойствъ Божіихъ, по черпнутыхъ изъ дѣлъ творенія", Дергача, перев. съ франц. (1784), также книга авторитетная¹⁾; дагѣ, „Божественная и истинная метафизика“, Портаджа, англійскаго послѣдователя Якова Бѣма, перев. съ нѣм. 1787 г. и др.

Мы назвали въ этомъ отдѣлѣ книги Арндта, Масона и др., которыя, собственно говоря, не принадлежать къ „орденской“ литературѣ, но, тѣмъ не менѣе, имѣли въ глазахъ нашихъ масоновъ тоже „орденское“ значеніе. Іоаннъ Арндтъ (род. 1555, ум. 1621), книга котораго, какъ извѣстно, была издана и запрещена еще при Аннѣ, и теперь вышла вновь, быть калвинистическій аскетъ XVI—XVII-го вѣка, по своему времени не имѣющій отношенія къ масонскому обществу, но его мистическая нравственность (которая, надобно сказать, была искренняя и, по-своему, возвышенная нравственность, а не мораль берлинскаго розенкрейцества) до такой степени отвѣчала мистическимъ наклонностямъ, которыя овладѣвали масонствомъ больше и больше, что Арндтъ сталъ классическимъ авторитетомъ масонскаго мистицизма. То же надобно сказать о современникѣ Арндта, знаменитомъ башмачникѣ Яковѣ Бѣмѣ (1575—1624). Это былъ мистикъ по преимуществу, быть можетъ, замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ, какіе появились въ новой европейской литературѣ, но чрезвычайной силѣ фантазій и гениальнымъ проблескамъ транспендентальной мысли. Бѣмъ не разъ выдавалъ свое сочиненіе за прямое божественное вдохновеніе,

конформистскихъ духовныхъ въ Англіи, въ половинѣ XVIII-го стол., род. около 1705 г., умеръ въ 1763. Репутація этого писателя основана на главномъ образѣ, на книгѣ, которая и была у насъ переведена: *Sell Knowledge, a Treatise, shewing the nature and benefit, of that important Science, and the way to attain it.* 1745. Книга эта имѣла много изданій, и въ 1811 была стереотипирована.

¹⁾ Дергачъ (William Derham), извѣстный въ свое время англійскій духовный писатель и серьезный естествоиспытатель, род. 1657, ум. 1735. Изъ книгъ его, подлинникъ нашего перевода есть, конечно: *Physico-Theology, or a Demonstration of the Being and Attributes of God, from his works of Creation etc.* Lond. 1713, и много другихъ изданій. Кроме того, въ томъ же смыслѣ были написаны имъ: *Astro-Theology*, астрономическое доказательство бытія Божія, и *Christo-Theology*, доказательство божественнаго авторитета христіанской религіи.

и мистики XVIII-го вѣка, сами искавшіе духовидѣнія и экстазовъ, не сомнѣвались, что это было такъ: Сень-Мартенъ считалъ себя недостойнымъ завязать сапогъ его (что и было справедливо, потому что французскій писатель XVIII-го вѣка могъ бы быть разсудительнѣе), и въ послѣднее время началъ переводить его сочиненія на французскій языкъ; для нашихъ масоновъ онъ былъ крайнимъ предѣломъ мудрости, которую они, впрочемъ, едва ли могли понять. Бѣмъ имѣлъ много ревностныхъ приверженцевъ, и въ Англіи, еще въ концѣ XVIII-го вѣка, почитателями его Джени Лилъ (Jane Leade) основала особое общество для изученія его сочиненій, а Портаджа пріобрѣлъ у мистиковъ большой авторитетъ своими комментаріями къ Бѣму. Въ русскую литературу сочиненія Бѣма проникли еще въ концѣ ея стараго періода; они обращались между масонами въ рукописяхъ, и новиковскій кружокъ, не рѣшась (или же только не желая перелѣть посторонними) выдавать ихъ прямо за „орденскія“, считалъ ихъ крайне полезной школой для воспитанія мистицизма. Эти и подобныя книги были перешодомъ къ прямому посвященію и къ чисто масонской литературѣ.

Во-вторыхъ. Собственно масонскія книги, писанныя масонами и въ чисто масонскомъ смыслѣ, — до сихъ поръ еще не были разсмотрѣны въ историко-литературномъ отношеніи въ ихъ полномъ составѣ, а это могло бы очень наглядно опредѣлить пути, которыми распространялся у насъ масонскій мистицизмъ. Трудность опредѣлительнаго вывода объ этомъ предметѣ въ настоящую минуту увеличивается тѣмъ, что книги эти, печатавшіяся нерѣдко тайно, подвергавшіся запрещеніямъ, конфискаціямъ и истребленію, потерявшія интересъ, — сдѣлались чрезвычайно рѣдки; другія масонскія сочиненія и переводы ходили только въ рукописяхъ между адептами. Наши масоны, какъ и естественно, должны были особенно заботиться объ усвоеніи того обширнаго матеріала, какой уже представляла западная масонская литература. Изъ масонской переписки 1780-хъ годовъ, приведенной у Ешевскаго, мы дѣйствительно видимъ, что соображеніе различнаго масонскаго матеріала составляло для нашихъ масоновъ предметъ внимательнѣйшихъ заботъ, и авторъ одного письма радуется, что московскій архивъ ихъ

такъ богаты, какъ едва ли какой-нибудь другой въ Европѣ¹⁾: русскіе масоны, искавшие этого матеріала, новидимому, не возбуждали къ себѣ недовѣрія, какое имѣли другіе къ другу западныхъ ложъ различныхъ системъ. Точно также русская масонская литература того времени есть почти исключительно переводная и эклектическая. Мы назовемъ важнѣйшія изданія новиковскаго кружка, относящіеся къ масонству вообще.

По вступленіи въ орденъ, Новиковъ издавалъ журналы: „Утренній свѣтъ“ (1777—1780), „Московское Ежемѣсячное изданіе“ (1781), „Вечерняя Заря“ (1782) и „Покопшіея Трудобецъ“ (1784), посвященные тому содержанию, которое Новиковъ считалъ полезнымъ для нравственнаго воспитанія общества. Выборъ правоучительныхъ статей и разсказовъ, наполняющихъ эти журналы, дѣлался уже подъ призвомъ вліяніемъ масонскихъ вкусовъ, и можетъ характеризовать эти вкусы, какъ многое изъ упомянутого нами выше въ первомъ отдѣлѣ. Но затѣмъ являюся и изданія чисто масонскія, относящіяся прямо къ ордену, выражающія его мысли, защищающія его отъ обвиненій, приготавлиющія ко вступленію въ него. Вотъ нѣсколько такихъ книгъ: „Карманная книжка для В. К. (т. е. Волныхъ Каменьщиковъ) и для тѣхъ, которые не принадлежатъ къ числу оныхъ“ (1783); „Простосердечное о молитвѣ наставленіе“ (1783); „Духъ масонства, правоучительныя и истолковательныя рѣчи Вильгельма Гучинсона“ (1783); „Апология или защищеніе ордена

1) „Депутаты, посланные нами (по повелію Вильгельмсадскаго конвента), не жалея ни трудовъ, ни денегъ, привезли къ намъ изо всѣхъ капителей и архивъ ордена все то, что до вышшняго и іероглифическаго ордена принадлежало, такъ что всѣхъ системъ работу мы теперь у себя имѣемъ, и еще, что недостасть, то получаемъ почти на всякой почтѣ, такъ что, соединясь съ капителями всѣхъ системъ вышшняго ордена, мы сдѣлались такъ, какъ средоточіемъ, въ которое все то, что капители всѣхъ партій имѣютъ, стекается; и наша архива богатѣе становится, нежели во всей Европѣ, ибо тамъ капители разныхъ системъ другъ отъ друга таятъ и другъ другу ничего не даютъ, а мы, бывъ съ ними со всѣмъ и въ связи, и не обаяваясь ничьей партіи, но признавая всѣхъ ихъ за истинныхъ брр., токмо стремящихся разными путями къ той же и единственной цѣли ордена, все то отъ всѣхъ ихъ получили и получаемъ, что они только имѣютъ...“ Ешевскій, III, 485.

Волныхъ Каменьщиковъ“ (1784); „О заблужденіяхъ и истинѣ“, Сенъ-Мартена (1785); „Опытъ о таинствахъ и подлинномъ предметѣ Свободнаго Каменьшчества“ (въ „Магазинѣ Свободно-Каменьшческой“, 1784, т. I, стр. 25—61); „О древнихъ мистеріяхъ и таинствахъ, бывшихъ у всѣхъ народовъ“ (1785); „Новая Киропедія“ Рамза (1785) и мн. др.¹⁾.

Само собою разумѣется, что масонская тайна на нисколько не раскрывалась въ этихъ изданіяхъ; напротивъ, ее старательно прятали, или же только самыми неопредѣленными и неясными намеками давали понять читателю, что, если бы онъ вступилъ въ орденъ, то нашелъ бы въ немъ раскрытіе всѣхъ глубочайшихъ истинъ, о которыхъ онъ и не подозревалъ. Въѣсть съ тѣмъ, можно встрѣтить здѣсь и филиппики противъ ложнаго масонства, въ томъ родѣ, какъ ужасался и избѣгалъ его Новиковъ. Обыкновенно, эти книги представляютъ нравственно-религіозныя разсужденія съ отыскомъ масонскаго мистицизма, насколько это возможно сдѣлать для постороннихъ, или защитѣ масонскихъ принциповъ отъ различныхъ обвиненій. „Духъ масонства“ и

1) О „Карманной книжкѣ“ см. библиографическое замѣчаніе у Ешевскаго, III, 407—408. „Духъ масонства“ есть переводъ книги: *Spirit of Masonry in moral and elucidatory lectures*, Lond. 1776; нѣмцкій переводъ вышелъ въ Берл. 1780. Вильямъ Гучинсонъ (Hutchinson) есть англійскій писатель второй половины столѣтія. „Апология“ принадлежитъ извѣстному въ исторіи и интригахъ масонства И. Авт. Шарку, — „*Arologie des Ordens der F. M. Von dem Vnder... Mittheilung der Schottischen Loge zu P. Philadelphia im Jahre 5651. (Königsberg 1770. Обѣ изданія 1769, названномъ въ предисловіи книги, см. Kloss, Bibl. № 371 [Wolffstiege № 23760]. „Опытъ о таинствахъ“, по указанію издателя, есть переводъ книжки: *Essai sur les Mysteres et le véritable objet de la confrérie des Freres-Maçons. Seconde édition, revue et corrigée. Amsterdam. 8°. 40 стр.* „Опытъ“ изданъ въ первый разъ въ 1771, въ Парижѣ, хотя на заглавіи стоитъ „Гага“, второе изданіе сдѣлано въ Амстердамѣ, 1776, съ нѣкоторыми поправками. Kloss № 701 [Wolffstiege № 29992]. „Новая Киропедія“, изданная по-русски въ первый разъ еще въ 1765 г., есть масонскій романъ во вкусѣ Телемака „*Les Voyages de Cyrus*“, Kloss, № 3935—42 [Wolffstiege № 41478], того шотландскаго баронета Рамза (1688—1743), который былъ приверженцемъ претендента и однимъ изъ изобрѣтателей масонскаго тапмлерства. Книга Сенъ-Мартена, *Des Etranges et de la Verité, ou les Posthumes parues au prince universel de la science, par un Phil... inc...*, 2 part. *Edimbourg*, 1775, вышла вовсе не въ Единбургѣ, а въ Лионѣ; авторъ очень любилъ всякую таинственность, даже совсѣмъ ненужную.*

книжки о древних таинствахъ, болѣе или менѣе прямо объясняютъ древнее происхожденіе ордена, идущее отъ первыхъ временъ міра. „Духъ масонства“ объясняетъ и самую символическую масонскую ложу и ея обрядовъ. „Апология“ защищаетъ общія основанія масонства съ нравственной и общественно-политической стороны, не касаясь никакой спеціальной системы. „Карманная книжка“ наполнена общими нравственными изрѣченіями и разсужденіями, которые также могли бы относиться ко всякой системѣ, и т. п.

Въ третьихъ. Особый отдѣлъ можно, наконецъ, составить изъ книгъ, носившихъ на себѣ болѣе или менѣе рѣзкій отбѣнокъ розенкрейцества, или алхимической фантастики. Книжки эти могли бы быть и не чисто-розенкрейцескаго происхожденія, потому что, какъ мы видѣли, алхимическія наклонности уже издавна сопровождаютъ мистику, и сама старая средневѣковая алхимія была не только практической наукой добыванія золота, но вмѣстѣ и высокою тайною философій и теософій. И въ самомъ масонствѣ алхимія и магія появляются, кромѣ розенкрейцества, и въ другихъ „системахъ“. Здѣсь мы ставимъ подобныя вещи подъ розенкрейцескую рубрику потому, что въ нашемъ масонствѣ онѣ должны были служить, въ особенности, этому его отънку, какъ изложеніе понятій, признаваемыхъ въ тѣсномъ кружкѣ московскаго розенкрейцества, и, вѣроятно, какъ средство къ дальнѣйшему расширенію его въ послѣдствіи. Этихъ книгъ въ особенности много является именно съ того времени, когда въ новиковскомъ кружкѣ утвердилось розенкрейцество.

Сюда принадлежатъ слѣдующія изданія: „Должности братьевъ З. Р. К. (Злато-Розоваго-Креста), древнія системы, говоренныя Хрисофиономъ въ собраніяхъ юнiorатскихъ“, и пр. (1784);—руководство для низшихъ степеней розенкрейцества;—„Хрисофионъ“ было масонское имя Гёрунга; Рѣчи, говоренныя въ присутствіи Н. Н. братомъ Розоваго Креста“, напечатанныя, вѣроятно, въ тайной типографіи около того же времени;—„Gemma Magica или магическій драгоценный камень, то-есть краткое изъясненіе Книги Natury по семи величайшимъ листамъ ея, въ которой можно читать Божественную и Натуральную Премудрость вписанную перстомъ Божіимъ“, М. въ тип. Лопухина 1784

однѣ изъ самыхъ характеристическихъ образчиковъ алхимическаго и теософическаго вздора, въ который вѣрили наши простодушные мистики, здѣсь изложена цѣлая система алхимическаго и теософскаго естествознанія, по характеру совершенно средневѣковой и отличающаяся крайней фантастичностью и, конечно, крайнимъ невѣжествомъ;—„Краткое извѣщеніе о невидимомъ существѣ и о находящихся въ немъ мѣримохъ его пространствѣ тваряхъ добрыхъ и злыхъ, также звѣздныхъ и стихійныхъ духахъ, о происхожденіи духовъ, существъ и дѣйствій ихъ“ (вѣроятно, 1784);—„Магиконъ“¹⁾ (также);—„Химическая псалтирь, или философическія правила о камнѣ мудрыхъ“, Парацельса,—знаменитаго средневѣковаго врача, алхимика и теософа (1784);—„Хризомандеръ, аллегорическая и сатирическая повѣсть разнаго и весьма важнаго содержанія“ (1783), аллегорическое наставленіе Го [?], великомъ дѣлѣ, т. е. добываніи золота и философскаго камня. Сюда же надобно отнести и слѣдующія книги: „Шестидневныхъ дѣлъ сего міра тайное значеніе, открытое въ зеркалѣ при древней и Моисейской философій: какое есть свойство верхнихъ и нижнихъ воль, какъ оттуда все имѣетъ происхожденіе свое“, и проч. (безъ года и мѣста печатанія);—„Кольбель камня мудрыхъ, описанная неизвѣстнымъ Шевалье“ и проч. Москва, 1783; алхимикомистическое описаніе приготовленія философскаго камня²⁾;—„Словарь библейскій и эмблематическій“ (по Лонгину, 1786; см. стр. 271);—„Крата Реноа, или описаніе посвященія въ тайное общество египетскихъ жрецовъ“ (1784);—одна изъ тѣхъ фантастическихъ книгъ, которые масоны старыхъ

¹⁾ Это есть, вѣроятно, книга Клейкера: „Magicon, oder das geheime System einer Gesellschaft unbekannter Philosophen (т. е. послѣдователей Сенъ-Мартена). Von einem Unbekannten des Quadratscheins. (Намповер, Helwing), въ 2 ч., 1784. См. Kloss, Bibl. № 3902 [Wolfstieg № 43103] и Handb. II, стр. 284.

²⁾ О книгѣ „Шестидневныхъ дѣлъ“ и пр. см. Ешевскій, III, 557. Лонгиновъ указываетъ другое изданіе, по Соликову: „Кольбель камня мудрыхъ“ въ экземплярѣ, мною читанномъ, имѣетъ положительное указаніе года—1783, и мѣста печати—„Москва, въ вольной типографіи И. Лопухина, съ указаго дозволенія“. Лонгинъ въ ошибочно думаетъ, что изданіе печаталось въ тайной типографіи и около 1786 года (стр. 271).

временъ принимали за чистую монету и изъ которыхъ, они извлекали аргументы о древности своего ордена, описание египетскихъ таинствъ снабжено, какъ слѣдуетъ, египетскими именами мѣсть, божествъ, жрецовъ и фантастическими подробностями, и вмѣстѣ сохраняють извѣстную степень сходства съ масонскими обрядами, а также и съ розенкрейцеровской мудростью и магіей—изъ чего и извлекались упомянутые аргументы. Сюда же относятся и „Братскія увѣщанія къ нѣкоторымъ братьямъ свѣдн. кмшкм.“ (1784), которые въ туманно-алхимическомъ стилѣ розенкрейцеровъ говорятъ о духѣ, объ изученіи челоуѣка и природы и т. п. Въ эти книги очень рѣдко. Наконецъ, сюда же принадлежатъ цѣлый рядъ рукописныхъ переводовъ, какъ напр., „Платоново Кольцо или физико-химическое изъясненіе природы“ и т. д., которому придавалось значеніе классической книги розенкрейцеровскаго ученія и друг. ¹⁾.

Русскія сочиненія, о которыхъ мы скажемъ дальше нѣсколько словъ, представляютъ, вообще, мало оригинальнаго въ сравненіи съ различными перечисленными здѣсь иностранными источниками: очевидно, что въ этихъ источникахъ были существенные образцы, дальше которыхъ наши масоны едва ли въ состояніи были идти на пути алхимическаго фантазерства.

Изъ этого одного перечета такъ называемыхъ „масонскихъ книгъ“, читатель можетъ видѣть, что эти книги, идущія изъ самыхъ различныхъ историческихъ періодовъ и настроеній, никакъ не могутъ представлять собой одной цѣльной системы понятій, которую можно было бы съестъ опредѣленнымъ кодексомъ увѣженій нашего масонства, между тѣмъ, каждый изъ этихъ рядовъ имѣть свое положительное значеніе въ глазахъ русскихъ масоновъ, очевидно, потому, что всѣ отъѣнки мистицизма сливались для нихъ въ одну туманную теософію, кака, собственно, и требовалась для смутныхъ понятій нашего масонства, совершенно лишенаго всякой серьезно-научной опоры. Прежде всего, любопытно встрѣтить здѣсь мистическія и аскетическія книги древнихъ вѣковъ христіанства. При-

¹⁾ См. Шевскій, III, 558—560.

сутствие здѣсь этихъ книгъ, конечно, не случайное, и то упомянутое нами выше обстоятельство, что московскіе масоны находили въ обрядахъ ордена сходство съ церковными преданіями и символами, показываетъ, что Новиковъ, вѣроятно, совершенно искренно думаетъ, что масонство исполнѣ идетъ „по стопамъ христіанскаго правоученія“. Вспомнимъ здѣсь и тотъ не лишній особый значенія фактъ, что архіепископъ Платонъ, хотя и не соглашался съ нѣкоторыми умствованиями нашихъ масоновъ, но, вообще, относился благо-склонно къ дѣятельности новиковаго кружка, давалъ свое благословеніе на открытіе Дружескаго Общества и исполнѣ благопріятно отзывался о христіанскомъ характерѣ понятій и жизни Новикова. Замѣтимъ и высокое уваженіе Платона къ графу Чернышеву, покровителю московскаго кружка и также, кажется, бывшему масономъ. Итакъ, Новиковъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, думалъ, что его масонство есть только богѣ глубокое пониманіе и практическое примѣненіе традиціонныхъ истинъ религіи. Мы приведемъ дальше отрывки изъ его мнѣній за послѣднее время его жизни, изъ которыхъ видно, что нравственная сторона его понятій развивалась въ немъ въ положительный аскетизмъ, а розенкрейцеровскіе представленія о природѣ—для повѣрки (а затѣмъ, конечно, и для полнаго отверженія) которыхъ онъ не имѣть даже самыхъ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній—перешли у него въ поразительно-нелѣпное суевѣріе.

Такимъ образомъ, однимъ изъ элементовъ, составляющихъ кругъ понятій новиковаго масонства, была религіозна мистика, въ которой Новиковъ надѣлся оставаться исполнѣ вѣрнымъ православному преданію.

Далѣе. Мы видѣли, что различные масонскіе системы сохраняли обыкновенно три основныя, такъ называемыя Іоанновскія, степени стараго англійскаго масонства. Самые ритуалы нѣсколько измѣнились въ различныхъ системахъ, но они удерживали первоначальный основной характеръ, а вообще представляли собой символику нравственныхъ понятій и того, что называлось тогда естественной теологіей; въ эту символику уже издавна входили легендарныя подробности, напр., воспоминанія о строеніи Соломонова храма, но вовсе не было ни алхиміи, ни магіи. Наше

масонство принимало этот ритуалъ въ той или другой редакціи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимало представленія старата англійскаго масонства, свободнаго отъ познѣвшихъ извращеній и примѣсей. Это была, безъ сомнѣнія, наиболѣе здравая доля масонства, которая могла имѣть свое нравственное вліяніе. Итакъ, вторымъ элементомъ нашего масонскаго кодекса понятій являются идеи старата англійскаго масонства, идеи естественной теологіи и уваженія къ человѣческому достоинству, съ которыми соединилось требованіе братскихъ отношеній къ людямъ.

Въ изданіяхъ кружка найдется не мало примѣровъ присутствія этого элемента. Такова книга Гучинсона, переведенная въ самомъ разгарѣ масонскихъ предпріятій Новикова, и сохраняющая черты англійскаго масонства. Она состоитъ изъ объясненій масонской символики, толкованія исторіи человечества съ масонской точки зрѣнія, и спеціальной масонской наукой считается не алхимію, а геометрію, какъ это и слѣдуетъ по средневѣковымъ восприниманіямъ¹⁾.

Принятіе въ орденъ членовъ, всѣхъ въѣвъ, всѣхъ національностей, сословій и общественныхъ положеній, сохраненіе изъ старата масонства, предполагало особенное расширеніе національнаго чувства въ чувство космополитическое, религиозную терпимость и понятіе объ общественно-нравственной равноправности; — вмѣстѣ съ тѣмъ, орденъ заявлялъ о своемъ повиновеніи государству. Масонскія книги говорили объ этомъ, совершенно положительно:

„По обязательству намѣ, — говорились въ книгахъ, признаваемыхъ нашими масонами, смотримъ мы на міръ, яко на обшій домъ. Должность наша повелѣваетъ намъ оказывать любовь и дружбуу всѣмъ чадамъ дома сего. Не наше званіе (т. е. обязанность) писать объ особливыхъ

¹⁾ Ср. Уэвелль, Ист. Индукт. Наука, I, 425—о мистицизмѣ въ средневѣковой архитектурѣ. Замѣтимъ, впрочемъ, что Гучинсонъ слишкомъ охотно пускается въ толкованія о древнихъ таинствахъ, связывая ихъ косвенно съ масонствомъ; и что, безъ сомнѣнія, поэтому требованіе масонъ-раціоналистовъ Николаи причислать „Духъ масонства“ также къ фальшивымъ (betrüglisch) книгамъ. Einige Bemerck. стр. 13, Амст.

мысляхъ каждаго, и мы бы были уже не члены, но Деспоты, разрушающіе всеобщую тишину, ежели бы отъ всѣхъ требовали согласія съ нашими мыслями; превосходною любовью обращаемся мы къ тѣмъ, кои соединены съ нами крѣпчайшимъ союзомъ, не дѣлая изъ того заговора или шайки. О противящихся волѣ всеблагатаго Домодержца сожалѣемъ; но, между тѣмъ, не равно мы почитаемъ христіанина съ жидомъ съ язычникомъ или магометаниномъ. Христіанскій законъ мы почитаемъ единымъ и необходимымъ путемъ, учрежденнымъ отъ Бога къ приведенію насъ къ вѣчному блаженству, и предпочитаемъ (т. е. предпочитаемъ) изъ христіанъ тѣхъ, кои имѣютъ чистѣйшія и правдѣ сходященѣйшія понятія; впрочемъ, отдаемъ каждаго его собственному увѣренію (т. е. убѣжденію). Никакое общество, по мнѣнію нашему, не состоитъ безъ законовъ, безъ головы и членовъ, кои вообще обязаны способствовать благу и благо по возможности своей. Все состоитъ въ отношеніи одного къ другому, такъ, какъ члены тѣла. Ежели ноги не хотятъ ходить, то кровь приходить въ оутѣбніе.

Если уста не хотятъ принимать пищи, то тѣло будетъ чувствовать въ сокахъ недостатокъ. Гдѣ всѣ члены откажутся отъ обязанностей своихъ, тамъ и премудрый разумъ не можетъ распредѣлять и назначать дѣйствія. Итакъ, то, что требуемъ мы отъ членовъ нашихъ въ разсужденіи нашего общества, то самое должны они и государству оказывать. Ибо не перестаютъ они быть членами государства сего, хотя купно они и нашими суть, и мы бы, конечно, ничего добраго отъ нихъ не могли надѣяться, ежелибъ не восхотѣли они, каждый по своему состоянію и званію, со-вѣстнымъ образомъ исполнять то, къ чему они, яко члены государства, обязаны суть.

„Обязанности наши требуютъ отъ членовъ нашихъ добраго поведенія по правиламъ христіанскаго и естественнаго предписанія; правила наши основываются на добродѣтели. Кто преступитъ то, къ чему онъ, яко членовѣкъ и яко христіанинъ, обязанъ, тотъ, конечно, преступитъ и наши законы, станова въ тѣмъ обществу членомъ, котораго отыскать должно. Волный Каменьщикъ, сказующій о всѣхъ сихъ должностяхъ, оныя хвалитъ, одобряетъ, передъ другими, а самъ не исполняетъ, подобенъ

указуешему прямой путь, но стоящему неподвижно на своемъ мѣстѣ.

„Вотъ истинное понятіе о нашихъ обязательствахъ въ разсужденіи религіи, государства и нравовъ“¹⁾.

О религиозной терпимости та же книга говорить въ другомъ мѣстѣ:

„Вольнокаменьщической орденъ не имѣетъ цѣлю своею никакихъ въ христіанствѣ толковъ. До Франкмасоновъ, яко Вольныхъ каменщиковъ, разные сіи пункты, до разныхъ дѣлъ принадлежашіе, отнюдь не касаются. Обращать къ христіанству не наше дѣло, но духовныхъ. Права ихъ для насъ столь священны, что мы никакъ вышнваться въ нихъ не желаемъ. Увѣреніе и обращеніе есть дѣло Божіе. Намъ, ли слабымъ, толקים порокамъ и заблужденію подверженнымъ, людемъ властвовать надъ душами другихъ людей? Мы идемъ въ семь случаевъ тѣмъ путемъ, который сообразнѣйшій есть и Божеству, и Naturѣ. Natura во всѣхъ своихъ дѣлахъ разнообразна: ни одинъ нѣтътокъ на другой не походитъ; и сей-то различности наибольше дивиться должно; ибо, не смотря на то, все соединено общимъ союзомъ. Такъ для чего же и намъ принуждать къ совершенному сходству въ мысляхъ. Всякому и здѣсь разнообразіе да послужить въ честь Богу. Довольно, что связуютъ насъ союзы человѣчества и христіанства: довольныя причины къ человѣколюбію, братолюбію и терпѣнію (т. е. терпимости).“

„Законы терпѣнія почитаемъ мы дѣлающими честь человѣчеству и истинной вѣрѣ...“

„Неужели въ семь находить что-либо наказанія достойнаго? Я думаю, что сіе было бы несправедливо... Кто насъ за сіе осуждаетъ, тотъ весьма еще удаленъ отъ пути добродѣтели, естества и отъ ученія, Божествомъ проповѣдуемаго“²⁾.

Въ своихъ практическихъ отношеніяхъ наши масоны оставались вѣрны этой космополитической вѣротерпимости: они совершенно спокойно принимали орденскія установленія отъ иностранцевъ, въ ихъ собственной средѣ дѣйствовали протестанты... И это не лишено своего значенія; если

¹⁾ Anologia, 1784, стр. 188—190.

²⁾ Стр. 109—110.

у аристократическихъ масоновъ такая вѣротерпимость могла имѣть свое основаніе въ индифферентизмѣ, который собственно было внушать модное воспитаніе, то Новиковъ былъ здѣсь человѣкъ патріархальныхъ преданій...

Въ другой книгѣ понятіе о внутренней сущности масонства и значеніи его въ обществѣ передается въ такія слова:

„Прогрѣшенія (т. е. наблюденія, опыты) столѣтія нашего довольно научаютъ насъ, что человѣкъ развращенъ, и что причину сего надлежитъ искать въ общественномъ состояніи. Погрѣшности пераго воспитанія, ужасное различіе благъ, счастья, а сверхъ сего еще страсти, отъ могущества и знатности рождающіяся, испортили первоначальныя чувствованія природы въ человѣческомъ сердцѣ; черезъ то сдѣлали они его несчастнымъ и оплакиванія достойнымъ. Нѣлаги котораго рода метафизика, которая чѣмъ болѣе надута была софизмами и заблужденіями, тѣмъ высочайшею и основательнѣйшею почиталась, запутала разумъ человѣческой еще и съ другой стороны. По сему основатели масонства главною цѣлю поставили себѣ то, чтобъ возвратитъ человѣковъ къ первой ихъ натуральной добротѣ и заставить законы природы призвобуть паки въ сердцахъ ихъ, въ величайшемъ совершенствѣ. Сія была также цѣль религіи; ее же стараются достигнуть и гражданскіе законы всѣхъ возможныхъ образцовъ правленія. Можетъ быть, Свободному только Каменьщическому извѣстны были истинныя къ достиженію сего способы.“

„Итакъ, намѣреніе сего Общества есть то, чтобъ образовать человѣка разумнымъ, кроткимъ и добродѣтельнымъ; а въ семь отношеніи старалось оно разсѣять его заблужденія, умлечить нравы его безвиннымъ въ жизни удовольствіемъ, вспомошествовать ему и подкрѣпить его въ его потребностяхъ.“

„Всѣ члены общества сего суть Братія, и ни язки, ни одежды, ни мнѣнія, ни достоинства, ни состояніе, ни богатства, ни малѣйшаго не дѣлаютъ между ними различія. Равенство есть первый ихъ законъ. По сей системѣ весь свѣтъ почитается якобы республикою; каждая нація есть фамилія и каждый членъ сынъ оной. А какъ всѣ особенныя члены общества сего суть Братія, Братія, предполагившіе себѣ

дѣйствовать разумно и добродѣтельно,—то должны они любить друга и помогать одинъ другому, поступать съ другими людьми также честно и пристойно, и быть добрыми, вѣрными гражданами государства.

„Человѣчество (т. е. человѣколюбіе), сія изысканная и благородная добродѣтель, объемлющая всѣ друтія, составляющая предметъ здравой философіи и основаніе христіанства, она есть душа Каменьщиковъ“¹⁾.

Это человѣколюбіе — опись вѣрно сохраненная черта первоначальнаго масонства — также находило у нашихъ масоновъ практическое выполненіе, особенно у Новикова, въ которомъ эта черта, еще до поступленія въ орденъ, была существенной чертой личнаго характера. Постъ вступленія въ орденъ, онъ устраиваетъ, вмѣстѣ съ другими, нѣсколько филантропическихъ заведеній, сначала въ Петербургѣ, потомъ въ Москвѣ: это были благотворительныя школы, семинаріи при университетахъ, больницы, аптека, посылка молодыхъ людей за границу и распространеніе книгъ. Разсказываютъ, что онъ раздавалъ свои изданія и даромъ, чтобы пріохотить къ чтенію, и покупалъ по нѣскольку переводовъ одной книги, чтобы не отталкивать молодыхъ людей отъ литературныхъ занятій. Его горячее участіе къ народному бѣдствію (голодъ въ 1787 г.), вызвавшее извѣстный поступокъ богача Походяшина, который отдалъ въ распоряженіе Новикова большія деньги для раздачи нищему, — покажется, что масонское „человѣчество“ (для этого понятія, какъ видимъ, еще только придумывалось русское слово) было для него не одной фразой. Упомянутая выше „Апология“, оправдывая орденъ отъ разныхъ заводившихся на него обвиненій, приводитъ (по словамъ автора, съ позволенія орденовскихъ властей) слѣдующій отрывокъ изъ масонской присяги: „быть сострадательному ко всѣмъ, человѣкамъ, а особливо моимъ братьямъ; повиноваться власти, законамъ государства, въ которомъ я живу, быть ему вѣру, добродѣтели и готову на службу его, дѣлать добро и не навѣщать зла, и вообще, таковымъ быть, каковымъ Божію Каменьщику приличествуетъ“ (стр. 69). Этотъ мотивъ

постоянно повторяется въ масонскихъ книгахъ, переводныхъ и русскихъ. Нѣтъ сомнѣній, что въ этомъ видѣ понималъ и Новиковъ свои обязанности къ государству и обществу, и называть его филантропическую дѣятельность — его „примисломъ“, какъ она была названа, значило наносить ему слискомъ незаслуженное и несправедливое оскорбленіе.

Масонскія понятія, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, были положительнымъ нравственнымъ содержаніемъ, которое могло имѣть свои благотворныя примѣненія въ обществѣ русской жизни, — правда, общество наше уже встрѣчало нѣкоторые подобныя понятія въ своей новой литературѣ, но встрѣчало только обрывочно и случайно, и еще не видѣло, чтобы они излагались какъ требованіе, какъ глубокое убѣжденіе и практически выполняемое правило. Въ этомъ смыслѣ масонскія правила терпимости и человѣколюбія, выставляемые, какъ нравственное обязательство каждому мыслящему члену общества, — эти правила были въ русской общественной жизни особенно нужнымъ и благотворнымъ возбужденіемъ. Но затѣмъ въ содержаніи нашего масонства мы встрѣчаемся и съ другою, оборотной, стороной дѣла, съ тѣми крайними преувеличеніями мистицизма, переходившими въ шарлатанство и наглость, о которыхъ мы достаточно говорили выше. Этотъ новый элементъ масонскаго міровоззрѣнія — мистическое служаніе мысли — занимаетъ, къ сожалѣнію, слискомъ много мѣста въ нашемъ масонствѣ и крайне повредило въ немъ и тому, что было въ немъ дѣйствительно полезнаго и благороднаго. Какъ и друтія черты нашего масонства, его преувеличенная мистика была вещь заносная, и у насъ тѣмъ болѣе прискорбная, что средства русской литературы были слискомъ слабы, чтобы оказать ей должное сопротивленіе. Иначе было, напр., въ Германіи, гдѣ этой преувеличенной „мистикѣ“ сопротивлялись люди изъ самаго ордена, какъ Бистеръ, Боде, Николан, Фёрстеръ и т. д., не говоря о рационалистахъ и людяхъ точной науки въ орденѣ... Но если и въ самой Германіи критика благоразумныхъ людей не могла удерживать фантастическаго легковѣрія, то наше общество, и сами масоны, прежде всего, оказывались противъ этой фантастики совершенно беззащитными. Мы выше замѣчали, что само старое масонство своими легендарными элементами уже по-

¹⁾ „Опытъ“ и пр. въ „Магазинѣ Свобо-Каменьщ.“, ч. I, стр. 28—33.

давало поводъ къ этимъ преувеличеніямъ, которые совершили люди слишкомъ ревностные не по разуму, или наглые обманщики, и которыми вѣрили люди простодушные. Если уже старое масонство говорило о томъ, что познаніе истины идетъ по преданію отъ древности и отъ строенія Сономонова храма, то при увлеченіи орденомъ, естественно явились мнимоисторическія изслѣдованія этой традиціи. Соломонова храма было не довольно, заговорили о египетскихъ жрецахъ и халдеяхъ, усердные люди стали искать египетскихъ и халдейскихъ таинствъ, и напали на алхимию. За Андерсономъ, за „Естественнымъ Богословіемъ“ Дергача, за Іоанномъ Масономъ и Арнтгольтомъ, послѣдовательно шли Бѣмъ и Пордадъ, и за ними Сентъ-Мартенъ и Розенкрейцерство. Мы также говорили, что наши масоны, повидимому, далеко не дошли въ этомъ направленіи до своихъ наставниковъ, но, обращаясь къ ихъ книгамъ, мы находимъ все-таки чрезвычайнаго страннаго вѣща. „Теоретическій градусъ Соломоновыхъ наукъ“ и подобныя наставленія, которыми наглые берлинскіе интриганы снабжали простодушныхъ москвичей¹⁾, открывали путь ко всевозможнымъ фантастическимъ негипостемамъ, — и ужасной объѣмъ этихъ негипостей мы поймемъ только тогда, когда представимъ себѣ, что вѣсть этимъ вещамъ благочестиво и серьезно вѣрилось. Московскіе масоны искали мудрости въ „Хризомандеръ“, въ „Химической Псалтири“ и другихъ подобныхъ книгахъ.

1) „Теоретическій градусъ“, т. е. изложеніе познаній, сообщаемыхъ въ этой степени, есть нѣчто въ родѣ азбуки или первыхъ четырехъ правилъ алхиміи. Ешевскій, III, 527, приводитъ слѣдующее ослѣпленіе этого „градуca“. Предувѣдомленіе. — Принятіе. — Наставленіе гл. надз. — Законы для собранія Т. Ф. (теоретическихъ философствъ). — Обряды столового собранія. — Вопросы и наставленія Т. брр. — Заключеніе. — Собранія. — Наставленія для Т. брр. — О стихіяхъ вообще. — Объ огнѣ. — О воздухѣ. — О водѣ. — О землѣ. — О стихійныхъ вѣщахъ и духахъ. — О тѣлесныхъ вѣщахъ. — О соли. — О сѣрѣ. — О меркуріѣ. — О времени всѣхъ вещей. — Рожденіе. — Соблюденіе. — Разрушеніе. — Дѣйствіе верныхъ звѣздъ. — О метеорахъ. — О металлахъ. — Рожденіе металловъ. — Золото. — Серебро. — Меньшіе металлы. — Дорогіе камни. — Минералы. — О растительныхъ. — О животномъ царствѣ. — Человѣкъ. — О болѣзняхъ человѣческихъ. — Тѣла. — О болѣзняхъ ума. — О болѣзняхъ души. — О совершенномъ согласіи всѣхъ вещей. — Здѣсь, очевидно, заключается программа мнѣній, какія мы видимъ у Новикова и его друзей относительно предметовъ природы: это — ихъ „тайная философія“.

выше нами перечисленныхъ, ихъ западные наставники выкапывали въ библіотекахъ мирно покоившіяся книжки средне-вѣковыхъ алхимиковъ и почерпали въ нихъ средства для приговлѣнія Діаволіні и для распространенія обскурантизма, — а простодушные москвичи нетерпѣливо дожидались, когда имъ пришло въ новыи „градуca“, вырваденный у этихъ алхимиковъ. Правда, москвичи не занимались дѣланіемъ золота и исканіемъ философскаго камня, но эти вещи, однако, были „предписаны“ и не исполнялись (какъ говорить Новиковъ) только потому, что изъ нихъ „не было никого еще, кто бы практическое откровеніе сихъ работъ знать“. Новиковъ не говоритъ, чтобы это было невозможно. Правда, Лопухинъ причисляетъ къ „антихристовой церкви“ тѣхъ, кто „прилежитъ къ златодѣланію“, но мы видимъ, что главную причину осужденія составляетъ мотивъ: если это дѣлается изъ суетнаго любопытства, но „истинная алхимія“ и „Божественная магія“ пользуются у него высокими уваженіемъ. Мы уже замѣчали, что это раздѣленіе или это смѣшеніе понятій объясняется самими свойствами алхимическаго языка, который смѣшиваетъ терминологию материальнаго химическаго процесса съ терминологіей нравственной и метафизической. Наши масоны научались этому въ своихъ книгахъ и въ „градуcaхъ“, которые именно и старались прикрывать свои алхимическія негипостемы мнимыми высшими цѣлями и таинственной философіей. Для обозначка алхимической метафизики, мы приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ книжки, писанной для профановъ или готовящихся къ высшимъ знаніямъ: книжка смѣется надъ невѣжествомъ тѣхъ грубыхъ алхимиковъ, которые не знаютъ настоящаго способа изыскивать тайны „натуры“.

„Вотъ примѣръ, весьма къ сему приличный! Древніе мудрецы, писавшіе о философскомъ камнѣ, говорятъ о соли, сѣрѣ и меркуріи. Химисты, не разумѣя ихъ загадочныхъ и иносказательныхъ речей и не вѣдая философской (sic) соли, сѣры и меркурія, работаютъ безъ размышленія наудачу, и вмѣсто кучъ золота и всеобщаго врачевства, вырабатываютъ себѣ драженіе членовъ и нищенскую суму...“

Итакъ, не довольствуясь никогда однимъ звукомъ алге-

горическихъ словъ; но старайся и тщись испытать внутренній смыслъ оныхъ, по примѣру древнихъ..."¹⁾.

Отсюда слѣдуетъ, повидимому, что авторъ понимаетъ алхимию, какъ метафизическую науку, скрывающую подъ химическими терминами гораздо больше глубокой смыслъ, чѣмъ, собственно, выражаютъ эти термины. Онъ продолжаетъ въ томъ же стилѣ:

"Такимъ образомъ, напр., истинный испытатель изъ слова соль, а знающій древніе химическіе знаки изъ сего знака (знакъ соли), коимъ древніе соль означали, видятъ больше о соли вещей, нежели сколько могутъ научить насъ всѣ новѣйшія описанія солей и раздѣленія ихъ на роды (основанныя на наружныхъ видахъ, вкусъ и видимыхъ, но еще не основательно познанныхъ дѣйствіяхъ). Ибо познаніе во внутренность вещей вселенной существенной соли, которую сыны Гермеса (sic) солю натуры называютъ, есть для большей части химиковъ еще глубокого сокровенное таинство. Ипущій истинны алхимистъ, разсматриваетъ искусство свое совсѣмъ изъ другой точки зрѣнія, нежели новыя плавильщики: тотъ измысливаетъ самъ даже до средоточія земли (Sentrum terrae); а не довольствуется такъ, какъ сіи, раздробленіемъ такихъ тѣлъ, кои въ лавкахъ и аптекъ купить можно" и т. д. (стр. 119).

Весь этотъ туманъ, прикрашенный дальнѣе ссылками на Гермеса Тризмегиста, говорившаго иносказательно о соли, на библейскія изреченія и т. п., разсчитанъ, конечно, для профановъ или для начинающихъ, какими были и наши жасоны, и если отсюда еще мудрено было научиться алхиміи, то это было уже хорошей программой обскурантизма и удовлетворительнымъ средствомъ для внушенія людямъ, до вѣрчивымъ къ этой мудрости, самыхъ дикихъ понятій о вещахъ, или даже для совершеннаго умопомраченія. Способъ, которому слѣдуетъ "истинный испытатель" природы и божественной премудрости, объясняется дальше такъ:

"Мы должны отнizu вознестися выспрь, извнѣ обратитися внутрь себя, естли хотимъ надбѣяться достигнуть высокаго и глубокаго познанія" (стр. 134), — а это дѣлается слѣдующимъ образомъ:

"Читай, братъ мой, читай священное твореніе, читай его постепенныя слѣдствія, читай его ясныя внутренніи окомы мудрыхъ, имущихъ око свое во главахъ (курсивы въ подлинникѣ), какъ говорить премудрый Соломонъ. Читай не спѣшно, какъ читать большая часть чтецовъ, слѣшащихъ только до другого листа скорѣе дочесть. Читай несправильно на семь листѣ, не можешь ты надбѣяться пользы на другомъ листѣ, развѣ обратишься назадъ, итакъ, читай правильно и сначала. Естли жежаешь читать исторію сотворенія, то придержи перваго стиха:

Berechith vata Elohim eth haschamajim weeth haetz;

и читай его нѣсколько дѣтъ, а потомъ уже, читай далѣе. (Въ примѣчаніи прибавлено: "Когда же ты сіе, и далѣе, основательно прочитаешь, тогда читай тамъ, гдѣ еще ничего не писано"). Естли же ты не чтець Священнаго Писанія, и краткоразнь для примѣчанія шаговъ натуры, — то по крайней мѣрѣ дѣлай небольшое физическое и нравственное разсмотрѣніе себя самаго: ибо самого себя имѣешь ты всегда при себѣ", и т. д. (стр. 134).

Не знаемъ, говорится ли это въ прямомъ смыслѣ или опять аллегорическомъ, есть ли это мистификація или симптомъ помѣшательства... Книжка написана, очевидно, въ розенкрейперскомъ духѣ. Въ одномъ мѣстѣ она говоритъ о великой мистической силѣ имени Jehovah, которому дасть каббалистическія числовыя толкованія и которое было также могущественнымъ "grand nom" для Сень-Мартена.

Мы не будемъ пускаться въ изслѣдованіе алхимическихъ секретовъ нашего розенкрейперства; они были простымъ повтореніемъ заиманныхъ образцовъ, которые, въ свою очередь, брали эту мудрость, въ значительной степени, изъ то-товыхъ средневѣковыхъ источниковъ. Изъ немногихъ подробностей, нами указанныхъ, читатель можетъ достаточно видѣть свойство этихъ странныхъ, подновлений алхиміи и каббалистики, имѣвшихъ притязаніе построить высшую философію и строившихъ ее на совершенномъ отрипаніи здраваго смысла.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о масонскихъ сочиненіяхъ самого кружка. Книжки, изданныя имъ, представляють мало самостоятельнаго; это — повтореніе обще-

¹⁾ "Братскія увѣщанія" и проч., стр. 117.

масонскихъ и потомъ розенкрейцерскихъ темъ, вражда противъ „злупотребленій разума“, мистическая теософія и заплата ордена. Таковы книжки: „Разсужденіе о злупотребленіи разума нѣкоторыми писателями“ (1780—1787), Лопухина, — тетрадка въ нѣскольکو страничекъ съ рѣзкими обвиненіями англикопестовъ; „Духовный рыцарь, или ипшій премудрости“ (1791), его же, маленкая книжка, гдѣ напечатанъ и „Правочительный катихизисъ истинныхъ Франкъ-масоновъ“, составляющій апологію ордена противъ несправедливыхъ обвиненій и представляющій масоновъ истинными христианами и вѣрными подданными; его же книжка „О внутренней церкви“, изданная уже при Павлѣ (1798) и наполненная обычнымъ туманнымъ мистицизмомъ. Книжка Тургенева: „Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и поданнымъ вѣрнымъ?“, изданная сначала по-французски, и уже послѣ (въ 1796) по-русски, есть опять апологія ордена, доказывающая, что таковымъ гражданиномъ и поданнымъ именно бываетъ масонъ. Журналъ новиковскаго кружка: „Магазинъ Свободно-Каменщицеской“ (1784) заключаетъ въ себѣ, кромѣ упомянутого прежде „Опыта“, разсужденія и рѣчи, говоренныя въ ложахъ, и главнымъ образомъ, трактующія о специальныхъ нравственныхъ обязанностяхъ масона въ орднѣ: о довѣренности къ ордену и мастерамъ, о повиновеніи, о скромности, о любви къ отечеству и т. п. Тема повиновенія повторяется довольно часто, и это усиленное требованіе повиновенія едва ли не стоитъ въ связи съ розенкрейцерствомъ, потому что „неизвѣстныя начальники“ именно требовали отъ розенкрейцеровъ строгого повиновенія и предостерегали ихъ отъ употребленія собственнаго разума. Затѣмъ въ „Магазинѣ“ помѣщенъ пѣлый рядъ масонскихъ хорова и пѣсень, гдѣ воспѣвается Екатерина, Павелъ, восхваляется орденъ и его мудрыя прачи, обличаются пороки и вольнодумство, передъ которыми затворяется ложа:

„Бѣги отъ насъ, злой вольнодумецъ,
Распутный, мѣсть сихъ удалы!

Бѣги, неистовый безумецъ,
Безбожникъ адскій, даъ не зрись!“ и т. п.

Упомянемъ еще послѣднiго могикана этой литературы новиковскаго кружка, книгу: „Письма С. И. Г.“ (въ 2-хъ ч.,

Москва, 1832). Это были письма Гамалѣ, вѣрнаго друга и товарища Новикова, писанныя имъ къ одному другу и представляющій характеристическій образчикъ понятій, на которыхъ окончательно остановились московскіе розенкрейцеры¹⁾: это была довольно странная помѣсь христіанской мистики и строгого аскетизма съ воспоминаніями тайной философіи, — письма изобилуютъ цитатами изъ Св. Писанія, понимаемыми въ самомъ мистическомъ смыслѣ, и когда разсужденія автора касаются внутренней челоуѣческой природы, мы видимъ, что онъ остается вѣрнѣ фантастикѣ Сень-Мартена и розенкрейцерства. Но несравненно любопытнѣ помѣщенныя въ этой же книгѣ письма Новикова къ Карамзину, по поводу изданія сочиненій этого послѣдняго. Въ одномъ изъ писемъ Новиковъ выражаетъ свое несогласіе съ философіей Карамзина и находитъ въ ней „богѣ пылкости воображенія и увлечаніи въ царство возможностей, нежели основательности“. Мы увидимъ сейчаъ, въ чемъ онъ полагалъ основательность. Рѣчь идетъ по поводу писемъ Мелодора и Филагета и разговора ихъ о счастіи, гдѣ въ Мелодорѣ Новиковъ узнаетъ самого Карамзина, а въ Филагетѣ—его друга Петрова, воспитанника новиковскаго кружка и, между прочимъ, переводчика „Хризомандера“. Затѣмъ Новиковъ самъ разсуждаетъ объ истинной философіи, — такой, какою она должна быть по его мнѣнію. Мы приведемъ это разсужденіе, потому что оно чрезвычайно характеристично опредѣляетъ послѣдній пунктъ, къ которому пришли наши розенкрейцеры,—старая, мнимо-философскія притязанія мистическаго масонства и странное положеніе, въ которое приходилось имъ становиться передъ здравымъ смысломъ и самыми элементарными понятіями науки:

...„Философія холоднаа мнѣ не нравится,—говорить Новиковъ. — Истинная философія, кажется мнѣ, должна быть отненна, ибо она небеснаго происхожденія... И у меня есть своей Филагетъ, Англичанинъ, философъ среднихъ вѣковъ, но не школьный. Въ одномъ изъ своихъ писаній говоритъ онъ, между прочимъ: „Покажите мнѣ науку, которая была

¹⁾ Замѣтимъ, что письма принадлежатъ къ послѣднимъ годамъ жизни Новикова и Гамалѣ; Гамалѣ дѣлалъ уединеніе Новикова въ Сень Авдотѣнѣ и. немного пережилъ его: Новиковъ умеръ въ 1833, Гамалѣ въ 1822 году.

бы совершеннымъ, а не подвѣльнымъ, отпечаткомъ, твореніи! Которая могла бы вести меня прямымъ путемъ къ познанію истиннаго Бога! Чрезъ которую могъ бы я изслѣдовать всеобщіи и неиллимыя сущности. Ему подвѣстныя! Науку, чрезъ которую могу я вѣрно притти къ познанію всѣхъ тайнъ, въ натурѣ скрытыхъ! Такова есть та наука, въ которой физика Адама и всѣхъ патриарховъ состояла, и которая ему была открыта.

„Если кто захочетъ согласиться уму и сердцемъ со мнѣніемъ моего Филалета, что, кажется, и должно стѣлать, ибо онъ это не выдумалъ, но только переговорилъ слова другихъ,—такъ философія нашего Филалета должна остановиться и призадуматься. Я такъ думаю, что пока двое бесѣдующихъ не будутъ совершенно согласны въ началахъ и основаніи, то всѣ разговоры ихъ будутъ бесполезны. Какія же начала? А вотъ какія: что есть Богъ? Что есть Богъ въ единствѣ? Что есть Богъ въ Троицѣ? Что есть натура? Одна ли есть натура или болѣе? Таковыя ли видимый или чувственный міръ вышелъ изъ рукъ Божіихъ, какимъ мы его видимъ, или былъ инаковъ? Что есть небо и одно ли оно или болѣе? Впечатлѣны ли троичность Божія во всей его твари или нѣтъ, и какъ мы сіе разумѣть должны? Какъ сотворенъ человекъ, изъ чего, изъ какихъ частей, и почему сказано о немъ, что онъ сотворенъ по образу Божію и по подобію? Казалось бы, и одного выраженія довольно было, но положено два. Также, почему Моисей сказалъ, что Богъ сотворилъ Адама въ мужа и жену, а извѣстно по его же словамъ, что Адамъ уже существовалъ, когда Ева еще не была, и что Ева уже сотворена была изъ ребра Адамова, тогда, когда Адаму уже нужно было спать? О какихъ верхнихъ водахъ и нижнихъ сказывалъ Моисей, что Богъ отдѣлилъ верхніи воды отъ нижнихъ? Какъ мы это должны разумѣть?.. Одинъ ли существуетъ видимый или чувственный міръ, или есть другіе міры? Солнце и всѣ планеты и звѣзды принадлежать къ видному міру, гдѣ же обитаютъ Ангелы? Гдѣ Божественный Престолъ? Съ позволенія нашихъ почтенныхъ астрономовъ, они изволятъ бредить, находя болѣе семи планетъ¹⁾, на-

1) Вспомнимъ, что открытіе Урана точно также смутило и Сенъ-

ходя и видя неподвижныя звѣзды и жалую ихъ въ солнцы. Ни болѣе, ни меньше семи планетъ быть не можетъ, понеже Богъ ихъ сотворилъ только семь, и напояніи ихъ силами, каждой приличными. Неподвижныхъ звѣздъ быть не можетъ, ибо неоспорима истина: что не имѣетъ движенія, то мертво, понеже жизнь есть движеніе. Они пожеловали и самое солнце въ наигнѣвѣйшую планету бездѣйственную, ибо что не имѣетъ движенья, то не имѣетъ и дѣйствія. Какъ же мы должны разумѣть слова Давидовы, который говоритъ, что Богъ въ солнцѣ положилъ сеженіе Свое, и даждѣ, что солнце, яко женихъ, выходитъ изъ чертога своего, и яко исполнѣнъ, предпріимлетъ путь отъ края небесе до края небесе, и нѣтъ мѣста, которое бы укрылось отъ теплоты его, и проч. Что есть философія и откуда она? Изобрѣтена ли человекомъ или дана отъ Бога человеку? Если она изобрѣтеніе человеческое, то она человеческа, а мнѣніи человеческія суть весьма переменчивы. На моемъ вѣкѣ, во всѣхъ наукахъ нѣскольکو системъ перемѣнилось, да я увѣренъ, что и нынѣ существующія системы не долго устоятъ, и перемѣнятся въ другія, новыя; намъ любезнѣе всего новое, новое и новое. Нынѣшніе физики, не довольствуясь четырьмя стихіями, которые Богъ сотворилъ, четыре только, а не болѣе, совсѣмъ ихъ разкалывали изъ стихій, за то только, что, по ихъ высокой наукѣ, что можетъ дѣлаться, то не есть стихія. Какаа слѣдота и какое нищенское понятіе о стихіяхъ¹⁾. Однако, они наирадиди насъ почти сотнею стихій. Химики все прежнее отбросили и наидѣли насъ какими-то газами, т. е. пустыми словами, неимѣющими ни значенія, ни силы. И кто можетъ всѣ ихъ бредни исчислить? Не письмами, но фоліантами развъ можно описать оныя. Любезныя древніе философы и Патриархи не такъ разумѣли философію...“ (ч. II, стр. 254—261).

Слова Новикова еда ли еще требуютъ комментаріевъ. Это былъ, конечно, обскурантизмъ, хотя, повторяемъ, эта темнота мысли и бѣдность знаній могутъ найти болѣе

Мартена, потому что разстраивало мистическое число семь. Что бы они сказали теперь?

1) Новиковъ воображалъ, что имѣетъ о стихіяхъ высшее, алхимическое понятіе, переданное розенкрейхерствомъ: онъ считалъ ихъ четыре, какъ это и сказано въ „Теоретическомъ градусѣ“.

„облегчающих обстоятельство“ въ исторіи русскаго общества, чѣмъ можетъ находить ненавистный обскурантизмъ европейскихъ мистиковъ XVIII-го и XIX-го вѣка, и у насъ—обскурантизмъ Матвѣева. Новиковскій кружокъ находился въ заблужденіи по незнанію, въ которомъ до извѣстной степени не былъ виноватъ, но европейскіе обскуранты, какъ Сент-Мартенъ и подобные, были совершенно виноваты въ незнаніи, если дѣйствовали по незнанію, или же, какъ Велднеръ и его розенкрейцеры, виноваты были въ прямой злоумышленной враждѣ къ просвѣщенію, когда дѣйствовали съ сознательной иезуитской цѣлью распространять невѣжество и развращать общественную нравственность. Когда въ XIX-мъ столѣтіи, въ періодъ господства метерниховской реакціи, обскурантизмъ сталъ цѣлой системой, онъ становился уже настоящимъ преступленіемъ противъ просвѣщенія и народовъ, преступленіемъ, для котораго нѣтъ никакихъ оправданій.

Мы видѣли, какъ глубоко упалъ новиковскій кружокъ въ вопросахъ о наукѣ и просвѣщеніи. Тѣмъ не менѣе, при всей крайности мистицизма, овладѣвшаго масонствомъ, здѣсь остается извѣстная доля положительнаго нравственнаго вліянія. Прежде всего, не все масонство было розенкрейцерики, и сами розенкрейцеры не измѣнили и не мѣшали тѣмъ преданіямъ стараго масонства, на которыхъ мы выше указывали и въ которыхъ было много нравственно полезнаго для общества, только что начинавшаго серьезно задавать себѣ нравственные вопросы. И у насъ это вліяніе задавать себѣ нравственные вопросы. И у насъ это вліяніе общества, быть можетъ, было гнѣвно, чѣмъ въ западномъ обществѣ, потому что самая жизнь была бѣднѣе и ограниченнѣе. Для европейскаго масона общественная жизнь представляла несравненно больше умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, на литературной и ученой аренѣ шла открытая борьба, которая втягивала всѣ сильныя умы и характеры,—масонство во многихъ случаяхъ становилось только предварительной элементарной школой, изъ которой общественный человѣкъ выходилъ на болѣе широкое поприще, оставляя тѣсную сферу закрытой и окруженной молчаніемъ, ложи для живыхъ вопросовъ, волновавшихъ массу общества,

и для прямой практической дѣятельности. Такъ это дѣйствительно и было: Гёте, Шиллеръ, Гердеръ, Николай, Лессингъ прошли черезъ ложи, какъ черезъ элементарную школу, которая не осталась для нихъ безъ теплыхъ впечатлѣній. У насъ дѣло стояло иначе: общественная мысль едва зарождалась, и масонскіе идеалы, какъ ни были они отвлеченны и неясны, долѣе могли оставаться единственными нравственными руководствомъ и стремленіемъ. Это была особенно популярная форма нравственнаго воспитанія. Какъ нѣчто невиданное и неслыханное, оно могло имѣть успѣхъ между людьми, неспособными ни къ какой другой формѣ нравственнаго обузданія. Въ самомъ дѣлѣ, московскіе масоны, посылая свои мнѣнія на Вильгельмбадскій конгрессъ, говорятъ, что обряды тамплерской системы, особенно сложные и пышныя, произвели большое впечатлѣніе на русскихъ, какъ „націю военную“, гдѣ въ первое время поступали въ члены ордена люди изъ знатнаго дворянства, которое, будучи „воспитано весьма чувственнымъ образомъ“, всего лучше понимаетъ подобные способы „показывать ему отношенія умозрительныя“. Понимаемое сколько-нибудь серьезно, масонство способно было оставаться въ этихъ людяхъ благодѣтельными впечатлѣніями. Вступая въ ложу, новый членъ уже на первыхъ шагахъ встрѣчалъ оригинальную фантастическую символику, которая завлекала воображеніе и своимъ нравственнымъ смысломъ могла возбуждать хоть какую-нибудь работу сознанія. Съ тѣмъ же характеромъ являлась перелѣ читателемъ и масонская книга. Книги, собственно „орденскія“, въ публику не пускались, а въ дружки, при всемъ ихъ мистицизмѣ, проходили, однако, мотивы о нравственномъ достоинствѣ человѣка, о національной и религіозной терпимости, о нравственной равноправности людей, о человѣколюбіи, обязательномъ для мыслящаго человѣка и т. д., такъ что перелѣ читателемъ являлся нравственный идеалъ, въ первый разъ проповѣдуемый съ увлеченіемъ и настойчиво. Каковъ бы ни былъ этотъ идеалъ въ его послѣдней редакціи у розенкрейцеровъ, новиковскаго кружка, во многихъ книгахъ и въ обыкновенной практикѣ ложъ сохранялись его основныя понятія, и это, конечно, были понятія просвѣщенныя и прогрессивныя: эти относительно широкія религіозныя воззрѣнія (во

всякомъ случаѣ выходящія изъ обычной мѣрки), сознаніе челоѣческаго достоинства, космополитическое чувство связи съ цѣлымъ челоѣчествомъ, едва ли не въ первый разъ явились теперь въ кодексѣ литературныхъ идей въ такой положительной формѣ. Опредѣляя это нравственное вліяніе масонства, мы не должны, въ особенности, забывать свойства той среды, въ которой ему приходилось дѣйствовать: эта среда, очень вѣрно нарисованная „Живописцемъ“, не можетъ не входить въ расчетъ при оцѣнкѣ его историческаго значенія. „Богѣ полная разработка матеріаловъ одна можетъ опредѣлить (замѣчаетъ Ешевскій), въ какой мѣрѣ мистическое направленіе могло способствовать смягченію нравовъ и распространенію просвѣщенія; но уже одна сама отверженная дѣятельность Н. И. Новикова служить лучшимъ доказательствомъ того, какъ значительно было вліяніе этого направленія. Кто знаетъ, до какой степени вліяніемъ членовъ мистическихъ обществъ можетъ объясниться гуманный характеръ правленій Екатерины II-й и Александра I-го?“ Такое вліяніе едва ли подлежитъ сомнѣнію; мы думаемъ только, что оно основано на нравственной, а не на мистической сторонѣ масонскаго содержанія, на претаніяхъ стараго англійскаго масонства, а не на розенкрейцества.

Въ нравственной оцѣнкѣ нашего масонства должна быть принята во вниманіе и другая сторона его, которая, едва ли справедливо, до сихъ поръ упускалась изъ виду. Мы уже замѣчали, что въ дѣятельности Новикова было то новаторство русскаго общества, что эта дѣятельность была свободной общественной инициативой. Каково бы ни было собственное содержаніе понятій Новикова, онъ, во всякомъ случаѣ, заявлялъ права индивидуальной свободы мысли, протѣвъ обязательности авторитета, до тѣхъ поръ господствовавшей въ такъ называемомъ образованномъ классѣ безъ возраженій. Заявленіе его было, какъ мы видѣли, до послѣдней степени скромно; оно безпрекословно подчинилось всѣмъ существовавшимъ официальнымъ условіямъ, но затѣмъ, въ этихъ опредѣленныхъ границахъ, оно требовало необходимаго простора для развитія личныхъ нравственныхъ стремленій. Противники Новикова не понимали, что это заявленіе было естественнымъ послѣдствіемъ того,

что общественная мысль начинала пробуждаться и, по обыкновеннымъ законамъ развитія, сама искала формы для своего выраженія, и что для успѣха дѣла (если онъ былъ желателенъ) надо было дать ей возможный просторъ и средства высказаться; эти противники подались личной антипатіей, не хотѣли допустить ни содержанія, ни формы этой мысли, или, если отчасти одобрили содержаніе, не допускали формы и пріемовъ. Новикова нельзя было упрекнуть съ легальными точками зрѣнія (и послѣдствіямъ его можно было упрекнуть только въ неважныхъ вещахъ); но имъ уже хотѣлось объявить его къ ходячимъ мыслямъ и ходячей моралью; подъявлять его совершенно заставили замолчать и прекратить всякую дѣятельность. Это было крайне прискорбнымъ событіемъ въ исторіи русскаго общественнаго развитія и крайне вреднымъ антецедентомъ для послѣдующихъ временъ. Если только легальныя требованія въ сущности исполнялись, общественное явленіе должно было быть поставлено его собственному теченію; если направленіе было ошибочно, погнѣбъ было бы дать ему высказаться, и оно всегда нашло бы въ самомъ обществѣ противодѣйствіе, которое лучше всего раскрыло бы его ошибки, и тогда, въ результатъ, сохранились бы только его лучшия и благотворныя стороны, которыхъ, напримѣръ, даже противники не отвергали въ нашемъ масонствѣ. Насильственная остановка часто имѣетъ свойство только укрѣпить, тѣ принципы, протѣвъ которыхъ употребляются подобныя средства, и вызывать другія насилія. Слѣдующій историческій періодъ принесъ господство тѣхъ идей, которые наканунѣ преслѣдовались, и это господство едва ли пріобрѣло отъ того мягкости и умѣренности: случилось, какъ извѣстно, совсѣмъ напротивъ... Личность и дѣятельность Новикова тѣмъ, въ особенности, и интересны для насъ, что онъ мистикъ, враждебно относившійся къ разумной наукѣ, и, наконецъ, почти готовый обскурантъ, своими убѣжденіями и дѣятельностью именно выражалъ эти требованія свободы мысли и общественного развитія. Какъ это ни странно, но въ этомъ именно и заключается историческое значеніе труда Новикова и нравственный интересъ его личности, потому что въ самомъ содержаніи его понятій, какъ мы сейчасъ видѣли, было слишкомъ много страннаго и непривлекательнаго. Къ

сожалѣнію, противники Новикова, желавшіе заставить его идти по рутинной дорогѣ, не видѣли, что просвѣщеніе подъ ферулой всегда будетъ только пародіей на просвѣщеніе: становясь въ первый разъ на ноги, оно, конечно, можетъ иногда падать, но ему надо предоставить свободу двигаться и оно окрѣпнетъ само, не будетъ нуждаться въ помочахъ, и только тогда оно будетъ прочнымъ національнымъ просвѣщеніемъ и дастъ настоящіе плоды.

Въ слѣдующихъ главахъ мы остановимся подробнѣе на этихъ отношеніяхъ дѣятельности Новикова и разсмотримъ характеръ нападеній на него противной стороны и свойство его послѣднато процесса.

ГЛАВА XI.

Литературная борьба Екатерины II съ масонствомъ.

Въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II, масонское масонство понесло ударъ, который совершенно остановилъ его общественную дѣятельность и произвелъ подавляющее дѣйствіе на всѣхъ остальныхъ масоновъ. Этотъ ударъ былъ не случайнымъ неудовольствіемъ власти, а напротивъ, результатомъ давнишняго и постепеннаго недовѣрія и вражды. Откуда же шли они—это недовѣріе и вражда?

Первоначальное проицѣтаніе, а потомъ цѣлене новиковскаго кружка были явленіемъ общественнымъ и, въ этомъ смыслѣ, кроме ближайшихъ причинъ и личныя отношеній, въ которыхъ часто ищутъ ихъ единственнаго объясненія, они имѣли свои болѣе отдаленныя и болѣе обширныя причины. Историки замѣчаютъ, что императрица не любила масоновъ, что ей непонятно и непріятно было это увлеченіе фантастикой, и что она уничтожила масонскую дѣятельность Новикова, подозрѣвая въ ней политическую, враждебную ей тенденцію. Это—правда; но до послѣднихъ событій императрица терпѣла эту фантастику; она боролась противъ нея самымъ правильнымъ и почетнымъ оружіемъ—литературнымъ; масоны бывали въ ея ближайшей обстановкѣ¹⁾.

новкѣ¹⁾. Съ другой стороны, при слѣдствіи по дѣлу, она должна была убѣдиться въ несостоятельности своихъ предположеній опасеній, тѣмъ не менѣе, Новиковъ былъ осужденъ, и осужденъ тяжелье всѣхъ другихъ, потому что относительно его ближайшихъ товарищей удовольствовались короткими московскимъ допросомъ, ограничились при казаніемъ имъ жить въ своихъ деревняхъ, а Лопухина, участвовавшато съ Новиковымъ въ тайномъ печатаніи масонскихъ книгъ, даже оставили въ Москвѣ.

Дѣло въ томъ, что Новиковъ былъ, и естественно долженъ былъ казаться, самой сильной личностью московскаго кружка и настоящимъ представителемъ направленія: если у другихъ (особенно у богатыхъ аристократовъ) масонство могло быть прихотью или модой, у него оно объяснялось только убѣжденіемъ (по мнѣнію императрицы—злонамѣренностью). Это и привлекло на него особенную бурю. Но масонство, вообще, не имѣло подъ собой почвы въ русскомъ обществѣ и ему трудно, даже невозможно было держаться при императорѣ Павлѣ, который даже покровительствовалъ масонамъ, гонимымъ накануне, логи оставались, однако, въ бездѣйствіи, при Александрѣ онъ открылись снова, масонство расширилось, какъ никогда прежде, но тѣмъ не менѣе, въ 1822 г. логи были опять закрыты, и, кажется, уже навсегда.

Историческое объясненіе этихъ фактовъ заключается въ томъ, что здѣсь встрѣчались два различныхъ начала, взаимное отношеніе которыхъ можетъ служить мѣркой внутренняго развитія общества, начало авторитета или административной опеки и начало общественной самостоятельности. Въ своемъ крайнемъ смыслѣ первое исключаетъ собою второе, какъ это и бываетъ въ обществахъ съ слабымъ внутреннимъ развитіемъ; и чѣмъ болѣе оба начала обиливаются, болѣе общество, развивая внутренніи свои силы, становится способно къ прочному гражданскому процвѣтанію.

Новиковскій кружокъ, какъ мы не разъ замѣчали,

¹⁾ Елагинъ, Зах. Чернышевъ, Бибиковъ, Реннинъ, Строгановъ, Храповицкій и др. Масонскій слухъ могъ даже утверждать, будто она сама, тайнымъ образомъ, присутствовала въ ложѣ при посвященіи в. кн. Павла Петровича.

именно представляеть собой попытку общественной самодѣтельности въ новомъ русскомъ обществѣ, созданномъ петровской реформой, и судьба его, какъ судьба цѣлаго русскаго масонства, служить указателемъ того положенія, въ какомъ стояло тогда это начало въ русской жизни.

Времена были еще крайне неблагоприятны для общественной самодѣтельности. При Екатеринѣ переживалъ самую блестящую эпоху тотъ старый общественный порывъ, который основанъ былъ еще московской централизацией и представлялъ крайнее развитіе правительственной опеки надъ всеми сторонами общественной жизни. Принципиальный характеръ петровской реформы, за который осуждали ее славянофилы, самъ былъ еще настыліемъ старинной государственной практики; реформа еще усилила государственство матеріальными средствами европейской образованности. Въкѣк Екатерины продолжалъ ту же систему опеки, которая, подъ влияніемъ просвѣдательныхъ идей XVIII-го столѣтія, направилась теперь и къ нравственному улучшенію общества, но опять только по предписаніямъ того авторитета, который управлять и вышней жизнью государства.

Стремленія правительственной опеки къ улучшенію внутренняго быта и нравовъ (любимѣйшимъ памятникомъ которыхъ остался знаменитый „Наказъ“) и постепенное развитіе самаго общества, дѣйствительно породили въ обществѣ потребность нравственнаго улучшенія. Но необходимое условіе дѣйствительнаго нравственнаго успѣха заключается въ самостоятельной работѣ общества, отъ котораго въ этомъ случаѣ невозможно требовать, чтобы оно слѣдовало исключительно чужей-либо одной программѣ: напротивъ, ему необходимо извѣстный просторъ и свобода выбора. А здѣсь, въ положеніи русскаго общества второй половины XVIII-го вѣка, это условіе было почти невыполнимо: по господствующему началу опеки, первое несогласіе во взглядахъ, первое рѣшеніе того или другаго вопроса, независимое отъ этого начала, должны были повести къ столкновенію, въ которомъ слабѣй попытка самодѣтельности должна была пасть. Такъ это и случилось съ дѣятельностью Новикова.

Подобные примѣры повторяются и во многихъ литера-

турныхъ собоитѣхъ того времени. Припомнимъ журналы 60—80-хъ годовъ XVIII вѣка. Сатирическіе листки, появившіеся съ конца 60-хъ годовъ, уже скоро стали возбуждать неудовольствіе императрицы, потому что переступали границу, какую она предполагала для литературныхъ упражненій. Переписка фонъ-Визина съ авторомъ „Былей и Небылицъ“ окончилась очевиднымъ неудовольствіемъ, и брогигливый „дѣдушка“, введенный въ „Быляхъ“ представляемъ старыхъ, болѣе благонаумныхъ временъ, крайне раздраженъ на людей, которые стали разсуждать слишкомъ смѣло и „о всемъ, міръ косо и криво пекутъ“.

Обративши вниманіе на тонъ извиненій фонъ-Визина послѣ извѣстныхъ отвѣтовъ автора „Былей и Небылицъ“ на его вопросы, мы достаточно поймемъ, что это уже перестало быть литературнымъ составленіемъ,—и если мы не ошибаемся—письмо произвело въ Екатеринѣ только презрѣніе къ его автору ¹⁾. Свободнаго выраженія мыслей, конечно, нельзя было и ожидать. При одномъ изъ своихъ отвѣтовъ фонъ-Визинъ, авторъ „Былей“ замѣчаетъ: „сей вопрось родился отъ свободомыслия, котораго предки наши не имѣли“ (очевидно, вовсе не проицрав этого свободомыслия); а на объяснительное письмо фонъ-Визина, просившее автора „Былей“ обличать пороки, авторъ замѣчаетъ, что изъ „Былей“ „строго исключается все то, что не въ умъ бателъномъ духѣ и не по вкусу прародители моего“ (упомянутаго брызгливаго „дѣдушки“), „либо скуку возбуждать могущее“ ²⁾. Конечно, такая программа была весьма неблагоприятна для противорѣчій, особенно упорныхъ.

А такимъ упорнымъ противорѣчіемъ невольно, при всей осторожности, становилась издательская и масонская дѣятельность новиковскаго кружка. Характеръ этихъ изданій не подходилъ подъ программу; изданія выражали образъ

¹⁾ Именно, если мы не ошибаемся, что къ этому автору относятся слова императрицы въ письмѣ къ кн. Дашковой: „le misérable travail qu'il soit écrivain de la plume de l'auteur des Questions“ etc. Mémoires de la princesse Dashkoff. Publié par Mistrass W. Brädfort, traduit de l'anglais par Alfr. des Essarts. T. III, P. 1859, стр. 127 [въ изданіи Bibliothèque russe et polonaise, т. XII].

²⁾ Соч. Екaтeрины II [акад. изд., т. V, Спб. 1903, стр. 54, 70, 71].

мыслей, составившись въ ея и стремились (худо-ли, хо-рошо-ли) вызывать общество на серьезные нравственные вопросы. Масонскіи мнѣнія были непріятны императрицѣ, но масоны считали себя въ правѣ какъ держаться ихъ въ душѣ, такъ и излагать ихъ литературно, когда на нихъ не только еще не падало запрещеніи, но масонство имѣло полную терпимость. Стѣсненіи масонской дѣятельности начинаютъ съ тѣхъ поръ, какъ орденъ пересталъ быть игрушкой и начинать дѣлаться извѣстной нравственной силой.

Таковъ былъ общій смыслъ положенія масонства. Оно было открыто всякимъ случайностямъ, потому что, какъ признать общественнои инициативы, оно, вообще, не имѣло никакихъ прочихъ правъ существованія ¹⁾.

Съ самаго начала масонство показалося постороннимъ людямъ, вообще, чѣмъ-то подозрительнымъ: какъ новость, нарушавшая старину, оно породило недобрыя, смыслъ его былъ непонятенъ. При Елизаветѣ графа Головина формально допрашивали объ его масонствѣ; познѣе, къ масонству нѣсколько привыкли, но въ массѣ общества оставалась подозрительность и вражда. Для людей старато вѣка, "фармазонъ" быть столько же ненавистенъ, какъ "вольтеринскъ", — хотя это должны были быть люди весьма различнаго свойства. Какъ понимали масоновъ въ извѣстномъ слое общества, довольно видно изъ той "псалмы", о которой упомянуто выше: масоновъ обвиняли въ какомъ-то рои упомянуто выше: масоновъ обвиняли въ какомъ-то ужасномъ нарушеніи общественныхъ правилъ, религіи и нравственности.

Другого рода нападенія на орденъ нашли себя мѣсто въ литературѣ.

Главное и почти исключительное мѣсто принадлежить здѣсь сочиненіямъ императрицы Екатерины; она нѣсколько разъ возвращалась къ этому предмету, и поданный ею при-мѣръ былъ, конечно, главнымъ поводомъ и къ литератур-

¹⁾ Въ слѣдующемъ изложеніи мы не будемъ пересказывать всей исторіи паденія московскаго кружка; отсылая читателя къ изложенію фактовъ у Лонгинова, мы остановимся преимущественно на томъ, что у него объяснено недостаточно, или невѣрно, или не указано вовсе.

нымъ выходкамъ противъ масонства у другихъ, напр., и у Державина. Первымъ нападеніемъ императрицы была брошюра въ нѣсколько страницъ, подъ названіемъ: "Тайна противно-нелѣпнаго общества (Antiabsurde), открывающа непричастнымъ оному"; она была издана въ 1780, хотя помѣщена 1759-мъ годомъ ¹⁾. По указанію Бѣбера, брошюра вызвана была начинавшимся перелѣть тѣмъ связямъ русскихъ масоновъ съ Швецией. Это — нѣрѣдко весьма остроумная пародія масонскаго ритуала, заключающая въ себѣ, во-первыхъ, "Извѣстіе" о началѣ противно-нелѣпнаго, т. е. противнаго масонскимъ нечлѣностямъ общества ("общество сіе начало свое восприимло въ то самое время, въ которое общій разсудокъ въ свѣтъ взошелъ", т. е. здравый смыслъ, esprit com-mun); во-вторыхъ, "Обрядъ принятія" и, въ-третьихъ, "Катехизисъ". Масонскимъ странностямъ въ этой пародіи противопологается здравый смыслъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

"Пожа принятія должна быть комната, которая бы отнюдь не походила на корчмѣ, а тѣмъ менѣе на лавку площадныхъ врачей".

Первое намекать на застольныя собранія масоновъ или, такъ называемыя, столовыя ложки, которые были особенно въ ходу въ началѣ нашего масонства, какъ мы выше упоминали; второе указываетъ, вѣроятно, на символическія принадлежности ложки и масонскаго наряда, хотя сравненіе, взятое не изъ русскихъ нравовъ, едва ли было мѣтко, "Мушны ножки, начерченныя мѣломъ, и прочія дѣтскія игрушки, или шалости, навсегда изъ оной изгнаны".

Это намекать, вѣроятно, на масонскій чертѣжъ, который для принятія новаго брата чертились мѣломъ на полу ложки и изображали масонскіе символы; этотъ чертѣжъ дѣлался также особо и его просто клали на полъ; это такъ называемый "коверъ" (tapis).

"Принимаемый входить съ своимъ вводителемъ, не имѣя тазъ завязанныхъ и во всей одеждѣ для того, что почитается неучтиво и неблагопристойно въ честной бесѣдѣ быть обнаженнымъ".

¹⁾ Перепечат. въ соч. Екатерины II, акад. изд., т. V, Спб. 1903, стр. 345—352. Ред.

„Масонскій ритуаль въ обрядъ принятія требовалъ званія званія глазь принимаемому и обнаженія груди и одного когъна.“

Датье, принимаемого подводитъ къ началнику противонетпато общества, даютъ ему вынимать изъ корзины разныя тетради и спрашиваютъ его мнѣнїя объ ихъ содержанїи. Принимаемый находитъ въ корзинахъ (конечно, брошенныя туда противонетпатыми людьми по негодности) тетради, пародирующїи масонскую мудрость, переконїи и костюмы: „скака о киникарахъ, о бабъ-Мѣ, въ которой нѣтъ ни капли общаго разсудка, и коими надъ людьми издѣваются“, дальше: „шарлатанство, двадцать разъ объ одномъ повторяемое, которое болѣе ни къ чему не служитъ, какъ только къ ежедневному умноженію числа въ обманъ влѣющихся“, „богтанье и дѣтскїя иррушки сколь скучны, столь отвратительны, маскарады и смѣшныя украшенїя всякаго рода, вскїи нетпости, съ вопросами и отвѣтами, имъ подобными“. Принимаемый на все отвѣчаетъ, что это скучно, нетпно и „скаречно“.

Затѣмъ начальникъ объясняетъ новопринятому: „Государь мой! наше общество не посылаетъ своихъ денегъ къ чужестранцамъ;—мы дружелюбно и весело вмѣстѣ ужинаемъ; теперь отъ васъ зависить число наше умножить; другой разъ вы заплатите вашъ рубль. Если у насъ остаются деньги, мы помогаемъ имъ бѣднымъ людямъ, которые съ нами въ одной землѣ живутъ. Не забывайте никогда, что человѣческій здравый разсудокъ препятствуетъ вѣдѣть мечтанїя, а разумъ влѣваться въ небылицы“.

Въ „Катехизисѣ“ начальникъ и принимаемый, между прочимъ говорятъ такъ:

Вопросъ. Въ какую игру дѣти съ завязанными глазами играютъ?

Отвѣтъ. Въ жмурки.

В. Одни ли малыя дѣти въ сїю игру играютъ?

О. Малыя и также большіе...

В. Кто таковы тѣ большіе дѣти, о коихъ вы сказали?

О. Тѣ, кои, безпрестанно обманывая другихъ, многократно сами въ обманъ влѣются...

В. Что противуполагается общему разсудку и правды, прямого разсужденїя?

О. Химеры, привидѣнїя и изступленїя.

В. Что противопологается строгой точности?

О. Пустыя и несмысленныя слова...

В. Что такое есть, которое въ просторѣчїи называется обезьянствомъ?

О. Необычайныя и странныя тѣлодвиженїя. (Подъ этими послѣдними разумѣются условныя прѣмы и тѣлодвиженїя, по которымъ масоны узнавали другъ друга, и которые употреблялись въ ложахъ при разныхъ обрядахъ).

Эта пародїя вполнѣ выражаетъ взгляды императрицы на масонство: ей не нравились его мистическїй туманъ и вѣщныя странности; ей не нравилось и то, что масоны посылалъ деньги чужестранцамъ, тогда какъ члены противонетпато общества помогаютъ бѣднымъ, живущимъ съ ними на одной землѣ. Но пародїя по разнымъ причинамъ не была убѣдительна: личная антипатїя автора была замѣтна, но сущность дѣла не была еще опровергнута.

Кто доказалъ тогда нашимъ масонамъ, что ордентъ есть только иррушка и произвольная выдумка? Они знали, напротивъ, что ему придается высокой авторитетъ, что онъ имѣеть множество послѣдователей въ Европѣ, между людьми даже высокаго общественнаго положенїя, людьми образованными, которыхъ они могли считать не легко способными влѣваться въ пустой обманъ; что многіе изъ государей Европы были его членами и оказывали ему покровительство. Орденъ, какъ упречденїе, по ихъ мнѣнїю, чрезвычайно древнее и закрытое для профановъ, могъ, естественно, имѣть свои вѣщныя отличїя, обстановку и символы; они могли казаться смѣшны для постороннихъ, но это не лишило ихъ внутренняго значенїя. Его символы были исполнены нравственнаго смысла, превращавшаго ходячую мораль. Наконецъ, посылка денегъ чужестранцамъ могла не считаться дѣломъ особой важности; посылки были невелики и притомъ масоны могли указать на гораздо большїи деньги, которые отлавались такимъ же чужестранцамъ, за пустую молнюю роскошь, или которыхъ тратились для поощренїя „безбожнѣхъ“ писателей, какъ Вольтеръ или Дидро, ненавистныхъ тогда не однимъ масонамъ.

Приравнивая масоновъ къ малышъ дѣтѣмъ, а ихъ де-

генды къ речичимъ сказкамъ, пародія такъ развивають еще этотъ аргументъ:

Вопросъ. Какія сказки кормилицы сказываютъ дѣтямъ?

Отвѣтъ. Сказки о домовыхъ дѣдушкахъ, и о кикиморахъ.

В. Забавны ли онѣ или нравоучительны?

О. Никакъ, онѣ наводятъ лишь зѣвоту, и все тутъ.

В. Что дѣлали въ такихъ случаяхъ благоразумныя воспитательницы въ половинѣ осьмагодесяти столѣтія?

О. Онѣ заперещали сказывать сказки о кикимарахъ и прочая.

Это, конечно, еще меньше рѣшило вопросъ. Во-первыхъ, зачѣмъ запрещать, если сказки наводятъ лишь зѣвоту, а другой опасности не представляютъ? Во-вторыхъ, если можетъ быть благоразумной педагогической мѣрой запрещеніе нескладныхъ сказокъ, маленькимъ дѣтямъ, то для нѣскольکو взрослыхъ запрещенія, какъ извѣстно, иѣли не достигають. Они заставляють только дѣлать запрещаемое тайкомъ, что бываетъ еще хуже, потому что вводитъ недовѣріе и лицемеріе. Для большихъ дѣтей нужны объясненія, а такого объясненія наши масоны не получали.

Въ томъ же тонѣ написаны и три комедіи императрицы Екатерины противъ масонства, теософіи, духовидѣнія и магнетизма. О комедіяхъ „Обманщикъ“ и „Обольщенный“ (оба 1785), сама императрица пишетъ къ Циммерману: „первая весьма живо представляетъ Каліостро (коего я никогда не видывала, ни его жены, хотя она здѣсь и была), а другая — имъ обманутыхъ“. Третья комедія была „Шаманъ Сибирскій“ (1786), для которой, по словамъ самой императрицы, послужила основой статьи Энциклопедіи *Théosophes*¹⁾.

Это была иѣлая систематическая полемика. Комедіи императрицы переводились на французскій и нѣмецкій языки, императрица писала о нихъ Циммерману, что, какъ извѣстно, служило для нея только своего рода средствомъ полуофициально дѣлать извѣстными свои мысли о томъ или другомъ предметѣ. Она писала къ Циммерману съ мнимой откоро-

венностью о политическихъ предметахъ, будучи увѣрена, что письма будутъ прочитаны на иностранной почтѣ или будутъ распространены самими Циммерманомъ. Она говоритъ съ нимъ и объ этихъ комедіяхъ и посылаетъ къ нему ихъ переводы. Екатеринѣ, очевидно, хотѣлось не только обличить заблужденія своихъ подданныхъ, но и колынуть нѣмецкихъ масонскихъ мистиковъ, у которыхъ тѣ почуялись. Циммерманъ игралъ тогда роль *esprit fort*, человека безъ предрасудковъ, и самъ погемизировалъ одно время противъ мистиковъ. Въ статьѣ своей противъ страбурскихъ магнетизеровъ онъ упоминаетъ о сибирскихъ шаманхъ и пишетъ императрицѣ комплименты по поводу ея комедіи. „Я очень рада, — отвѣчаетъ она, — что вы хорошо отзываетесь о „Сибирскомъ Шаманѣ“, ибо сама очень люблю эту піесу, но опасюсь, что она никого не исправитъ. Нѣтъности стойки, содержащіяся же въ сей піесѣ сѣдлались молчалими. Большая часть нѣмцевъ и пріице въ думаютъ, что слѣбно предаваться симъ филтерствамъ принадлежить къ искусству жить въ свѣтѣ... Си новыя заблужденія принудили у насъ слурачиться такимъ людямъ, которые прежде сего не были дураками...“¹⁾. Описывая тараскихъ имамовъ, выдѣльныхъ ею въ Крыму, она замѣчаетъ: „Между ними есть такіе люди, кои вертутся до тѣхъ поръ, пока не упадутъ въ обморокъ, и все кричатъ: алла гое; такіе очень близки получить вдохновеніе, а слѣдовательно, не очень далеки отъ шамановъ сибирскихъ и нѣмцевъ...“ О первыхъ двухъ комедіяхъ императрица пишетъ Циммерману: „Наша публика весьма полюбила сіи двѣ піесы, которыя и въ самомъ дѣлѣ очень забавны. Я для того къ вамъ сіе пишу, чтобъ вы знали, какъ [зѣтъ] обходиться съ илѣюминатами. Говорятъ, что Германія ими наполнена, и это, я думаю, по модѣ, потому что французы восхищаются такими бреднями...“ Наконецъ, въ письмѣ 1788 г.: „Думаю, что ученые Каліостровы столь же безопасны, какъ и Магометовы... Это сѣкта слабыхъ, умовъ, и фанатиковъ“²⁾.

¹⁾ Въ этомъ случаѣ она могла, между прочимъ, разумѣть И. П. Елагина и графа А. С. Строганова (Лонгиновъ, 133: Державинъ, изд. Грота, I, 245).

²⁾ Соч. Екатерины, изд. Смирдина, III, 443, 451, 456. [Ср. акад. Ред.

¹⁾ Комедіи „Обманщикъ“, „Обольщенный“ и „Шаманъ Сибирскій“ перепечатаны въ сочин. Екатерины II, акад. изд., т. I, Спб. 1901.

Комедии императрицы достаточно известны, и мы извлекъ изъ нихъ только обвинительные пункты, ради которыхъ онъ написанъ. Сибирскій шаманъ, вывезенный въ Петербургъ, возбуждаетъ въ столицѣ великое удивленіе: онъ колдуетъ, угадываетъ людскіе характеры по чертамъ лица, лечитъ мудренныя болѣзни и т. п. Благодарное лицо комедии, введенное, по обычаю, и здѣсь, разсуждаетъ обо всемъ этомъ такъ: „Глупость и невѣжество воездѣ видить колдовство тутъ, гдѣ смыслъ обыкновенный ихъ кратокъ находится“. Комедии есть ріесе d'intigue, и шаманъ играетъ роль, какую исполняетъ во французскихъ комедіяхъ ловкій интригантъ-слуга: онъ соединяетъ любящіе сердца и, собственно говоря, этимъ дѣлаетъ хорошее дѣло. Но по-року долженъ быть наказанъ, и комедія все-таки кончается криминально: шамана берутъ подъ стражу. Вина его въ томъ, что онъ выманивалъ деньги у легковѣрныхъ, завелъ шаманскую школу и, между прочимъ, устроилъ слѣдующее: „сказываютъ, будто онъ у какой-то купеческой вдовы выманилъ денегъ и обѣщалъ ей показать мужа на яву, и для того приводилъ къ ней два дня сряду нарочно наряженныхъ бородачей, коихъ она, испугавшись, приняла за мертвого сожителя“, и этого обманъ потому открылся. Но насколько виноватъ былъ шаманъ въ чужой глупости? Онъ не самъ пріѣхалъ изъ Сибири въ столицу, его вывезли другіе, которые, собственно говоря, и должны бы были въ отвѣтъ, но казнь пала на одного шамана, и если другіе преступленія шамана были похожи на приключеніе съ купчихой, исполненное комизма, то авторъ едва ли бы не лучше поступилъ своей иѣлш (исправленіи нравовъ), если бы оставить дѣло на почвѣ смѣшного, а не сводить его къ уголовному суду; да кромѣ шамана занялся бы и купчихой. Съ уголовнымъ судомъ, особенно стариннымъ, комизмъ прекращается.

Въ „Обманишникъ“ комедія опять не выдерживаетъ безъ уголовного суда. Липо, изображающее Каліостро, говорить мистическій вздоръ, бесѣдуетъ съ духами, варить золотого хозяину дома (гдѣ его дружески приняли), и для этого от-

изд., т. I, стр. 288, 342—346]. Мы упоминаемъ дальше о смѣшеніи масоновъ съ иллюминатами, которое дѣлаетъ императрица, говоря о своихъ комедіяхъ противъ масонства.

бираетъ у хозяйина настоящее золото и алмазы и съ ними исчезаетъ. Въ концѣ комедіи полиція, однако, излавливаетъ его и отдастъ въ руки правосудія.

Въ „Обманишникъ“ собрано, кажется, всего больше подробностей, принадлежащихъ собственно русскому масонству. Главное лицо комедіи, Раготовъ (radoter — болтать), есть именно мартинистъ, какъ ихъ тогда представляли. Онъ ведетъ себя странно. Жена его боится, чтобы онъ не сошелъ съ ума: онъ говоритъ не такъ, какъ другіе, въ мислахъ есть связь, но онъ странны. На вопросъ, не жалуется ли онъ на болѣзнь, жена отвѣчаетъ: „боги всякой онъ весьма радъ, какъ собственно своей, такъ и людей постронныхъ“, потому что, по словамъ его, „болѣзнь есть благое самое состояніе“ (указаніе на мистическій аскетизмъ, какой былъ у нашихъ масоновъ). Дальше: „На прошедшей недѣль пропали у насъ часы со стола, у меня табакерка, пришли ему про то сказать, онъ съ улыбкой молвилъ только: хорошо, кому ни есть годится“ (есть подобныя разсказы о другѣ Новикова, Гамалѣѣ). „Онъ уклоняется отъ того, что намъ кажется хорошо, весело, пріятно, равновѣрно и отъ людей и дѣлъ“. Началось это съ нимъ „съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній разъ былъ въ отпуску: на дорогѣ, что ли, встрѣтился съ какимъ-то человѣкомъ, котораго онъ привезъ сюда; съ нимъ онъ запершись сидитъ долго и приволить къ нему еще нѣсколько людей, коихъ имена и состояніе мало кому извѣстны. Одѣты они дурно, говорятъ языкомъ неразумительнымъ, лицами блѣдны, отъ голода ли то, не вѣдаю; но когда съ нимъ обѣдаютъ, тогда для нихъ двое пить и вѣсть изготовить надлежитъ“.

Благодарное лицо комедіи говорить о немъ такъ: „Я его почитаю обманутымъ... Онъ доискивается вещей такихъ, кои давно въ свѣтѣ извѣстны, что найти нѣтъ возможности, и точно всего того, что изстари замыкалось подъ разумнымъ словомъ суемудрія... Похоже на то (что онъ бредитъ), ибо онъ варить золотого, алмазы, составляетъ изъ росы металлы, изъ травъ нивисъ что: домогается притомъ имѣть свѣщеніе съ какими-то невидимками, посредствомъ разныхъ шалостей и сушихъ ребячествъ, коими Разумный свѣтъ прежнихъ вѣковъ и нынѣшняго смѣется... Голову свернули ему кабацкіе старыя

бредни, для разобранія какихъ-то цифровъ досталъ онъ еврейскаго учителя, котораго онъ почитаетъ за весьма великаго знатока... сей бѣдной Жиль потаенно здѣсь торгуетъ въ доскутномъ ряду".

Негласными Раптова заражена и его дочь. Бабушка ея рассказываетъ: "Пришла ко мнѣ въ горницу внука моя Тасия, увидѣла на столѣ передо мною стоитъ стаканъ съ пивъгами; она начала цѣловать листочки, я спросила: на что? она на то сказала, что на каждомъ листѣ душиекъ обитаетъ... и будто на баулавономъ концѣ нѣскольکو тысячъ умѣщается... Я отъ страха омерла... вѣкъ чего мы боялись... предковъ нашихъ въ ужасъ приводило... отъ чего отплевывались... съ тѣмъ нѣмъ самовольно окружаются! и шенки уже возясь!.. разращеніе вѣдь это сущее!"

Наконецъ, еще одна черта: "Они въ намѣреніи имѣють, потаенно заводить благотворительныя разныя заведенія, какъ-то: школы, больницы и тому подобное, и для того стараются привлечь къ себѣ людей богатыхъ", на что одно изъ благоразумныхъ лицъ комедіи замѣчаетъ: "Дѣла такого роду на что производить сокровенно? когда блантъ указаніемъ открыты всевозможныя у насъ къ такимъ установленіямъ удобства". То же лино выражается вообще относительно масонства: "Когда отлагается въ жизни кто отъ принятыхъ уже повсюду правилъ, толико прибижается онъ къ коллобродному воображенію".

Какъ видимъ, сюжетъ и здѣсь сводится опять къ тому же мотиву, именно къ воровству-мошенничеству, которое въ концѣ комедіи открывается и наказывается уголовнымъ порядкомъ. Сравнивая содержаніе комедіи съ общественнымъ явленіемъ, изображеніе котораго было ея цѣлю, мы найдемъ, что авторъ переступалъ мѣру: онъ слишкомъ явно хотѣлъ уронить масонство и представить его въ пошломъ видѣ; комическая сила исчезла за очевиднымъ его раздраженіемъ. Какое бы ни было масонство того времени, но свести его на одно разбиваніе бауловъ съ деньгами и нескладный "сумбуръ" въ рѣчахъ было слишкомъ преувеличено. Масонство состояло не въ этомъ, и не люди "неизвѣстнаго состоянія" были его заводчиками: правда, въ немъ появлялись и авантюристы, но, главнымъ образомъ, свои

люди изъ высшей аристократіи пускались въ равностные поиски за масонствомъ, какъ, напр., русскіе друзья Сень-Мартена, Воронцовъ, Репнинъ, Скавронскій, Голицынъ, Кошеговъ, какъ другіе искали масонской и розенкрейцерской алхиміи...

Далѣе, насколько нравственные стремленія масонства отступали отъ принятыхъ уже правилъ, мы видѣли выше въ исторіи личныхъ понятій Новикова: нѣрѣдко бывало то, что эти отступленія вызывались именно богѣ высокими нравственными требованіями, каковы не удовлетворяда принятая мораль; масонскій аскетизмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже доходилъ до отрицанія крѣпостного права. Самая масонская фантастика могла находить оправданіе въ условіяхъ нашей образованности. Что, напримеръ, хотѣлъ сказать авторъ словами бабушки о сущемъ разращеніи ея внука? "Разращеніе" состоитъ только въ томъ, что бабушка, какъ женщина стараго вѣка, боялась разговоромъ о духахъ накликаеть нечистую силу. Если внука уже смѣло говорить о духахъ, то это быть даже нѣкоторый успѣхъ, — конечно, еще плохой, но, во всякомъ случаѣ, не хуже старца. "Разумный свѣтъ", правда, могъ смѣяться надъ такими ребячествами (притомъ, надъ ребячествами не только внука, а еще болѣе самой бабушки); но средства русскаго образованія были, къ сожалѣнію, еще не такъ велики, чтобы масу общества можно было слишкомъ винить за тѣ или другіе предрасудки; а главное, настоящее образованіе поощрялось очень умѣренно, и самъ авторъ "Былей и небылицъ" бывалъ очень недоволенъ, когда въ образованныхъ людяхъ проявлялись свойства, которахъ "наши предки не имѣли".

Новое поколѣніе было, однако, лучше стараго уже въ томъ, что все-таки думало объ учрежденіи школы, болѣе или т. п. Благоразумное лицо комедіи и здѣсь упрекаетъ масоновъ, что они дѣлають это потаенно. Это обвиненіе не вполне точно: масоны дѣйствительно окружали свое общество тайнственностью (хотя она, по словамъ самой императрицы, похожа была на театральную тайну, о которой говорятъ такъ, что всѣмъ слышно, и, кромѣ того, эта тайна во многихъ книгахъ напечатана), но свои болѣе или менѣе школы наши масоны учреждали вовсе не потаенно,

а напротивъ, совершенно откровенно: объ нихъ печаталось и во всеобщее свѣдѣніе.

Наконецъ, извѣстная доля этихъ обвиненій была уже разъяснена самими масонами. Мы уже говорили, что масса общества питала предубѣжденіе противъ нихъ, масоны знали о нерасположеніи императрицы, и еще до появленія комедій воспользовались для своей защиты апологиями орденна, явившимися въ западной литературѣ масонства. Такова „Апология“, изъ которой мы уже привели отрывки; по мнѣнію масоновъ, она, вѣроятно, достаточно опровергла обвиненія, какія возводились на нихъ съ общественно-политической точки зрѣнія. Мы приведемъ ее главнѣйшіе аргументы ¹⁾.

Упомянувши сначала разные неблагопріятныя мнѣнія, существовавшія тогда объ орднѣ, и сказавши о дѣйствительныхъ недостаткахъ нѣкоторыхъ братьевъ и „ложныхъ масоновъ“, авторъ берется, однако, защищать орденъ отъ обвиненій, несправедливыхъ, и ведетъ защиту почти такъ: — Масоновъ обвиняють, что они скрываютъ свое ученіе въ тайнѣ, что, поэтому, ихъ тайна есть, вѣроятно, „тайна злобы“, что такъ какъ правительство не знаетъ этой тайны, и масонское общество существуетъ безъ разрѣшенія правительства, то оно составляетъ государство въ государствѣ и, слѣдовательно, не должно быть терпимо. Авторъ отвѣчаетъ на это, что тайна есть не въ одномъ масонствѣ, и одна тайна не можетъ ничего говорить противъ ордена: государственныя люди также имѣють и скрываютъ свои тайны, а ихъ никто, однако, не винить; и масоны упреждаютъ тайну потому, что не всѣмъ людямъ доступно ученіе подобное ихъ ученію, и тайна нужна именно для того, чтобы сохранить его въ чистотѣ. Масоновъ вовсе нельзя упрекнуть въ томъ, что они составляютъ status in statu, какъ можно было упрекнуть въ этомъ іезуитовъ, это, конечно, самое опасное и вредное обвиненіе для ордена, но оно по-

¹⁾ „Апология“, изданная безъ имени автора, принадлежитъ, какъ было уже сказано, одному изъ самыхъ крупныхъ интригановъ нѣмецко-русскаго масонства, извѣстному оберъ-гофъ-предіеру Штарку, о которомъ см. выше [стр. 111—115]. Но это не дѣлаетъ разницы въ содержаніи аргументовъ, которые были довольно общими у масоновъ.

ложительно опровергается тѣмъ, что въ орденѣ находятса самые важные государственныя люди, и даже самые государи (какъ, напримеръ, императоръ Францъ), которые, конечно, не могутъ быть врагами государству; при томъ братья обязываются повиноваться государственной власти, что должно было бы освободить ихъ отъ подозрѣній.

Масонамъ говорить, что ихъ общество бесполезно, что каменщики строятъ уже давно, по ихъ счету чуть не съ сотворенія міра, но еще никогда ничего не выстроили, слѣдовательно, государству эти люди бесполезны и оно имѣетъ право изгонять ихъ. Авторъ отвѣчаетъ, что мудрено судить о томъ, о чемъ нѣтъ свѣдѣній, и что глухіе считаютъ бесполезными музыкантовъ, а слѣпыя живописъ. Противъ масоновъ существуетъ предубѣжденіе, и это самое заставляеть ихъ скрыватьсѣ; люди предубѣжденные не хотѣли признавать и явныхъ хорошихъ дѣлъ масонства, которые были, однако, оцѣнены тамъ, гдѣ масоны могли существовать открыто, именно въ Англіи и Швеціи. Достаточно, если орденъ улучшаетъ своихъ собственныхъ членовъ, которые продолжаютъ принадлежать государству; этимъ орденъ приноситъ свою пользу.

„У васъ“, гонорятъ масонамъ, собраніе всякихъ людей, состояній, возрастовъ, народовъ и ремеслъ. Таконя смѣсь нельзя, чтобы не колебала отъ Бога и натуры основанный порядокъ и наблюдала точно законъ каждаго, и сомнише ваше тѣмъ опаснѣе, что оно покрываетъ всю землю“. Мы привели выше разсужденіе „Апологии“ о релігіозной терпимости, защищающее орденъ относительно „всякихъ вѣръ“. Авторъ говоритъ дальше, что еслибъ орденъ держался относительно „состояній“ противоположнаго права и принималъ не всякихъ людей, а только, напримеръ, однихъ государственныхъ людей, однихъ военныхъ, однихъ мѣщанъ, духовныхъ или однихъ „подлыхъ“ людей и т. д., то изъ этого еще легче было бы составить ужаснѣйшія обвиненія въ вѣщахъ, опасныхъ для государственнаго спокойствія, въ заговорахъ, ересяхъ и т. п. Если бы въ орденѣ принимались одни молодые люди, или также „принимались“ женщины, то явились бы обвиненія въ развратѣ и пр. Главное же основаніе этого масонскаго обычая въ томъ, что масонство не снимаетъ съ членовъ никакихъ его об-

шественныхъ обязанностей, и онъ, будучи въ орденѣ, считается гражданиномъ по-прежнему.

Объ этихъ общественныхъ отношеніяхъ „Апология“ говоритъ слѣдующимъ образомъ:

„Можетъ быть и уволить насъ, наконецъ, противники наши отъ такого порицанія, но порядокъ, скажутъ, въ обществѣ таковымъ смѣненіемъ нарушается.

„Было бы такъ, если бы обязательства наши освобождали насъ отъ прочихъ обязательствъ. Государь и начальникъ не рущать своихъ обязательствъ. Въ ложи онъ остается таковымъ, и сынъ, поданный и слуга не забываютъ должностей своихъ. Обязательства ордена обязываютъ ихъ къ болѣе приверженности, повиновенію и вѣрности въ ложи. Не разрушаетъ орденъ союзъ должностей святскихъ и мирскихъ, Богомъ установленнаго, не колеблетъ. Знаемъ мы, сколь сей нуженъ, не колеблетъ, но паче утверждается. Для чего не дѣлали такихъ укоризнъ первому христианскому обществу, кое не меньше изъ разнаго рода людей, возраста и пола состояло, и котораго члены также братьями именовались?“

Наши масоны вполне принимали эти аргументы и, познѣ, сами выставляли ихъ доказательной защитой своего общества (напр. И. В. Лопухинъ, И. П. Тургеневъ).

Мы упомянемъ еще два-три литературныхъ факта, явившіе также нѣкоторое противодѣйствіе масонству со стороны общества, весьма, впрочемъ, слабое.

Въ 1784 г. вышла книжка „Масонъ безъ маски“¹⁾, имѣвшая цѣлью осмѣять орденъ. Книжка, очевидно, англійскаго происхожденія, но переведена съ французскаго: къ русскимъ обстоятельствамъ она вовсе не подходила, и даже давала не очень дурное понятіе о цѣляхъ масонства. Авторъ явился бывшимъ масономъ; онъ бросилъ общество, потому что нашелъ, въ немъ одни ребяческіе обряды, скрывающіе за собою праздное препровожденіе времени: ложу онъ представлялъ клубомъ, куда люди собираются пить, портеръ и толковать о политикѣ, о вѣрѣ и обо всемъ на

¹⁾ „Масонъ безъ маски или подлинныя таинства масонскія, изданныя со многими подробностями точно и безпристрастно. Въ Санктпетербургѣ 1784 года, печатано съ дозволенія узаконнаго у Христофора Генинга“. VII стр., 3 нум. и 114 стр.

свѣтѣ. Онъ подробно описываетъ обряды (низшихъ степеней), осмѣивая масонскія хитрости, употребляемыя съ цѣлью производить впечатлѣніе на новичка. Въ предисловіи и въ самой книгѣ онъ издѣвается надъ масонствомъ, но въ самой началѣ даетъ о немъ такое понятіе. „Масонство было прежде сего собраніе людей избранныхъ, которыхъ дружба соединила и поощряла взаимно подавать помощь другъ другу въ нуждахъ, а нынѣ оно не что иное есть, какъ общество такихъ людей, кои любятъ роскошь и пиры и кои пріемиются безъ всякаго разбору въ состояніи или достоинствахъ... Приятно бы было, если бы исторія сохранила намъ имя того человѣка, который первый положилъ камень во основаніе сего обширнаго зданія. Сей человѣкъ, коему должно приписать по справедливости безсмертіе, имѣлъ просвѣщенный разумъ и чистое сердце. Онъ усмотрѣлъ, что всѣ люди равны и что ничего не достаетъ къ ихъ благополучію, какъ токмо, чтобы они сами хотѣли оного достигнуть чрезъ взаимную и искреннюю любовь. И поелику страсти человѣческія и достоинства (т. е. различіе общественныхъ положеній) препятствуютъ успѣху нашего благополучія, то онъ надѣлся, изгнавъ оныя, возвратитъ прежнему невинность, и выдумалъ на сей конецъ систему, которой идею, по моему мнѣнію, взять онъ изъ Платоновой системы“ (стр. 1—6). Въ своемъ современномъ масонствѣ авторъ находитъ много недостатковъ, но самъ называетъ ихъ „печальнымъ злоупотребленіемъ“, „слѣдствіемъ слабости человѣческой и нещастія временъ“. Понятно, что такое осужденіе масонства не могло повредить ему; книжка описывала чужіе недостатки и высоко цѣнила самую сущность масонства...

Естественно было ожидать, что обличительныя письма императрицы вызовутъ услужливыхъ подражателей. Въ 1786 г. явилась (совсѣмъ плохая) комедія неизвѣстнаго автора: „Мнимый мудрецъ“, гдѣ выводится обманщикъ-ахимистъ, который учить „самопознанію“ (намекъ на книгу Іоанна Масона), приводить въ своихъ рѣчахъ цѣлыя тирады изъ книги „О заблужденіяхъ и истинѣ“, напечатанныя курсивомъ, чтобы читатель какъ-нибудь не проглядѣлъ того, что долженствовало быть обличеніемъ, благозрачное лицо опять обличаетъ обманъ и т. д.

Изъ друтихъ нападеній на масонство, явившихся около этого времени ¹⁾, упомянемъ развѣ о стихахъ Державина. Какъ извѣстно, Державинъ не любилъ масонства, и въ своихъ восхваляемыхъ императрицы, онъ не забываетъ упомянуть:

Къ духамъ въ собранье не възажась,
Не ходишь съ трона на Востокъ,—

т. е. въ масонскіе ложи, въ одѣ на „Счастье“ онъ колетъ мартинистовъ стихомъ.

Весь міръ сталь полосатый шуть,
Мартышки въ воздухъ явились;—

но эти и подобныя выраженія не даютъ основанія предположить, чтобы Державинъ въ самомъ дѣлѣ стоялъ выше мартинистовъ по своимъ понятіямъ. Название „мартышекъ“ взято было изъ чужихъ рукъ, именно, изъ комедіи императрицы Екатерины. Его собственныя метафизическія понятія не отличались особенною ясностью, и насмѣшки надъ масонствомъ не помѣшали ему потомъ писать натянутыя оды на мальтійскій орденъ, въсплѣтывая извѣстнымъ образомъ, смѣшній масонство.

Собственно говоря, единственнымъ настоящимъ возраженіемъ противъ масонскаго мистицизма являлась тогда довольно богатая книга, происхожденіе которой до сихъ поръ не разяснено. Это—„Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ“ или опроверженіе знаменитой книги Сень-Мартена, составленное будто бы обществомъ одного губернскаго города и напечатанное будто бы въ Тулѣ ²⁾. Зѣвъ уже давно предполагали мистификацію и думали, что книга обидана своимъ происхожденіемъ желанію и участію правив-

¹⁾ См. нѣкоторыя указанія у Лопгенова, стр. 258, прим.

²⁾ Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ. Сочинено особливѣмъ обществомъ одного губернскаго города. Въ Тулѣ, 1790. 8°, XVI и 377 стр.; въ концѣ 8 нум. стр. Таблица показушая странности текста и изслѣдованія онаго“ и 4 нум. стр. опечатокъ. При главнѣи эпиграфъ:

Хоть полкъ противныхъ мнѣ возстанъ,
Но я не ужасасясь.
Пускай враги воздвигнутъ брань,
На Бога полагаюсь.

Изъ олъ Ломоносова.

тельства. Это болѣе, чѣмъ вѣроятно. „Изслѣдованіе“ весьма обстоятельно разсматриваетъ книгу Сень-Мартена, опровергаетъ ея мистику научными фактами, обличаетъ ея „кабалистическое вранье“, пустую таинственность и самозванство. Это было, именно, такое оружіе, какимъ слѣдовало бы сражаться противъ масонскаго мистицизма. Предисловіе разсказываетъ, что издатели думали выдать книгу еще раньше (предисловіе въ читаномъ нами экземплярѣ дѣйствительно имѣетъ видъ припечатаннаго къ книгѣ послѣ), говорить о появленіи (1785) и успѣхѣ книги Сень-Мартена между русскими читателями, и о желаніи „особливаго общества“ противодѣйствовать этому ея вліянію. Въ самой книгѣ упоминаются русскія подробности, напр., случай въ Турецкую войну 1770 г., случай, происходившій въ Петербургѣ въ 1782 г. (стр. 149, 204),—но такія вещи могли бы быть присоединены и къ чужой книгѣ. Въ самыхъ опроверженіяхъ авторъ или авторы обнаруживаютъ большое знакомство съ изслѣдованіями историческими и естественно-научными, ссылаются на Галилея, Монпертю, на Бюффона, Боннета, Бурлава, Винслова, Глаубера, Бехера, Штала; на Пристлея и Лавуазье, Бойля и Маркграффа, приводятъ индѣи самыя ихъ ученія; показываютъ знаніе истории, міеологии и древностей и т. д., вообще, такую эрудицію, которой невозможно предположить въ обществѣ губернскаго города. Намъ кажется, что книга носитъ на себѣ слѣды перевода.

Жаль только, что „Изслѣдованіе“ явилось слишкомъ поздно и слишкомъ единично. Къ тому времени наши масоны (или ихъ избранный кружокъ) считали себя уже ушедшими дальше этой книги: они отзывались о ней нѣскольکو свысока и могли и не придавать цѣны ея опроверженію. Литературная полемика была бы, конечно, единственнымъ достойнымъ оружіемъ противъ масонскаго мистицизма; и она могла бы найти себѣ, къ сожалѣнію, слишкомъ обильную пищу въ масонскихъ изданіяхъ, выходившихъ отъ московскаго кружка.

ГЛАВА XII.

Нѣмецкіе обскуранты и просвѣтители XVIII вѣка; ихъ взаимная полемика; вліяніе ихъ на русское масонство.

Мнѣнія императрицы Екатерины всегда были неблагоприятны къ мистицизму, но не всегда они были такъ решительно враждебны къ масонству, какъ это было въ послѣдніе годы ея царствованія. Этому враждебному настроенію содѣйствовали и домашніе обстоятельства, и постороннія.

Императрица Екатерина признавалась, что не понимаетъ „Мессіада“ Клоппштока, т. е. даже наиболѣе умѣреннаго мистицизма изъ того, что предлагали русской публикѣ французскіе издатели¹⁾; она гораздо лучше понимала французскихъ, рационалистовъ и скептиковъ, хотя вообще очень легко отказывалась отъ ихъ теорій въ практическихъ случаяхъ²⁾. Во взглядѣ на мистицизмъ она сходилась съ французскими и нѣмецкими „философами“. Она интересовалась положеніемъ дѣла въ европейскомъ обществѣ и сама жегла участвовать въ той борьбѣ, которая шла, особенно у нѣмцевъ, противъ мистической пропаганды. Она послала къ Циммерману и, вѣроятно, къ другимъ переводы своихъ комедій противъ мартинистовъ, въ перепискѣ съ Циммерманомъ не разъ возвращается къ этому предмету, съ удовольствіемъ говорить о своей литературной войнѣ противъ „иллюмината“ Каліостро... Всѣ эти отношенія, очевидно, оказывали свое вліяніе на ходъ ея мыслей о русскомъ мас-

¹⁾ Въ письмѣ къ княгинѣ Дашковой по поводу русскаго перевода (1785—87): „Je dois avouer que je ne comprends trop rien à ce roëme dans l'original: cependant je crois fort qu'il fera grand plaisir à nos mystiques, et j'espère que la vente en sera fructueuse“. Мѣм. de la pr. D'aschkoff, Paris, 1859, III, 184.

²⁾ Ея мысли и выраженія нерѣдко принимали чисто французскій оборотъ. Напр., просматривая рѣчь, которую кн. Дашкова должна была произнести въ академіи, императрица умѣяетъ воздавать ей похвалы и, между прочимъ, замѣчаетъ: „Eh! laissez aussi: comme une divinité bien faite—arobéose qui ne s'accorde guère avec la religion chrétienne. Je crains fort de n'avoir pas de titres à la sainteté, moi qui ai mis des restrictions au temporel du clergé“. (Мѣм. de la pr. D'aschkoff III, 126).

тинизмъ, который она постоянно приравнивала къ европейскому мистицизму.

Въ нѣмецкой литературѣ 80-ые годы XVIII вѣка были, въ особенноти, временемъ оживленной литературной борьбы противъ мистики и обскурантизма. Эта борьба велась отчасти на почвѣ масонства, къ которому обѣ стороны имѣли извѣстныя отношенія. Мистическія секты масонства, розенкрейцеры съ ихъ алхиміей и магіей, съ ихъ проповѣдью слѣпой вѣры и слѣпотого повиновенія „неизвѣстнымъ начальникамъ“, шарлатаны и фантазеры, вротъ Каліостро, Шрепфера, патера Гаснера, Лафатера, Сведенборга, Сент-Мартена, стали возбуждать серьезныя опасенія людемъ здравомыслящихъ, которые, кромѣ помраченія умовъ мистикой, опасались прямой іезуитской пропаганды и тайнаго католичества¹⁾.

Однимъ изъ ревностнѣйшихъ обличителей этого рода обскурантизма былъ другъ Лессина, Николаи, издатель „Всеобщей Нѣмецкой Библіотеки“, затѣмъ Гелке и Берлинскіе Monatschrift, Боде и др. Они усердно выводили наружу алхимическія затѣи, за которыми прятался, по ихъ мнѣнію, крипто-католицизмъ или, во всякомъ случаѣ, нарушеніе протестантской свободы изслѣдованія, вмѣсто которой внушалась слѣпая вѣра. Обскуранты, съ своей стороны, выставляли себя защитниками покидаемой религіи и обвиняли своихъ противниковъ въ невѣріи и материализмѣ. Одно обстоятельство очень помогло имъ въ этомъ. Въ послѣдніе 80-хъ годовъ произошло въ Баваріи раскрытіе и уничтоженіе ордена иллюминатовъ, основаннаго Вейсгауптомъ въ масонскихъ формахъ, въ оппозицію іезуитскому и

¹⁾ Тогдашніе скептики, или люди, считавшіе себя очень проникательными, иногда смѣялись надъ страстью рационалистовъ вездѣ подозрѣвать тайное іезуитство или крипто-католицизмъ; докторъ Циммерманъ принудимъ даже слово „Jesuitenfiescherei“, которое въ насмѣшку прилагали къ Николаи и другимъ тогдашнимъ врагамъ іезуитства. Нѣкоторые изъ ихъ подозрѣній могли быть превеличены; но были факты, Вильхельма и, вообще, писанія розенкрейцеровъ, нося положительно католическо-изувѣрныи, а вовсе не протестантскій характеръ, и фактическое обращенія въ католичество, начавшіяся въ это время, не лишены своего особеннаго значенія.

розенкрейцерскому обскурантизму; этот орденъ въ нѣкоторыхъ своихъ представленіяхъ впасть въ другую крайность, довольно рѣзкій радикализмъ, и когда изъ взятыхъ бумажекъ ордена открылось, что къ числу иллюминатовъ принадлежали и нѣкоторые изъ масоновъ-раціоналистовъ, какъ, напр., Николай и Боде, это дало ихъ противникамъ желанный поводъ кричать объ ихъ зловерности для общественнаго спокойствія, потому что баварскіе экзъ-іезуиты, уничижившіе орденъ иллюминатовъ, прокричали о немъ, какъ о страшномъ заговорѣ противъ вѣры и престола. Это изобращеніе было особенно эксплуатировано послѣ 1789 г. Но еще до этого слово „иллюминатъ“ получило значеніе чего-то крайне ужаснаго: иллюминатъ приписывались страшные замыслы и злодѣянія, ихъ готовы были обвинять во всевозможныхъ проискахъ и преступленіяхъ. Но въѣсть въ тѣмъ это слово было и очень двусмысленно, потому что съ нѣмецкими иллюминатами стали смѣшивать въ сущности имъ совершенно противоположныхъ французскихъ *illuminés*, какъ называли секту послѣдователей Мартиненса Паскавалиса, учителя Сень-Мартена, и самого Сень-Мартена, секту теософско-магическаго характера, весьма близкую къ розенкрейстерству, во французскомъ употребленіи слова *illuminés*, подъ нимъ разумѣлись и мистическіе шарлатаны, вроде Сень-Мартена, Каліостро и т. п. Слышалось множество перекрестныхъ обвиненій раздражительной брани и превеличій, и хотя общія понятія обѣихъ сторонъ были довольно опредѣленны, но членовѣкъ посторонній, недостаточно внимавшій въ споръ, могъ не понять взаимнаго положенія сторонъ. Такъ и случилось съ императрицей. Путаница этой борьбы осталась, повидимому, не совсѣмъ ясной для нея, а въ послѣдніе годы къ этому присоединилась у нея вообще крайняя подозрительность ко всему умственному движенію европейскаго общества, и ей пришлось, наконецъ, стать въ очень сильное противорѣчіе съ ея собственными прежними мнѣніями и дѣйствіями.

Казалось бы, однако, что императрица должна была довольно близко знать это движеніе въ Германіи, потому что и сама не разъ въ него вмѣшивалась.

Въ 1787 г. императрица приказала перевести на русскій языкъ книгу г-жи фонъ-деръ-Реке о пребываніи Каліостро

въ Митавѣ въ 1779 году¹⁾, только что изданную въ Берлинѣ Николаи. Императрица хотѣлась видѣть на русскомъ языкѣ новое и на этотъ разъ фактическое обвиненіе шарлатана, противъ котораго она писала свою комедію. Истории этой книжки заключается въ слѣдующемъ. Г-жа фонъ-деръ-Реке, принадлежавшая къ одному изъ извѣстнѣйшихъ аристократическихъ домовъ Курляндіи, знала Каліостро въ Митавѣ, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько времени до своего прѣзда въ Петербургъ. Каліостро совершенно овладѣлъ довѣріемъ ея отца и дяди, графовъ Мемель и ихъ ближайшаго кружка, чтобы дѣйствовать на женскую половину этого общества, онъ завелъ въ ихъ домъ ложу для дамъ (такъ называемая *masonnette d'adoration*), куда вступила и г-жа Реке, и производилъ здѣсь свои магическіе фокусы. Ея отецъ и дядя были давнишніе масоны, были преданы алхиміи, и Каліостро нашелъ въ нихъ самыхъ ревностныхъ и довѣрчивыхъ прозелитовъ. Сама г-жа Реке также вполнѣ была убѣждена въ магической силѣ Каліостро, несмотря на предостереженія нѣкоторыхъ благоразумныхъ друзей, и перемѣнила свое мнѣніе только послѣ, когда стала хладнокровнѣе обдумывать его поступки и прислушиваясь къ извѣстіямъ о его дальнѣйшихъ похожденияхъ. Въ 1787 году она рѣшилась напечатать свою книжку о Каліостро, гдѣ помѣстила свои записки 1779 года и рядомъ съ ними ея тегатъ свои комментаріи 1787 года, обличавшіе шарлатанство, которое она прежде не понимала. Она думала теперь о Каліостро такъ же, какъ говорили о немъ берлинскіе просвѣтители.

Г-жа Реке, по словамъ ея, рѣшилась издать свою книгу, несмотря на то, что многіе, особливо родные, отговаривали

¹⁾ „Описаніе пребыванія въ Митавѣ извѣстнаго Каліостра на 1779 годъ, и провозведенныхъ имъ тамо магическихъ дѣйствій, собранное Шарлоттою Елисаветою Констанціею фонъ деръ Реке, урожденною графинею Медемскою (sic). Перевелъ съ нѣмецкаго Тимошей Захарьинъ“. Спб. у Шнора 1787, 299 стр. Нѣм. подлинникъ, 1787, изд. Николаи, указанъ у Клосса, *Bibl.*, № 3353. [*Wolfstieg* № 14372].— *Verlinsche Monatsschrift* 1788, мартъ, стр. 210, рассказываетъ, что императрица Екатерина, которая такъ заботится о просвѣщеніи и объ изгнаніи суевѣрій, признала важность сочиненія г-жи ф.-д.-Реке, велѣла перевести его на русскій языкъ и дала переводчику 400 рублей въ награду.

ее отъ этого, отчасти представляя ей неприличнымъ вмѣшиваться въ подобныя дѣлаги по ея положенію, а также и опасаясь, какъ говорить она, „чтобы крошіеся повсюду злодѣи, и меня такъ же, какъ вѣчной памяти достойнаго Ганганелли, тайнымъ ядомъ не отравили“ (стр. 38). Она считала Каліостро тайнымъ орудіемъ іезуитовъ, и говорила, что не издала бы своего сочиненія, „ежели бы я не была совершенно увѣрена, что кромѣ Каліостро, Шрепфера и Гаснера, есть еще многіи тихимъ образомъ повсюду полагающіи орудія властолюбивыхъ іезуитовъ, которые множество честнѣйшихъ людей обольщаютъ ложными обѣщаніями о доставленіи имъ сверхъестественныхъ силъ, и на подобіе Каліостро заводятъ общества, дабы помощію оныхъ достигнуть до своего намѣренія, которое въ томъ состоитъ, чтобы слѣпно вѣрою и слѣпымъ послушаніемъ покорить людей подъ свое иго“ и пр. (стр. 35—36). Г-жа Реке упоминаетъ, что Каліостро внушалъ ей особенно великое почтеніе къ слову „Егова“ (grand nom Сентъ-Мартена) и къ буквамъ J. H. S. „Теперь я довольно понимаю, — говоритъ она, — что оныя буквы не что иное суть, какъ извѣстный J. H. S., знакъ іезуитскаго ордена“, и замѣчаетъ, что „симъ еще подтверждается многими уже принятая сія догадка, что Каліостро былъ точно высланецъ (т. е. эмиссаръ, агентъ) изъ общества іезуитовъ, которые чрезъ него стремились дѣйствовать въ Петербургѣ“, что она считаетъ, вообще, совершенно возможнымъ предположеніемъ¹⁾.

Г-жа Реке желала, чтобы издателемъ ея книги былъ именно Николай, который тѣмъ охотнѣе взялся за этотъ трудъ, что книга совершенно подходила къ его собственнымъ взглядамъ: притомъ въ это время, въ 1787 г., въ Берлинѣ уже начали господствовать розенкрейцеровскіе мистры Фридриха-Вильгельма II, глава и „Матъ“ ордена Велднеръ, товарищи его и ученики Шрепфера, Бишофвердеръ и проч. Самъ король былъ первымъ приверженцемъ магіи въ тогдашнемъ Берлинѣ. Николай мудро было

¹⁾ См. стр. 203—209 книги Э. Ф. д. Реке; говоря объ іезуитской пропагандѣ, она замѣчаетъ: „Склонность къ чудесамъ, питаемая книгами, съ намѣреніемъ для того писанными, подавать имъ способы весьма удачно надъ людьми дѣйствовать; а что сія склонность безпрестанно усиливается, сіе можетъ быть также ихъ проницательствомъ совершается“.

теперь вести прямую борьбу противъ берлинскаго обскурантизма, и онъ воспользовался случаемъ говорить противъ него косвенно по поводу Каліостро. Николай написалъ предисловіе къ книжкѣ, гдѣ, изложивши свое мнѣніе о Каліостро и отглавъ похвалу любви къ истинѣ и искренности г-жи Реке, осторожно рекомендуетъ этотъ примѣръ нѣкоторымъ изъ своихъ соотечественниковъ и желаетъ имъ одержать надъ собой такую же побѣду, какую умѣла одержать надъ своимъ прежнимъ заблужденіемъ г-жа Реке и которая имъ также принесла бы великую пользу. По мнѣнію Николая, Каліостро есть умышленный обманщикъ, который, безъ сомнѣнія, нарочно посланъ отъ самого коварнаго общества для положенія основанія какому-нибудь будущему предпріятію. „Я бы могъ еще много говорить, — замѣчаетъ онъ, — дальше, о Каліостровой неудобопонятной магической системѣ (которая, хотя и наполнена темными и обольтельными загадками, однакожъ я ее нарочно понимаю), также о весьма удивительномъ ея согласіи съ столь главнымъ и весьма малымъ числомъ людей понимаемою книгою: Des erreurs et de la vérité“ (стр. 17, 24—25). Онъ обращаетъ вниманіе на то, съ какой хитростью Каліостро старался согласить свою магію съ христіанской религіей, и замѣчая, что Каліостро, какъ видно изъ разсказовъ г-жи Реке, очень ловко и часто ссылается на тексты Ветхаго и Новаго Завета, и что у католиковъ свѣтскимъ людямъ запрещается читать библію, выводить отсюда, что Каліостро долженъ быть католическій поппъ, и стало быть, тѣмъ легче іезуитъ, чѣмъ считала его и г-жа Реке. Николай указываетъ при этомъ, какой вредъ происходитъ отъ такого хитраго смѣшенія дѣи съ истиной, темныхъ магическихъ фантазій съ чистыми и ясными понятіями „благочестиваго и мудраго христіанства“.

Въ слѣдующемъ, 1788 году, г-жа Реке написала другую книжку подобнаго содержанія, также изданную въ Берлинѣ. Николай и опять заслужившую вниманіе императрицы. Эта книжка направлена была противъ знаменитаго, въ свое время, дармштатскаго гофъ-предиера Штрака¹⁾, котораго

¹⁾ Etwas über das Herrn Oberhofpredigers J. A. Starck Vertheidigungsschrift, nebst einigen andern nöthigen Erläuterungen von Ch a r l. Ellis.

берлинскіе просвѣтители въ особенности обвиняли въ іезуитскомъ обскурантизмѣ и крипто-католицизмѣ.

Мы упоминали прежде о дѣятельности Штарка, и о тампьерскомъ клерикатѣ. Было ли это дѣйствительное іезуитство—трудно сказать, но во всякомъ случаѣ, это была затѣя, разсчитанная на масонское легковѣріе и имѣвшая цѣлью доставить клерикамъ вліяніе и связи. Штаркъ, дѣйствительно, устроилъ свои личныя дѣла... По мнѣнію самихъ масоновъ, клерикатъ имѣлъ тотъ же смыслъ, какъ розенкрейперство, и они думали, что въ своихъ высшихъ степеняхъ обѣ системы сводятся къ одному „магическому клерикату“, въ руки однихъ и тѣхъ же „неизвѣстныхъ начальниковъ“, т. е. іезуитствъ, способъ дѣйствій—одинъ и тотъ же, помянутое умовъ магическими и алхимическими бреднями и внушеніемъ слѣпой вѣры Интриганство Штарка возмущало, однако, людей здравомыслящихъ. Такъ было, повидимому, уже въ Кёнигсбергѣ; когда онъ жилъ въ Митавѣ, тамошній тампьерскій пріоръ вынужденъ былъ жаловаться на него орденскимъ властямъ, но клерикальный начальникъ уничтожилъ эту жалобу; другіе документы, говорившіе противъ Штарка и находившіеся въ архивѣ тампьерской директоріи, были уничтожены по желанію герцога Брауншвейгскаго. Къ концу 70-хъ годовъ, шарлатанство клериката обнаружилось для самихъ тампьеровъ, въ 80-хъ гг. дѣло начало всплывать и для большой публики, и противъ Штарка, который не хотѣлъ отказываться отъ роли въ масонствѣ, началась рѣзкая полемика, продолжавшаяся цѣлые годы. Штаркъ, между прочимъ, самъ вызвалъ нападенія, для него совсѣмъ невыгодныя: въ 1785, онъ написалъ или издалъ, безъ своего имени, масонскій романъ „Saint-Nicaise“, гдѣ, между прочимъ, отзывался непочтительно объ основателѣ тампьерства, баронѣ Гундѣ, тогда уже умершемъ. Задѣтые тампьеры отвѣтили въ „Anti-Saint-Nicaise“, который въ томъ же стилѣ изображалъ д-ра и оберъ-тофъ-предигера Штарка, воспользовавшись для изображенія его собственными письмами, уцѣлѣвшими въ орденскомъ архивѣ. Въ то же время за это дѣло ре-

Const. von der Recke, geb. Gräfinn v. Medem (22 Febr.). Berlin und Stettin, Nicolai, 1788. Выписки изъ этой книжки въ Berl. Mon. 1788, и въ Allg. Deutsche Bibliothek, 1789, томъ II, 87.

носно взылись и берлинскіе просвѣтители, которымъ была ненавистна эта пропаганда магическаго и клерикальнаго обскурантизма, которую они считали солидарной съ такой же пропагандой берлинскихъ розенкрейперовъ. Однимъ изъ ренессансѣйшихъ преслѣдователей Штарка былъ Николаи, издатель „Berlinerische Monatschrift“, Гедике и Бистеръ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимались разъясненіемъ исторіи д-ра Штарка; съ обѣихъ сторонъ выходили цѣлыя книги обвиненій и защиты, и Кюссъ въ своей библиографіи могъ дополнить цѣлый отдѣлъ полемики, имѣвшей предметомъ этого дѣла.

Г-жа Реке знала Штарка во время пребыванія его въ Митавѣ и въ разгаръ полемики наша нужнымъ подать и своей голодъ. Она въ свое время также считала его человекомъ необыкновеннымъ и слушала его мистическія откровенія, и теперь разсказывала о нихъ такъ же искренно, какъ незадолго передъ тѣмъ о Каліостро. Ея свѣдѣтельства не были благоприятны для Штарка. Этого профессора теологіи обвинили, между прочимъ, что въ 1773 г. онъ находился въ сношеніяхъ съ вызывателемъ духовъ Шрепферомъ (это былъ содержатель кофейни въ Лейпцигѣ, кончившій жизнь самоубійствомъ, когда стали раскрываться его плутни); Штаркъ утверждалъ, что онъ хотѣлъ только „разузнать“ Шрепфера, чтобы потомъ „обличить“ его. Хотя и такое разузнаванье не совсѣмъ шло къ его теологической профессіи, но г-жа Реке разсказываетъ, что, напротивъ, Штаркъ, еще въ 1780, совершенно серьезно и въ убѣдительно тонѣ представлялъ ей Шрепфера человекомъ, владѣющимъ сверхъестественными силами, а объ его преемникѣ, мало тогда извѣстномъ Фрелихѣ, говорилъ, что, быть можетъ, онъ будетъ еще болѣе великъ, чѣмъ Шрепферъ¹⁾. Штаркъ, по разсказамъ г-жи Реке, внушалъ вообще своимъ адептамъ наклонность къ чудесному, и съ особеннымъ жаромъ тайнственно разсказывалъ ей о магическихъ событіяхъ, между прочимъ, что однажды онъ самъ видѣлъ сверхъестественное бистаніе, когда въ соседней комнатѣ одному изъ его болѣльныхъ друзей видимо явился Христосъ.

¹⁾ Въ книгѣ Лонгинаова (стр. 299) о Шрепферѣ ошибочно сказано, что онъ былъ „иллюминатъ“, напротивъ, это былъ наставникъ розенкрейперства. О Штаркѣ говорится также неточно.

Матія, некромантія и духовидѣніе играли большую роль въ его наставленіяхъ и исторіяхъ, и онъ пользовался вообще большимъ значеніемъ въ мистическихъ кружкахъ Митавы.

Г. Штаркъ, — говоритъ г-жа Реке, — въ Митавѣ (1777—1778) былъ очень дѣятеленъ въ извѣстныхъ тайныхъ обществѣхъ (т. е. масонскихъ ложахъ); у людей, которые думали, что еще можно было получить великія тайнства отъ извѣстныхъ начальниковъ, особенно изъ Франціи, онъ вообще считался за важнаго человека, который долженъ знать наизусть неизвѣстные источники тайнствъ, и потому на него смотрѣли съ тайнымъ благоговѣніемъ. По крайней мѣрѣ, онъ не дѣлалъ ничего, чтобы отклонять отъ себя такое мнѣніе или уменьшать оказываемое ему отъ этого благоговѣніе; напротивъ, онъ дѣйствительно имѣлъ учениковъ въ тайныхъ наукахъ, и его поэтому не безъ основанія подозревали, что онъ подавалъ своимъ ученикамъ належащія, которыхъ не исполняли.”

Въ 1779 г. въ Митавѣ было такимъ образомъ два магіка, Штаркъ и Кагіостро, и хотя, по разсказамъ г-жи Реке, это были люди совершенно одной школы, они встрѣтились, однако, враждебно, какъ соперники по промыслу. Каждый изъ нихъ не совѣтовалъ доверяться другому, называя дѣйствія другого „черной магіей“ и считая свою „бѣлой“ или божественной. „Одинъ, — говоритъ г-жа Реке въ книжкѣ о Кагіостро, — остерегалъ учениковъ своихъ отъ такихъ заклинаній, кои дѣйствуютъ чрезъ воскуренія, а другой отъ тѣхъ, при которыхъ шпала употребляется. Господинъ докторъ Штаркъ могъ бы любить истинны наидущимъ образомъ изъяснить связь сего дѣла“ (стр. 105).

Относительно іезуитства, въ которомъ обвиняли почтеннаго доктора теологіи, г-жа Реке разсказываетъ въ своей книжкѣ о немъ, что „кардиналъ Борджіа, бывшій префектъ коллегіи пропаганды, самъ говорилъ знатымъ путешественникамъ, что теперь главнѣйшее мѣстопробываніе и крутъ дѣйствій іезуитовъ на сѣверѣ, и что нѣкоторые іезуиты даже занимаютъ мѣста протестантскихъ проповѣдниковъ“. Далѣе, что „одинъ курляндскій дворянинъ встрѣтилъ у того же курляндца Борджіа такіа свѣдѣнія о Курляндіи и ея политическомъ и церковномъ состояніи, которыя привели его въ изумленіе и подтвердили догадку, что римскій дворъ

и пропаганда должны имѣть весьма хорошихъ корреспондентовъ и зѣбъ...“¹⁾.

Роль Штарка въ русскомъ масонствѣ остается до сихъ поръ очень темна. Относительно пребыванія въ Митавѣ замѣтимъ, что къ этому времени (1777—81) относится поѣздка Шварца изъ Могилева въ Митаву, гдѣ, какъ слышатъ тогда Шварцъ, находится особенно уважаемое старое масонство. Между этими „курляндцами“, съ которыми Шварцъ остался въ сношеніяхъ и послѣ, онъ, вѣроятно, зналъ и Штарка. Впоследствии, въ числѣ масонскихъ изданій новиковскаго кружка были и книги Штарка, напримѣръ, упомянутая „Апология“, быть можетъ, Штарку принадлежатъ и книга „О мистеріяхъ“, переведенная Петровымъ. Не знаемъ, могъ ли Шварцъ видѣть Штарка во вторую свою поѣздку, но любопытно, что рекомендація къ берлинскимъ розенкрейперамъ, опредѣлившая дальнѣйшее направленіе масонскихъ ложъ, была получена Шварцемъ въ Митавѣ. Замѣтимъ еще, что Карамзинъ, отправлявшійся въ свое путешествіе въ 1789 году, былъ знакомъ съ полемикой, которая происходила тогда между берлинскими „просвѣтителями“ и Штаркомъ; въ Берлинѣ онъ видѣлся съ Николаи, въ Дармштадтѣ онъ очень желалъ видѣть Штарка, и не увидѣлъ только потому, что Штарка въ то время тамъ не было. Карамзинъ вовсе не былъ на сторонѣ Николаи, напротивъ, все его сочувствіе принадлежало Штарку; говори о немъ и воспоминая преслѣдованія его враговъ, онъ приводитъ даже стихи Шекспира, изображающіе „безумство зловолья“²⁾. Это расположеніе къ Штарку было вывезено, безъ сомнѣнія, изъ Москвы.

Императрица также, повидимому, интересовалась полемикой противъ Штарка. Когда г-жа Реке послала ей свою книжку противъ дармштадтскаго оберъ-гофъ-предиера, императрица выразила въ письмѣ къ г-жѣ Реке удовольствіе, доставленное ей чтеніемъ этой книги. Екатерина даже сама приняла участіе въ полемикѣ; перу императрицы слѣдуетъ приписать французскую брошюру противъ Штарка, изданную въ 1789 г. подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „L'entre

¹⁾ Ср. Berl. Monatsschrift: 1788, май, стр. 565—570; июнь, 630—631.

²⁾ Соч. Карамзина, Смирн. изд. II, 65—69, 174—176.

de Mr. Starckowsky à son ami et parent, M. Starck à Darmstadt, à Moscou (6 Août 1789)¹⁾.

Большое значеніе, какъ было уже сказано, придавала Екатерина и своей, направленной противъ мистицизма, перепискѣ съ Циммерманомъ.

Докторъ Циммерманъ (1728—1795) былъ извѣстный въ свое время врачъ, а главное, „философъ“ во вкусѣ XVIII-го вѣка, знаменитый своей книгой „Объ уединеніи“ (въ тѣ времена считавшейся классической), даѣе, авторъ книги „О народной гордости“, нѣсколькихъ книгъ о Фридрихѣ II и т. д. Книга „Объ уединеніи“ доставила ему расположеніе императрицы Екатерины. Циммерманъ, почти какъ Вольтеръ или Дидро, былъ моднымъ писателемъ въ одномъ „крутѣ“ европейскаго общества, какъ Сень-Мартенъ, Каліостро, Лафатеръ были модными людьми въ другомъ, а инота, впрочемъ, и въ томъ же самомъ. Лучшие сочиненія Циммермана были написаны имъ въ 1755—64, но затѣмъ въ 80—90-хъ годахъ „онъ впалъ въ ипохондрію, — говорить его біографы, — которая произвела въ немъ мрачный взглядъ на вещи; такъ, онъ вообразилъ себѣ, что мнѣнія многихъ изъ его современниковъ о политикѣ и религіи происходятъ изъ одного тайнаго орудія“ (иллюминатства), которому онъ придавалъ въ своей фантазіи небывалые размѣры и ужасающія свойства. „Къ этому орудію, — продолжаютъ его біографы, — принадлежали, по его мнѣнію, многие изъ нѣмецкихъ ученыхъ; Циммерманъ думалъ, что отъ этого орудія произошла даже и французская революція. Въ особенности,

¹⁾ К л о с с ь упоминаетъ и нѣмечій переводъ: Brief des Herrn Starckowsky an seinen Freund und Vetter Herrn Dr. Starck zu Darmstadt. A. d. franz. übers. Göttingen 1789. 8°. (Bibl. № 3425—3426 Wolfstieg № 23261).

Письмо императрицы къ г-жѣ Реке, въ Berl. Monatschrift 1788, авг., стр. 130—131.

Вотъ нѣкоторые указанія о дальнѣйшей дѣятельности Штарка (онъ ум. въ 1816). Фарнатементъ фонъ-Энзе замѣчаетъ въ своихъ запискахъ подъ 5 августа 1825: „О герцогинѣ Дармштадтской говорятъ, что при всей развратности и рассточительности, она оказала странъ ту услугу, что всегда удерживала герцога отъ перехода въ католичество. Его оберъ-гофъ-предидеръ Штаркъ безъ этого сопротивленія навѣрно побудилъ бы его сдѣлать публично этотъ переходъ. Штаркъ посвятилъ герцога въ одну минимую степень масонства, въ которой они взаимно выслушивали свою исповѣдь, получали разрѣшеніе и т. под.“ (Vater haben von Eins, Blätter aus d. preuss. Geschichte, III, стр. 342—343).

въ послѣдніе годы своей жизни онъ крайне рѣзко нападалъ на членовъ этого мнимаго союза и вооружался противъ многихъ достойныхъ ученыхъ, чѣмъ почти совершенно подорвалъ свою прежнюю славу. Такъ и въ нѣсколькихъ своихъ книгахъ о Фридрихѣ Великомъ онъ позволилъ себѣ распространять о политическихъ предметахъ много показаній не вполнѣ и даже совершенно фальшивыхъ и чрезвычайно сурово судить о людяхъ другихъ мнѣній, и это, конечно, не способно было увеличить его славу...“ Циммерманъ былъ челоувѣкъ крайне тщеславный и въ его ипохондріи, кажется, именно участвовало его неудовлетворенное самолюбіе. Онъ не понималъ новой начинавшейся литературы; его самолюбіе страдало, когда въ литературной славѣ его заслоняли другіе; по мнѣнію Шлоссера, это былъ и вообще челоувѣкъ, неспособный къ серьезному пониманію вещей и, слѣдовательно, очень способный руководиться внушеніями мелкаго самолюбія.

Итакъ, роль Циммермана была въ тѣ годы не наилучшая. Въ первое время, въ половинѣ 80-хъ годовъ, когда началась его переписка съ императрицей, онъ еще не страдалъ ипохондріей, и въ его письмахъ есть замѣчанія, не лишеныя справедливости, и похвальная умѣренность; но уже и здѣсь замѣтно, что онъ не совсѣмъ „тонимаетъ“ тѣ отношенія, о которыхъ говорить, однако, рѣшительнымъ и судейскимъ тономъ.

Въ письмѣ къ императрицѣ отъ 15 февраля 1786, отъ вѣтъ котораго мы приводимъ въ примѣчаніи¹⁾, Циммер-

¹⁾ „Il est indubitable comme Votre Majesté le remarque, que c'est par mode, que l'alechumie et la magie inondent l'Allemagne, et par ce que les Français sont épris de ces balivernes. Mais puisque c'est par là toi la plus aveugle en ces balivernes que les petits font dans ce moment-ci le mieux leur sort aux grands, c'est aussi par là que cette contagion a fait ces progrès rapides et imprévus. Aussi toutes ces folies dont Votre Majesté rit, sont pratiquées en Allemagne par des sociétés si nombreuses et si redoutables, qu'il faut avoir chez nous un front d'airain pour s'en moquer. Un comédien allemand qui les mettrait sur le théâtre serait lapidé.“

„Ce n'est cependant que par les comédies, et non pas par les édits que les souverains rémédièrent à ces folies. Des philosophes se sont avisés l'été passé d'employer toute leur éloquence pour m'engager de représenter à Votre Majesté Impériale les conséquences funestes de l'esprit de nos temps, même pour les grands états et pour les

мань, по поводу комедий императрицы и Кадіостро, говорить о чрезвычайномъ распространѣніи алхиміи и магіи, и замѣчаетъ, что въ Германіи имъ преданы общества столь многочисленны и страшны, что было бы мудро открыто смѣяться надъ ними на сценѣ, и однако же, говоритъ, государи должны исправлять эти нечѣстности комедіями, а не эдиктами. Это замѣчаніе очень резонно. Далѣе Циммерманъ хвастливо рассказываетъ, что „философы“ (можетъ быть, берлинскіе рационалисты) будто бы упрашивали его объяснить императрицѣ вредныя послѣдствія этого духа времени, потому что, по ихъ мнѣнію, за алхимистами и волшебниками прячутся экзъ-іезуиты, которые стремятся проникнуть во всѣ кабинеты, и что съ ихъ господствомъ могутъ снова явиться во всѣхъ столицахъ Европы костры и убійства. Такія опасенія имъли будто бы „философы“ и, конечно, фанатизмъ и наглость экзъ-іезуитовъ (достаточно обнаружившіеся уже вскорѣ) могли возбуждать серьезныя опасенія. Но Циммерманъ отказался исполнить ихъ просьбу и отвѣтилъ имъ, что императрица сочтетъ его за сумасшедшаго, если онъ будетъ дѣлать ей подобныя представленія, и что въ случаѣ надобности, она выставитъ противъ такихъ вещей развѣ только хорошую труппу актеровъ.

Все это было прекрасно, хотя Циммерманъ былъ вовсе не прозорливѣе „философовъ“, тѣмъ больше, что самъ находитъ страшными тѣ общества, которые выжирали своимъ оружіемъ алхимію и магію. Но прошло немного времени и Циммерманъ обратилъ самыя злостныя обвиненія противъ тѣхъ самахъ людей, которые, при всей трудності дѣла, боролись противъ этой страшной алхиміи и магіи.

gouvernements. Ils ont cru qu'a cheval sur le dos des sorciers et des alchimistes les ex-jésuites se glissaient dans tous les cabinets. Ils ont vu en consequence de cela des Empires renversés et les buchers et les massacres de l'ancien temps rétablis dans toutes les grandes capitales. J'ai répondu à ces philosophes que si je faisais des représentations pareilles à Votre Majesté qu'elle croirait que la tête me tourne, et que dès qu'Elle s'apercevra que ces folies gagnent aussi dans son Empire comme je le crois, Elle ne leur orosera pour toute législation qu'une bonne troupe de comédiens". (Margard, Zimmermanns Verhältnisse mit der Kaiserin Catharina II und mit dem Herrn Weikard. Bremen 1803, стр. 328—329).

ГЛАВА XIII.

Иллюминатство и московскіе мартилисты въ представленіи Екатерины II.

Французская революція произвела въ Германіи тревожное настроеніе и переполохъ: партіи высказались опредѣленно, журналистика приняла консервативно-аристократическую окраску, обскуранты наши давно желанный случай съ мнимымъ правомъ возстать противъ „просвѣтителей“, которыхъ они нагло стали обвинять теперь во всѣхъ безнорядкахъ и бѣдствіяхъ революціи: испуганное общество плохо соображало, насколько такія обвиненія могли быть основательны. Берлинскіе розенкрейцеры, заявившіе теперь министерскіе посты, преслѣдовали рационалистовъ; ихъ братья по духу, вънскіе экзъ-іезуиты и журналисты, какъ Гофштеттеръ, Гапка и др. съ яростью накинулись на тогдашнихъ нѣмцкихъ писателей, защищавшихъ права здраваго смысла противъ пропаганды суевѣрія и умственнаго отчаянія.

Теперь, между прочимъ, снова стали раздувать обвиненія противъ „иллюминатовъ“. Этотъ орденъ, уничтоженіе котораго въ Баваріи въ 1785 доставило такую радость баварскимъ экзъ-іезуитамъ, теперь почти уже не существовало. Постъ закрытій ордена, ими Николай оказался въ числѣ членовъ, и Штаркъ тотчасъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выставить своего преслѣдователя членомъ неблагонамѣреннымъ и опаснымъ; Николай разъяснить (въ 1788) свое участіе въ орденѣ, который былъ для него только предметомъ любопытства, и въ которомъ онъ видѣлъ одинъ невинный проектъ, составленный безъ знанія людей и непримѣнимый ¹⁾. Но теперь обвиненія поднялись вновь: иллюминатовъ объявили зачинщиками всего французскаго возмущенія; журналъ Николай, знаменитая въ свое время „Всеобщая Нѣмецкая Библіотека“, подвергся преслѣ-

¹⁾ Friedrich Nicolai öffentliche Erklärung über seine geheime Verbindung mit dem Illuminaten-Orden, nebst beikläufigen Digressionen betreffend Hrn. Johann Augus. Stark und Hrn. Johann Kaspar Lavater. Berlin u. Stettin, 1788.

лованію розенкрейцерскихъ министерствъ; австрійскій экск-іезуитъ Штаттлеръ въ 1791 г., въ особомъ сочиненіи, до-казывалъ, что главныя положенія французской революціон-ной конституціи взяты изъ идей „Всеобщей Нѣмецкой Би-бліотеки“, наконецъ, къ розенкрейцерамъ, экск-іезуитамъ и Шпарку присоединился и докторъ Циммерманъ. Въ „От-рывахъ о Фридрихѣ Великомъ“ (1790) онъ вопіетъ о тай-номъ обществѣ, имѣющемъ цѣлью ниспроверженіе государ-ственной порядка, и причисляетъ къ этому тайному обще-ству людей, оказавшихъ истинныя заслуги нѣмецкому обра-зованію и, конечно, весьма далекихъ отъ революціи. Цим-мерманъ писалъ къ императору Леопольду о безуміи на-шего вѣка, и призывалъ правительства возстать противъ воображаемаго чуждыща ¹⁾.

Вопли обскурантовъ имѣли тѣмъ больше успѣха, что общество было сильно встревожено: событія революціи шли въ такой быстрой и рѣзкой прогрессіи, представляли такой необычайный примѣръ общественнаго возбужденія, что двѣ-ствозаши ошеломяющимъ образомъ даже на людей серьез-ныхъ, заставляя отчаиваться въ добрыхъ качествахъ чело-вѣческой природы. Только немногіе проникали въ истин-ныя причины переворота и выѣзли въ немъ то, чѣмъ онъ на дѣлѣ былъ, т. е. результаты цѣлой длинной исторіи. Циммерманъ совершенно не понималъ этого и сталъ повто-рять неглубыя обвиненія обскурантовъ. Въ борьбѣ съ ил-люминатами, Циммерманъ встрѣтился съ извѣстнымъ въ свое время писателемъ барономъ Книгте, имѣвшимъ не со-всѣмъ благовидную роль въ учрежденіи иллюминатскаго ордена, и Шлоссеръ такъ сопоставляетъ эти двѣ личности: „Этотъ баронъ фонъ-Книгте, примкнувшій къ иллюми-натамъ въ 1780 году, принадлежалъ къ тѣмъ нѣмецкимъ знаменитостямъ, которыя умѣютъ совершенно обмануть міръ,—извѣстно, что такая дорога гораздо лучше ведетъ къ славѣ, нежели истинное достоинство, понятное только для немногихъ. Въ этомъ онъ былъ похожъ на своего антаго-ниста, доктора Циммермана, состоявшаго гофратомъ и лейбъ-медикомъ при ганноверскомъ дворѣ. Оба они безчи-

¹⁾ См. Gervinus, Gesch. der deutsch. Dicht., 4-e Ausg. V, 352.—Hett-ner, III, 204.

сленными знакомствами, выигрывавшемъ и поверхностнымъ, разсчитаннымъ на публику, читающую романы, писатель-ствомъ, умѣли составить себѣ имя и пріобрѣсти вліяніе... Книгте, будучи камергеромъ въ Веймарѣ, живши во Франк-фуртѣ и Гейдельбергѣ,—центрахъ мистицизма и масонства, вознакомился со всѣми средствами, нужными для достиже-нія той цѣли, которая кажется вышей цѣлью жизни такимъ людямъ, какъ Циммерманъ и онъ. Чтобы все испробовать, Книгте перешелъ даже изъ протестантовъ въ католики, а потомъ опять изъ католиковъ въ протестанты. Пользо-вался мистицизмомъ и масонствомъ, духовенствомъ и фи-лософами—для него было все равно, все годилось для его цѣли. Циммерманъ, напротивъ, поставилъ себѣ такую цѣль, что находилъ выгоду смертельно ненавидѣть все это, и въ послѣдніе годы XVIII-го вѣка эта ненависть, обра-тившись въ монополію, довела его до помѣательства ¹⁾. Оба они, и Циммерманъ и Книгте, достигли своей цѣли,—имена ихъ стали славны во всей Европѣ. Сначала Книгте игралъ большую роль во всѣхъ орденахъ, потомъ сталъ писателемъ.—Долго онъ странствовалъ по Германіи, на-слаждался жизнью, которую кончилъ въ Бременѣ, въ званіи оберъ-таутмана и сходаρχа. Циммерманъ получалъ ордена и другія почести отъ многихъ государей... Сначала онъ писалъ только о томъ, что зналъ, наконецъ о всевоз-можныхъ вещахъ, въ которыхъ ничего не понималъ,—именно послѣднія книги и принесли ему наиболѣе славы. Всѣ газеты хвалили его тогостую книгу „Объ Уединеніи“, масса публики считала его однимъ изъ своихъ оракуловъ, но каждый порядочный челоѣкъ, владѣвшій перомъ и обла-давшій глубокими мыслями и истиннымъ одушевленіемъ, видѣлъ въ немъ только презрѣннаго пустозвона,—такимъ образомъ его величайшій сатирикъ Германіи, гёттинген-скій натуралистъ Лихтенбергъ ²⁾...

Таковъ былъ оракулъ, авторитетъ котораго, конечно,

для многихъ определялъ точку зрѣнія на событія и на ум-ственное движеніе въ Германіи... Къ сожалѣнію, мы знаемъ

¹⁾ Ср. Gervinus, IV, 341.—Maccard, 291 и слѣд.

²⁾ Шлоссеръ, исторія XVIII вѣка, III, 213—214; см. особенно IV, 154—156: о союзѣ съ Лафатеромъ и объ отношеніи къ нимъ обомъ Лихтенберга.

только одну часть переписки императрицы съ Циммерманомъ; но переписка еще продолжалась въ 1791-мъ году, и судя по тому, что писалъ тогда Циммерманъ въ своихъ книгахъ и что писалъ къ императору Леопольду ¹⁾, можно полагать, что эта переписка имѣла не весьма благоприятное вліяніе на мнѣнія императрицы: въ послѣдніе годы Германіи казалась императрицѣ переполненнымъ самыми вредными людьми...

Для ближайшаго знакомства съ положеніемъ умовъ въ Германіи, по которому дѣлались заключенія и о московскомъ масонствѣ, нужно сказать нѣсколько словъ о много-разъ нами упомянутомъ орденѣ иллюминатовъ, которому въ 80-хъ и 90-хъ годахъ XVIII вѣка, приписывались самыя ужасныя качества и, именно, возбужденіе французской революціи. Для нашихъ масоновъ этотъ орденъ былъ методомъ страха и ненависти, членовъ его они считали извергами, и потому отрицательно онъ получаетъ важность и для опредѣленія нашего масонства. Лонгиновъ въ своей книгѣ даетъ объ немъ самое странное понятіе. Основываясь на масонскихъ свѣдѣніяхъ и упустивъ изъ виду болѣе спокойныя историческия свѣдѣтельства, онъ изобразилъ иллюминатовъ точно также, какъ въ старину изображали ихъ въѣнскіе и берлинскіе, іезуитскіе и розенкрейцеровскіе обскуранты.

На дѣлѣ, орденъ иллюминатовъ вовсе не былъ ни такъ зловреденъ, ни такъ обширенъ, какъ представляла его старинная репутація. Орденъ, по своимъ формамъ и происхожденію, былъ результатомъ тѣхъ же стремленій къ обществено-нравственной дѣятельности, отъ которыхъ произошло и распространеніе масонства; только вмѣсто мистики и клерикально „рыцарскихъ тенденцій“, овладѣвшихъ масонствомъ, онъ хотѣлъ служить свободѣ мысли и здравому

¹⁾ Почитатель Циммермана Маркардъ пишетъ: Ich würde die meisten der damals im nördlichen Deutschland regierenden Fürsten nennen müssen, wenn ich alle die hohen Personen angeben wollte, von welchen er, entweder unmittelbar oder durch ihre Familien, Merkmale des Zutrauens und der Achtung erhielt... Wäre Kaiser Leopold II († 1792) länger am Leben geblieben, so ist kein Zweifel, er würde Zimmermann sehr ausgezeichnet haben (Mars. 9). Рабское отношение Маркарда къ Циммерману характеризовано у Шлоссера, см. т. IV.

просвѣщенію; для своей пропаганды, иногда выдавшей и въ радикальныя крайности, онъ воспользовался ходячими формами масонства. Въ тѣ времена „просвѣщенное деспотизма“, невозможность открытой дѣятельности для обществено-нравственныхъ интересовъ, вообще, замыкала людей въ условныя тайныя общества, братства и союзы; устройство этихъ обществъ складывалось опять въ формѣ начальства и опеки, непривычка къ самостоятельности заставляла искать „мастера“ или даже „неизвѣстнаго начальника“, повиновавшаяся какому-то „отцамъ“, какъ это послѣднее было у розенкрейцеровъ. Иллюминатство не отличалось здѣсь отъ всякихъ другихъ „системъ“ масонства, но содержаніе ордена, или его „градусовъ“, было иное. Споръ между оживающими преданіями и новымъ просвѣщеніемъ во второй половинѣ XVIII-го вѣка становился болѣе и болѣе рѣзкимъ. Масонство было уже протестомъ противъ формальной религіозности и нравственности и хотѣло освѣжить ихъ вуншениемъ гуманистическихъ понятій; но оно дѣлало мало или ничего для настоящаго просвѣщенія, въ особености, когда первоначальное масонство сильно испортилось въ разныхъ новыхъ системахъ, въ тамплиерствѣ, клерикалѣ, розенкрейцерствѣ и т. д. Въ 70-хъ годахъ XVIII вѣка уничтоженіе іезуитскаго ордена показало обширность его развѣтвеній и не прекратило растлывающаго вліянія обскурантизма, которому орденъ служилъ такъ вѣрно и которымъ пользовался такъ ловко. Въ обществѣ явилось сознание о необходимости противодѣйствовать этому злу и однимъ изъ результатовъ этого сознанія было основаніе иллюминатства. Орденъ иллюминатовъ также принялъ масонскую форму: это была, во-первыхъ, единственная привычная и допущенная тогда форма общественной дѣятельности, которой новый орденъ хотѣлъ только дать лучшее направленіе; во-вторыхъ, она облегчала пропаганду готовыми пріемами.

Орденъ основался именно въ той части Германіи, которая была гнѣздомъ іезуитства и розенкрейцерства, и глѣ всего сильнѣе чувствовалась нравственная духота — въ Баваріи ¹⁾. Основатель иллюминатства, профессоръ въ Инголь-

¹⁾ См. о немъ Шлоссеръ, III, 211—229; Геттнеръ, III, 333—354; Handb., II, 13—30; Финдель, 244—254; [L. Engel, Geschichte des

штатъ, Адамъ Вейстауптъ, былъ самъ воспитанникъ іезуитовъ, но Вейстауптъ возненавидѣлъ воспитателей. Онъ вступилъ въ университетъ въ 1773 г., тотчасъ по закрытіи іезуитскаго ордена, и получилъ каведру каноническаго права, принадлежавшую прежде іезуитамъ, и, кромѣ того, читалъ лекціи нравственной философіи въ смыслѣ тогдашняго нѣмецкаго „просвѣщенія“. Притѣвленія экск-іезуитовъ мало-по-малу навели его на мысль о противодѣйствіи, которое должно было дѣйствовать такими же тайными и систематическими средствами, какими пользовались сами іезуиты по тогдашней страсти къ тайнымъ братствамъ и вълѣбствіе примѣровъ, полученныхъ въ воспитаніи, Вейстауптъ задумалъ сдѣлаться Лойолой, но для пѣлей просвѣщенія. Эта мысль была, конечно, фантазіей; въ самомъ исполненіи было много страннаго и даже вздорнаго, что свидѣтельствовало о недостаткѣ практической разсудительности и чему помогали, впрочемъ, и другіе дѣтели иллюминачества, въ числѣ которыхъ явились и люди, въ родѣ упомянутаго Книгте.

Въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ Вейстауптъ оставилъ подробный разсказъ объ основаніи ордена, любопытнымъ образомъ рисуящій тогдашнее положеніе умовъ. Для своихъ плановъ онъ думалъ сначала обратиться прямо къ масонству, но нашеть здѣсь тампьерство и алхимію; это заставило его думать объ основаніи своего особаго общества, особенно, когда на его глазахъ одинъ алхимистъ вербовалъ въ свою ложу молодыхъ людей и, между прочимъ, его университетскихъ слушателей, въ которыхъ Вейстауптъ видѣлъ надежду лучшаго дѣла. Онъ рѣшился спасти ихъ отъ безсмысленной нелѣпости и послѣднее рѣшеніе вынуждено было ему чтеніемъ извѣстной въ свое время книги „О заслугѣ“ Абога (рано умершаго талантливаго писателя), полной одушевленными призывами къ служенію родинѣ и общему благу и представляющей любопытный образчикъ тенденціи нѣмецкаго „просвѣщенія“ 60-хъ годовъ XVIII вѣка ¹⁾. Подъ

Шминатен-Ордена, Berl. 1906; Литература объ ордентѣ иллюминатовъ указана у Кносса, *Bibliog.*, стр. 241—246 [и у *Wolfstieg*а, т. II, стр. 971—982].

¹⁾ Вотъ, напр., отрывокъ, по словамъ Вейстаупта произведшій на него увлекательное впечатлѣніе: „Гдѣ тотъ человѣкъ, который рѣшился трудиться для временнаго и вѣчнаго блага многихъ, очень многихъ

этими впечатлѣніями Вейстауптъ составилъ „статуты перфектибилитовъ“, названіе, которое онъ, впрочемъ, скоро переименовалъ на названіе „иллюминатовъ“ (просвѣщенныхъ). Основной пѣлю ордена онъ ставилъ господство разумности; второстепенной пѣлю были взаимная помощь между членами ордена и облегченіе средствъ къ просвѣщенію; ордентѣ долженъ былъ бороться съ безплодностью и фальшивымъ педантизмомъ, съ нетерпимостью, съ дурнымъ воспитаніемъ, съ общественнымъ угнетеніемъ. Для постепеннаго приобщенія членовъ ордена къ этой дѣятельности должна была служить дѣятельная степень. Низшія степени предназначались для изученія морали, исторіи и знанія людей; здѣсь рекомендовалось чтеніе книгъ, служащихъ для образованія сердца — изъ поговъ особенно баснописцы, изъ моралистовъ — Сенека, Плутархъ, Адамъ Смитъ, Базедовъ, Абога, Лабройеръ. Въ высшихъ степеняхъ указывались книги по „политикѣ и религіи“, и именно указывались крайніе французскіе философы: Робинѣ, Гельвеційсъ, „Система природы“, но послѣдствія эти материалисты, кажется, уступили мѣсто вліянію Руссо.

Во вѣншемъ устройствѣ приняты были масонскія формы, но сказалось и вліяніе іезуитскаго воспитанія основателя. Вейстауптъ хотѣлъ одинъ стоять во главѣ ордена, потому что, по собственнымъ его словамъ, Лойола, Доминикъ и Францискъ не сдѣлали бы своего дѣла, если бы подчинились внушеніямъ своихъ товарищей. Отъ іезуитства заимствованъ былъ также взаимный надзоръ между членами, стремленіе пріобрѣтать послѣдователей между сильными и

людью, устроить ихъ жизнь такъ, чтобы они дѣлались все счастливѣе и совершеннѣе, чтобы правила, ведущія къ этому, были имъ привычны и любезны; „человѣкъ, который бы взялся за этотъ трудъ даже тогда, когда бы еще никто не считалъ его возможнымъ“, и часто даже безплодно терять свои усилія; человѣкъ, который бы имѣлъ увѣренность и надежду на этотъ трудъ, не боялся никакихъ препятствій и опасностей, не покорялся бы никакому внутреннему уклоненію или равнодушію, — и все это только для счастья сердечныхъ любимыхъ ближнихъ, созданныхъ съ нами по одному образу: о, гдѣ тотъ человѣкъ, который это дѣлаетъ? Если его уже вѣтъ, гдѣ его статуя, гдѣ ея драморный обломокъ? Скажите это мнѣ, чтобы я могъ обнять холодный камень, и въ память его первообраза пролить на него горячія слезы благодарности“.

богатыми людьми (хотя, впрочем, это была общая и естественная склонность тогдашних братств) и прямо высказанное оправдание средств цблями. Изъ масонства взята была таинственность и торжественность церемоніада, которую Вейсгаупт считалъ нужной, чтобы дѣйствовать на воображеніе адептовъ, особенно между католиками.

Въ первые годы ордень похожъ былъ на фантастически задуманную школу для католической молодежи, школу, которая, по свидѣтельству безпристрастныхъ людей, имѣла въ низшихъ степеняхъ очень здрвое и полезное дѣйствіе.

Вторую эпоху въ существованіи ордена составило время его обширнаго распространенія за предѣлы Баваріи, въ свѣрную Германію, когда дѣятельнымъ членомъ его сталъ баронъ Книгте. Баронъ былъ большой знатокъ въ масонскихъ дѣлахъ, и по его вліянію ордень былъ преобразованъ: къ первымъ „минервальскимъ“ степенямъ, которые, по мнѣнію Книгте, не могли вполне удовлетворить болѣе образованныхъ свѣверныхъ протестантовъ, прибавлена была цбля масонская система, именно, сначала общепринятая „іоанновскія степени“ и затѣмъ еще третій, высшій классъ, степени „мистерій“. Въ этой формѣ надѣлись легче распространять ордень между собственными масонами (какъ, напр., распространялось розенкрейцеровство). За распространеніе ордена взялся Книгте, и ордень дѣйствительно уже вскорѣ имѣлъ большой успѣхъ на свѣрвѣ Германіи. Теоретически положеніи ордена опредѣлились въ цблѣую, систему, основанную на идеяхъ тогдашней „философіи“, проникнутую увѣренностью въ силу просвѣщенія, которому нѣкогда предстоитъ исправить много золъ, отягощающихъ человечество. Какъ ни отдаленны были цбли ордена, но общій характеръ его идеаловъ привлекалъ множество послѣдователей, между прочимъ, истинно достойныхъ людей, какъ Дайбертъ, Федеръ, Николаи и др., которые, по словамъ Шлосера, вступали въ илломинатство именно изъ негодованія на вторженіе мистицизма и обскурантизма въ масонство. Послѣдователи ордена были во всѣхъ слояхъ общества: въ числѣ ихъ были герцоги веймарскій Карлъ-Августъ, извѣстный другъ и покровитель Шиллера, Гётте, Виланда, герцогъ Эрнестъ готскій, наслѣдный принцъ Августъ саксенъ-готскій, герцогъ Фердинандъ Брауншвейн-

скій, другіе владѣтельные князья, аристократы и министры, гёттингенскіе профессора Коппе, Мертенсъ, знаменитый педагогъ Песталоцци и даже Гердеръ и Гётте¹⁾.

Илломинатскій рационализмъ и скептицизмъ скоро былъ открытъ тѣми, кого всего ближе касался, т. е. баварскими эзвъ-іезуитами, которые употребили всѣ средства для его подавленія. Ордень давалъ оружіе противъ себя и въ личныхъ недостаткахъ своихъ руководителей и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ системы. Вейсгауптъ выпалъ въ крайности и, какъ личный характеръ, повидимому, мало способный быть внушать сочувствіе; по крайней мѣрѣ Шлоссеръ ставитъ его на одну доску съ своекорыстными интриганами Книгте и Цвакомъ²⁾. Основатели илломинатства выдавали свой ордень за старое учрежденіе, и хотя это былъ слишкомъ обычный тогда масонскій обманъ, но онъ, во всякомъ случаѣ, компрометировалъ ордень. Еще болѣе могли компрометировать его стремленіе превращать массу членовъ ордена въ слѣпое орудіе начальника, оправданіе средствъ цблями или излишній радикализмъ въ отвлеченныхъ вопросахъ, что успѣло отдалить отъ него многихъ членовъ. Поэтому, когда баварское правительство захватило бумаги ордена и раскрылись подобныя мистификаціи и іезуитскіе

¹⁾ Въ упомянутой книгѣ о Циммерманѣ приводится между прочимъ письмо къ Ц. придворнаго врача императрицы, Вейкарда (въ февр. 1786), гдѣ находится слѣдующее извѣстіе: „Fürst Reppin ist durch Prinz Ferdinand (конечно, Ферд. Брауншвейтскій) Provincial der Illuminaten in Russland...“ Затѣмъ въ томъ же письмѣ о Репинѣ говорится: „Reppin ist Enthusiast für das Buch Des Ergeurs et de la Vérité, und so noch andere. Nur die Pläne verstehen es nicht, — sagen sie, — aber die guten Herren auch nicht: sie sehen gar nicht ein dass es Dummheiten sind.“ Margard, 135—136. Вейкардъ, кажется, смѣшавъ илломинатство вообще съ мистическими сектами, въ смыслѣ французскихъ illuminés.

²⁾ Николаи, лично, впрочемъ, не знавшій Вейсгаупта, говорить о немъ иначе, упомынувъ о томъ, что самъ никогда не видѣлъ Вейсгаупта, онъ замѣчаетъ: „Wenn ich, wie ich mit Vergnügen bekenne, eine vorzüglich günstige Meinung von seinem persönlichen Charakter hege: so habe ich sie bloss aus dem Urtheile meines geschätzten Bekannten Mäpner, die ihn genauer kennen“. Nicolai, Offenl. Erklärung, стр. 66. Сужденіе Шлосера могло относиться къ ошибкѣ Вейсгаупта въ теоретической постройкѣ ордена, о которыхъ прямо говорить и Николаи.

пріемы Вейсгаупта, то настоящіе эскъ-іезуиты и мистификаторы нашли здѣсь прекрасный случай прійти въ благодное негодованіе и прокричать о безнравственности всѣхъ вообще людей, принадлежавшихъ къ ордену. Люди просто-душные этому и повѣрили: они забыли только, что эта безнравственность была еще больше у тѣхъ, кто теперь строго осуждалъ ее, что оправданіе средствъ цѣлями было основнымъ и постояннымъ принципомъ самихъ іезуитовъ, которыми они пользовались гораздо больше, чѣмъ иллюминаты (если только пользовался кто-нибудь изъ нихъ, кромѣ Вейсгаупта, Книппе и Цвака), что розенкрейцеры, не задумываясь надъ средствами, привлекали къ себѣ людей столько сильныхъ, какъ король прусскій и т. д. Вейсгауптъ въ сравненіи съ ними былъ только наивнѣйшій тѣмъ, что высказывалъ прямо то, что они старательно скрывали, и, кромѣ того, его бумага была захвачена цѣпникомъ, а розенкрейцерскихъ бумагахъ дальнѣйшія перспективы человѣческаго развитія, иллюминаты предавались мечтаніямъ о всеобщей свободѣ и равенствѣ людей во вкусъ Руссо: эскъ-іезуиты прямо обвинили ихъ въ стремленіи къ низверженію порядка, престоловъ и алтарей. Трудно было, конечно, повѣрить, что подобному занятію могъ предаться Фердинандъ Брауншвейтскій или Карлъ-Августъ веймарскій или почтенные профессора гёттингенскаго университета или Герднеръ и т. д. Но люди легковѣрные или находившіе въ томъ выгоду, продолжали этому вѣрить, и, какъ будто, даже съ нѣкоторымъ основаніемъ. Между иллюминатами могли встрѣтиться люди, которые принимали мечтанія буквально, какъ между розенкрейцерами были люди, ожидавшіе, что отъ Велднера они могутъ получить мудрость Моисея и Аарона: къ сожалѣнію, — замѣчаетъ Шлоссеръ, — въ числѣ баварскихъ старшинъ иллюминатства, какъ всегда бываетъ, когда люди отъ грубѣйшаго суевѣрія переходятъ къ противоположной крайности, находилось слишкомъ много людей, вмѣстѣ съ католицизмомъ отвергнувшихъ и всѣ теологическіе принципы¹⁾.

Эскъ-іезуитскіе обскуранты въ Баваріи употребили всѣ средства, чтобы раздуть дѣло объ ордень и заподозрить цѣлое общественное направленіе; курфирстъ Карлъ-Теодоръ,

быль тогда въ рукахъ іезуитовъ; ихъ шпіоны проникли въ орденъ и представили ужасающіе доносы. Но преступленіе началось не вдругъ: въ 1784 г. въ Баваріи запрещены были всѣ тайныя общества; въ 1785 г. Вейсгауптъ былъ лишенъ каеэды и, предувѣствуя опасность, бѣжалъ изъ Баваріи.

Тогда, — рассказываетъ нѣмецкій историкъ, — выпущена была свора ищеекъ и доносчиковъ... Читая документы о показаніяхъ, какія дѣлали передъ судомъ Ушнейдеръ, аббатъ Реннеръ, проф. Гронбергеръ, пастерь Козандей (шпіоны и обвинители ордена), приходишь въ ужасъ отъ этого сплетенія лжи. Всѣ юридическія формы были произвольно брошены въ сторону. Слѣдствіе производилось особой придворной комиссіей, которая одна дѣлала донесенія двору и отъ него получала приказанія. Какого рода были эти слѣдователи, объ этомъ свидѣтельствуеъ анекдотъ, сообщаемый однимъ изъ достойнѣйшихъ иллюминатовъ, барономъ Ментенгофеномъ, въ его „Исторіи и Апологіи“: генераль Безьербушъ встрѣтилъ обвиняемаго словами, что вредность ордена доказывается уже тѣмъ, что онъ рекомандуетъ своимъ членамъ чтеніе всѣхъ старыхъ языческихъ книгъ (онъ разумѣлъ древнихъ классическихъ авторовъ). Въ Баваріи началась совершенная обала. Всѣ, кто были членами ордена или имѣли отношенія къ кому-нибудь изъ членовъ, были лишены своихъ должностей; часть обвиненныхъ подверглась изгнанію¹⁾.

Орденъ обвинялся въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ, въ стремленіи низвергать троны и алтари, въ отравленіяхъ и убійствахъ; иллюминаты представлены были извергами рода человѣческаго. Баварское правительство, захвативъ бумагу ордена, напечатало ихъ и разослало къ различнымъ европейскимъ дворамъ; но даже въ самой Германіи ни одно правительство не нашло нужными строгихъ мѣръ противъ ордена, къ какому пригласила Баварія²⁾. Напротивъ того,

¹⁾ Netzer, III², 349.

²⁾ Мы упоминали, что Лонгинъ въ принимаетъ именно тѣ отзывы объ ордень, какіе хотѣлось распространить баварскимъ эскъ-іезуитамъ и берлинскимъ розенкрейцерамъ. По его мнѣнію, названные нами выше члены ордена были извѣрги; онъ увѣряетъ, что „всѣ правительства Европы не могли не прійти въ волненіе, узнавши, ка-

самъ Вейсгауптъ, голова котораго была обвинена въ баваріи, нашелъ гостепріимство и покровительство у герцога готскаго и писалъ здѣсь свою исторію и защиту ордена, другіе иллюминаты были тотчасъ приняты на службу Юсефомъ II, даже въ Пруссіи, иллюминаты остались цѣлы и невредимы, и Николай въ 1788 г., несмотря на господство розенкрейцеровъ въ правительствѣ, могъ еще вести политику объ ордень съ Лафатеромъ и Штаркомъ. До взрыва французской революціи еще не было того страха, который потомъ вызывалъ въ Германіи, и въ другихъ странахъ, крайнюю подозрительность противъ всякой свободной мысли.

Но ордень, тѣмъ не менѣе, уплатъ: близинность раскрыла его ошибки, и дѣлала невозможнымъ сохраненіе и улучшеніе его частей, тѣмъ болѣе, что благотворные люди еще раньше указывали на несообразность вести дѣло просвѣщеніи путемъ масонскихъ таинственностей. Онъ исчезъ мало-по-малу и самъ собой... Но въ литературѣ роялистской эмиграціи и консервативныхъ партій—не понимавшихъ причины паденія старой Франціи,—въ числѣ любимыхъ сюжетовъ остались обвиненія противъ тайныхъ обществъ, въ которыхъ эта литература видѣла единственную причину обиды Франціи. Такова была особенно знаменитая книга абабата Баррози и современная ей книга Робизона¹⁾: это были два главнѣйшіе источника, изъ которыхъ долго послѣ реакціонеры заимствовали свои обвиненія противъ про-

кая сильная организація была создана, чтобы покорить спокойствіе государствъ и все, что составляетъ интересы общества и священныхъ и въ шее достояніе челоуѣчества". „Во всѣхъ странахъ стали искать, не существуетъ ли гдѣ-либо тайно отъ общаго, злодѣйскаго заговора" (стр. 248). Все это очень странно и совершенно невѣрно. Здравою историческую характеристику ордена Лонгеновъ могъ бы найти даже въ масонскихъ современныхъ сочиненіяхъ, какъ книга Финделя, какъ Нандишъ, не говоря о Шлоссерѣ или Гетнерѣ и проч.

1) *Mémoires pour servir à l'Histoire du Jacobinisme*. Par M. l'abbé Augustin Barruel. Londres. 1797. 4 vol.—*Proofs of Conspiracy against all the Religious and Governments of Europe, carried on in the secret meetings of Free-Masons, Illuminati etc.* By John Robison. Edinb. 1797. Книга Робизона нѣсколько разъ вышла также по-нѣмеди и по-французски. Книга Баррози въ 1805—1809 годахъ была издана въ русскомъ переводѣ.

свѣщенія и либеральныхъ учрежденій и съ помощью которыхъ они пугали общественное мнѣніе¹⁾.

Каковы бы ни были ошибки иллюминатства,—позднѣйшіе историки отдають справедливость его просвѣдательнымъ стремленіямъ. Здравыя идеи, выраженные въ его программахъ, находили искреннее сочувствіе между самыми почетными людьми, на молодыхъ людей низшія минеральскія степени дѣйствовали самымъ благотворнымъ воспитательнымъ образомъ: „многіе минервалы,—говорить впоследствии одинъ изъ близкихъ свидѣтелей,—до сихъ поръ съ благодарностью и глубокимъ чувствомъ вспоминають, какъ эти школы оживляли ихъ трудолюбіе, пробуждали и развивали любовь къ наукамъ, вливали въ сердце воспримчивость ко всему доброму и благородному". „Несмотря на злоупотребленіе, которому подвергались тайныя учрежденія иллюминатства,—говорить Шлоссеръ,—ордень этотъ очень сильно содѣйствовалъ внесенію свѣта въ средневековой мракъ мрачнѣйшихъ областей Германіи". Съ такой же исторической похвалою говорить объ ордень позднѣйшіе масонскіе писатели.

Такова была сущность этого ордена, которому приписано было множество небывалыхъ преступленій, и который никогда не имѣлъ настоящей политической дѣятельности. Главнѣйшими обвинителями явились тѣ обскуранты, которые сами составляли, по словамъ г-жи Реке, „невидимое общество, которое весьма заботилось, чтобы разумъ въ тинѣ суевѣрія погрузить, дабы чрезъ то мало-по-малу можно было ему удобнѣе надѣть земли и народами владѣтьствовать"²⁾. Къ нимъ присоединились, какъ мы видѣли, и Циммерманъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ пока никакихъ свѣдѣній о томъ, были ли у насъ послѣдователи иллюминатства. Вы-

1) Въ книгѣ Мунье (J. J. Mounier, *De l'influence attribuée aux Philosophes, aux Fr. Maçons et aux Illuminés sur la Révolution de France*. Tübingen, 1801 и др. изд.) уже разъяснено было, что во французскомъ употребленіи словомъ *illuminés* обозначались мистики и шарлатаны XVIII вѣка, какъ Сень-Жерменъ, Каллостро, Сведенборгъ, Сень-Мартенъ, не имѣвшие ничего общаго съ иллюминатами Вейсгаупта: экзотичность мистиковъ, таинственность и фантастическія занятія ихъ кружковъ при всеобщей тревогѣ умовъ могли наводить постороннихъ на мысль о тайныхъ политическихъ козняхъ.

2) „Описание", стр. 278.

шеприведенное известіе Вейкарда о князѣ Репнинѣ есть, вѣроятно, недоразумѣніе ¹⁾. Масоны новиковскаго кружка, по наставленіямъ своихъ берлинскихъ „отцовъ“, просто-душно считали иллюминатовъ извергами человѣческаго рода, хотя Новиковъ замѣчаетъ, что, по словамъ самихъ „отцовъ“, въ иллюминатствѣ „набрано много и добраго“, только оно служить для „прельщеній“. „Отцы“ прислали московскимъ братьямъ статуы иллюминатовъ, по которымъ бы можно было узнать ихъ на случай, если бы они какъ-нибудь между ними оказались (какъ бывало въ Германіи, гдѣ иллюминаты скрытно проникали въ ложи, надѣясь распространить тамъ свое ученіе ²⁾).

Есть основаніе думать, что эта литература взаимныхъ обвиненій не оставалась безъ вліянія на понятіи императрицы; сама она, повидимому, вникала ближе въ характеръ спорившихъ сторонъ, а потому и было возможно вылініе съ обѣихъ точекъ зрѣнія. Впечатлѣнія собирались въ разное время и,

1) Вотъ одно только известное намъ указаніе, которое можетъ допустить иллюминатство кн. Репнина. Вейкардъ упоминаетъ о полученіи имъ иллюминатской степени отъ герцога Брауншвейгскаго (который дѣйствительно былъ въ орденѣ), въ началѣ 1786; самый фактъ произошедъ, вѣроятно, раньше. По показаніямъ Новикова, нѣкто Гине, родственникъ Татищева, въ 1785 г. прибывши въ Москву, „весьма хвалилъ кн. Репнина и сказывалъ, что въ немъ сдѣлалась великая перемѣна“ (конечно, въ какомъ-нибудь масонскомъ отношеніи). Потому Репнинъ прѣхалъ въ Москву и здѣсь познакомился между прочимъ съ розенкрейцерскимъ агентомъ въ Москвѣ, барономъ Шрёдеромъ. Отъ барона въ новиковскомъ кружкѣ слышали „великія объ немъ похвалы“. Репнинъ хотѣлъ быть принятымъ въ розенкрейцерство, и по этимъ отношеніямъ могъ, конечно, этого ожидать; но потомъ баронъ Шрёдеръ уѣхалъ въ Берлинъ; „а по возвращеніи бароновомъ изъ Берлина, въ 1786 году въ концѣ видѣлся онъ съ кн. Репнинымъ одинъ разъ и послѣ свиданія сего слышалъ я отъ кн. Трубецкаго, что баронъ Шрёдеръ княземъ Репнинымъ недоволенъ и видѣться съ нимъ болѣе не хочетъ, а хочеть знакомство свое совѣтъ прервать. Причину сего мнѣ не сказали“... (Понгинъ, 100). Не можетъ ли это относиться къ иллюминатскимъ сношеніямъ кн. Репнина?

2) Такой случай какъ будто представлялся въ 1784 г., когда въ иллюминатствѣ заподозрили брата Нартова, известнаго въ свое время переводчика. Дѣло произошло такимъ образомъ. Нартовъ адресовалъ масонскимъ властямъ въ Петербургѣ нѣкоторые масонскіе вопросы, и желалъ на нихъ отвѣта. Изъ Петербурга прислали ихъ въ Москву, гдѣ находилось управленіе VIII масонской провинціи, учрежденное послѣ

не протѣвляемыхъ ближе, породили, наконецъ, въ императрицѣ общее и полное недовѣріе ко всему броженому умомъ въ 80—90-ые годы. Отношеніе ея ко всему этому было, кажется, такое же смутное, какъ у ея корреспондента Диммермана. Уже прежде она привыкла связывать русское масонство съ тѣмъ, что слышала и читала о мистическихъ сектахъ и другихъ партій въ Европѣ, и въ послѣднее время, — когда она рѣшила судьбу новиковскаго кружка, — перенесла на московскіе событія свою крайнюю, но неопредѣленную подозрительность, — забывая все различіе между двумя разрядами повѣстій, между шарлатанскимъ или протодушнымъ мистицизмомъ и стремленіями къ просвѣщенію, и что еще важнѣе, забывая всю громадную разницу между русской жизнью, только что начинавшей свое развитіе, и умственной жизнью европейскаго общества.

Въ своихъ комедіяхъ противъ Кадіостро и теософовъ въ 1785—86 году императрица выводитъ на сцену мартини-

Вильгельмсадскаго конвента. Кн. Н. Н. Трубецкой, занимавшій одно изъ главныхъ мѣстъ въ этомъ управленіи и вмѣстѣ въ розенкрейцерствѣ, далъ отвѣты и послалъ ихъ въ Петербургъ А. А. Ржевскому съ такимъ розенкрейцерски-таинственнымъ наставленіемъ: „При семь послылаю [отвѣты Нартову] дабы ты, позвавъ къ себѣ Нартова, сказалъ, что ты препроводилъ вопросы его къ тѣмъ, которые тебѣ извѣстны, и что получить на оныя отвѣты, которые и прочти ему. И ежели хочешь, то дай и списать. Только не сказывай, чьи они, и отъ кого ихъ получилъ. Мы великое имѣемъ сомнѣніе, не принадлежатъ ли онъ къ тому тайному обществу, о которомъ въ отвѣтахъ упомянуто, и отъ котораго отцы наши (т. е. Вѣльнеръ) насъ весьма остерегають и для познанія онаго прислали намъ ихъ акты всѣхъ степеней...“. А наипаче это сомнѣніе въ насъ родилось отъ его знака, который есть въ тѣхъ актахъ“. Ешевскій, въ рукахъ котораго были эти вопросы и отвѣты, замѣчаетъ, что отвѣты коротки и написаны съ неприязненнымъ, худо скрываемымъ чувствомъ къ вопрошателю. О тайномъ обществѣ упоминается въ отвѣтѣ на 11-ый вопросъ: „могутъ ли всѣ числа отъ одного до десяти истолковывать, что есть число 1 и 10-е, что значить 5?“. Отвѣтъ: „Что же принадлежатъ до одиннадцатаго вопроса, то мы отъ искренней любви просили Бога, да не принадлежатъ дѣлающій его къ нѣкоторому тайному обществу, которое имѣетъ оный въ катихизмѣ перваго граудаса своего, и которое происходитъ изъ ада, хотя великодушнымъ именемъ свѣта одѣваетъ себя. Трепещемъ мы о немъ и для него, и для любезнаго отечества нашего“. Ешевскій, III, 537—538. Но здѣсь могла быть рѣчь и о какой-нибудь другой враждебной розенкрейцерству системѣ.

нистовъ и въ то же время называетъ Кайюстро илюминаторомъ,—по тому же смѣшенію понятій, вслѣдствіе котораго многіе считали тогда Кайюстро агентомъ илюминаторъ Вейсгаупта¹⁾; но нѣсколько времени спустя, въ 1787—88, императрица поощряетъ книги г-жи Реке; сама, какъ предполагаютъ, пишетъ брошюру противъ врага илюминаторъ Штарка; въ 1788, настоящей илюминатъ, Николоди, издававший книги г-жи Реке, издаетъ въ Берлинѣ нѣмецкій переводъ трехъ комедій Екатерины II противъ мистиковъ съ панегирикомъ императрицѣ въ предисловіи. Но вскорѣ она высупливаетъ нелѣпыя нападенія и доносы Пиммермана на тѣхъ же самыхъ „философовъ“, нападенія, совершенно во вкусъ Штарка и розенкрейцеровъ. Въ 1790 г., императрица считаетъ Раппеова мартинистомъ,—хотя онъ въ самой книгѣ смѣется надъ масонскимъ мистицизмомъ. Въ 1791 г., императрица не советуетъ князю Голицыну посылать дѣтей для образованія въ нѣмецкія училища, „ибо во многихъ изъ нихъ теперь ученые раздѣлились на два класса, равно для общества вредные: одни—явные безбожники, другіе—лицемѣрные мартинисты²⁾... Когда произошла французская революція, то при всеобщемъ неумѣнн объяснить себѣ причину событій, все приписывалось тайнымъ обществамъ: франкъ-масоны, илюминаты и якобинцы стали синонимами. Книжки Дашкова еще долго послѣ этихъ временъ воображала, по примѣру Баррози, что „несчастная Франція“ была вовлечена въ свои бѣдствія „иллюминатами и мнимыми философами“³⁾, не имѣя никакого отчетливаго понятія ни о тѣхъ, ни о другихъ и забывавъ, что, собственно говоря, въ числѣ „мнимыхъ философовъ“ особенно видное мѣсто принадлежало именно ей самой, Дашковѣ: ей казалось, что это были какіе-нибудь другіе философы, а не именно тѣ, которые писали „Энциклопедію“. Кн. Прозоровскій во время своего слѣдствія всячески выискивалъ у нашихъ масоновъ сходство съ французскими революціонерами.

1) Въ упомянутомъ письмѣ Вейкарда, 1786, говорится, между прочимъ: In Moskau ist die Secte der Cabalisten sehr stark, die Martinisten heissen. Das aufgekündete Saeculum! (Marscard, 134).

2) Русск. Архивъ, 1865, стр. 1138.

3) Mémoires, Paris 1859, I, XXIV.

Поворотъ мнѣній относительно „философовъ“ пришлось испытать и самой императрицѣ: ей самой нужно было оправдывать свои отношенія къ ея прежнимъ любимцамъ. Сохранилось одно ея письмо къ кому-то (отъ 1789 г.), заключающее въ себѣ оправданіе ея прежней переписки съ Вольтеромъ: императрицу упрекали въ этомъ какое-то третье лицо, судя по обстоятельству, вѣроятно, архіепископа Платона, который, какъ извѣстно, очень не одобрялъ французской литературы, и въ особенности такихъ ея представителей, какъ Вольтеръ; императрица старается доказать, что въ перепискѣ не было ничего предосудительнаго и что здѣсь она заботилась всего больше о славѣ Россіи¹⁾.

Въ дѣлѣ Новикова представился подобный же случай. Въ числѣ вопросовъ пунктовъ, предложенныхъ обвиняемому и, какъ извѣстно, составленныхъ подъ надзоромъ самой императрицы, одинъ изъ важныхъ вопросовъ былъ по поводу книги „О народной гордости“. Книга считалась особенно вредной; обвиняемые отъ нея отказывались, слышась на незнаніе объ ней; Новиковъ узналъ ее только тогда, когда ему показали ее на допросѣ. Книга напечатана была въ ихъ компанейской типографіи²⁾, и Новиковъ утверждаетъ въ своемъ показаніи, что имѣетъ о ней только „весьма темное и конфузное воспоминаніе“, что книги этой не читалъ, и что она отдана въ печать „только по одной цензурѣ“,—а къмѣ привнесена, не помнитъ. „И когда,—говоритъ онъ въ своемъ показаніи,—мнѣ изъ сей мерзкой книги (мѣста) показаны и прочтены, то я ужаснулся, что такая книга у насъ напечатана (и) здѣсь паки державо призывать всесвятыишаго Бога во свидѣтели въ томъ, что я сей книги, до показанія мнѣ оныя здѣсь, не читалъ и совершенно не зналъ содержанія ея; намѣренія къ разсѣлованію столь мерзкихъ понятій не имѣлъ“, и т. д. Быть можетъ книга, дѣйствительно, прошла черезъ ихъ типографію случайно, какъ много другихъ не-масонскихъ книгъ, и что мѣста, прочитанныя изъ нея Новикову, были „противныя

1) Это любопытное письмо напечатано въ Русск. Архивъ, 1866, стр. 71—72.

2) Въ текстѣ показаній Новикова у Лонгинова, стр. 0110, она ошибочно названа „о народной радости“, но въ другихъ показаніяхъ вѣрно: гордости.

и мерки по соотвѣтствію его понятіямъ". Книга написана въ духѣ отрицательной философіи XVIII-го вѣка, и своимъ скептическимъ отношеніемъ къ разнымъ видамъ національной гордости, или самолюбія, а также религіи, могла показаться рѣзкой по тогдашнимъ, да и по нынѣшнимъ русскимъ понятіямъ. Но любопытно, что авторъ этой книги былъ никто иной, какъ тотъ же докторъ Циммерманъ—когда еще не впадалъ въ „шохондрию“¹⁾.

По вѣсть различнымъ и неснымъ впечатлѣніямъ, нами отчасти указаннымъ, императрица пришла, наконецъ, къ мысли, что масонская пропаганда новиковскаго кружка имѣетъ свои политическіе замыслы. Нѣкоторые факты тогдашней литературы, перетолкованные въ такомъ же смыслѣ, какъ „Вадимъ“ Княжнина и „Путешествіе“ Радичева, еще увеличили ея подозрительность; и если она считала Радичева „мартинистомъ“, чѣмъ онъ не былъ, то это показывало, какой неопредѣленно-опасный смыслъ давала она этому слову, и было дурнымъ предзнаменованіемъ для настоящихъ мартинистовъ. Всѣ ихъ дѣйствія уже окрашивались въ ея глазахъ этимъ свѣтомъ и когда явился малѣйшій поводъ въ письмѣ Раженова, указывавшемъ на нѣкоторые отдаленныя отношенія масонства къ великому князю Павлу Петровичу, императрица дала полный просторъ къ враждебному отношенію къ мартинистамъ: она сочла ихъ яковинами.

ГЛАВА XIV.

Конецъ новиковскаго кружка.

Крайняя нелюбовь Екатерины къ масонамъ болѣе всего объясняется, конечно, тѣмъ общественнымъ характеромъ

¹⁾ Вотъ названіе этой любопытной и рѣдкой книги: „Народная гордость. Переводъ съ французскаго языка. Москва, въ Типографіи Компаніи Типографической, съ указаго дозволенія, 1788“. 187 стр. 8°. Подлинникъ Циммермана явился еще въ 1758. Лонгину эту пунктъ показанія Новикова остался непонятенъ, и книга ему неизвѣстна (стр. 328). Сопликовъ, однако, упоминаетъ ее въ своемъ каталогѣ и кромѣ того указываетъ другой переводъ ея, который явился „подъ заглавіемъ: „Образъ народнаго любочестія“, въ переводѣ съ нѣм., Николая Полианова, Спб. 1793—непосредственно послѣ осужденія Новикова и преслѣдованія этой самой книги!

масонства, который особенно обнаруживался въ послѣдніе годы, и главной жертвой гоненія недаромъ сталъ именно человекъ, который своей личной энергіей развилъ этотъ общественный характеръ масонства, хотя въ масонскомъ чинаначіи онъ не имѣлъ перваго мѣста и хотя проступки, послужившіе къ его обвиненію, были и проступками цѣлаго кружка въ равной степени. Его отичало отъ другихъ только нравственное превосходство.

Нѣсколькихъ примѣровъ будетъ достаточно, чтобы видѣть, въ какомъ отношеніи масонство было нарушеніемъ „принятыхъ правилъ“ и старыхъ преданій.

Основой масонскаго движенія, какъ мы не разъ замѣчали, было именно нравственное предужденіе самого общества. Лопухинъ прямо указываетъ цѣль, къ которой они стремились: „надобно человеку морально переродиться“¹⁾, и потребность этого перерожденія возбуждалась въ нихъ яркими недостатками окружающей жизни. Ихъ нравственные стремленія приняли пѣтистическую форму. Они стали очень высоко свое пѣтистическую мораль, когда въ обществѣ они не встрѣчали ничего ей равносильнаго и когда она представлялась имъ единственнымъ исходомъ изъ противорѣчій господствующей морали, хладнокровно мирившей внушенія любви на словахъ, и несправедливости и насиліе на дѣлѣ. Мы понимаемъ теперь, ихъ разрывъ противорѣчій было неглубоко; ихъ преувеличенія уже тогда стали предметомъ насмѣшекъ, но господствующія понятія не находили достаточно опроверженія для ихъ основнаго идеала, и онъ явился протестомъ, сначала непріятнымъ, потомъ ненавистнымъ.

Нагляднымъ примѣромъ того, какъ эти стремленія встрѣчались съ господствующей моралью, могутъ служить многіе рассказы Лопухина. Онъ былъ, по склонности, весьма нипешлюбивъ. „Съ того времени,—говоритъ онъ,—какъ я, пощастію, узналъ, въ чемъ состоитъ истинная добродѣтель (т. е. со времени вступленія въ масонство), уже я старался склонность оную обращать на исполненіе закона сей добродѣтели“. „Помощь ближнему... особенно воспитываетъ духъ

¹⁾ Записки И. В. Лопухина въ Чтен. М. Общ. И. Др. 1860, II, 15—16.

въ чистой любви, которая есть магнитъ, привлекающій вселѣ-
сущаго Духа Божія, готоваго всегда соединиться съ духомъ
человѣческимъ, а въ семь соединеніи состоятъ все истин-
ное просвѣщеніе и блаженство... Но князь Прозоровскій
отвѣтной быть неохотникъ до такой морали и подавали
милостыни казались ему бунтовщиками¹⁾.

Филантропическая и образовательная дѣтельность цѣ-
лаго кружка, благотворительныя школы, стипендіи, даровая
раздача лекарствъ, книжная торговля и даровая раздача
книгъ и т. д., вся эта дѣтельность была первымъ примѣ-
ромъ подобнаго рода въ новомъ русскомъ обществѣ и по-
„принятыхъ правилъ“ ее объясняли только злоумышле-
ніемъ, помощію Новикова бѣднымъ во время голода была
названа его „промысломъ“, какъ Прозоровскій подаваніе
милостыни считалъ бунтомъ.

Старымъ привычкамъ противорѣчило и сближеніе въ
ложъ людей различныхъ общественныхъ положеній: Про-
зоровскому это казалось революціоннымъ „равенствомъ“.

Личные характеры подъ вліяніемъ масонства развивались
въ такую сторону, которая опять дѣлала этихъ людей ори-
гиналами или отщепенцами. Таковъ былъ Гамалѣя, из-
вѣстный масонъ этого кружка, одинъ изъ ближайшихъ
друзей Новикова и одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ перевод-
чиковъ мистическихъ книгъ. Аскетизмъ былъ для него твер-
дымъ принципомъ, строго проводимымъ и въ практическую
жизнь; и удивительно еще то, что такой человѣкъ могъ при-
тр. Чернышевъ занимать мѣсто начальника его канцелярии.
Гамалѣя былъ настоящимъ безсребренникъ. Слуга однажды
обокрасть его и бѣжалъ. Когда его поймали, Гамалѣя ска-
залъ ему: „Видно, мнѣ не суждено имѣть людей, отпускаю
тебя, и вотъ деньги, которые ты взялъ; ступай съ Богомъ“.
Разъ ночью онъ встрѣтился съ ворами, которые потребо-
вали у него часы и кошелекъ; онъ спокойно отдалъ ихъ
и пришедши домой, сталъ молиться, чтобы воры не употре-
били отнятаго на что-нибудь дурное. За его службу хотѣли
дать ему 300 душъ крестьянъ, но онъ отказался на томъ
основаніи, что не знаетъ, какъ управиться и съ одной
своей душой, и боятся взять на свое попеченіе еще триста

¹⁾ Чтен. Общ. И. Др. 35—36.

чужихъ¹⁾. Такіе разсужденія не могли не поражать въ то
время, когда крестьяне раздавались чрезвычайно щедро.

Представленія рыцаря въ то время примѣръ сознательнаго
и самостоятельнаго „убѣжденія“, какъ правила жизни, ма-
соны, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляли примѣръ постоянства
въ этомъ убѣжденіи. Были, конечно, и между ними люди,
легко смотрѣвшіе на дѣло и легко его покидавшіе, но
было не мало людей, оставшихся вѣрными ему и въ тѣ пе-
риоды, когда масонство не существовало открыто. Такъ
дѣйствовали масоны не только въ Москвѣ и Петербургѣ,
но и въ провинціяхъ: въ Ярославлѣ, Казани, Орлѣ, Во-
логдѣ и проч. Образчикъ масона, занесенный судьбой въ
провинціальную жизнь, представляеть, напримѣръ, извѣст-
ный въ свое время масонъ Ив. Панаевъ, о которомъ раз-
сказывается въ запискахъ его сына, извѣстнаго историка,
В. И. Панаева²⁾. Бывши въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XVIII в.
дѣтельнымъ „братомъ“ и „мастеромъ“ въ Петербургѣ, Па-
наевъ не оставилъ и въ Перми своей пропаганды въ филан-
тропическомъ, образовательномъ и піетистическомъ смыслѣ.
Онъ поддерживалъ сношенія съ масонами новиковскаго
кружка, получалъ отъ нихъ масонскія книги, снабжалъ ими
своихъ пріятелей и, по словамъ записокъ, „въ особенности
любилъ руководствовать молодымъ заблудшимъ людямъ, и
многихъ поставилъ на путь истинный“. При открытіи на-
родныхъ училищъ Панаевъ вызвался принять въ свое за-
вѣдываніе пермское народное училище и заботливо упра-
влялъ имъ.

Съ этимъ стремленіемъ пробуждать нравственные инте-
ресы и содѣйствовать распространенію образованія, у ма-
соновъ соединилось теплое отношеніе къ возрастающему
поколѣнію: какъ Тургеневъ обратилъ вниманіе на Карам-
зина, такъ Панаевъ открылъ въ Перми и вывелъ на дорогу
Мерзлякова. Въ масонскомъ кружкѣ молодые люди, въ ка-
чествѣ „учениковъ мудрости“, дожины были находить при-
готовленіе къ будущей дѣтельности въ смыслѣ извѣстнаго
принципа, сближавшихъ съ людьми старшаго поколѣнія, ино-
гда съ важнымъ общественнымъ положеніемъ, испытывали

¹⁾ Лонгиновъ, 163.

²⁾ Вѣстн. Европы, 1867, т. III, 201—202. Надо замѣтить, что
В. И. Панаевъ старательно умалчиваетъ о масонствѣ своего отца.

нравственно-общественныя вліянія, якія прежде ограничивались школой или составили дѣло случая. Когда жить еще Шварцъ, ко всему этому присоединялся особый курсъ лекцій философско-историческаго содержанія, конечно, еще болѣе усиливавшій авторитетъ масонскаго кружка для молодой аудиторіи. Нѣкоторые воспитанники своихъ они посылали, наконецъ, за границу. Таково было отношеніе московскаго кружка къ той молодежи, которую они собирали около себя въ качествѣ семинаристовъ и стипендиатовъ, переводчиковъ и т. п. Такъ, въ перепискѣ Карамзина съ его другомъ Петровымъ слышатся эти масонскія вліянія, быть можетъ, еще недостаточно указанныя въ умственномъ характерѣ Карамзина; они любопытны и въ Петровѣ, выявляясь съ несомнѣннымъ умомъ, склоннымъ къ критическому скептицизму, съ начитанностью и свѣдѣніями, — которато даже странно вліять въ этой обстановкѣ. Самый кружокъ, повидимому, до конца остался на своей колѣѣ крайняго мистицизма, но люди новаго поколѣнія, какъ Петровъ, имѣютъ уже болѣе обширный горизонтъ, обнаруживаютъ значительное знакомство съ европейской литературой, восхищаются Шекспиромъ, слѣдятъ за литературной борьбой въ нѣмецкой литературѣ: отправившись за границу, Карамзинъ имѣлъ уже довольно опредѣленные понятія о нѣмецкой литературѣ, ея партихъ и т. д. Переть отъбѣдомъ, Карамзинъ, какъ говорятъ, заявилъ масонскому кружку, что его мысли приняли иное направленіе и поэтому онъ уже не можетъ причислять себя къ ихъ обществу; и любопытно, что кружокъ, хотя и пожалѣлъ объ этомъ, но сохранилъ къ нему дружеское отношеніе — терпимость, какой не имѣла обыкновенно масонская братія.

Понятно, что въ обществѣ, болышинство котораго жило въ патриархальной, порядочно грубой простотѣ, люди, будившіе сонную неподвижность, задававшие новые вопросы, отбѣлывшіеся отъ массы, легко могли возбуждать къ себѣ то неприязненное чувство, о которомъ разсказываетъ Лопухинъ. Если было не мало людей, которые сочувствовали многимъ стремленіямъ кружка и подчинялись нравственному его вліянію, то для огромнаго болышинства масоны стали почти предметомъ ненависти. Мѣры, принятыя властями, согласовались съ понятіями массы.

Когда въ половинѣ 80-хъ годовъ XVIII вѣка, по смерти З. Г. Чернышева, стала высказываться неблагоприятность высшихъ сферъ къ масонству, обвиненія и нападки посыпались съ особымъ ожесточеніемъ. Мы передадимъ только нѣкоторые подробности словами Лопухина, который, изображая характеръ времени и взгляды самихъ масоновъ, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ, во многихъ случаяхъ, и дѣйствительное историческое оправданіе масоновъ.

„Люди, какъ бы почитающіе себя за должностъ осуждать другихъ и порицать то, что совѣтъ не знаютъ, распускали разныя о насъ толки. Шумъ былъ великъ, потому что людей такихъ много, и еще болѣе тѣхъ, которые столько же охотно вѣрять всякому дурному о другихъ, сколько не хотятъ повѣрить доброму.“

„Порочили особливо тайность общества и его сообщій. Для чего, говорили, тайно дѣлать хороше? Отвѣтъ на это легокъ. Для чего въ сообщіяхъ, такъ называемыхъ, лучшихъ людей или публики, не только никогда не говорить, да и не можно говорить, о Богѣ, о добродѣтели, о вѣрности, о суетѣ жизни, о томъ, сколь порочны люди, и какъ нужно имъ заботиться о нравственномъ своемъ исправленіи и проч.?“

„Между тѣмъ, коварство и злоность къ наградамъ за услуги, на клеветѣ и вредѣ ближнему основанные, старались представлять насъ подозрительными и для спокойства общаго не безопасными. Такимъ образомъ дѣйствующимъ во мракѣ навѣтничества было не мало. Но одинъ хитрый планъ на то время велможа и царедворецъ, въ часы колебаній своего могоущества, которое и въ немъ не могло быть безпрестанно неподвижнымъ, хотя при разныхъ переворотахъ и жизнь его скончалась среди блеску онаго, для подержанія себя выдумалъ навлечь подозрѣніе на существовавшую будто бы связь съ обществомъ нашимъ у ближайшей къ престолу особы.“

„Искусно внуша такое подозрѣніе, искусно же не допускать оны и до розыска, вѣроятно, для того, что, не имѣвъ сердца жестокаго, при всей своей политической нещадности, не хотѣлъ онъ жертвовать людьми, никакого зла ему не причинившими, каковыя жертвы подобныя ему характеры приносятъ себѣ только тогда, когда сіе необходимо.“

лимо требуется ихъ интересамъ, для которыхъ они, кромѣ себя, всѣмъ жертвуютъ.

„Сіе вѣроятно; а извѣстно то, что розыскъ бы о бичилъ его въ думку, которая тогда обратилась бы во вредъ ему самому. Итакъ онъ старается только питать всеенное имъ подозрѣніе, выставивъ себя за знающаго все, что въ государствѣ происходитъ, съ тѣмъ, что когда онъ, храни-тель особы Государыниной, то ей нечего опасаться...“¹⁾.

Стѣдствія подозрѣній долго ограничивались тѣмъ, что запечатывали, пересматривали, запрещали изданныя масонами книги, Новикова вѣдѣно было испытать въ законѣ Божіемъ; Лопухинъ подвергся гоненіямъ отъ московскаго главнокомандующаго Брюса.

... Въ концѣ 1784 года открылись давно уже продолжавшіеся недовольніи и подозрѣнія двора противъ нашего общества. Коварство, клевета, злоба, невѣжество и болтовство самой публики питали ихъ и подкрѣпляли. Одни представляли насъ совершенными святошами; другіе увѣряли, что у насъ въ системѣ заводить вольность; а это дѣлалось около времени французской революціи. Третьи, что мы привлекаемъ къ себѣ народъ и въ такомъ намѣреніи щедро раздаемъ милостыню. Иные рассказывали, что мы бесѣдуемъ съ духами, невѣры при томъ существованію духовъ²⁾, и разными разглашали нечистоты, которыми столько же не-благоразумно вѣрить, сколько непохвально распускать ихъ. Однако всѣ сіи слухи имѣли свое дѣйствіе, сколь ни были они ложны и одинъ другому противны; ибо и святые, и бунтовщики, и проказники, и суевѣры, и замысловатые обманщики: всего этого, разсудя, нельзя связать хороненько.

„У страха глаза велики. Вотъ отъ чего прямо родились и возрасли негодованія оныя и подозрѣнія. А сему содѣйствовали довѣренность къ навѣтамъ, о бычій

¹⁾ Чтен. Общ. И. Д. Р. 1860, II, стр. 17—18.

²⁾ При этомъ Лопухинъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Вѣруя, что есть Богъ, всемогущій творецъ, духъ непостижимый и, конечно, вездѣущій, весьма безразсудно думать, что строеніе его ограничивается однимъ видимымъ нами твореніемъ, и не вѣрить бытію существъ, невидимыхъ, а полагая бытіе оныхъ, безразсудно же не вѣрить, чтобы они могли имѣть вліяніе на человѣковъ“.

слушать шпіоновъ, которые должны необходимо платить, потому что ежели они будутъ правду доносить о тѣхъ, коихъ подозрѣваютъ напрасно, то естественно потеряютъ несчастную къ нимъ довѣренность и съ нею корысть свою; обычай также полагаться на искусство полиціи, которая почти всегда строитъ свою фортуна на безпокойствѣ жителей, вмѣсто того, чтобы ей сохранять ихъ покой.

Много также дѣйствовали предубѣжденіе и ненависть, которыми съ невѣжествомъ исполнены люди противъ стро-той морали и всякой духовности, коими отпичались издаваемыя нами книги.

Все сіе усилилось началомъ революціи въ Парижѣ въ 1789 году, которой произведеііе тогда приписывали тайнымъ обществамъ и системѣ философовъ; только ошибка въ этомъ заключеніи была та, что и общества оныя и система были совсѣмъ не похожи на наши...“¹⁾.

Лопухинъ разумѣетъ здѣсь иллюминатовъ, относительно которыхъ онъ естественно раздѣляетъ упомянутыя нами представленія, внушенныя розенкрейцерами и іезуитами; и наши масоны, выполнѣ справедливо отвергая всякую солидарность съ иллюминатами, въ свое время имѣли для себя въ этомъ отношеніи полное оправданіе. Но, разсуждая объ этомъ въ своихъ запискахъ, Лопухинъ прибавляетъ мысль, вѣроятно появившуюся у него еще въ то же время; онъ показываетъ, что въ сущности такой причинъ даже и нельзя было бы приписывать французскаго переворота.

„Впрочемъ,—говорить онъ по поводу иллюминатовъ,—главное причинною революціи ставить самую оную философію и общества, похоже, мнѣ кажется, на то, какъ иногда болные, изнуривъ себя и всѣ соки испортить невоздержностью и неосторожностью, не желая признаваться въ причинахъ причинахъ своихъ болѣзней, стараются ихъ приписывать какому-нибудь неважнымъ постороннимъ случаемъ, въ коихъ они невинны и которые бы для нихъ совсѣмъ нечувствительны были, есть ли бы разслабленное тѣло ихъ не было уже готово разрушиться:—злупотребленіе власти, ненасытность страстей въ управленіихъ, презрѣніе къ че-

¹⁾ Чтен. Общ. И. Д. Р., стр. 20—21.

ловѣству, угнетеніе народа, безвѣріе и развратность нравовъ: вотъ прямые и одни источники революціи....”¹⁾.

Мы почти съ изумленіемъ встречаемъ такое ясное пониманіе у человека съ розенкрейцерскимъ мистицизмомъ въ головѣ, и это даетъ новый наметъ на то, какъ много могли эти люди расхотѣться съ хладными понятіями того времени. Большинство и высшія сферы думали тогда совершенно иначе; они не умѣли представить себѣ ясно страшнаго божества, охватившаго во Франціи цѣлыя общественыя массы:—считаться съ этимъ было трудно, а по старымъ привычкамъ нужно было найти виновныхъ, какъ бы ни было трудно понять, что нѣсколько человекъ могутъ быть виной броженія и безумствъ цѣлой страны. Виновныхъ, конечно, и находили между тѣми, кто прежде возбуждалъ къ себѣ недоверіе въ людяхъ консервативнаго свойства. Надъ обвиненными не задумывались: въ Германіи, а потомъ въ остальной Европѣ обвинили илломинатовъ, а однимъ изъ главныхъ основаній обвиненія былъ тотъ фактъ, что около 1788 г. въ Парижѣ было двое илломинатовъ (между прочимъ, упомянутый нами обличитель Сень-Мартена, Боде); у насъ обвинили мартинистовъ.

Это обвиненіе почти непонятно по тому крайнему невѣдѣнію русской жизни, какое оно предполагаетъ въ обвинителяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, нужно было слишкомъ мало понимать эту жизнь и зарождавшіеся въ ней умственные и нравственныя стремленія, чтобы свести дѣятельность и тенденціи нашего масонства на революціонныя затѣи, и исполнителями революціонныхъ замысловъ считать Лопухина и его друзей. Но обвиненія были, однако, не шуточны. Въ 1792, когда начались допросы, князь Прозоровскій положительно подозрѣвалъ и вывѣдывалъ у Лопухина—о связяхъ съ якобинцами! Князь Прозоровскій обвинялъ масоновъ въ илломинатствѣ, но Лопухинъ объяснилъ ему всю разницу между ними и этимъ обществомъ; на допросѣ онъ выступалъ у Лопухина о перепискѣ съ „французами“, и когда Лопухинъ подтвердилъ, что переписка была, Прозоровскій былъ въ восторгѣ: онъ былъ увѣренъ, что добился созданія въ связяхъ съ якобинцами. Между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

¹⁾ Чтен. Общ. И. Д. Р., стр. 21—22.

„Это хорошо, что вы чистосердечны, да и дѣло уже извѣстное. Скажи, пожалуйста, о чемъ же и когда вы къ нимъ писывали?—Не упоминай, — отвѣчалъ я, — всего, о чемъ и когда.—Однако, сколько можешь вспомнить.—Ну, я писывалъ къ нимъ, чтобы прислать табаку, вина, конфектъ, сукна какого-нибудь, игрушекъ въ подарки дѣтямъ.—”
 „Вы шутите, сердясь, говорилъ мнѣ князь.—Къ какимъ же французамъ вы писывали это?—Къ лавочникамъ здѣшнимъ; а то къ какимъ же?—Нѣтъ, вы были въ перепискѣ съ якобинцами.—А ваше сіятельство были съ ними въ перепискѣ?—говорилъ онъ.—Такъ знайте же,—сказалъ я ему, сиди и гораздо не утѣвляйся,—что въ чести, въ вѣрности государю и отечеству никакъ вамъ не уступлю, и не смѣйте мнѣ дѣлать такихъ вопросовъ...”¹⁾.

Этотъ разговоръ весьма наглядно показываетъ, какое громадное разстояніе было между фактами и тѣмъ значеніемъ, которое придавала имъ подозрительность власти. И это былъ вовсе не единственный случай такого взгляда на вещи. Въ то время находилось за границей трое русскихъ членовъ московскаго кружка:—Кузузовъ, который жилъ въ Берлинѣ для розенкрейцерскихъ занятій, Колокольниковъ и Невзоровъ, которые ѣздили за границу за счетъ Лопухина учиться медицинѣ. Въ началѣ 1792 г., когда разрѣшалось дѣло Новикова, эти послѣдніе, кончивъ свое ученіе и получивъ степень докторовъ медицины, возвращались въ Россію. За границей они по самымъ принципамъ и наставленіямъ Лопухина не вступали въ какія-нибудь логи или цруги общества, изъ опасенія „ложнаго масонства“ или толѣщихъ зловерныхъ идей; они строго выполнили наставленіе, но тѣмъ не менѣе съ ними произошли слѣдующія вещи, разсказанныя Невзоровымъ.

„Мы съ покойнымъ товарищемъ своимъ В. Д. Колокольниковымъ, живя еще въ голландскомъ Лейденѣ, получили отъ благодѣтели своего И. В. Лопухина письмо, въ которомъ онъ насъ уведомляетъ, что въ Россіи нѣкоторые злоязычники разсказываютъ, что будто бы мы въ Парижѣ (въ которомъ мы не только тогда, но и никогда не были)

¹⁾ Чтен. Общ. Ист. и Д. Р., стр. 42.

были изъ русскихъ въ числѣ депутатовъ во французское національное собраніе съ поздравленіемъ французевъ съ революціонными ихъ предпріятіями. И въ 1792 году въ мартѣ мѣсяцѣ привезли насъ въ Петербургъ и въ Невскій монастырь подъ именемъ якобинцевъ, какъ я постъ узналъ... Смѣшнѣе же всего и грушнѣе то, что покойный Степанъ Ивановичъ Шешковскій въ Алексѣевскомъ равелинѣ при петербургской крѣпости допрашивалъ насъ и, конечно, по повелѣнію, отъ чего произошла французская революція, сіе чудовищное произведеніе кровопролитственной философской просвѣщенной политики, противъ чего всего именно благодѣтельные наши учителя и наставники, истинные свободные камешники, и ученіемъ, и примѣрами, и сочиненіями, и всѣми заведеніями именно шли, въ чемъ я учаля тогда письменно своего головою...¹⁾

Изъ всѣхъ показаній, вообще данныхъ въ этомъ процессѣ, нельзя было не видѣть, что масоны были совершенные агенты въ политическихъ дѣлахъ, ихъ отвѣты исполнены были такой преданности, что нужно было крайнее и до послѣдней степени несправедливое предубѣжденіе противъ нихъ, чтобы считать ихъ опасными. Припомнимъ здѣсь, что въ числѣ предполагаемыхъ агентовъ и посредниковъ съ якобинцами поставили было и Карамзина!

Наконецъ, едва ли можно сомнѣваться, что также точно къ весьма простымъ вещамъ сводилось и существенное обвиненіе—по сношеніямъ масоновъ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Что основной пунктъ обвиненій лежалъ именно здѣсь (чего не хотѣли дать замѣтить обвиняемымъ), и что онъ имѣлъ такіе именно, а не другіе разнѣмымы, и что онъ имѣлъ такіе именно, а не другіе разнѣмымы, въ этомъ убѣждаютъ уже слова записокъ Лопухина. Прочіе вопросы (т. е. вопросы пункты по обвиненіямъ, кромѣ этого),—говорить Лопухинъ,—сочинены были только для расширенія той завѣсы, которая закрывала главный предметъ подозрѣнія, а предметъ сей столько же казался важнымъ, сколько въ основаніи своемъ нечестивъ былъ²⁾. Мысль о томъ, что было бы полезно имѣть во главѣ русскаго отдѣла ордена такое важное лицо, являлась

¹⁾ Библиографич. Записки, 1858, I, 651—652.

²⁾ Чтен. Общ. Ист. и Др. 45.

еще при Шварцѣ; но къ этому не было, однако, принято положительныхъ мѣръ, а въ особенности, судя по тону всѣхъ показаній объ этомъ предметѣ, не дѣлалось ничего предосудительнаго. Обвиняемые почти одинаково показываютъ, что мысль о вниманіи къ ордену со стороны этой особы доставляла имъ удовольствіе, но что этими помышлѣніями дѣло и ограничивалось. Всего больше, повидимому, говорить на эту тему въ ихъ кружкѣ архитекторъ Баженовъ, имѣвшій сношенія лично съ великимъ княземъ, но едва ли точно принадлежавшій къ тѣсному кружку розенкрейцеровъ, со стороны кружка въ этомъ отношеніи все дѣло состояло въ послыжкѣ нѣсколькихъ изданныхъ имъ книгъ. По словамъ Трубецкого, самъ Новиковъ много разъ говаривать, что Баженовъ „фанатикъ, которому кажутся небывшія“,—понятно, что они дѣйствительно едва ли бы довели къ такому челоуку какой-нибудь планъ въ этомъ смыслѣ. Наконецъ, самое письмо Баженова объ этомъ предметѣ, составившее главнѣйшій корпусъ дѣйсствій, было писано еще въ 1787 г.

Притомъ изъ показаній Лопухина можно видѣть, что и самое отношеніе великаго князя къ ордену не было безусловно удовлетворительно. Лопухинъ говорить въ своемъ показаніи такъ: „Рѣкая послыжа отъ Новикова къ этой особѣ книгъ чрезъ архитектора Баженова и разговоры сего послѣдняго съ нею не казались мнѣ заслуживающими никакого худого вниманія (sic). Слова особы сей, сколько я слышалъ, переданныя чрезъ Баженова Новикову, изъявили ея благодушіе и склонность къ упражненіямъ въ христіанствѣ, мнѣніе сперва о упражненіяхъ нашихъ не худое, а потомъ сумнѣніе и подозрѣніе насъ въ намѣреніяхъ нечистыхъ. Слѣдъ послѣднимъ мнѣніемъ я оскорбился—какъ то естественно; ибо я почиталъ упражненія мои чистыми, и въ чистотѣ сей увѣренъ былъ, зная одно, что особа та не могла вѣдать точно основанія нашего, имѣя свидѣніе только по немногимъ разговорамъ съ Баженовымъ и по слухамъ. Сожалѣніе сіе мое мнѣ было тѣмъ естественнѣе, чѣмъ важнѣе особа, какъ естественно наибольшее желать одобренія своихъ мнѣній и дѣлъ отъ важнѣйшихъ особъ“¹⁾. Въ запискахъ Лопухинъ замѣчаетъ

¹⁾ Лонгиновъ, стр. 0128.

объ этомъ въ своемъ показаніи: „написаль отвѣтъ мой такъ справедливо и оправдательно, что послѣ много сіе, конечно, участвовало въ причинахъ благоволенія ко мнѣ оной высокой особы“¹⁾.

Что у нашихъ масоновъ легко могла явиться подобная мысль, это совершенно понятно: въ западномъ масонствѣ они видѣли множество примѣровъ участія или главенства въ орденѣ разныхъ королеванныхъ или владѣтельныхъ лицъ; притомъ о великомъ князѣ они знали или предполагали, что онъ посвященъ въ орденъ. Они даже и не скрывали вовсе мысли о томъ, какъ выгодно было бы подобное обстоятельство для ордена. Въ примѣчаніи мы привели отрывокъ изъ книги, изданной масонами еще въ 1784 году; правда, книга издана была собственно для своего кружка, но выраженная мысль уже конечно переставала быть тайной²⁾. Въ послѣднее время, какъ мы замѣтили, эта мысль, вѣроятно, была и совсѣмъ оставлена: самый кружокъ начиналъ падать, и въ 1791 г. Типографическая Компания была уничтожена самими компаньонами. Дѣло Новикова выросло до своихъ прискорбныхъ размѣровъ только вслѣдствіе постороннихъ обстоятельствъ и чисто личныхъ впечатлѣній императрицы. Тревожныя событія времени усилили до крайней степени давнишнее недоверіе къ проявленіямъ общественной мысли, и, можетъ быть, пробудившіяся воспоминанія о прошедшемъ, о приговорныхъ переворотахъ стараго времени, дали новую пищу подозрительности, и

¹⁾ Чтен. Общ. Ист. и Др., стр. 41.

²⁾ „Есть ли бѣ когда либо можно было ввести во внутренность Ордена Государей, смотрящихъ еще и понынѣ на него съ опасной стороны, и предложить имъ въ величайшей ясности всѣ благодѣтельныя, великодушныя, благородныя и человекодружественныя планы и начертанія для блага рода человеческого: то безъ сомнѣнія содѣлался бы они только же равностынями покровителями оныхъ, какъ и толь многіе другіе великіе и просвѣщенные Европейскіе государи, которые, знакомы будучи со внутренностью Ордена, становясь нашими предводителями, и самодѣйствѣннѣйшимъ образомъ споспѣшествуютъ всѣмъ полезнымъ для членовѣчества начертаніямъ.“

„Можетъ быть близка уже сія благополучная эпоха: наступить она безъ сомнѣнія; ибо невѣроятно, чтобы вѣчно пребыло скрыто во мракѣ учрежденіе, управляемое здравымъ разсудкомъ, дѣлающее членовѣмъ добродѣтельными и купно щастливыми“. Магалазинъ свободнѣокаменьщиковъ, 1784, т. I, ч. I, стр. 26—27.

безъ того выросавшей съ дѣтами: все это способно было совершенно закрыть настоящій видъ новиковскаго дѣла.

Разсказавъ объ арестѣ Новикова, объ отвозѣ его околѣнными дорогами въ Шлиссельбургъ, о великихъ предосторожностяхъ, принятыхъ во время перевѣзда, съ цѣлымъ гусарскимъ конвоемъ, — Лопухинъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ: „я описываю подробности снѣ для того, чтобы представить, какъ дѣйствовали: можно прямо сказать, что съ тѣмъ своею сражалась“.

Кн. Прозоровскій надѣлся, что его наградятъ за совершенный подвигъ, но нѣсколько ошибся въ ожиданіи. Императрица, по окончаніи дѣла, быть можетъ, въ глубинѣ души увидѣла его сущность въ болѣе должномъ свѣтѣ. Въ началѣ 1793 г., Прозоровскій прѣхалъ въ Петербургъ. Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ, что, послѣ представленія Прозоровскаго, императрица обратилась къ Храповицкому со словами: „знаетъ ли онъ (Прозоровскій) самъ зачѣмъ прѣхалъ?“ Потомъ, не дождавшись отвѣта, прибавилъ: „онъ прѣхалъ сирѣчь къ наградѣ за истребленіе мартиновъ“. Ея слова были похожи на иронію, потому что кн. Прозоровскій въ это время никакой награды не получилъ. Но вовсе не поправилось и положеніе мартиновъ.

Въ чемъ же состоятъ пропещь Новикова? При началѣ дѣла, его предполагали отдать на правительное „закононое сужденіе“¹⁾, но процессъ ограничился допросами у Прозоровскаго и Шешковскаго; „закононаго сужденія“ не было, и дѣло кончилось заключеніемъ Новикова въ Шлиссельбургъ. Мы указали выше, почему самая тяжкая участь досталась изъ всего кружка только Новикову. Его ближайшіе друзья, товарищи и соучастники, иногда по дѣламъ ордена даже болѣе компрометированные по тогдашнимъ понятіямъ, отдѣлались легкими взысканіями, Лопухинъ былъ освобожденъ совсѣмъ. Уже это обстоятельство показываетъ, что слѣдствіе для самыхъ предубѣжденныхъ людей не представляло достаточного повода къ преслѣдованію, и однако же въ рѣшеніи 1-го августа 1792 г. о Новиковѣ и его друзьяхъ (хотя эти послѣдніе понесли только легкое взысканіе, и въ

¹⁾ Указъ 1 мая 1792 г.: Лонгинъ въ, 071.

сушности, были оставлены въ покоѣ) говорится какъ о „преступникѣ и его сообщникахъ“, дѣтельность ихъ характера изложена какъ „вредные замыслы“, побужденія—„духъ лобоначія и корыстолюбія“, свойства ихъ посябвателей—„крайняя слѣпота, невѣжество и развращеніе“, средства—„глуповство и оболъчение“¹⁾.

Лонгиновъ подробно разбираетъ предметы обвиненій и показаній Новикова, и во всей массѣ инкриминацій и подзвѣній находитъ, собственно, одну вину,—по своему слову, конечно, не заслуживающую такого наказанія, какое постигло Новикова, — именно тайное напечатаніе нѣсколькихъ масонскихъ сочиненій и продажу книгъ, разъ запрещенныхъ, въ чемъ Новиковъ прямо повинился, — какъ и другіе, которые отчасти въ этомъ участвовали, отчасти знали это. Остальныя преступленія были мнимыя, и между прочимъ заключались въ вещахъ, составляющихъ простую обыкновенную принадлежность масонства, каковы были, напр., масонскія сношенія, обряды, знаки и т. п.; тогда какъ масонство вовсе не подвергалось никакимъ формальнымъ запрещеніямъ. Далѣе „замѣчательно (говорить Лонгиновъ), что, судя по отвѣтамъ Новикова, его вовсе и не спрашивали и объ изданіи книги, заключающей въ себѣ раскольническія сочиненія, котора, однако, служила главнымъ поводомъ къ его аресту“²⁾. Въ чемъ заключалось настоящее, неохотно высказываемое обвиненіе, т. е. „угловленіе въ свою секту извѣстной особы“, мы выше видѣли.

Разбирая показанія Новикова, данныя на допросѣ, и сливая ихъ съ фактами, біографъ его старается опредѣлить степень искренности показаній и находить: что Новиковъ „не обманывалъ въ нихъ“, но „не говорилъ ни слова о томъ, о чемъ его не спрашивали“, иногда „измѣняя ему память“, отчего происходить нѣкоторые ошибки; наконецъ, Новиковъ „старался смилчать обстоятельства, которыя могли ему повредить, и напротивъ того преувеличивать нѣсколько все то, что говорило въ его пользу“.

И затѣмъ біографъ продолжаетъ: „Обвинять ли его за это? Предоставляемъ судить о томъ читателю, проси его,

¹⁾ Лонгиновъ, 0114—0115.

²⁾ Лонгиновъ, 329.

однако, вспомнить, что отвѣты на вопросы Пешковского писаны болѣе челоувѣкомъ, не совершившимъ никакого государственнаго преступленія, схваченнымъ внезапно, введеннымъ въ дальній крѣпостной казематъ и поставленнымъ лицомъ къ лицу съ безпощаднымъ сыщикомъ, въ эпоху всеобщаго страха“¹⁾.

Нашъ вопросъ кажется страннымъ: если Новиковъ, не совершившій никакого государственнаго преступленія, былъ поставленъ въ такое положеніе,—думать о подобномъ обвиненіи можно только становясь на точку зрѣнія Пешковского. Послѣ того, какъ Новиковъ созналъ свою единственную вину—указанный выше проступокъ, и если все остальное, о чемъ его допрашивалъ Пешковский, вовсе не запрещалось закономъ и не было преступленіемъ, что же оставалось ему еще дѣлать? Безпристрастный читатель исторіи Новикова едва ли станетъ думать о какомъ-нибудь подобномъ обвиненіи. Ему скорѣе представится то печальное положеніе, въ какое становился здѣсь Новиковъ, какъ представитель извѣстныхъ потребностей общественнаго развитія и его дѣятель. Въ указаннаго проступка, между обвиняемымъ и его инквизиторомъ не было правильного юридическаго отношенія; напротивъ, это были люди совершенно разнаго рода, не имѣвшие одного общаго языка. Новиковъ могъ искренно и справедливо сознавать въ себѣ глубокую преданность блигу своего отчества—въ дѣятельности, никогда не запрещенной закономъ, и нашедшей сильный отголосокъ въ обществѣ; его сыщикъ не понималъ и никогда не могъ понять этого,—не думая, чтобы молчаніе Новикова о томъ, „чего не спрашивали“, могло быть въ этомъ случаѣ юридическимъ вопросомъ. Можно только жалѣть, что исторія трудныхъ процессовъ общественнаго развитія приносить примѣры такихъ встрѣчъ и такихъ печальныхъ контрастовъ.

Этотъ нравственно-юридическій смыслъ дѣла Новикова былъ уже совершенно ясенъ для самихъ современниковъ. Вспомнимъ фразу Потемкина, который предостерегалъ императрицу при назначеніи ея въ Москву кн. Прозоровскаго, долженствовавшего рѣшить дѣло мартинистовъ. Безбородко,

¹⁾ Лонгиновъ, тамъ же.

еще при жизни императрицы (въ 1794 г.), говорилъ Лопухину, съ которымъ только тогда познакомился, что „дѣло сіе несоотвѣтственно ея славы“¹⁾. Карамзинъ въ запискѣ, писанной имъ о Новиковѣ для императора Александра въ 1818 г., при всей нарочитой мягкости своей фразы, называетъ Новикова „невиннымъ страдальцемъ“, „жертвою подозрѣнія извѣстнаго, но несправедливаго“.

Эта тяжкая судьба и память преступленія надолго закрепили дѣятельность Новикова той неизвѣстностью и молчаніемъ, которыя покрываютъ еще многіа событія и явленія нашей новѣйшей общественной исторіи. Современники и ближайшія покровѣнія считали его имъ опальнымъ, и историческое изученіе только постепенно начало раскрывать этотъ любопытный эпизодъ въ судьбахъ русскаго образованія. Когда праздновался столѣтній юбилей московскаго университета, — къ исторіи котораго имя Новикова такъ тѣсно привязано, — и когда выходили изданія, посвященные исторіи этого университета, опала еще лежала на имени Новикова: „имя Новикова, — замѣчаетъ Лопухиновъ, — казалось столь запретнымъ, что редактору этихъ изданій, покойному С. П. Шевыреву, стоило величайшихъ трудовъ, чтобы провести въ печати, и то съ урѣзками, нѣкоторые свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ дѣятелѣ“²⁾. Только въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XIX вѣка литература выдвинула этотъ историческій эпизодъ, хотя изученіе его все еще остается весьма неполнымъ.

Тѣмъ не менѣе, при всей опалѣ, имя Новикова никогда не забывалось. Въ двухъ-трехъ словахъ, которыми упомянули о немъ въ началѣ, потомъ въ краткихъ и сухихъ біографіяхъ, оно постоянно называлось какъ высокое имя русской литературы; и въ этихъ отзывавъ, безъ спора признававшихъ значеніе Новикова, несомнѣнно сказывались традиціи 80-хъ годовъ XVIII вѣка, — того времени, когда Новиковъ занимать господствующее положеніе въ общественно-литературномъ движеніи. Его имени отдалось уваженіе и тогда, когда еще никто не опредѣлилъ суммы и значенія его дѣятельности и когда его еще боялись называть.

¹⁾ Чтен., Общ. И. Д. р. стр. 36.
²⁾ Лопухиновъ, стр. 3.

Эта дѣятельность раздѣлялась, вообще, на три различныя предмета, въ которыхъ, однако, Новиковъ постоянно оцѣнѣвался однимъ господствующимъ стремленіемъ. Онъ предпринималъ и совершалъ историческіе труды, собраніе и изданіе памятниковъ старой исторіи и литературы, руководясь историческимъ чувствомъ, которое въ изученіи прошлаго указывало ему одно изъ орудій общественнаго развитія. Онъ брался за сатиру, часто горькую и язвительную, стараясь этимъ указаніемъ воюющихъ недостатковъ общества внушить ему стремленіе къ лучшему и болѣе совершенному. Наконецъ, онъ сталъ ревностнымъ масономъ, — но и здѣсь имъ руководить та же мысль о служеніи обществу: блуждая въ масонскихъ символахъ и іероглифахъ, онъ думаетъ, что находитъ тѣ же символы въ преданіяхъ русской старины; въѣвъ въ древность и глубокой смыслъ ордена, онъ старается глубже утвердить его на русской почвѣ, дать масонству національную самостоятельность, усвоить его русской жизни, такъ что и здѣсь, въ одномъ изъ самыхъ странныхъ увлеченій „западомъ“, какія только можетъ представить исторія русскаго образованія, онъ, какъ все лучшее люди, увлекавшіеся „западомъ“, остается вѣрнѣе главному стремленію — служить своему обществу.

Результатъ, оставшіеся въ русской литературѣ отъ масонской дѣятельности Новикова и его кружка, производятъ самъ по себѣ странное и тяжелое чувство. Этотъ результатъ, который долженъ представлять собой плодъ задушевныхъ стремленій и многолѣтняго труда, — есть масса книгъ, преисполненныхъ туманнымъ мистицизмомъ, грубымъ незнаніемъ, ребяческими заблужденіями, фантастическимъ суевѣріемъ, гдѣ мы только съ трудомъ отыскиваемъ то первоначальное побужденіе, которое выполняется здѣсь въ такомъ извращенномъ видѣ. Но если бы мы даже не знали цѣнныхъ историческихъ трудовъ Новикова, дающихъ ему, независимо отъ всего остального, почетное мѣсто въ исторіи литературы, и если бы знали только автора „Живописца“, ставшаго послѣ мрачнымъ мистикомъ, — мы нашли бы разнѣсеніе этого страннаго развитія, совершавшагося безъ указаній и поддержки въ средѣ, почти лишенной образованія, и исторія громаднаго, хотя въ болѣе степеніи совершенно фальшиваго труда, показала бы намъ въ масонѣ Новиковѣ

дѣтеля, имѣющаго всѣ права на сочувственное воспоминаніе. Преслѣдованіе, доставшееся ему на долю, усиливаетъ это сочувствіе, какъ всегда, когда преслѣдованію подвергается сильное и чистое убѣжденіе.

Наконецъ, преслѣдованіе, упавшее тяжелымъ ударомъ на личную судьбу Новикова, не уничтожило его дѣла — опять историческій фактъ, множество разъ повторившійся въ судьбѣ общественныхъ понятій. Мистическая школа, отчасти выросшая подъ вліяніемъ московскаго кружка, отчасти развившаяся независимо, имѣла свой новый періодъ процвѣтанія въ царствованіе Александра I. На этотъ разъ процвѣтаніе мистицизма отличалось уже другими свойствами: то, съ чѣмъ можно было мириться у Новикова въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка, приняло въ началѣ XIX-го самыя антипатичныя формы, становилось положительнымъ вредомъ для общества, и, конечно, не найдеть въ исторіи тѣхъ оправданій, какія можетъ найти мистицизмъ Новикова.

Итакъ, ближайшее изученіе открываетъ въ дѣятельности Новикова слѣшкомъ много слабыхъ сторонъ, состоящихъ въ фантастическомъ мистицизмѣ и отрицаніи настоящей положительной науки, и эти заблужденія Новикова, сами по себѣ очевидно вредныя для дѣла образованія, до сихъ поръ едва ли даже оцѣнены во всемъ ихъ объемѣ; но съ той относительной точки зрѣнія, которая необходима въ историческомъ рѣшеніи, въ новиковскомъ мистицизмѣ мы все-таки можемъ видѣть извѣстный успѣхъ относительно той неподвижности и отсутствия живыхъ умственныхъ интересовъ въ массѣ общества, едва начинавшей сознательную жизнь въ новыхъ условіяхъ петровской реформы. Какъ такое общественное явленіе, литературная судьба Новикова даетъ и свой историческій урокъ, — потому что теоретическій выводъ изъ историческихъ данныхъ можетъ быть и практическимъ указаніемъ — для тѣхъ, кто бы захотѣлъ со-вѣтоваться съ исторіей. Изъ этой литературной судьбы можно, кажется, вывести, — что общественно-литературный успѣхъ и вліяніе, подобное вліянію и успѣху Новикова, бывають результатомъ не одной личной тенденціи отдѣльнаго чело-вѣка, но обнаруживаютъ зрѣющія наклонности и стремленія самого общества, и что съ тѣхъ поръ, какъ об-

щество перестаетъ быть неразумяющею массой и начинаетъ свою самостоятельность, ему становится необходимо и долженъ быть предоставленъ извѣстный просторъ, терпимость и свобода мышленія, если только мы желаемъ, чтобы эта самостоятельность могла стать настоящимъ сознательнымъ общественнымъ силой: — организмъ общества, не совершенно слабосильнаго, самъ правильно совершить процессъ развитія, и только при самостоятельной работѣ мысли общество можетъ научиться вѣрно различать „заблужденія и истину“, и дѣятельность его достигнетъ прочныхъ результатовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Материалы для истории масонских ложъ.

Въ исторіи нашихъ масонскихъ ложъ XVIII и первой четверти XIX вѣка до сихъ поръ остается много неяснаго, событія все еще представляются отрывочно, разныя масонскія направленія остаются довольно смутными. Между тѣмъ масонское движеніе довольно общито, какъ одно изъ первыхъ самостоятельныхъ проявленій нашего общества въ смыслѣ извѣстной нравственной тенденціи; оно обнимало весьма значительную часть общества, упорно держалось въ теченіи нѣсколькихъ десятиковъ лѣтъ, выказало большую дѣятельность въ своихъ практическихъ предпріятіяхъ.

Нельзя сказать, чтобы для этой исторіи не было матеріаловъ. Многое изъ ея документовъ, безъ сомнѣнія, погибло безвозвратно; масонскія логи и масоны не одинъ разъ подвергались преслѣдованіямъ, начиная со временъ Елизаветы Петровны и до 1826-го года,—при этомъ было, конечно, истреблено или растеряно много документовъ, личныя воспоминанія исчезали даже для самихъ адептовъ. При всемъ томъ, оставлось и до сихъ поръ не мало разнаго рода письменнаго и печатнаго матеріала въ нашихъ библиотекахъ, матеріала еще далеко не разрабатаннаго; многое, вѣроятно, еще соберется и въ частныхъ рукахъ, у потомковъ людей, принадлежавшихъ къ масонскому обществу и сохранившихъ отъ истребленія свои документы. Желательно было бы, чтобы лица, владеющія подобнымъ матеріаломъ, собрали его, передавая въ общественныя бібліотеки или сообщая тѣмъ, кто занимается этой исторіей.

Въ настоящемъ случаѣ мы хотѣли указать нѣкоторые матеріалы, которыми мало еще пользовались историки масонскихъ ложъ. Большія собранія масонскихъ рукописей

находятся въ Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, и въ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ,—оба принадлежавшія обширной масонской библіотекѣ и архиву. Въ Публичной Библіотекѣ, кромѣ большого числа рукописей, надобно указать еще цѣлую библіотеку масонскихъ и мистическихъ печатныхъ книгъ на иностранныхъ языкахъ, которая принадлежала нѣкогда извѣстному въ свое время масону, графу М. Ю. Вязьгорскому, и гдѣ находится много рѣдкихъ и замѣательныхъ изданій. Рукописное собраніе Публ. Библіотеки въ 1869 г. умножилось другой масонской коллекціей, принадлежавшей извѣстному Ф. И. Приншиникову, въ свое время также масону. Обѣ рукописныя коллекціи Публ. Библіотеки состоятъ главнымъ образомъ изъ рукописной масонской литературы конца XVIII и начала XIX столѣтія: сочиненій масонскихъ или отнесенныхъ къ масонству, трактатовъ объ орднѣ, твореній по мистической философіи и морали, по алхиміи, каббалистикѣ и магіи. Собственно историческаго и документальнаго здѣсь немного. Таковы, въ коллекціи Приншиникова, протоколы различныхъ степеней ложи „Умирающаго Финкса“, — работы ложи, — нѣсколько уставовъ и ритуаловъ, — отдѣльныя историческія замѣтки ¹⁾. Несравненно богаче и разнообразнѣе московское собраніе, доставшееся Публичному Музею отъ покойнаго профессора Ешевскаго. Это — большой масонскій архивъ, принадлежавшій нѣкогда великому мاستеру одного отдѣла русскихъ ложъ, временъ императора Александра, С. С. Ланскому. Въ нѣсколькихъ стахъ нумеровъ, коллекція Московскаго Музея заключаетъ въ себѣ разнообразныя документы. Это былъ официальный архивъ, и значительную долю его составляютъ протоколы и дѣла ложъ, союза Великой Провинціальной Ложи, — съ востановленіи ложъ при Александрѣ и до закрытія ихъ въ 1822-мъ году. Длинный рядъ фоліантовъ наполненъ официальными дѣлами, документами и перепиской, по которымъ можно съ подробностью ознакомиться съ дѣятельностью ложъ этой системы. Другой отдѣлъ архива составляетъ обширное собраніе уставовъ и ритуаловъ, представляющихъ богатый

¹⁾ Библиографическое описаніе масонскихъ рукописей Приншиникова находится въ Отчетѣ Публ. Библиот. за 1869-й годъ. Изъ другихъ Отчетовъ П. Б. см. особ. за 1874 и 1878 г.г.]

материалъ для изученія масонскихъ обычаевъ и обрядовъ. Далѣе, какъ въ Публичной Библіотекѣ, находится здѣсь большая коллекція масонской литературы по различнымъ разладамъ мистическихъ ученій. Далѣе, одинъ изъ важнейшихъ, въ историческомъ отношеніи, отдѣловъ этой коллекціи — до сихъ поръ единственный въ своемъ родѣ по богатству матеріала — есть собраніе частной переписки масоновъ. Наконецъ, — большое собраніе грамотъ, дипломовъ и разныхъ вещественныхъ принадлежностей масонства — масонскія эмблемы, костюмы, картины, принадлежностей ложи и т. д. ¹⁾. Наконецъ, можно упомянуть еще третью, менѣе, кажется, значительную коллекцію масонскихъ матеріаловъ, находящуюся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ ²⁾.

Несмотря на богатство московской коллекціи, она осталась до сихъ поръ почти нетронутой изслѣдователями. Единственный разъ воспользовался ею Ешевскій, когда она еще находилась у него, и, притомъ, воспользовался одной небольшой ея долей. Мы имѣли, къ сожалѣнію, только короткое время въ своемъ распоряженіи, чтобы ознакомиться съ этой коллекціей, которая могла бы доставить матеріалъ для цѣлаго обширнаго изслѣдованія.

Въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ иной цѣли, кромѣ общаго указанія на интересъ тѣхъ матеріаловъ, которые остаются еще неразработанными въ рукописяхъ Публичной Библіотеки и Московскаго Музея. Мы упомянемъ, кромѣ того, еще объ одномъ небольшомъ собраніи масонскихъ бумагъ, за сообщеніе котораго обязаны Е. И. Ламанскому.

І. РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ.

Возникновеніе розенкрейцеровской системы масонства въ Москвѣ было разсказано Ешевскимъ и Лоптиновымъ, мы указывали въ другомъ мѣстѣ общій характеръ этой системы.

¹⁾ См. „Каталогъ масонскихъ рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ“ въ приложеніи къ Отчету Музея за 1899 г. и отд. М. 1900. Часть масонской переписки XVIII в., использованная Ешевскимъ, напечатана Я. Л. Барсковымъ въ книгѣ „Переписка московскихъ масоновъ XVIII-го вѣка“, изд. Отд. Р. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, Пг. 1915.

²⁾ Изъ этой коллекціи сдѣланы Пекарскимъ извлеченія, составившія „Дополненія къ ист. мас. въ Россіи XVIII столѣтія“. Спб. 1869.

стемы, въ которой къ обыкновенному масонскому мистическому примѣшалось особенное приращеніе къ тайнымъ наукамъ, алхиміи и магіи. Розенкрейцеровъ введено было у насъ московскимъ профессоромъ Шварцемъ, который, во время поѣздки 1781 г. въ Германію переехъ Вильгельмсбадскимъ конвентомъ, познакомился въ Берлинѣ съ представителями этой новой системы. Шварцу показалось, и его товарищамъ въ Москвѣ также, что они нашли, наконецъ, давно отсыкиваемыя таинства, которыхъ тѣсно искали въ разныхъ другихъ системахъ масонства. На Вильгельмсбадскомъ конвентѣ Россіи признана и объявлена была VIII-й особой провинціей ордена, подчиненной только одному просмейстеру ордена, но это пріобрѣтеніе, заслуга котораго принадлежала московскимъ масонамъ, не столько ихъ радовала, сколько розенкрейцеровъ, которое они случайно при этомъ отыскали.

Въ изслѣдованіяхъ Ешевскаго изложено содержаніе периски московскихъ масоновъ, изъ которой открываются обстоятельства возникновенія розенкрейцеровъ. Но матеріалъ еще не былъ имъ исчерпанъ, и въ немъ найдется еще многое для подробной исторіи розенкрейцеровъ. Такъ, въ рукописяхъ Музея остались различные уставы, наставленія, такъ называемые катихизисы розенкрейцеровъ, книги, которыя рекомендовалось читать, переписка и т. п.

Упомянемъ сначала рукопись, заключающую общія положенія розенкрейцеровъ ордена.

„Верховно-братскимъ избраніемъ, силою и властію утвержденное вступленіе въ первый классъ Достохвальнѣйшаго Ордена Златаго Розоваго Креста, по послѣдней главной реформационной конвенціи составленное для благаго употребленія всѣхъ достойныхъ братьевъ, имѣющихъ право вводить и принимать другихъ мастеровъ Свѣта и Потеряннаго Слова. Съ братскаго согласія издано въ лѣто Господне 1777“ (18 листовъ, писанныхъ рукой С. С. Ланского) [Рум. Муз. № 2169].

Въ той же коллекціи находится другой, болѣе старый переводъ этого сочиненія („Отъ верховнѣйше-братской избранія-моши и силы утвержденный входъ въ первый классъ“ и проч.), которое имѣло также другое заглавіе: „Слѣдныя убѣжденія, извлеченныя изъ истинныхъ писаній высокоосвя-

щеннаго ордена Злато-Розоваго Креста“ и проч. [№ 2168] 1). Нѣмекій оригиналъ называется: „Von Obristbrüderlicher Wahl, Macht und Gewalt bestätigter Eingang zur ersten Classe des preiswürdigsten Ordens vom Goldenen Rosenkreuzen und Prinzipien: Starke Erweise aus den eigenen Schriften des hochheiligen Ordens der Gold- und Rosenkreuzer“ и проч. 2).

Датѣ, имѣется два перевода другихъ постановленій розенкрейцеровъ:

„Извлеченіе поучительныхъ орденскихъ постановленій З. Р. К. древней системы, которые учреждены при послѣдней главной преобразовательной генеральной конвенціи лѣта Господня 1777-го по братскому согласію и введены во всѣхъ округахъ 3) для соблюденія братскаго порядка и для точнѣйшаго исполненія всѣми къ нему принадлежащими орденскими сродственниками“ [№ 2169] (писано рукой Ланского, 15 листовъ, заключающихъ только двѣ главы). Болѣе старый переводъ этихъ постановленій: „Перечень настоятельныхъ ордена положеній З. Р. К. древней системы“ и проч. (75 стр. 1^о, пять главъ) 4) см. [№ 2168].

Въ первомъ переводѣ имѣется также:

„Таблица, какимъ образомъ катихизировать при принятіяхъ или иныхъ большихъ и малыхъ обыкновенныхъ конвенціяхъ, также предъ столомъ и постъ онаго“ (11 листовъ) [№ 2169].

Другая любопытная рукопись, въ которой собраны были С. С. Ланскимъ разные розенкрейцеровскіе документы, между прочимъ, письма Коловѣна, указанныя Ешевскимъ 5), въ музеемъ каталогѣ значится подъ № [1954].

Коловѣнъ было розенкрейцеровское имя, или одно изъ именъ, Н. И. Новикова, и письма его къ „начальнику“, — какъ видно изъ писемъ, розенкрейцеровскому, — очень любопытны въ историческомъ смыслѣ. Они, правда, еще не откры-

1) Ср. Ешевскій, Сочиненія, III, стр. 559.

2) Kloss, Bibliographie № 2672. Ср. Synonymikons Reden etc. Herausgegeben ohne Erlaubnis der Obern. München, 1792, стр. IX, прим.

3) Въсто этого слова въ рукописи находится два кружка, которые, кажется, служили у розенкрейцеровъ для обозначенія этого слова.

4) Ешевскій, тамъ же, стр. 552.

5) Сочин. III, стр. 553—556, 564. Рукопись, о которой мы говоримъ, писана весьма старательно, и Ешевскій прибавилъ къ ней оглавленіе: „Материалы для исторіи масонства. 1) Три письма Коловѣна къ

ваютъ всей сущности отношеній, существовавшихъ въ насъ розенкрейцерахъ обществѣ, но, во всякомъ случаѣ, характеризуютъ ихъ. Кто былъ начальниѣ, на это въ письмахъ нѣтъ прямыхъ указаній. Но это былъ начальникъ московскій, такъ какъ Новиковъ говоритъ о „словесныхъ объясненіяхъ“ съ нимъ (въ первомъ письмѣ пунктъ 8-й, во второмъ п. 6-й). Судя по обстоятельствамъ, это былъ, вѣроятно, известный, агентъ берлинскихъ розенкрейцеровъ, баронъ Шрёдеръ, который, по смерти Шварца, сталъ управляющимъ московскими розенкрейцерами и посредникомъ въ сношеніяхъ съ берлинскими властями ордена ¹⁾. Письма были писаны, повидимому, въ 1784-мъ году, и по смерти Шварца, который упоминается какъ „въ Богѣ почивающій“, но страннымъ образомъ, въ первомъ же изъ этихъ писемъ, говорится о Шварцѣ, какъ о живомъ человѣкѣ: Коловонъ объясняетъ начальнику, что не можетъ передать Шварцу нѣкоторые дѣлы (какъ начальникъ того желалъ), такъ какъ Шварцъ очень обремененъ. Чѣмъ объясняется это противорѣчіе, мы не понимаемъ. Могла произойти путаница при переписываніи этихъ документовъ.

Письма Коловона, какъ увидитъ читатель, очень похожи на настоящую исповѣдь, гдѣ не только сообщается общее душевное состояніе, но и отрывные случаи, гдѣ человѣкъ самъ откровеннымъ образомъ высказываетъ свои желанія, сомнѣнія или раскаяніе. Дѣйствительно, розенкрейцерскіе порядки требовали подобной исповѣди. Наставленія ордена постоянно говорили о необходимости полнѣйшаго повиновенія начальникамъ, безусловнаго довѣрія къ нимъ, ненарушимой скромности, молчанія и т. д. Объ этомъ, странно и настоятельно говорили поученія Хризифорона, [Гёрунта], которые переведены были тогда на русскій языкъ. Тема эта повторяется безпрестанно и въ тѣхъ письменныхъ упражненіяхъ, надъ которыми трудились и у насъ аденты

начальнику; 2) Форма переписки; 3) Рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ брр. 3. и Р. К. въ Россіи; 4) Письма Коловона къ Роттевусу; 5) Отрывки, доставшіеся брату М. В. П. послѣ покойнаго оберъ-директора Коловона, болѣею частью писанные его К. рукою.—Писано рукою гр-а С. Ст. Лансково, послѣдняго великаго мастера.—С. Е.". Всего въ рукописи 122 листа, 80.

¹⁾ Лонгиновъ, стр. 215.

„теоретическаго градуса“ и которыхъ довольно много осталось въ рукописяхъ. Въ одной изъ рѣчей Хризифорона упоминается, что младше должны доставлять начальникамъ каждую четверть года подобные отчеты о себѣ, по которымъ начальники и сообщаютъ имъ потомъ свои ободренія и увѣщанія, наказываютъ или награждаютъ ихъ. Противники розенкрейцеровъ въ Германіи не успѣли указать въ этомъ новую примѣтку скрытно-католическихъ тенденцій, и удивлялись, что розенкрейцеры, это мнимые протестанты, требуютъ исповѣди четыре раза въ годъ, тогда какъ самый святой отецъ довольствуется только одной ¹⁾. Письма Коловона едва ли не были такими отчетами за четверть года.

Ешевскій заимствовалъ изъ этихъ писемъ только отрывныя фактическія указанія, но письма еще не были ни разу напечатаны въ полномъ составѣ, и мы нашли не лишнимъ привести ихъ въ извѣстность. Относительно формы писемъ должно замѣтить, что по правиламъ розенкрейцерской переписки—„сверху получаемое писаніе называется отпускомъ, а снизу вверхъ—увѣдомленіе. Писать должно по пунктамъ: 1, 2, 3 и такъ далѣе. Если отвѣщается, то не должно ничего упоминать, что содержится въ пунктѣ, но просто отвѣствовать, на примѣръ, на 1-й (то-то и то-то), на 2-й, на 3-й и т. д.“ ²⁾. Такимъ образомъ пункты, выставленные въ письмѣ Новикова, предполагаютъ соответственные вопросы со стороны начальника. Наконецъ, въ письмахъ встрѣчаются отрывныя слова (имена), писанныя шифромъ, намъ неизвѣстнымъ, въ подлинѣ передъ именемъ „Sokolov“ стоятъ также, повидимому, два слова (имени), написанныя двумя различными шифрами.

Три письма Коловона къ Начальнику.

О. С. D. A. N. S. E.

Высокопочтеннѣйшій!

Высокодостоинный начальникъ!

Съ радостнымъ сердцемъ получить я, в. д. Н., отпускъ вашъ подъ № 1-мъ и возсылая недостойное мое благодареніе ко Всемогущему, Всеправедному и Всемилосердному,

¹⁾ Chrysophoros Reden, стр. 67.

²⁾ Ешевскій, тамъ же, стр. 552.

Трьедину Богу за безчисленныя щедроты, которая отъ божественной десницы милосердіе Его толь щедро, изобильно и прелюбо и въ толико краткое время, чрезъ высокопоставленъхъ начальниковъ нашихъ изыгнѣть Онъ и изыгнѣть на отечество наше: да будетъ препрославлень во вѣки вѣковъ милосердый Богъ и Отецъ всякаго милосердія и всякаго утѣшенія, и съ истинною покорностію моею сіе первое увѣдомленіе пишу.

1) Благодарю и прославляю всемогущую десницу Всемилосердаго Спасителя нашего, что даровалъ Онъ и даруетъ по милосердію своему и мнѣ недостойнѣйшему и худшему отъ части уразумѣвать, какъ существо святой работы Христового ордена¹⁾, такъ и высокой наставленія въ Богъ почившаго отца моего Гартануса²⁾, чрезъ ваши, в. д. Н., словесныя наставленія и поученія, такъ и сей первый вашъ отпускъ.

2) Повелѣніе ваше, в. д. Н., относительно къ сочиненію описи, въ какомъ положеніи дѣла типографическія находятся, со всѣми подробностями, къ тому необходимо нужными, начато мною и в. п. бр. Шварцемъ исполненіемъ и притоволеніемъ всего къ тому нужнаго; я спѣшить буду привести сіе къ концу, какъ только скоро возможность будетъ и при увѣдомленіи моемъ къ вамъ съ покорностію представляю. Свидѣтельствуясь совѣстью, что сіе бремя удачи, меня, и я съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаю того, чтобы я при семъ дѣлѣ былъ только повѣренный и исполняль бы повелѣнія, что по дѣйствительному учрежденію компаніи исполнить можетъ. Наискреннѣйше признаюсь, в. д. Н., что сіе страданіе, какъ наказаніе, я дѣйствительно заслужилъ, ибо при началѣ заведенія сихъ дѣлъ, я многое дѣлалъ по умственности и тѣмъ самымъ распространялъ сіе дѣло весьма обширно; частію же и непредвидѣнныя происшествія столь увеличили оныя, что силы одного человѣка не могутъ обнимать его. Но какъ ни тяжело бремя сіе, однако повелѣнія ваши и волю высшихъ нашихъ высоко-

1) Въ рукописи кружокъ съ точкою посрединѣ.

2) Розенрейхерское имя Шварца. Дальше говорится о Шварцѣ, какъ еще о живомъ и дѣйствующемъ лицѣ. Надо предположить или ошибку при переписываніи документовъ или познѣйшую переправку, которая вошла въ копію.

ставныхъ начальниковъ съ истинною покорностію исполнять во всю жизнь мою буду и молю Спасителя моего, да даруетъ Онъ мнѣ силы, по божественнымъ словамъ у св. Павла, благодарить Бога и Отца о всякой скорби нашей и вѣрить, что Онъ, по милосердію своему, все на пользу нашу строитъ.

3) Касательно до порученія дѣла в. п. бр. Шварцу, я тотчасъ исполнилъ и поручилъ ему весь магазинъ книжный, контуру, лавку и всѣ счета, какъ новые, такъ и старые; въ исполненіе чего онъ уже и вступилъ. Но какъ повелѣніе ваше, в. п. Н., было, чтобы поручить ему и типографическія дѣла, то на сіе съ покорностію моею представляю:

а) Ежели поручить ему же дѣла типографическія, то онъ столь обременится, что невозможно ему будетъ всего исполнить, ибо и порученныя уже теперь ему дѣла столь обширны, что едва ли не все займутъ его время, хотя это часть только; къ тому же, кажется мнѣ, что по тихости его нрава и нѣжной чувствительности, не можетъ онъ съ пользою исправитъ и сіе дѣло; да кажется мнѣ также, что и въ самомъ порядкѣ дѣла сихъ гораздо полезнѣе поручить сіе другому.

б) Для сего кажется весьма способнымъ мнѣ брать Іоанновскій мастеръ Алексѣевъ, съ которымъ я о семъ говорилъ и который охотно беретъ на себя сію должность и хочетъ для сего взять увольненіе отъ службы. Въ смотрѣніи за типографическими дѣлами главнѣйшее и безпокойнѣйшее есть то, что безпрестанно имѣть смотрѣніе за рабочими людьми, чтобы они приходили на работу, чтобы исправно работали и чтобы не было кражи и напраснаго медленія и остановки въ дѣлѣ; также и разбирать безпрестанно ихъ ссоры и проч., ибо вамъ, в. д. Н., частію извѣстно, что большая часть рабочихъ людей, по прежнему за ними несмотрѣнію, избалованы и пьяницы, то и смотрѣніе за ними должно имѣть строгое, и сіе съ покорностію моею представляю на благозволѣніе ваше. Вообще же о будущемъ производствѣ дѣла типографическія со всѣми частями оныхъ, по сочиненіи генеральной описи состоянію всѣхъ дѣлъ, будемъ мы обще съ в. п. бр. Шварцемъ трудиться слѣдять планъ, который при увѣдомленіи моемъ представлю разсмотрѣнію вашему.

4) Искренно и чистосердечно признаюсь предъ вами,

в. д. Н., что драгоценные столбы, на коихъ св. о—нь основывается, т. е. любовь къ Богу и ближнему, не разумѣль я, или лучше сказать: худо и неправильно разумѣль оныя и думать, что человекъ самъ собою можетъ любить Бога и ближняго; даже и былъ въ заблужденіи, что я исполнялъ оныя, то благодаря сѣ пролитіемъ слезъ моего Спасителя, что далъ Онъ мнѣ восчувствовать и познать слѣпую мою; далъ Онъ мнѣ уразумѣть и ощутить, что любовь есть даръ Божій, который ощущать и наслаждаться онымъ даруетъ Онъ святымъ своимъ, сего сладчайшаго наслажденія и бѣднѣхъ грѣшниковъ; бывають минуты, въ кои ощущають они любовь къ ближнимъ своимъ и имѣють сладчайшее упованіе и любить Бога. Но минуты сіи скоротечны. Ежедневно, вставая и ложась, приношу я къ Отцу святовъ, во имя Сына Спасителя нашего, недостойную молитву мою о дарованіи сего сладчайшаго ощущенія любви и благодаря милосердаго Спасителя моего за то, что не рѣдко даруетъ Онъ мнѣ, по милосердію своему, сильное хотѣніе любить ближняго и Бога. Спаситель нашъ въ божественномъ словѣ своемъ изъясняетъ намъ, что больше сей любви нѣтъ, да кто положить душу свою за други своя, и сію святую и божественную истину запечатлѣть Онъ положеніемъ души своей за други свои, за всѣхъ грѣшниковъ,—но коль чуждѣ еще я сей божественной любви! Часто еще, весьма часто и рано встать и поздно лечь и въ слѣпотѣ пойти для друга своего не хочется. Съ пролитіемъ слезъ пишу я сіи строки; благодарю Спасителя моего и вѣчно благодарить и прославлять буду милосердіе Его, что въ извѣстной вамъ, в. д. Н., болѣзни моей и постѣ оной даровалъ Онъ мнѣ такія ощущенія и чувства, коихъ я чуждѣ былъ. Сколь сладостно, радостно и восхитительно и мгновенное ощущеніе смиренія, за которымъ слѣдуетъ любовь.

Такія ощущенія, кои часто гордость, часто слѣпое упорство, часто своенравіе отъ меня закрывали. Увѣренъ я, в. д. Н., что чистая и непорочная молитва милосердыхъ и мудрыхъ отцевъ нашихъ и высокославныхъ начальниковъ ходатайствуетъ за насъ и привлекаетъ на отечество наше милосердіе и благословеніе Всемогушаго, — молитва сихъ истинныхъ священниковъ единой истинной и невидимой церкви Христа Спасителя нашего, которымъ обѣщалъ Онъ,

по милосердію своему, пребыть съ ними до скончанія міра, которымъ далъ Онъ ключи и вязать и рѣшить.

5) Искренно исповѣдую, в. п. Н., что въ полученіи мною отъ васъ отпуска, касательно до сего пункта многое мнѣ открывалось въ разсужденіи минувшихъ дѣлъ и также точно и въ разсужденіи домашнихъ моихъ и показало мнѣ, что всякая умственная осторожность, тщаніе и попечительность суть суетны и часто бывають поводомъ къ тому самому, отъ чего предостерегаемся, ибо я точно для предугаженія только таковыхъ безпорядковъ домашнихъ, всѣхъ постороннихъ, имѣющихъ до меня дѣло, во всякое время къ себѣ пускалъ и пускаю, и деньги самъ платилъ, и весьма часто подтверждалъ, чтобы ни одному человеку не отказывали, но тотчасъ бы пускали ко мнѣ или сказывали, когда я въ кабинетѣ; но со всѣмъ тѣмъ открылъ я нѣсколько такихъ случаевъ. Я слѣгалъ нынѣ еще наистрожайшее подтвержденіе о семъ и буду употребить всю возможность для прекращенія сихъ, часто терзавшихъ меня безпорядковъ.

6) Относительно же къ братьямъ, а наипаче къ брр. Филуу и Виваксу,¹⁾ я неоднократно бесѣдовалъ съ каждымъ изъ нихъ, въ разсужденіи насмѣшекъ ихъ о бр. Татищевѣ. Сильный Богъ даровалъ мнѣ на то время и силу и, кажется мнѣ, что въ бр. Филуѣ открытъ предугаженіе противъ бр. Татищева; но онъ столь былъ тронутъ симъ, что съ того времени ни одного раза не примѣтилъ я въ немъ сего проступка. Что же принадлежить до бр. Вивакса, признаю онъ чистосердечно, что онъ проступался въ семь по неосторожности и неосмотрительности, пристава только къ рѣчамъ другихъ, или лучше сказать, отъ пустой болтливости; но благодаря Спасителя нашего, что и онъ живо ощутилъ мерзость сего порока, и не примѣтилъ я, чтобы онъ въ разсужденіи бр. Тат. постѣ сего когда-нибудь проступился. Вообще же оба они съ того времени весьма прилично стараются оказывать противное прежнему ихъ поступку.

7) Относительно къ 7-му пункту вашего, в. д. Н., отпуска, т. е. о распространеніи любви въ сердцѣ моемъ, къ искоре-

¹⁾ Розенрейхерскія имена И. В. Лопухина и А. И. Новикова. Р. е. д.

нению грубости и ласковой пріемности ко всякому человеку, съ искреннимъ и милосерднымъ признаніемъ доношу, что я всѣ силы, даруемыя мнѣ по милосердію Спасителя, употреблю къ сему, чувствую однако, что еще часто и нынѣ поступаю въ разсужденіи грубости и ласковости; но благодаря милосердію моего Спасителя, что въ ту же минуту и чувствуя сіи проступки, раскаиваюсь, стражду внутренно о семъ и прошу и молю милосердія Его, да подкрѣпитъ оно меня въ семъ искренномъ и истинномъ хотѣніи моемъ быть со всякимъ ласкову, ни съ кѣмъ грубу и стараться отпущать отъ себя всякаго довольнаго. Неоднократно ощущалъ я, высокодостойный начальникъ, сладость чувства сего, чтобы хотѣть всякаго любить, хотѣть всякаго довольнымъ отпустить, хотѣть быть ласкову со всякимъ. Хотѣніе сіе часто производило возможность исполнить; исполнение же самое давало новыя силы и новое къ сему стремленіе; но и сіе самое хотѣніе почитать я милосердіемъ Спасителя. Вообще, в. д. Н., съ извѣстной вамъ богѣзности моей, я ощущаю въ себѣ, по милосердію Спасителя, великую перемену. Съ сего времени я починаю новую эпоху въ жизни моей; въ сіе время и съ сего времени столь живо ощущить я милосердію десницу Спасителя, изторгшаго меня изъ челоустей ада и изъ когтей сатаны, такъ что, несмотря на то, что когда я разсматривать должностъ мои и какъ вымъ быть я долженъ, то гнушаюсь и мерзю собою; но когда взгляну на то, что я былъ прежде, то слезы раскаянія и благодарности проливаются. И теперь омываю уже донесеніе мое слезами. Буди вѣчно хвалимъ, прославляемъ и превозносимъ, милосердый Спаситель грѣшниковъ, св. о—нѣ Его и наши мудрые и милосердые отцы и высокославныя начальники. Вѣрю я и увѣренъ, что ихъ чистыми и непорочными молитвами, въ которыхъ они истинно подражаютъ образу ихъ милосердаго Спасителя, и что они, по божественнымъ словамъ у св. Павла, яко крѣпкіе носятъ немощи безсильныхъ, ощущаютъ толикія милосердіи Божіи.

8) Касательно до изъясненія вашего, в. д. Н., мнѣ, что каждый Р. С. долженъ быть рабъ своего слова и что обшашанное имъ должно быть непременно, есть для меня весьма сильный урокъ, ибо, какъ я неоднократно словесно вамъ, в. д. Н., признавался, что сіе напряженіе держать свое слово,

худо мною выражѣнное, было источникомъ многихъ моихъ дѣйствій, о коихъ я теперь наискреннѣе раскаиваюсь, ибо, какъ вамъ извѣстно, что безпрерывное помѣшательство въ дѣлахъ типографическихъ и сильныя разстройки по силѣ дѣламъ, со стороны университета происшедши, такъ зашатали всѣ сіи дѣла, что не могъ уже я ихъ обозрѣть, ни удержатъ въ рукахъ своихъ и по неосторожности, болѣе же по умышленности, желая поправить оныя, часто умножалъ только ихъ, а къ тому же, что не имѣлъ я, да еще и нынѣ едва иногда имѣю твердость отказать въ несправедливыхъ требованіяхъ, но старался въ то же время ихъ удовлетворить, часто принужденъ былъ не исполнить своего обѣщанія и въ справедливыхъ требованіяхъ. Сверхъ того, какъ по извѣстнымъ вамъ бывшимъ обстоятельствамъ, не могъ я дѣлать свободныхъ оборотовъ въ денежныхъ дѣлахъ, то отъ всего сего произошло, что я боялся дать слово и отказывать въ такихъ дѣлахъ изъ страха только, что можетъ быть не сдержу слова, который постѣ съ удобностію исполнить. Я смѣю увѣрить васъ, в. д. Н., что я всѣ, дарованныя мнѣ отъ Бога силы начинаю употреблять къ тому, чтобы сіе предписаніе ваше могъ всегда исполнять въ точности. Богъ да благословитъ и, по милосердію своему, да поможетъ мнѣ исполнить оное.

9) Буди препрославленъ, милосердый Спаситель нашъ, за толикое милосердіе его къ отечеству нашему, которое явилъ Онъ чрезъ милосердыхъ отцевъ и высокославныхъ начальниковъ нашихъ, дозволеніемъ печатать мистическія книги. Что касается до цѣны, по которой ихъ продавать, такъ и о расположеніи и заведеніи особой типографіи въ институтномъ домѣ для печатанія такихъ книгъ для братьевъ, то я должностію моею ощущаю о всемъ ономъ дѣлать словесное увѣдомленіе, ибо намъ весьма часто будутъ нужны скорыя рѣшенія, то и невозможно, кажется мнѣ, обо всемъ ономъ дѣлать письменныхъ донесеній. На сіе ожидаю я вашего повелѣнія.

10) Касательно же до предписанія вашего, в. д. Н., о скрытности начальниковъ, смѣю увѣрить васъ, что я и самъ исполняю и всѣмъ брр., мнѣ вѣрнымъ, вкореняю и подтверждаю сіе весьма часто и, благодаря за сіе Спасителя, кажется, что всѣ мы строго сіе исполняемъ.

11) Предписаніе ваше, в. д. Н., въ 11-мъ пунктѣ вашего отпуска, чтобы остерегаться не говорить предъ неизготовленными еще и не стремимисѣ жаждущимъ сердцемъ о тѣхъ истинахъ, кои каждый Р. С. почерпаетъ въ сердцѣ своемъ, чрезъ дѣйствіе духа св. о—на, я по силамъ моимъ всѣмъ брр. давно вкоренилъ и нынѣ то же дѣлаю; но относительно къ себѣ исповѣдаю чистосердечно, что сіи св. истина, сильно мною почувствованная и худо выражѣнная еще при жизни блаженнаго, въ Богъ починающаго отца моего Гарагуса, который неоднократно онуо проповѣдывалъ, была такъ сказать причиною, или праведнѣе сказать: на сей истинѣ я палъ въ заблужденіе, что и было уже причиною ко многимъ заблужденіямъ, такъ что я весьма мало уже говорилъ даже и съ брр. о—на и, такъ сказать, слѣдѣла-было нѣмъ; но, благодаря моего Спасителя, и сіе во мнѣ примѣтно истребляется. При семъ также было и то причиною, что я истинно ощущать и нынѣ живо ощущаю недостойнство и скверность мою, и что всѣ брр. много разъ достойнѣе и лучше меня и что всѣ они искуснѣе въ познаніяхъ, и больше книгъ читали, и съ лучшимъ успѣхомъ, и проч., и проч., а отъ сего самаго и не смѣлъ я говорить съ ними, а еще менѣе наставлять ихъ. Но слова божественныя у св. ап. Павла: „буяи міра, немощная міра и худородженная міра и уничиженная міра избра Богъ“, пролиги въ разсужденіи сего свѣтъ въ души моей и я ощутилъ, что сіе, по наружности казавшееся мнѣ доброе чувство, происходило изъ весьма нечистаго источника, т.-е. что я думалъ дѣлать сіе своими силами и также иногда отъ скрытной зависти. Вотъ какія мерзкія порожденія дьявола смѣются принимать на себя видъ смиренія или уничиженія ¹⁾. Часто и весьма часто по милосердію Спасителя дознавалъ я, какъ китро можетъ сатана преобразжаться въ ¹⁾ангела свѣтла; но сіе отъ того, что глаза наши уже были омрачены и не могутъ видѣть уже: „яже суть Духа Божія и яже духа лестца“. Ощутитъ я, по милосердію Спасителя, что мы должны ствѣемъ только не знать что говорить и не умѣть какъ говорить и признать ¹⁾недостойнство свое и ничтожность и слѣдѣться, такъ сказать, ничѣмъ, т.-е. придти въ основаніе

¹⁾ Въ рук. „уничтоженія“.

истиннаго смиренія и вздохнуть изъ глубины сокрушеннаго сердца къ Божественному Учителю ничтожныхъ, неученыхъ, простыхъ младенцевъ, то скоро учинимся мы, по благодати Его, трубою, въ которую Онъ будетъ учить и просвѣщать (не могу я выразить словами, в. д. Н., что я при семъ чувствую); но сколь часто послѣ сего падаемъ мы, приписывая изъ сего себѣ хотя нѣчто. Милосердый Спаситель да сохранитъ насъ отъ искушенія сатанинскаго и да избавитъ насъ отъ лукаваго.

12) Послѣдній пунктъ отпуска вашего, в. д. Н., пріемлю я спасительнымъ для меня наставленіемъ, какъ въ разсужденіи себя самого, такъ и брр., вѣрнѣе мнѣ, и исповѣдаю искренно, что пролигъ онъ свѣтъ на многи мои недомыслия и сомнѣнія. Содержащиеся въ немъ частію, хотя и весьма слабо, исполнилъ я въ разсужденіи себя и въ разсужденіи брр. моихъ. Вѣрую истинамъ, въ немъ содержащимся и прошу, именемъ милосердаго Спасителя моего, да даруетъ онъ силу брр., мнѣ вѣрнѣе мнѣ, успѣвать болѣе и болѣе постигать и ощущать сіи св. истины и дѣлательно постигать Спасителя, который есть путь, истина и жизнь, и св. Его орудимъ столько, сколько благоволитъ Онъ, по милосердію своему, даровать намъ силу къ исполненію званія нашего, св. должностей и всѣхъ пунктовъ пресв. пріисги, учиненной нами Ему и крестоносному и св. Его о—ну на всю жизнь нашу.

Симъ конча, заключаю да Б. и. Е. с. б. с. н. препоручаю себя и брр., мнѣ вѣрнѣе мнѣ, вашимъ, в. д. Н., молитвамъ и съ истинною покорностію и преданностію остаюсь вѣрно послушнѣйшій о—на сродственникъ яко истинный Frater Roseae et Auegae Crucis.

Colophon ¹⁾.

O. C. D. A. N. S. E.

Высокопочтеннѣйшій начальникъ!

Верховно-братскій отпускъ вашъ подъ № 2 я получилъ и съ покорностію моею на оный отвѣстную.

1) Меленность и долгое молчаніе на первый вашъ, в. п.

¹⁾ Передъ этой подписью поставлены, повидимому, два слова (или имени) двумя разными шифрами.

Н., отпускъ всенскренно признаю я и самъ неизвиняемыми по уясненіи сего обстоятельства. Подлинно, я долженъ былъ все оставить, хотя бы и всѣ дѣла отъ того разстроились должны были, но исполнить какъ возможно скорѣе повелѣніе моего начальника; но я уповаю и надѣюсь, что вы, в. п. Н., отпустите мнѣ сію ¹⁾, не отъ нехотѣнія, но отъ худато выражѣнныя происшедшую погрѣшность. Еслибъ я сначала исполнилъ то, что дѣлалъ послѣ, т.-е. донесъ бы о невозможности скоро сдѣлать сей описи, то не заслужилъ бы сего праведнаго выговора, и я при семь самомъ случаѣ опущаю, что наказаніе дѣлаемъ мы сами себѣ, а не начальники наши. Я прошу и молю ежедневно милосердаго Спасителя моего, да даруетъ Онъ мнѣ, по милосердію своему, силы исполнять въ точности всѣ должности званія моего и буду впредь всѣ дарованныя мнѣ отъ Бога силы употреблять къ точнѣйшему и строжайшему исполненію всѣхъ вашихъ повелѣній. Милосердый Богъ и Отецъ Господа нашего Спасителя Іисуса Христа, по милосердію своему, да поможетъ мнѣ исполнять сіе мое всенскренноѣе желаніе.

2) Требованную вами, в. п. Н., опись мы кончили, которую при семь подъ лит. А на російскомъ и нѣмецкомъ языкѣ прилагаю. Мы старались съ возможною точностію оную сдѣлать, но всеѣмъ тѣмъ не сомнѣваюсь я, чтобы не нашлись въ ней ошибки. Весьма вѣроятно, однако, то, что сіи ошибки будутъ не къ ущербу, но къ пользѣ ком-паніи.

3) Повелѣніе ваше, высокопочтенный начальникъ, въ разсужденіи брата ———²⁾ я исполнилъ; говорилъ съ нимъ обстоятельно, назначилъ ему ———³⁾ (250) руб. годоваго жалованья, комнату и столъ, чѣмъ онъ совершенно доволенъ. Онъ обѣщалъ порученную ему должность съ наибольшаго ревностію и прилежаніемъ исполнять. Сегодня подастъ онъ прошеніе о увольненіи его и какъ скоро опротастеся назначенная ему комната, то переѣдетъ онъ и вселитъ въ отпращивленіе должности. Я весьма надѣюсь на прилежаніе, усердіе и дарованія сего молодого человѣка.

¹⁾ Въ рукоп. „сіе“.

²⁾ Имя написано шифромъ; повидимому, рѣчь идетъ о томъ же Алексѣевѣ, о которомъ говорится въ предыдущемъ письмѣ.

³⁾ Цифра написана шифромъ.

4) Касательно до § 4 вашего, в. п. Н., отпуска, въ которомъ вы распространили еще объясненіе на соблюденіе слова своего, пріемлю за нужное мнѣ наставленіе и все-крайнѣйше буду стараться, сколько милосердый Спаситель поможетъ, исполнить сіе самымъ дѣломъ, ибо не довольно того, чтобы мы признавали только, но должны исполнять самимъ дѣломъ, по словамъ божественнымъ: „не слышатели только, но творцы закона, сіи оправдаются“.

5) Типографія для печатанія мистическихъ книгъ совсѣмъ уже учреждена и вступила дѣйствительно въ работу, и теперь печатаются двѣ книги: 1) W. Простосердечное о молитвѣ наставленіе. 2) Гучинсона, Духъ Каменьщичества. Впрочемъ, о подробностяхъ въ сихъ дѣлахъ, по случаю-щимся нуждамъ, по дозволенію вашему, в. п. Н., буду я извѣщать съ поветвѣнія ¹⁾.

6) На § 8 вашего, в. п. Н., отпуска, я испрашиваю позволенія отвѣтствовать особымъ увѣдомленіемъ, тѣмъ паче, что о истиннахъ, въ немъ содержащихся, обѣщали вы, в. п. Н., подробнѣе объяснить въ словесной бесѣдѣ. Симвъ конча, заключаю да Б. и Е. С. б. с. н. препоручаю себя и брр., мнѣ ввѣренныхъ, вашимъ, в. п. Н., молитвамъ и съ истинною покорностію остаюсь вѣрнопослушнѣйшій о — на сродственникъ, яко истинный Frater Roseae et Augaeae Crucis.

— — — — — Solovion ²⁾.

О. С. Д. А. Н. S. E.
В. С. В. И. Н. В. Н.

Высокопочтеннѣйшій начальникъ!

1) Возсылая недостойныя моленія мои ко Всевысочайшему Отцу бесному, что благоволилъ Онъ, по неизмѣримому милосердію своему, допустить насъ еще праздновать квартальную конвенцію, которую мы, во имя Всемилогердаго Спасителя, удостоились праздновать, вмѣстѣ со всѣми истинными сынами мудрости, къ чести и прославленію св. Его имени.

2) Какъ еще первыя теперь препровождаю къ вамъ, в.

¹⁾ Вѣроятно ошибка, вм. „словесно“.

²⁾ Въ подписи шифръ какъ въ предыдущемъ письмѣ.

п. Н., калкуляционныя таблицы¹⁾, то признаваясь искренно, какъ въ собственномъ моемъ невѣжествѣ, такъ и въ ошибкахъ, которыя въ оныхъ находятся, испрашивая верховнаго братскаго вашего извиненія, увѣряя притомъ, что дѣлать ихъ по лучшему моему разумѣнію. При сочиненіи оныхъ живо ощущалъ и недостаточность свое и сколь мало еще знаю я и себя самого и брр., мнѣ ввѣренныхъ.

3) Прилагаю при семъ, в. п. Н., петицы²⁾ подъ шестью номерами: подъ № 1 и 6, взятые мною; подъ № 2, 4 и 5, взятые бр. Фигусомъ и подъ № 3, взятый бр. Елиомасомъ³⁾, испрашивая дальнѣйшаго препровожденія оныхъ къ высоко-славному начальникамъ нашимъ.

4) Прилагаю также, по повелѣнію вашему, в. п. Н., росписи: 1) книгамъ, которыя есть у меня; 2) актамъ, къ которымъ переведены и переводятся къ вамъ именно; 4) книгамъ, которыя въ публичной типографіи напечатаны, на отечественномъ и на иностранныхъ языкахъ; 5) книгамъ, которыя въ тайной типографіи напечатаны и печатаются⁴⁾.

Симъ конча, заключаю и да Б. и Е. п. с. н. 6. препоручаю себя и брр., мнѣ ввѣренныхъ, вашимъ, в. п. Н., молитвамъ и съ истинною покорностью и преданностью остаюсь вѣрнопочтунѣйшій о—на сродственникъ, яко истинный Frater Roseae et Aureae Crucis.

— — — Solovion⁵⁾.

Петицы:

- № 1. Alexius Lodijsensky. Avg. 18, 1784.
- 2. Peter Lopuschin. 4 июля 1784.
- 3. Andreas Wergewkin. 17 сент[ября] 1784.
- 4. Basilius Kolokolnikow. 21 сент[ября] 1784.
- 5. Maximus Newzotow. 22 сент[ября] 1784.
- 6. Basilius Bajenow. 26 сент[ября] 1784.

¹⁾ Ср. „Calculatit-Listen“ въ дневникъ [бар. Шрёдера], у Пекарскаго, Дополн. стр. 83 [у Я. Л. Барскаго, стр. 219].

²⁾ Такъ назывались, кажется, просьбы отъ желающихъ вступить въ орденъ. Ср. Ешевскаго, тамъ же, стр. 529.

³⁾ Розенкрейцерское имя С. И. Гамалѣи. Ред.

⁴⁾ Третій пунктъ пропущенъ въ самой рукописи; быть можетъ, здѣсь просто спутаны цифры въ копіи.

⁵⁾ Переть этой подписью только одинъ изъ прежнихъ шифровъ.

Мы рассказывали въ другомъ мѣстѣ, какимъ образомъ берлинское розенкрейцество, уже вскорѣ послѣ своего появленія, обратило на себя вниманіе своими тенденціями, которыя, по разнымъ основаніямъ, казались подозрительными людямъ просвѣщеннымъ и разсудительнымъ. Розенкрейцеры рекомендовали и распространяли нечистую алхимическую и магическую литературу, и вмѣстѣ крайній піетизмъ и вражду къ существующей наукѣ. Они представляли собой партію ретроградовъ и обскурантовъ, отъ которой тѣмъ больше можно было опасаться вреда, что дѣтели ея имѣли значеніе при прусскомъ дворѣ и могли имѣть — а потому, при Фридрихъ-Вильгельмѣ II, и дѣйствительно имѣли — вліяніе на государственныя дѣла. Нѣмецкіе „просвѣтители“ не могли не возстать противъ розенкрейцерской алхиміи, подозрительно смотрѣли на тѣхъ „неизвѣстныхъ начальниковъ“, на которыхъ ссылались розенкрейцеры, и, вѣроятно, серьезно опасались, что за вѣсть этимъ скрывается хитрая политическая интрига. „Просвѣтители“ полагали, что розенкрейцество есть скрытная пропаганда католичества или даже, что въ розенкрейцерахъ скрываются іезуиты. ИстORIA гофъ-предлера Штарка и изобрѣтеннаго имъ „клериката“ подтверждала подобныя опасенія, и такъ какъ „орденскія“ дѣла творились вообще въ болышомъ секретѣ, то противникамъ розенкрейцеровъ приходилось съ болышимъ усиліемъ отыскивать ихъ дѣянія и тенденціи, чтобы вывести ихъ на свѣтъ: естественно, что воображеніе ихъ могло преувеличивать размѣры дѣла, — но они вовсе не ошибались въ сущности розенкрейцерскаго обскурантизма, потому что „орденскія дѣла“ оказывались, дѣйствительно, вреднымъ обскурантизмомъ всякій разъ, какъ только они приобрѣтали практическое значеніе.

Такими противниками розенкрейцеровъ были извѣстный книгопродавецъ и писатель Николай, Бодэ, издатель журнала *Beitragliche Monatsschrift* Гелике и Бистеръ и т. д., которые ставили себѣ особенной задачей разоблаченіе этого шарлатанства. Они старались сдѣлать это въ литературѣ, разъясняя должнымъ образомъ розенкрейцерскія писанія; другіе слѣдили за розенкрейцерами въ масонскихъ ложахъ и т. д. Такъ, напримѣръ, сдѣлано было упомянутое нами изданіе Ръчей Хризифрона „безъ позволенія начальниковъ“,

тъ къ этимъ Ръчамъ присоединены были общительные комментаріи, такъ, Боде напечатать „Сильныя увѣщанія“ (около 1787—88 г.), т. е. раскрыть для публики розенкрейцерскія тайны.

Много этихъ вратовъ розенкрейцества вступило въ орденъ иллюминатовъ, основанный около того же времени въ Мюнхенѣ съ спеціальной цѣлью противодействовать помраченію умовъ вълѣдствіе распространенія множества мистическихъ сектъ, шарлатанства и предпологаемаго іезуитства. Рейстауптъ, чтобы придать бодрѣ силы своей борьбѣ, призывалъ для своего ордена обычныхъ масонскіи формы, но вложилъ въ нихъ то содержаніе, какое давала либеральная и просвѣдительная философія конца XVIII-го вѣка. Это движеніе вскорѣ оказало дѣйствіе на логи, и потому мистическіе масоны старой школы и особенно розенкрейцеры возопили противъ зловредныхъ людей и учений, проникшихъ въ самый орденъ и извращающихъ самыя его основы. Иллюминаты стали для нихъ въ особенности предметомъ благочестиваго ужаса; розенкрейцеры, дѣйствительно, боялись ихъ, называли ихъ нечестными ада и даже божьявально говорили, что они дѣйствуютъ на погибель ордену, по нашему нѣмъ дьявола. Они стали усиленно предостерегать своихъ учениковъ и адептовъ противъ иллюминатства, и достигли того, что, напр., московскіе розенкрейцеры говорили о немъ съ настоящимъ ужасомъ. Разоблаченіи, устроенныи протѣвниками розенкрейцеровъ, довели послѣднихъ до того, что они находили нужнымъ прекращать на время свои работы, перемѣнять свои „лозунги“ и т. п. Очевидно, эти разоблаченіи произвели между ними переполохъ.

Берлинскіе розенкрейцеры старательно остерегали отъ иллюминатовъ и своихъ московскихъ учениковъ: они старались это при первомъ введеніи своей системы въ Москву, и затѣмъ еще разъ повторили свои предостереженія впоследствии. Сюда именно относятся слѣдующіе два документа, которые мы беремъ изъ той же музейной рукописи [№ 1954] гдѣ Ланской, повидному, собиралъ важнѣйшіи преданія старато розенкрейцества. Въ этой рукописи циркуляръ протѣвъ иллюминатовъ отнесенъ ко времени около 1787-го года. По словамъ Новикова въ его слѣдственныхъ показаніяхъ, предостереженіе слѣдано было въ концѣ 1786-года, черезъ

Шрёдера, а въ 1787 году возвыщено было такъ называемое „молчаніе“ или „бездѣйствіе“ ордена (silenzium) — „по причинѣ великаго распространенія пронырствъ иллюминатовъ“¹⁾.

Выписка изъ писанія (отпуска) В... П... къ Д... 00.

1. Иллюминаты, во многихъ странахъ Европы развѣившіеся, суть весьма вредоносная секта, враждующая на царство Іисусово и на истинный орденъ²⁾, подлежащій особенно пособствовать къ распространенію Божественнаго Царства сего, для чего и стараются они всевозможными образами увлечь души и отвлекать отъ истинной чистой христіанской религіи, стремясь къ разрушенію всѣхъ связей, нужныхъ къ поддержанію богоугоднаго порядка въ обществѣхъ, требующаго любви и повиновенія къ государямъ и властямъ, отъ нихъ учрежденнымъ; стараются они внушать злое стремленіе къ необузданной независимости отъ свѣтской и духовной власти. Къ исполненію всѣхъ оныхъ пагубныхъ своихъ намѣреній тѣмъ же они достигать разномыслиемъ заразительнаго ихъ сообществу проповѣданіемъ и книгами, напыщенными нечистымъ свѣтомъ ихъ ложныхъ просвѣдителей. Внемлите же, принадлежащіе къ Богу посвященному собратству истинныхъ Р. К. и къ кровавому знамени Агнца. Внемлите, именующіе имя Іисуса и любящіе Іосифа и Матерея своего: внемлите, братья! Каждый изъ насъ, кто сіе читаетъ, или слышитъ, восприми нынѣ претѣвлицемъ Всевѣдца вновь твердое намѣреніе навсѣгда въобрать³⁾ своею, во всѣхъ своихъ профанскихъ отношеніяхъ, рачительно защищать дѣло Божіе и орденское⁴⁾.

Станемъ на проломъ и не пропустимъ ни малѣйшаго случая протѣвнустать врагу. Премудрость и благость Божія

¹⁾ Лонгиновъ (стр. 248—249) относитъ циркуляръ противъ иллюминатовъ ко времени около 1785 года и упоминаетъ, что у него есть „Рукописный переводъ этого циркуляра“. Любопытно, тотъ ли это циркуляръ, какой слѣдуетъ ниже, или другой. О взглядѣ Лонгинова на самое дѣло мы говорили въ своемъ мѣстѣ выше, стр. 298 и 305 прим. 2). Показаніе Новикова у Лонг., въ прилож., стр. 088.

²⁾ Здѣсь и дальше, вмѣсто слова „орденъ“, изображается опять кружокъ съ точкой посрединѣ.

³⁾ Поставленъ кружокъ и окончаніе.

⁴⁾ Кружокъ съ точкой посрединѣ.

сами подадутъ намъ сн случаи и всь полезныя средства доставить и напослѣдокъ вѣрно увѣнчаетъ Богъ наше искреннее стараніе благословеніемъ своимъ. На Него возложимъ упованіе наше и крѣпкая вѣра да воспалитъ неперестанно молитву нашу, дабы Милосердый помиловать родъ человѣскій, толь драгоценно искупленный Сыномъ Его, и дабы не удалось душеубійцѣмъ выдѣлствоватъ на землѣ Божіей.

II. Подтверждается вышнее стараніе о успѣваніи въ орденской морали, которой теорія состоитъ въ истинномъ познаніи какъ совлечься ветхата Адама для обличеніи въ новата; практика же въ дѣятельности сего. Ученіе и образъ Спасителя и Мастера нашего Иисуса Христа, который есть путь, истина и животъ, содержитъ въ себѣ всѣ правила и исполненіе оной великой науки крестной, въ коей назидаетъ классическое ученіе орденское. Изъ сего ученія должны братья знать, что основаніе его есть мораль она и существенный успѣхъ въ теоріи и практикѣ ея долженъ предшествовать ясному и безкровному откровенію въ орденѣ великихъ тайнъ натуры, кои суть стѣжаніе очищенныхъ и вѣрныхъ орудій въ божественной экономіи орденской.

(Сей циркуляръ полученъ около 1787-го года).

Эта послѣдняя замѣтка, если слѣлана Ланскимъ, то, конечно, по разсказамъ старыхъ масоновъ. Затѣмъ слѣдуетъ другая статья, — о которой мы не знаемъ, составляетъ ли она продолженіе предыдущаго, или особый документъ:

Копія съ повелѣнія.

Силою котораго всѣ управляющіе начальники окуповъ и оружныя надзиратели, доколовъ отъ высокихъ н. о. [начальниковъ ордена] что другое повелѣніе будеть, должны¹⁾:

1) Поелику бывшія доселѣ тайныя братскія письмена или шифры 1-го, 2-го и 3-го класса, также какъ лозунги и проходы слова Юніората²⁾ нынѣ текущаго десятилѣтія сектъ

1) Въмѣсто „окуповъ“ и „оружные“ въ рукописи кружки; на мѣстѣ букв *o* крутъ съ точкой. Это повелѣніе упомянуто въ „Дополненіяхъ“ Пекарскаго, стр. 72. Въ музейной рукописи недостаетъ означенныхъ въ Доп. именъ исключенныхъ братьевъ.

2) Юніоратъ—первая степенъ розенкрейхерства; дальше упоминается вторая степенъ—теоретикъ, и третья—практикъ.

илимминатовъ преданы были и какъ сіе къ различнымъ обманамъ многихъ добрыхъ братьевъ и къ дальнѣйшему похищенію на нѣкоторые орденоскія таинства послужить и во зло употреблено быть можетъ, то всѣмъ брр. яко орденомъ запрещенные и проскрибированые¹⁾ запретить и отнять, притомъ

2) Отнынѣ всѣхъ, тѣхъ, кои впредѣ таковыя употребить будутъ, за присоединенныхъ къ илимминатамъ признавать и изъ всякаго братскаго союза исключать и отдалить, а напротивъ того:

3) Нашимъ братьямъ, первымъ юніоратскимъ градусовъ, какъ-то: юніорамъ, теоретикамъ и практикамъ, какъ однимъ, такъ и другимъ, прежде бывшіе шифры философовъ, которые мы нынѣ употребляемъ и которые отнынѣ тайнымъ юніоратскимъ писаніемъ для всѣхъ брр. рченныхъ 3-хъ первыхъ градусовъ суть, для законнаго употребленія поручить и предписать. Въ то же время, для юніоратовъ, доннынѣ бывшій лозунгъ Решъ въ новый лозунгъ перемѣняется —²⁾. Впрочемъ должны въ всѣ брр. вообще и особенно быть спокойными, илимминатамъ никакого явнаго прелѣтства не дѣлать, ниже уличать, но добрыя души, въ силу перваго и втораго пункта присяги, только съ великою осторожностію и мудростію, отъ такихъ злыхъ когтей сохранить тишь; и притомъ должны стужать они для своего собственнаго путоводства вѣдать, что всѣ илимминаты для избранія ко вступленію въ истинный орд. неспособными признаны, и потому тѣ, которые однако къ намъ введены были и по исполненіи ресепции сей толико вредной секты дагѣ придерживались, самими тѣмъ (pro facto) полному исключенію подвержены суть.

Въ томъ рукописномъ матеріалѣ, который находится въ собраніяхъ Публичной Библіотеки и Московскаго Музея, есть обильное количество данныхъ для знакомства съ той

1) Отъ латинско-нѣмецкаго *proscribere*—изгнанные.

2) Слово, написанное шифромъ. Въ нашей копіи „Мистическаго Таблицы“ (глѣ обозначены различныя принадлежности розенкрейхерскихъ степеней), снятой съ экземпляра Московскаго Музея, недостаетъ этихъ лозунговъ. Въ *Handb. III, 96*, лозунгъ первой степеніи обозначенъ *Aesch.*

литературой, которая служила пищей нашим масонским, мистикам и розенкрейцерам. Но, къ сожалѣнію, отъ конца XVIII-го столѣтія осталось немного свѣдѣній о внутренней, интимной жизни розенкрейцерскаго кружка. Свѣдѣнія, которыя находятся въ свѣдѣнныхъ показаніяхъ Новикова и его товарищей, страдаютъ обыкновенно неполнотой, неискренностью, даже прямой скрытностью, какія свойственны вообще подобнымъ показаніямъ и были особенно естественны въ этомъ случаѣ, гдѣ Новикову и его товарищамъ приходилось выдавать драгоцѣнные имъ „орденскіе“ секреты передъ людьми, которые были имъ не только совершенно враждебны, но должны были казаться и грубо-невѣжественными въ глубочайшихъ истиннахъ ихъ ученія. Въ рукописномъ матеріалѣ только изрѣдка встрѣчаются историческія указанія о дѣятельности розенкрейцеровъ кружковъ.

Такъ, было упомянуто Ешевскимъ свѣдѣніе о кружкѣ теоретическаго градуса „на востокъ Вологды“. Протоколы засѣданій этого градуса (безъ заглавія) начинаются съ 12-го апрѣля 1791-го и продолжаются до 21-го мая 1792-го; всета здѣсь семь протоколовъ [Муз. № 2167]¹⁾.

Въ рукописяхъ Публичной Библиотеки сохранились работы другой провинціальной ложи того же теоретическаго градуса, именно орловской ложи, основанной въ 1784-мъ или 1785-мъ году, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ тогдашній орловскій вице-губернаторъ и ревностный масонъ, Захаръ Ян. Карнѣевъ, (въ 1810 г. членъ государственнаго совѣта, позже — попечитель Харьковского учебнаго округа, † 1828 г.)²⁾. Работы этой ложи находятся въ двухъ сборникахъ Публичной Библиотеки (F. III, № 47, 160 листовъ и № 48, 177 листовъ): эти сборники не имѣютъ никакого заглавія и слѣдены изъ отдѣльныхъ тетрадей, и только на корешкѣ отпечатаны заглавія — „Разсужденія 1789-го года“ и „Разсужденія 1791-го года“.

Въ началѣ перваго изъ этихъ сборниковъ находится „Выписка“ изъ наставленія для теоретическихъ братьевъ: „о Богѣ“, „о натурѣ“, „о хаосѣ“, „о стихіяхъ вообще“ и

¹⁾ Ср. объ этой ложѣ Л о н г., стр. 216. Ешевск., III, стр. 548.

²⁾ Объ этой ложѣ упоминають показанія Новикова, кн. Трубенскаго и особенно Лопухина. Л о н г., прилож., стр. 0133.

т. д. Затѣмъ, въ отдѣльныхъ тетрадяхъ, слѣдуютъ рѣчи, читавшіяся въ собраніяхъ теоретическаго градуса. Рѣчи обращаются къ „достопочтеннымъ и любезнымъ братьямъ“ и трактуютъ о различныхъ предметахъ христіанской и спеціально розенкрейцерской морали, о тѣхъ обязательствахъ, какія лежатъ на людяхъ, „введенныхъ во внутренній храмъ соломонскихъ наукъ“, о требованіяхъ данной ими пріемлѣн, о различныхъ вопросахъ „орденскаго“ ученія, — разсужденія на различные тексты писанія, по случаю празднованія дня св. Іоанна Крестителя. Въ рѣчахъ нерѣдки выписки изъ „богомудрыхъ мужей“, въ особенности изъ Якова Бѣма.

Всего, въ обоихъ сборникахъ, помѣщено почти до сотни рѣчей, въ которыхъ, въ сущности, повторяется то, что сказано въ рѣчи, написанной Захаромъ Карнѣевымъ, нѣсколько рѣчей принадлежатъ Григорію Нелѣдинскому, говорившему, „чтобы исполнить волю дост. почт. главнаго надзирателя“.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, встрѣчаются среди рѣчей замѣтки: „тутъ читали теорет. брр. разсужденія свои“, — такъ что сборники эти почти имѣютъ видъ протоколовъ орловской ложи. Григорій Нелѣдинскій былъ, повидимому, братъ ревностный, — его рукой написанъ цѣлый рядъ масонскихъ рукописей въ коллекціи Публичной Библиотеки¹⁾.

Въ сборникѣ 1791-го года мы находимъ, между прочимъ, рѣчь Карнѣева въ память одного масона, который поминался большимъ уваженіемъ въ розенкрейцерскомъ кружкѣ, нѣкоего Кіраевича. „Вина собранія нашего, дост. почт. и люб. брр., — говоритъ Карнѣевъ, — есть смерть почетнаго нашего члена, достойнаго теор. брата Ни. Але. Кіраевича, представившагося отъ земли въ вѣчную жизнь въ 24 день сего [іюня] мѣсяца въ 6-мъ часу по полуночи, сирѣчь въ самое то время, когда милосердствующій о спасеніи нашемъ Господь и Спаситель нашъ благоволилъ недостойнымъ намъ сообщиться здѣсь едиными устами и единымъ сердцемъ молить, благодарить и хвалить Его, яко единого Бога“ и проч. (листъ 53—54).

Объ этомъ Кіраевичѣ упоминаетъ, между прочимъ, Лопухинъ въ той любопытной перепискѣ со Сперанскимъ

¹⁾ Напримеръ, F. III, № 24, 27, 30, 32—36, 42; Q. III, № 53, 54.

(1804—1806 года), гдѣ онъ ознакомилъ его съ своею мистическою мудростью, посылая ему для его назиданія разныя „предагогичныя“ книжки. Въ томъ числѣ была книжка *Révélation*, о которой Лопухинъ говоритъ: „*Révélation* etc.—переводъ съ русскаго манускрипта нѣкотораго Краевича, который подлинно имѣлъ Вѣдмѣческое просвѣщеніе, но больше ничего не написалъ. Вспоминается мнѣ въ сей моментъ, что есть эта книжка и русской оригиналь отъ Федора Петровича“ (Лубяновскаго) ¹⁾....

Чтобы оцѣнить похвалу просвѣщенію Краевича, надо вспомнить, что Яковъ Бѣмъ, котораго въ то время усердно переводилъ Таматъ и другіе, пользовался у розенкрейцеровъ величайшимъ уваженіемъ и авторитетомъ. Это французское изданіе „*Révélation*“ очень рѣдко и извѣстно намъ только по каталогу библиотеки гр. Уварова. Этотъ великолѣпный каталогъ (*Bibliothèque Ougloff. Catalogue Spécimen. Sciences secrètes. M. 1870. 4°*), напечатанный только въ 75-ти экземплярахъ и не находившійся въ продажѣ, представлялъ вообще множество важныхъ библиографическихъ указаній въ описаніи рѣдкаго собранія гр. Уварова. Въ этомъ каталогѣ мы находимъ (№ 155—156) два изданія книжки: „*Les Fruits de la Grâce, ou les Opuscules spirituels des deux F. M. (franc-maçons) du vrai Système*“ etc. 1790, или по другому изданію... „*Opuscules spirituels de deux amateurs de la Sagesse*“, съ текстомъ изъ Иоан. III, 3. 7. Два масона, бывшіе авторами этихъ „Благодати“, были Лопухинъ и кн. Н. В. Репнинъ. На стр. 67—90 этой книжки помѣщены „*Révélation* faites au Fr. C.....“, тѣ самыя, о которыхъ Лопухинъ пишетъ Сперанскому, т.-е. откровенія Краевича.

Эти сочиненія Лопухина, кн. Репнина и Краевича найдутся, на русскомъ языкѣ, въ рукописи Публичной Библиотеки О. III. № 67. Это есть сборникъ масонско-мистическихъ статей, составленный въ 1790-хъ годахъ и названный на корешкѣ: „Разныя духовныя сочиненія“. Не имѣя полнѣе руками французскаго изданія, для сличенія статей, мы ограничимся библиографическими указаніями. Здѣсь, на л. 33-мъ, помѣщены „Плоды Благодати или духовныя мысли двухъ

¹⁾ „Р. Архивъ“. 1870, стр. 618.

любителей премудрости“, съ текстомъ изъ Ев. Иоанна III, 3; статья кончается на оборотѣ 65 листа („конецъ запискамъ“). Далѣе, л. 66-й: „Прибавленія“ (съ текстомъ изъ Ев. Иоанна VIII, 36)—„Нѣкоторые историческія свидѣнія о св. К.“, т.-е. свободныхъ каменищикахъ. Листъ 69-й: „Выписка изъ пастырскаго Посланія къ истиннымъ с. К. древней системы 5785“. На оборотѣ л. 72-го: „Что есть быть христіаниномъ и принадлежать къ церкви или къ невѣстѣ Ангца“, въ вопросахъ и отвѣтахъ. На оборотѣ л. 75-го: „Примѣчаніе бр. К. касательно № 1 отдѣленія мыслей его, которыя не могли быть напечатаны прежде“. Въ этой послѣдней статьѣ разсказывается, какъ авторъ желалъ испытать: „не могу ли разными моими духовными движеніями и направленіемъ ихъ въ вѣрѣ къ невидимымъ предметамъ, внутреннимъ міровъ, истинно увидѣть тѣ вещи, кои я видѣлъ тамъ и тамъ въ описаніяхъ перомъ нѣкоего писателя“. Для этого авторъ, „находясь въ глубочайшемъ суетномъ положеніи“, началъ дѣлать „конвульсивныя движенія“, и наконецъ добился своего, т.-е. пришелъ въ экстатическое состояніе. Онъ описываетъ свои ощущенія и оканчиваетъ такъ: „здѣсь рѣчь моя должна прерваться, ибо невозможно описать, въ какомъ стройномъ и можно сказать безсмертномъ состояніи моего тѣла я находился“.

Затѣмъ помѣщены „Нѣкоторые черты о внутренней церкви и проч. 5792-го года“, Лопухина, и рядъ другихъ статей мистическаго содержанія, наконецъ, на л. 189-мъ слѣдуютъ опять: „Писанія и откровенія просвѣщеннаго б. К.“ („1789 году, апрѣля 2-го дни внутренно открылось б. Н. К.“ и проч.). Здѣсь повторены нѣкоторые изъ статей, помѣщенныхъ выше на листѣ 33-мъ и слѣд., но въ другомъ варіантѣ чтенія,—между прочимъ, и разсказъ объ экстатическомъ опытѣ. На листѣ 196-мъ написано карандашомъ заглавіе: „Лучъ Благодати“ и слѣдуютъ одинаццать писемъ мистическаго содержанія, подлѣ однимъ изъ нихъ подписано Н. К., и карандашемъ добавлено: „Краевичъ“, при первомъ письмѣ (какъ здѣсь говорится) была послана одна изъ предыдущихъ статей, 1789-го года, 2-го апрѣля ¹⁾.

¹⁾ Мистическій піизмъ автора таковъ, что по поводу Сведенборга и Пордеча онъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „отъ чего заврался Шведенборгъ, да и другой авторъ, коего я не смѣю сказать? отъ чего

Наконецъ, на л. 205—213, находятся „Бесѣды, кратко записанныя братомъ Дмитревскимъ, котораго онъ и просвѣщенный б. былъ нѣсколько времени водителемъ“—девять бесѣдъ мистическо-орденскаго характера: подъ „онимъ просвѣщеннымъ братомъ“ разумѣется, конечно, опять Краевичъ¹⁾.

Въ масонскихъ бумагахъ Московскаго Румянцевскаго Музея встрѣчаются также отдѣльныя указанія о старыхъ временахъ нашего розенкрейцества. Розенкрейцскія преданія вѣрно сохранялись адептами этой школы и, отчасти, переходили въ наслѣдство къ новымъ масонамъ. Старые розенкрейцеры, вообще, были упорными мистиками. Въ царствованіе Александра, они почти не участвовали въ новыхъ ложахъ, къ которымъ, по крайней мѣрѣ сколько извѣстно до сихъ поръ, не приступали ни Новиковъ, ни Гаматъ, ни Лопухинъ, ни Поздѣвъ, ни Карпѣвъ и проч.; но они сохранили великій авторитетъ у новѣйшихъ мистическихъ масоновъ, и имѣли большое косвенное вліяніе на новыя ложы. Такъ, глубокое почтеніе питали къ старымъ розенкрейцерамъ С. С. Ланской и гр. Мих. Ю. Вельгорскій, котораго главнымъ образомъ руководили Великой Провинціальной Ложей. Великимъ авторитетомъ ихъ былъ О. А. Поздѣвъ, собраніе писемъ котораго, находившееся въ Московскомъ Музее, представляеть любопытный матеріалъ для исторіи масонства и для исторіи общества Александровскихъ временъ. Въ рукахъ Ланского сообрались остатки розенкрейцескаго архива, и онъ самъ старательно списывалъ многіе его документы.

Въ перепискѣ С. С. Ланского есть указанія на его сношенія и съ другими старыми масонами, послѣдними почтателями и друзьями Новикова и Шварца. Такъ, въ письмѣ одного неизвѣстнаго его корреспондента есть упоминаніе о Новиковѣ и Шварцѣ (сборникъ писемъ къ С. С. Ланскому), [Муз. № 1965—1966]. „Благодарю васъ,—пишетъ онъ,—за книгу: Отверзтыя врата Рецеля, по благодати Господней въ манускриптѣ давно мнѣ уже извѣстную, и которую и покойный блаженной памяти благодѣтель мой Н. Ив.

сочиненія (ихъ) на многихъ мѣстахъ чловѣчиною пахнутъ?“ и пр. Въ каталогѣ Уварова замѣчено также неблагодарное отношеніе авторовъ книжки къ Сведенборгу.

¹⁾ Ср. рукописи Московскаго Музея № [2098 и 2322].

весьма уважать“¹⁾. Дадѣе, онъ упоминаеть книгу „L'amoit glorie“, „—, посланную нѣкогда истинными брр. въ Англію, и съ благодарностію и тамъ принятую; а послѣ и здѣсь, но недостаточно и съ пропусками (видно отъ тогдашней цензуры) по-русски напечатанную“ и „ко благу братства и въ благодетіи упражняющихся весьма важную“²⁾. Въ томъ же письмѣ о семействѣ Шварца: „по вѣрной любви къ покойному блаженной памяти благодѣтельному орудію для отечества нашего Ив. Ер. Шварцу и заботясь о бѣдномъ (а паче по кончинѣ Вѣры Николаевны) состояніи вдовствующей супруги его, приѣхавъ къ вамъ съ напоминовеніемъ о предложеніи ей и на сей годъ благодѣтельной помощи вашей и посредствомъ вашимъ“. Вѣра Николаевна есть, вѣроятно, дочь Новикова.

Въ сообщеніи Московскаго Музея находится, между прочимъ, записанная книжка Ланского и Вельгорскаго³⁾, куда они вносили собственнo масонскія достопримѣтельности, а въ особенности замѣтки о бесѣдахъ съ О. А. Поздѣвымъ. Здѣсь—выписки изъ его писемъ, изъ рѣчи мѣхъ масонскихъ писаній, имъ указанныхъ и сообщенныхъ, замѣтки о прежнихъ временахъ и т. п. Въ послѣдніе годы своей жизни (онъ умеръ въ 1820-мъ г.) Поздѣвъ жилъ въ Вологодской губерніи, кажется, на своемъ стеклянномъ заводѣ, и тамъ въ 1813—1815 мѣ г. посѣщали его преданные ученики и поучались.

Поздѣвъ, въ своихъ бесѣдахъ, сообщалъ имъ чисто розенкрейцескія „познанія“ и наставленія. Для примѣра, приводимъ нѣсколько указаний. Въ одномъ мѣстѣ онъ сооб-

¹⁾ Такой манускриптъ есть (въ двухъ экземплярахъ) въ Публичной Библиотецѣ, Q. III. № 35 и № 36: „Отверзтыя врата тайной природы и дѣйствующихъ свойствъ ея въ добръ и во злѣ, изъ коихъ весьма удобно познать можно, изъ чего здравіе и болѣзнь, также врачующее лекарство и ядъ производится. Также что есть эссенція вещей, и давно желанная всеми химиками къ свѣдѣнію первая матерія философскаго универсальнаго лекарства въ пользу иущимъ истинныхъ спалирическихъ и медицинскихъ знаній.—Описано Д. Георгіемъ Фридрихомъ Рецелъ, высоко-княж.-брауншв.-линеб. горнымъ совѣтникомъ и корол. профес. прусс. общества наукъ сочленомъ“ (въ 12 главахъ; 97 л.).
²⁾ Въ каталогѣ С м и р д и на № 718: „Прославленная любовь, или разсужденіе о истинной премудрости“, и проч., М. 1818.
³⁾ Онъ значается подъ № 851—855.

шать свидѣнія о розенкрейцерской литературѣ. Мы разсказывали въ другомъ мѣстѣ, какъ розенкрейцерство имѣло свой источникъ въ сочиненіяхъ Валентина Андреа, въ началѣ XVII-го столѣтія,—сочиненіяхъ, которые говорили о таинственномъ орднѣ этого имени, и которые, по мнѣнію однихъ, были мистической фантазіей Андреа, а по другому мнѣнію—имѣющему за себя весьма большія основанія—имѣли только сатирическую цѣль, освѣщеніе мистической алхиміи и магіи. Но фантазія Андреа именно понравилась людямъ, надъ которыми онъ хотѣлъ смѣяться, и розенкрейцеры имѣли огромный успѣхъ. Тема Андреа была разработана этими людьми, и уже вскорѣ составлялась изъ розенкрейцерства новая особая школа алхимиковъ и маговъ, которая отъ начала XVII столѣтія сохранилась въ разныхъ формахъ до конца XVIII вѣка. Берлинскіе розенкрейцеры составили одну изъ такихъ новѣйшихъ отраслей этой школы: чтобы выдѣлиться въ нѣчто высшее и самостоятельное и поддерживать традицію мнимой старины своего ордена, они представляли его какъ учрежденіе, основанное при посылкѣ главной преобразовательной конвенціи (Haupt und Religions-Convention). Розенкрейцеры почувствовали, однако, неудобство для ихъ цѣлей въ сочиненіяхъ Андреа, они увидѣли это неудобство изъ чужихъ указаній, и теперь они старательно отклоняли отъ себя связь съ этими сочиненіями. Это было очень естественно.

Въ записной книжкѣ Ланского (Муз. № 855, л. 16) мы находимъ слѣдующія свидѣнія о розенкрейцерской литературѣ, записанныя, безъ сомнѣнія, со словъ Поляева:

„Подъ именемъ Ф. Ранкел. напечатанная книга: *Fama Fraternitatis*; *Chymische Hochzeit*; *General Religion der ganzen Welt*; *Confessio Fratrum* (все это—книги Андреа) и пр. суть отчасти совѣтъ положенія, частію же весьма испорчены. Они о—ми бр. (орденскими братьями) не признаны.

„А. В. С. der Weisen есть раздробленное безъ связи извлеченіе изъ сочиненій истинныхъ мудрыхъ, однакожъ и писатель и издатель онаго не есть о—й брр.

„Изъ о—на вышедшія книги суть: *Basilii Valentini*, *Art-Id de Villanova*, *Raimund Lullii*, *Paracelsi*, *Rogerus Vaso*, *Isaac*

Holland, *Sendivogius*, *Graf* ¹⁾ *Bernhard*, *Nelmont*, *Monte Sneider*, *Hermescher Trismph*, и многихъ другихъ писателей тайныхъ наукъ временъ прошедшихъ, или *Plamenek's Erft*, *unter Einfluss etc*, *Compass der Weisen*, *Freimaurerische Versamlungsreden des G. u. R. C.*, и *Annulus Platonis*“.

Здѣсь собраны главнѣйшія сочиненія по тайнымъ наукамъ, имѣвши авторитетъ у розенкрейцеровъ; нечего говорить о томъ, насколько достоверна историческая ссылка, что указанные книги „вышли изъ ордена“: довольно того, что сюда зачисленъ Рожеръ Баконъ.

Рядомъ съ приведенными замѣтками о книгахъ, Ланской записываетъ: „И. А. привезены изъ В.—Ш. въ 1783-мъ году. Работы по нимъ продолжались оныи и послѣдующіе годы до 1789, когда открылось гоненіе“. Рѣчь, конечно, идетъ о какихъ-то актахъ,—вѣроятно, первыхъ степеняхъ розенкрейцерства, вывезенныхъ Шварцемъ. Извѣстіе о продолженіи работъ вплоть до 1789-го г. не сходится съ показаніями розенкрейцеровъ на слѣдствіи, когда они говорили, что работы, почти или совѣтъ, прекратились еще ранѣе этого времени.

Въ записной книжкѣ Вильгорскаго (Муз. № 853) отмечено, изъ разговоровъ съ Поздѣвымъ, свидѣніе объ управленіи розенкрейцерствомъ въ Петербургѣ. Свидѣніе относится, конечно, къ восьмидесятымъ и девяностымъ годамъ прошлаго столѣтія: „...Послѣ доктора Звѣраки начальникомъ былъ брр. въ П.—Алек. Андр. Р.—, а потомъ уже Лен...“. Первый началникъ петербургскихъ братьевъ есть, конечно, тотъ Зверига, имя котораго упоминается въ перепискѣ московскихъ масоновъ съ петербургскими ²⁾; второй есть извѣстный петербургскій масонъ того времени Алексѣй Андр. Ржевскій, извѣстный изъ той же переписки; третій (начальныя буквы его имени написаны очень неясно) есть, вѣроятно, Лынинцевъ, крайній мистикъ, который впоследствии былъ членомъ комитета библейскаго общества.

¹⁾ Въ рук. неясно. Вообще, мы выписываемъ эти имена и заглавія съ буквальной точностью и съ тѣми ошибками, которые произошли отъ диктовки или записыванія со словъ.

²⁾ Это самое имя должно читать въ напечатанныхъ у Пек. отрывкахъ дневника [бр. Шредера], вм. „Иверакъ“, какъ пропущаль Пеккарскій („Дополн.“, стр. 79).

Въ другой книжкѣ Ланского (Муз. № 854) мы находимъ выписку изъ письма I. А. (т.-е. того же Иосифа Ал. Поздѣва) къ П. С. [Ихонину?] отъ января 1813 года. Здѣсь говорится, между прочимъ: „Что вы по службѣ и по московскимъ обстоятельствамъ принуждены сдѣлаться петербургскимъ жителемъ, то видно уже такъ надобно, тѣмъ паче, что и домъ вашъ отнять. Что дѣлать? Власти на то Господня, а между тѣмъ Богъ уготовалъ вамъ знакомыхъ, которыми погезны по вѣчности и по времени, то видно и назначается вамъ мѣсто тутъ. Сердечной мнѣ Бел.... пошолъ на выгодное мѣсто изъ Петербурга, и тамъ очень прилѣжалъ ко временной экономіи, но Богъ не того требуетъ; взять преждевременно, кажется, по дѣлать въ вѣчность, ибо не здѣсь наше гнѣздо... Къ обозначенному здѣсь имени сдѣлано такое примѣчаніе: „Бел.... былъ нѣкогда назначаемъ путеводецѣмъ для петербургскихъ брр. и можетъ быть (есть ли бы оставался въ семь городъ) не допустить бы А. А. Лѣнви. съ послѣдователями перелетѣть Грабѣмъ, опаснѣйшему проповѣднику Авиньонецъ, кои столь губоко пустили корень, что и теперь многихъ стараются дѣлать послѣдователей, и въ семь намѣреніи успѣвають“.

Въ записныхъ книжкахъ находятся, наконецъ, и нѣкоторыя подробности розенкрейцераго ученія, которыми Поздѣвъ передавалъ своимъ ученикамъ. Посылая его, онъ дѣлалъ выписки изъ его розенкрейцерахъ рѣчестей, записывали его изреченія, иногда весьма курьезныя и характерныя. Такъ, здѣсь находятся выписки изъ Теофраста Парасельза, „Памандра“ Меркурія Трисмегиста, изъ книги „о явленіяхъ духовъ по смерти“ и т. п., или дѣлаются выписки „изъ бесѣды“, т.-е. бесѣды съ Поздѣвымъ.

Такъ, въ декабрѣ 1813 года Ланской записываетъ розенкрейцерахъ толкованіи о меркуріи, сѣбрѣ и соли, или духѣ, душѣ, тѣлѣ,—о томъ, что „въ Х степеніи открывается значеніе именъ божіихъ по разнымъ свойствамъ его. А до най (значить) сотворить міръ; Елогимъ—свойство праявудіи, коимъ и нынѣ міръ правится; неизрѣкаемое же имя содержитъ въ себѣ всѣ свойства и означаетъ то состояніе, когда все будеть во всемъ“, о томъ, что „когда священникъ или дьяконъ во время отпращенія литургіи кадитъ, то обходитъ жертвенникъ и выходитъ изъ олтари чрезъ парскіи

врата, описываетъ сію фигуру 8“ (т.-е. алхимическую фигуру меркурія).

Слѣдуютъ мистически толкованія о человѣкѣ. „Адамъ изъ перваго совершенства своего, или изъ образа и подобія Божія, палъ 3-ми степенями, изъ духовнаго (человѣка) въ зидерическаго, а изъ зидерическаго въ грубо плотскаго“. Въ мастерской степеніи принимаемый повергается во пробы тремя же ударами, а возстаетъ посредствомъ 5-ти мастерскихъ пунктовъ—пяти явъ всевысочайшаго Мастера“. Въ каждомъ человѣкѣ находятся духовный человѣкъ, зидерическій и плотской. Въ духовномъ человѣкѣ, зидерическомъ и плотскомъ суть три начала: духъ, душа и тѣло. Адамъ палъ въ духовномъ, зидерическомъ и плотскомъ состояніи, и увлекъ въ паденіи своемъ все потомство свое. Возстаніе должно произойти по тремъ началамъ, какъ духовнаго, такъ по тремъ началамъ зидерическаго и плотскаго человѣка. Вотъ почему предписываютъ намъ созидать духовный храмъ Соломоновъ чрезъ 3 раза 3“.

Къ этимъ толкованіямъ о паденіи Адама можно прибавить еще замѣчаніе, записанное Вильгорскимъ,—„о цѣломудренномъ лобзаніи, въ которомъ человѣкъ сообщаетъ магически тинктуру¹⁾ для зачатія человѣка—такъ, какъ Адамъ нѣкогда. Теперь же тинктура сообщается чрезъ трубный каналъ и проч.“²⁾.

Въ замѣткахъ Ланского помѣщено особое небольшое разсужденіе „о достиженіи къ сверхъ-натуральному состоянію“, т.-е. тому, котораго успѣшно достигаютъ Краевичъ. Въ семь состояніи,—говорится здѣсь,—является имъ (людямъ, его достигшимъ) Богъ великую милость и чрезвычайными дарованіи, и не можно сказать, какими любови и истеченіи благодати проистекаютъ имъ отъ Бога. Они часто чувствуютъ соединеніе со Христомъ, присутствіе святого Духа и самихъ святыхъ ангеловъ, они вкушаютъ Бога и благодать Его, и потому часто столько освобождаются отъ тварей, что забываютъ все позади ихъ существующее, и почти и себя самихъ уже не ощущаютъ, понеже они превращены во Христа и суть одинъ духъ съ нимъ, и блаженно въ Богѣ

¹⁾ Алхимическій терминъ.

²⁾ Ср. прил. II. Р. д.

погружались и погубились. Гражданское их хождение потом уже не на земли и не въ землѣ, но въ небѣ и къ небу"...

При этомъ сообщаются мистическія средства и рецепты для достиженія этого состоянія (Муз. № 854).

Наконецъ, рѣчь заходила и о практическихъ вопросахъ. Изъ переписки Поздьева, находящейся въ Моск. Музее, видно, что и Ланской, и Вильгорскій въ своемъ управленіи Провинціальной Ложей, постоянно обращались къ нему въ важныхъ вопросахъ, и масонскія дѣла безпрестанно обсуждаются между ними. Здѣсь мы ограничимся одной замѣткой въ книжкѣ Вильгорскаго (Муз. № 853), кажется, въ мартѣ 1814-го года: „Если случится говорить съ государемъ¹⁾,—совѣтовалъ Поздьевъ,—то должно бы такъ говорить съ нимъ, н. п. М.—(т.-е. масонство) приготовить ему людей вѣрныхъ, знающихъ, безкорыстныхъ, боящихся Бога и приверженныхъ ему, и О... (т.-е. орденъ) мысли даже не позволить войти, могущей противной быть вѣрности"... Далѣе: „Съ герцогомъ дѣйствовать какъ?" Разумѣется здѣсь, конечно, герцогъ Александръ Виртембергскій, который принималъ участіе въ тогдашнихъ масонскихъ дѣлахъ. Отвѣтъ Поздьева: „НВ. Насилнѣ ему говорить наравнѣ о М." (т.-е. масонствѣ). „Отклоняться отъ такой должности, которая можетъ быть вредною бр. занятіямъ".

II. Авиньонское общество „Новаго Израили".

Около восьмидесятихъ годовъ XVIII столѣтія образовалось въ Авиньонѣ мистическое общество, принявшее имя „Новаго Израили" или „Народа Божія", и соединившее въ себѣ всевозможные виды мистическаго фантазерства: участіе его занимались алхиміей, каббалистикой, магіей, вызывали духовъ, имѣли видѣнія, общались съ небомъ, пророчествовали. Лонгиновъ разсказалъ исторію главнаго представителя этой мистической секты, польскаго старосты или графа Грабянки²⁾, который въ семидесятихъ годахъ сошелся въ Берлинѣ съ одной сектой алхимиковъ и теосо-

¹⁾ Это слово потомъ зачеркнуто.

²⁾ Въ статьѣ „Одинъ изъ магиковъ XVIII вѣка", въ „Р. Вѣстн." 1860, августъ, кн. 2, стр. 579—603. См. также дополненія къ этимъ свѣдѣніямъ, Муромцова, „Р. Вѣстн." 1860, ноябрь, кн. 1, „Совр. Лѣт.", стр. 13—21, и 1861, „Соврем. Лѣтоп.", № 2.

фовъ, и отчасти подъ ея вліяніемъ, отчасти, вѣроятно, по собственнымъ мистическимъ наклонностямъ, предался магіи и дѣланію золота, потерялъ на этомъ свое состояніе и, наконецъ, вмѣстѣ съ своими сотоварищами, основалъ въ Авиньонѣ упомянутое общество. Какъ мы сказали, здѣсь были всевозможные образчики мистики и шарлатанства, и въ концѣ концовъ общество изобрѣло цѣлую фантастическую религію, съ своими догматами и обрядами, своимъ первосвященникомъ, пророками и т. д. Грабянка былъ царемъ „Новаго Израили" и главнымъ посредникомъ для сношеній съ небомъ. Однимъ изъ основныхъ положеній этой религіи было ожиданіе близкаго наступленія тысячелѣтняго царства—тотъ хилазмъ, который вообще былъ тогда очень распространенъ у мистиковъ; но кромѣ того, какъ говорить, у Грабянки была мечта и о царствѣ божье материальномъ,—онъ мечталъ сдѣлаться польскимъ королемъ; говорить, однако, что онъ остерегался высказывать эту надежду своимъ русскимъ послѣдователямъ.

Грабянка, въ теченіи многихъ лѣтъ, дѣйствовалъ въ Авиньонѣ съ различнымъ успѣхомъ. Секта его находила много приверженцевъ, получала отъ нихъ значительныя средства, падала, возникала вновь. Съ восьмидесятихъ годовъ она продолжалась до владычества Наполеона: въ храмѣ, который Грабянка устроилъ для своей религіи, совершались обряды, пророчества, толкованія сновъ. Но кредитъ Грабянки, наконецъ, сталъ упадать: ему переставали вѣрить и его религіозные послѣдователи, и люди, у которыхъ онъ занималъ деньги. Новая религія, наконецъ, обанкротилась. Тогда Грабянка придумалъ отправиться въ Россію,—въ надеждѣ поправить свои дѣла. Онъ нашелъ нѣкоторые денежные средства въ Польшѣ, и около 1805-го года прибылъ въ Петербургъ, дѣл и поселился.

Разсчетъ былъ не совѣсть безъ основаній. Еще въ Авиньонѣ Грабянка имѣлъ русскихъ послѣдователей. Такъ, въ 1788 году присоединился къ его сектѣ адмиралъ Сергѣй Ив. Плещеевъ, князь Н. В. Репнинъ и П. И. Озеровъ-Дербинъ, хотя первые двое черезъ нѣсколько времени вышли изъ общества, вѣроятно, прослышавъ о нѣкоторыхъ его шарлатанствахъ, превывавшихъ мѣру. Грабянка надѣялся найти новыхъ послѣдователей. Въ Петербургѣ еще

раньше его явились баронъ Лефортъ, бывшій въ Авиньонѣ канцлеромъ братства, и г-жа Дотинни, которая еще раньше бывала въ Россіи, въ Авиньонѣ шрала „великую матеръ“ или первосвященницу Нового Израиля, и теперь выписана была вновь въ Россію вдовой Плещеева, въ качествѣ тувернантки или компаньонки. Лефортъ еще до прѣзда Грабянки въ Петербургъ успѣлъ сблизиться съ Плещеевой и поселиться у нея. Вообще, когда Грабянка явился въ Петербургъ, около него составились значительный кружокъ посподователей, въ которомъ онъ и повелъ свою пропаганду. Лонгиновъ говоритъ, что Грабянка напелъ Плещееву „предубѣжденной“ противъ него, но по разсказамъ очевидцевъ, посподователи его оказались прежде всего въ кругу знакомыхъ этой самой Плещеевой; у нея самой происходили собранія секты; у нея проживалъ Лефортъ. Вѣроятно, она только держалась нѣсколько осторожнѣе, чѣмъ другіе. Упомянутый очевидецъ, Муромцовъ, называетъ въ числѣ посподователей Грабянки М. И. Донаурова, П. И. Озерова, Дербякина, М. А. Тынникова, А. О. Лабына. Дербякинъ былъ изъ прежнихъ учениковъ Грабянки, между прочимъ имѣвшій связи съ розенкрейцерами и игравшій нѣкоторую роль въ новомъ масонствѣ. Тынниковъ, вѣроятно, — братъ извѣстнаго розенкрейцера, который былъ, послѣ Зверяги и Ржевскаго, начальникомъ петербургскихъ розенкрейцеровъ, — а нѣсколько позднѣе является членомъ комитета библейскаго общества. Лабынъ — извѣстный мистикъ, начавшій въ это время (1806) изданіе своего „Сіонскаго Вѣстника“, вскоре остановленное, и возобновленное имъ потомъ, спустя нѣсколько лѣтъ.

Исторія секты Грабянки до сихъ поръ очень темна; разсказъ Лонгинова, почерпнутый, повидимому, изъ масонскаго источника (онъ не указываетъ авторомъ), мало объясняетъ обстоятельства происхожденія секты и дѣйствовавшая при этомъ личность, потому что предполагаетъ одной эксплуатацион Грабянки алхимистами не объясняетъ всего дѣла. Пернетти и Брюмеръ (какъ называется Лонгиновъ, вѣрнѣе, кажется, Брюморъ), главнѣйшіе сотоварищи Грабянки въ Берлинѣ и потомъ въ Авиньонѣ, могли эксплуатировать его, но да-леко не въ этомъ одномъ было дѣло. Пернетти (род. 1716, ум. 1801 г.) игралъ роль въ масонскомъ мірѣ и независимо

отъ своихъ связей съ Грабянкой. Бенедиктинскій монахъ, домъ-Пернетти былъ издавна мистикомъ и алхимистомъ, авторомъ нѣсколькихъ сочиненій мистико-герметическаго содержанія (напр. *Les Fables Egyptiennes et grecques dévoilées etc.*, 2 v. Paris, Berlin 1758 и друг. изд.; *Dictionnaire Mytho-Herétique etc.* Paris, Berlin 1758 г. и друг.), много путешествовалъ, между прочимъ, съ извѣстнымъ Бутенвилемъ (онъ оставилъ описаніе этого путешествія: *Histoire d'un voyage aux îles Malouines*), былъ библиотекаремъ въ Берлинѣ, гдѣ, говорятъ, произошло первое его знакомство съ Грабянкой. Кажется, еще задолго до этого знакомства, въ 1766 г. Пернетти основалъ особую герметическую секту, которая извѣстна была въ особенности подъ именами *Thi-ines d'Avignon*, и *Académie des Vrais Maçons*, гдѣ была своя особая система степеней (1, *Utai masop.* 2, *Utai masop dans la voie droite.* 3, *Chevalier de la Clef d'Or.* 4, *Chevalier de l'Épis.* 5, *Chevalier des Argonautes.* 6, *Chevalier de la Toison d'Or*). По словамъ одного масонскаго историка, эта академія вносѣдствій, — повидимому, послѣ своего упадка въ Авиньонѣ, — приняла названіе *Académie russo-suédoise*, изъ чего предполагали, что она соединилась съ „алхимическими кантулами“, которые существовали тогда въ этихъ государствахъ¹⁾. Это извѣстіе относится, конечно, къ тѣмъ свя-зямъ, которые были стѣланы Грабянкой съ нашими масонами. При основаніи „Новаго Израиля“ Пернетти былъ уже древній старикъ. Исторія „авиньонскихъ иллюминаговъ“, — относительно которой мы не имѣемъ теперь подъ руками ближайшихъ данныхъ, въ разсказѣ Лонгинова представляеть

¹⁾ *Handbuch*, II, стр. 550; *Argon.*, *Orthodoxie* *Masonnique*, стр. 150—152; *Kioss*, *Bibl. der Freim.*, № 3911—3913. По словамъ одного масонскаго писателя, нѣмецкаго романиста Рау, въ библиотекѣ Кюсса (который былъ гротмейстеромъ такъ называемаго „Эклектическаго Масонскаго Союза“) находилась „въ высшей степени любопытная рукопись о мало извѣстной, интересной сектѣ авиньонскихъ иллюминаговъ“, рукопись, которая состоитъ изъ важныхъ подлинныхъ писемъ и объясняетъ эту секту“. Рау приводитъ, между прочимъ, изъ этой рукописи отрывокъ письма Грабянки къ принцессѣ вюртембергской, изъ Авиньона. 1798. (*Mystères eines Freimaurers. Von Fr. Neßdorf R. u. M. M. p. 1844, II, стр. 269—273*). Библиотека Кюсса была продана его наследниками принцу Фридриху нидерландскому и должна находиться въ Гагѣ.

много неясного, между прочимъ, и со стороны ихъ отношеній къ инквизиціи, къ Риму и т. д. Наконецъ, еще невыдѣль ясны и дѣйствія Грабянки въ кругу русскихъ мистиковъ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи къ нѣкоторому разъясненію дѣла можетъ служить статья, встрѣченная нами въ одномъ сборникѣ Московскаго Музея (№ 852). Это сборникъ масонскихъ замѣтокъ Вильторскаго, одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ мы говорили выше. Поставленная въ этихъ сборникахъ рядомъ съ различными наставленіями, изреченіями, письмами Поздѣва, выписками изъ его книгъ и рукописей, эта статья—„Краткое извѣстіе о новооткрывшемся обществѣ“—по всѣмъ вѣроятностямъ, была сообщена Вильторскому Поздѣвымъ, въ числѣ тѣхъ вещей, которыя этотъ послѣдній сообщалъ своимъ ученикамъ для увеличенія ихъ масонскихъ знаній и опытности.

Въ „Краткомъ Извѣстіи“ повторяется (съ нѣсколькими неважными вариантами) та самая „прокламаци“, которая приведена въ разсказѣ Лонтинова, и которая давала предателямъ свѣдѣніи объ обществѣ для тѣхъ, кого желали въ него привлечь, но въ музейной рукописи къ этой прокламаци присоединены „замѣчанія“ или опроверженія по пунктамъ. Изъ содержанія этихъ замѣчаній не трудно видѣть, что они вышли изъ лагеря розенкрейцеровъ. Общество Грабянки явилось имъ прямой конкуренткой и не могло быть имъ приятно, оно уже издавна завлекало русскихъ мистиковъ, какъ Плещеевъ, Дерябинъ, кн. Репнинъ, теперь оно переманило къ себѣ Лыничева, Лабаина,—одного изъ самыхъ дѣятельныхъ мистиковъ. Розенкрейцеры сочли нужнымъ вооружиться противъ Грабянки, потому что „неутвержденные знакомые ихъ колебались и не вѣдали, куда пристать“. Имъ досадно было съ другой стороны, что Грабянка хотѣлъ „созидать на чужомъ основаніи“, т. е. обращать въ свою пользу людей, ими самими воспитанныхъ. Любопытно, наконецъ, что въ своихъ возраженіяхъ они не оспариваютъ хилиазма, — они сами ждутъ близкаго прішествія Антихриста и тысячелѣтняго царства, въ сверхъестественныхъ дѣяніяхъ авиньонскаго братства они видятъ не простое шарлатанство и обманъ, а „какомагій“, т. е. чуждо-книжіе и содѣйствіе злыхъ духовъ.

Краткое извѣстіе о новооткрывшемся обществѣ.

Замѣчаніе на оное ¹⁾.

1. Общество сіе носитъ имя Нарада Божія или Новаго Израили.

На 1-й пунктъ.

Новый Израиль, всякій христіанинъ, исполняющій заповѣди и кающійся въ слабостяхъ своихъ и тѣмъ порождающихъ въ себѣ новаго богоговѣющаго къ Богу человека.

2. Учредилось оно въ 1778 году, сперва въ Берлинѣ, а потомъ въ Авиньонѣ.

На 2-й пунктъ.

Въ оное время были тамъ Богомъ просвѣщенные мужи, кои бы намъ, если бы это было праведно, возвратили бы о себѣ учрежденіи и отъ нихъ сіе не могло укрыться ²⁾.

3. Цѣль его возвратить по повелѣнію Божию второе и близкое прішествіе Господа Іисуса Христа и славнаго Его царства на земли.

На 3-й пунктъ.

Близкое прішествіе Господа давно уже возвышено и намъ весьма извѣстно, что шестая тысяча лѣтъ въ концѣ ея ³⁾.

4. Наименованіе сіе приняло оно отъ самаго учрежденія своего, ибо оно учреждено не человѣками, а самимъ Богомъ, благоволившимъ открыть изволенія и планы свои о нынѣшнихъ послѣднихъ временахъ людѣмъ, наименѣе ожидавшимъ тѣхъ милостей и даровъ, коими безпредѣльное милосердіе Его облагодаствовало ихъ. Такимъ образомъ, бывъ избраны и учреждены самимъ небомъ, они не могутъ иначе почитать себя, какъ его народомъ, Новымъ Израилемъ, и само небо всегда ихъ такъ называетъ.

¹⁾ Писано въ два столбца: въ первомъ ставятся обсуждаемые пункты; во второмъ замѣчанія: „на 1-й пунктъ“, „на 2-й пунктъ“ и т. д.

²⁾ Подразумѣваются именно берлинскіе розенкрейцеры, которые возвратили бы московскимъ.

³⁾ Въ этомъ пунктѣ разногласія между розенкрейцерами и авиньонцами нѣтъ.

На 4-й пунктъ.

Аше планы временные, то мы предавъ въ волю Господню, на Него уповаемъ и въ политическія дѣла времени не входимъ, а вѣчные планы ¹⁾ къ спасенію всего міра давно уже по безконечному его милосердію открыты. Да открытіе сими господами пророками и о временныхъ планахъ не сбывается, слава Богу, такъ какъ они одному нашему знакомому, а именно покойному князю Репнину, открывали концы міра еще до знакомства его съ нами, т.-е. до 1802-го года ²⁾, который присоединясь къ о—ну, знакомство и переписку съ ними, такъ какъ и Плещеевъ, бросили.

5. Подъ словомъ Небо разумѣють они все царствіе небесное, всѣ посредствующія существа между челоѣкомъ и Богомъ, ангеловъ, архангеловъ и святыхъ (кроме стихійныхъ и астральныхъ духовъ, кои сюда не входятъ), которые находятся въ сношеніи съ ними и сообщаютъ имъ опредѣленія небесныя.

На 5-й пунктъ.

Тѣ, кои вѣдаютъ о мастерскомъ словѣ, тѣмъ дана милость надѣяться имѣть великихъ князей неба своими въ возрожденіи ³⁾ помощниками. Въ томъ толко познающимъ себя и нужда, а планы временныя, паки повторяются, намъ нѣдѣть, ибо въ правилахъ познания себя самихъ властямъ держащимъ слѣдуетъ повиноваться, кои всѣ суть отъ Бога.

6. Сіе сношеніе или сообщеніе называютъ они кореспонденціею съ небомъ, которая состоить въ словѣ или голосѣ ясномъ и внятномъ, какъ внутреннемъ, такъ и наружномъ, и въ видѣныхъ и откровеніяхъ пророческихъ, причемъ не только ангелы и святые и отъ міра отшедшія блаженныя души, но и самъ Господь иногда является и говоритъ съ ними; въ чемъ объявляющій сіе увѣряетъ честію, вѣрою и совѣстію своею, яко самъ то испытывавшій.

¹⁾ Въ рукописи: „намъ“.

²⁾ Здѣсь какая-то неточность или ошибка въ копіи, — потому что Н. В. Репнинъ, знаменитый фельдмаршалъ, о которомъ идетъ рѣчь, умеръ въ маѣ 1801, а знакомство съ розенкрейцерами было еще до гоненія.

³⁾ Вѣроятно такъ; въ рукописи: „вознагражденіи“.

На 6-й пунктъ.

Совѣтовано тѣмъ, кои зодѣлѣнимъ опытомъ даже увѣрены въ своемъ пути, остерегаться призывать видѣнія, кои могутъ быть весьма опасны. Слово же, голосъ называемый ясный и внятный, коими паче съ небомъ, ясно показываетъ путь, на коемъ былъ Шеленборгъ, прикосновенный Егласу Артисту, изъ коихъ первый былъ обманутъ видѣніемъ и словами, полученными имъ, до такой крайности, говори самъ, что Спаситель оскверненъ былъ прародительскимъ грѣхомъ, то и мысль оная есть мерзость запустѣнія и начало ея изъида, а прочія заблужденія до того, что самъ дѣлаи вопросъ, для чего бы Спаситель воплотился здѣсь на землѣ, а (не) въ другихъ планетахъ, отвѣчаетъ: для того, что здѣсь есть книгопечатаніе ¹⁾. А второй, т.-е. Егласъ, въ писаніяхъ своихъ утверждаетъ вездѣ въ натурѣ Спасителя и въ челоѣкахъ даже, дабы выпирать ихъ довѣренность, а притомъ наводить сомнѣнія, и тѣмъ отвергаетъ пришествіе его во Іудею и смерть крестную, въ коей вся состоить сила и безъ нея не было бы величайшаго Совершѣнія.

А о Спасителѣ мы и не смѣемъ даже такъ дерзко говорить, а тѣмъ паче осмѣлится въ видѣныхъ его и разговорахъ съ нимъ, представлять честь и совѣсть нашу во свидѣтельство, кои какъ они глубоки у господина Грабѣанки, мы оставляемъ каждому самому судить, вѣдая изъ священнаго писанія, каково было видѣніе сносно Іоанну Богослову, который говорить (Апок. гл. I, ст. 17), когда увидѣть Спасителя: „Падохъ къ ногамъ его яко мертвъ“. То когда Іоанну Богослову было узрѣніе Спасителя таково, то кто повѣритъ полку и проповѣдающему нынѣ изъ Франціи, что онъ видѣлъ Господа Іисуса небесъ и земли, и съ нимъ разговариваетъ. Это ему и его чистотѣ кажется такъ легко, какъ и проповѣднику Эккартгайзену помѣстить въ одинъ ресестръ Іоанна Богослова и Пинетти. Это показываетъ, что они только высокопарными словами стараются слѣпать больше прозелитовъ, а сами внутренне не имѣють страха, потому что такъ равняютъ съ собою высочайшую силу небесъ и земли.

¹⁾ Рядомъ поставлено: „типографія“. Дальше текстъ не совѣмъ ясенъ, вѣроятно отъ ошибокъ копіи.

7. Сія корреспонденція посредствомъ правилъ и постановленій, данныхъ о томъ самимъ небомъ, такъ для нихъ удобна, что они могутъ дѣлать вопросы и получать отвѣты о самыхъ маловажнѣйшихъ повидному предметахъ, имѣя къ тому такъ-называемыя малыя и большія средства и ключи высшей науки.

На 7-й пунктъ.

Корреспонденцію съ небомъ посредствомъ правилъ и постановленій и малыхъ и большихъ средствъ, мы вѣдаемъ весьма опасною; кольми паче съ небомъ; а въ ключахъ высшей науки, хотя мы ихъ знаемъ, не имѣя отнюдь нужды спрашивать о чемъ¹⁾; тѣмъ паче, что вѣра и преданность наша ко Спасителю обезпечиваетъ насъ, имѣя правила ясныя и ученіе удобнѣе коренительное, а цѣлью — возрожденіе²⁾, на коемъ, когда Богу угодно, по сообразности нашей въ чистотѣ нравовъ, сами вышніе жители придутъ безъ призывныхъ ключей, а до тѣхъ поръ имѣемъ въ виду содѣлывать себя лучшими, взирая на примѣръ, явленный намъ на Голгофѣ, о имени котораго всяко колѣно повинится; почему не имѣемъ нужды беспокоить жителей вышняго неба; а съ нижними сноситься, не получая власти, мы не смѣемъ и, имѣя вѣру въ акци, не желаемъ.

8. Общество сіе, будучи не человѣческое изобрѣтеніе, и управляется не человѣками, но оною корреспонденціею. Ни одинъ членъ ни вступить въ оное, ни остаться въ немъ не можетъ, безъ явнаго на то соизволенія небесъ. Но безконечная благодѣтельность Господа, хотѣше всѣмъ спастися, и учредившаго сей новый свой народъ для блага всего человѣческаго рода, не отказываетъ въ сей милости никому, приходящему съ чистымъ и прямымъ желаніемъ истины и твердою рѣшимости служить Богу и ближнему, и придетъ время, что и всѣ добрыя сообщества и добрые люди присоединятся къ сему Новому Израилю, когда именно надобно будетъ рѣшиться изъ двухъ на одно: или стать подъ знаменемъ Іисуса или пристать къ сторонѣ его противниковъ.

¹⁾ Въ рук. „очень“.

²⁾ Такъ вѣроятно должно читать; въ рукописи „вознагражденіе“.

На 8-й пунктъ.

Общество оное чѣмъ больше не человѣческое, тѣмъ паче опаснѣе; а корреспонденціи мы уже имѣемъ, а именно: св. писаніе и вѣру, даже понимаемъ и тремя книгами утверждаемъ, а именно: св. писаніе, природу и чловѣка, гдѣ по единому къ намъ недостойнымъ милосердію, недоумѣнія въ пути нѣтъ. А кто будетъ подъ знаменемъ Спасителя, на тѣхъ есть крестъ и будетъ паче тогда при концѣ міра, то-есть гоненіе. А тѣ, кои не съ нимъ, тѣ съ Антихристомъ будутъ торжествовать, мыше службу Богу приносить.

9. Но какъ всякій чловѣкъ безъ вышней помощи подверженъ заблужденіямъ и обману и можетъ иногда ангела лжи принять за ангела истины, то милосердіе Божіе попеклось и о семъ, и дабы способности ихъ отъ ошибокъ, оградило ихъ особенными способами къ испытанію духовъ и всякаго слова, видныя и откровенія, такъ что имъ вовсе невозможно погрѣшить въ семъ случаѣ, если не нарушены будутъ правила, данныя имъ на то самимъ небомъ, за строгимъ наблюденіемъ которыхъ, яко составляющихъ главнѣйшее преимущество общества, начальники общества дѣлать неусыпно.

На 9-й пунктъ.

О правилахъ даваемыхъ мы не безъизвѣстны; а что сами же говорятъ въ этомъ пунктѣ: „если не нарушены будутъ эти правила“. А намъ является уже нарушение правилъ вѣры, начиная оныя ихъ правила употребить, о коихъ сами же говорятъ, что оныя правила и составляютъ главнѣйшее преимущество общества ихъ.

10. На сей конепъ учреждено у нихъ особое отдѣленіе или департаментъ, называемый Соборъ Пророковъ, состоящій изъ людей избранныхъ и утвержденныхъ самимъ небомъ, чрезъ который непремѣнно должно пройти всякое слово, видѣніе и откровеніе и быть строго испытано и очищено отъ всякаго чуждаго примѣшенія темперамента или частнаго свойства обьявляющаго оное члена. Сверхъ сего, рѣшеніе самаго

Собора представляется еще на утверждение небу и по утверждению уже онаго небомъ, видныя, откровение или слово объявляется въ народахъ Божиимъ за справедливое и вѣрное.

На 10-й пунктъ.

Пророки бывали, есть и будутъ утверждаемы Богомъ, а не небомъ; чрезъ коихъ глаголы Божіи не шли ни подъ какую цензуръ другихъ пророковъ, для чего самъ Господь сказалъ: „Не прикасайтесь помазаннымъ моимъ и во прощѣхъ моихъ не лукавьте“. То коли слово Божіе, то оно не идетъ подъ цензуръ пророковъ же. И выдающій сіе краткое извѣстіе, если бы вѣдалъ, какъ глаголъ былъ чрезъ пророковъ, то сего бы не написалъ. И кому цензуровать глаголъ Всемоущаго, ибо истинное пророчество бываетъ Духомъ Святымъ, и сказано, что: „отъ Святаго Духа пророчество глаголаша святыя Божіи членовѣды“. А когда рѣшеніе Собора самого представляется на утверждение, да еще и небу, то видно эти господа пророки сами не увѣрены, что чрезъ нихъ говорить Духъ Божій, потому что должно рѣшенія ихъ еще небу утверждать, то-есть взять небеснымъ, и оныя же пророки сами дѣлають опредѣленіе и сами спрашиваютъ съ небомъ и сами о вѣрности того свидѣствуютъ, то слѣдуетъ опасаться, чтобы ошибкою ктонибудь не слѣглася Равальякомъ, мняще себе службу Богу приносить.

11. При сихъ предохранительныхъ средствахъ и при томъ вѣрномъ руководствѣ, общество сіе безъ всякой хвастливости или наглости можетъ сказать о себѣ, что оно обладаетъ вѣрнымъ путемъ къ достиженію истины, какъ въ разсужденіи духовнаго и нравственнаго, такъ и физическаго. Всѣ такія наивысочайшія, всѣ тайнства наисокровеннѣйшія оному открыты и легко открыты быть могутъ, и оно есть дѣйствительнѣйшее орудіе въ рукахъ Провидѣнія къ уготовленію смиренныхъ и вѣрныхъ душъ для приближающагося Царствія Божія.

На 11-й пунктъ.

Наконецъ къ достиженію истины вѣренъ путь о-на и вскими многотѣтными опытами повѣренъ и явленъ. А что

нѣтъ между русскими пророковъ, то дѣло не за путемъ, а за самими нами; то если въ самой Авиньонъ прїѣдемъ, то пророками не слѣдаемъ, ибо туда себя же приведемъ. Глѣнства же милостиво открываются и намъ, но мы знаемъ, что они намъ настолько полезны, насколько успѣваемъ въ возрожденіи, безъ чего небо намъ не есть средство войти въ него; и оно же не далеко, а въ насъ самихъ.

12. Члены сего общества нынѣ разсыяны по разнымъ землямъ по повелѣнію неба, для положенія основанія народу Божію вездѣ, гдѣ найдутся души возбужденныя благодатію. Объявляющій сіе получилъ повелѣніе вѣдать для сего въ Россію, а именно въ Петербургъ.

На 12-й пунктъ.

На чужомъ основаніи созидать не слѣдуетъ, яко и апостолъ Павелъ учить. И чѣмъ тамъ созидать, гдѣ возбуждены уже благодатію и основаніе уже положено, то лучше потрудиться тамъ, гдѣ о благодати не слыхивали, чѣмъ созидать основаніе на основаніи же; и въ дѣлахъ наружной войны есть безпорядокъ, пересѣкать путь.

Сін свѣтлыя даются вамъ, яко любителя истины, пишушему се съ чистымъ намѣреніемъ; дальнѣйшія подробности и поясненія принадлежатъ уже членамъ народа Божія, Новаго Израили; тѣмъ, которые прямо и надлежащимъ образомъ присоединены къ оному будуть, въ чемъ не должно сомнѣваться о всякомъ истинномъ почитателѣ Богочеловѣка Іисуса, которые всѣ, рано или поздно, непремѣнно соединятся съ симъ народомъ, дабы составить одно стало подъ однимъ пастьремъ.

Истина есть Христосъ, пришедшій во плоти и давшій намъ себя въ примѣръ и помощь, чего для не видимъ надобности сноситься объ немъ съ Авиньономъ и повѣрять св. писаніе на цензурѣ тамошнихъ, яко бы, пророковъ. Оно не далеко и оно же говорить: „Царство Божіе внутри васъ есть“, слова самого Спасителя. То куда идемъ, глаголы живота вѣчнаго имѣвши и поучаясь не только отъ часу бодрѣе и бодрѣ понимать его, но и съ утѣшеніемъ и съ усажденіемъ, конимъ и новыи рождаемъ въ насъ чловѣкъ дово-

тень и благодарить, Господа своего Иисуса Христа, который отъ наружнаго его по воскресеніи видѣніи отвращается и апостоловъ, и какъ скоро его узнавали, дѣлали имъ невидимъ, обращая ихъ тѣмъ внутрь ихъ. Что есть входъ къ нему? во внутрь всей твари, яко къ центру, въ коемъ открытъ отецъ всего видимаго и невидимаго.

Общество оныхъ, кричащихъ нынѣ: се здѣсь Христосъ, или индѣ, много; и не утвержденные знакомы намъ въ своемъ пути колеблются и не вѣдаютъ, куда пристать, и, Боже ихъ помилуй, понудить на какоматовъ ¹⁾ или на илюминатовъ. Ибо это краткое извѣстіе изъ Авиньона, а облако надъ святилищемъ было изъ Мюнхена, въ коемъ не только сказано, что тайны всѣ у нихъ, да и что имъ дана власть управлять душами человѣческими, то чему вѣрить? тѣмъ или другимъ? а стыдно прельщаться словами, остави опытъ. Въ послѣдніи сіи времена много флаговъ будутъ выкидывать съ именемъ Иисуса Христа, но намъ священное писаніе говоритъ: „неимите вѣры, а явленіе Господа и Сына человеческого будетъ яко молнія отъ полнебесной въ день сей!“ Тогда гдѣ будетъ съ совѣстію своею сей графъ Грабанка? И графъ Калостро, прѣхавъ въ Петербургъ, адресовался къ тѣмъ, кои любятъ учиться въ познаніи человѣка, вѣдая, что чрезъ нихъ больше можно стѣлать прозритовъ, причемъ большая часть изъ нихъ обманы его скоро открыли, а другіе, обманувшись, вѣрили въ него весьма; но что это быть за человѣкъ, постъ всѣмъ открылось.

III. Возрожденіе масонскихъ ложъ при имп. Александрѣ.

Первое формальное разрѣшеніе ложъ при императорѣ Александрѣ I и первая ихъ отношенія съ официальной властью начались, кажется, въ 1810-мъ году. Въ это время всѣ управляющіе ложами призваны были къ министру полиціи, и по высочайшему повелѣнію взяты на разсмотрѣніе

¹⁾ Такъ называли розенкрейцеры людей, занимавшихся магіей съ дурными земными цѣлями и съ помощью нечистыхъ духовъ (ихъ собственная магія была „божественная“). Такими какоматами они считали Шреффера и подобныхъ ему шарлатановъ; обманщиками они ихъ не считали, напротивъ, признавали за ними знаніе магіи и осуждали ихъ только за связи съ нечистой силой, за дурное употребленіе своихъ магическихъ познаній.

всѣ ихъ акты ¹⁾. Взятые акты были потомъ возвращены Бѣберу (главному руководителю Директоріальной Ложки Власти міра къ Порядку) гр. Разумовскому, тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, который такимъ образомъ также принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Существованіе ложъ, ранѣ основанныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и учрежденіе новыхъ, было разрѣшено; но ложи поставлены были подъ officialный контроль: масонское управленіе обязано было представлять министру полиціи отчеты о занятіяхъ и о составѣ ложъ. Причиной, почему правительство обратило тогда вниманіе на ложи, масоны полагали, какъ говорятъ, ложность, будто бы стѣланный на нихъ извѣстнѣйшій фескетомъ. Какъ въ точности происходило это дѣло, откуда дѣйствительно шла первая его инициатива, въ чемъ заключалось разсмотрѣніе актовъ и стѣланные изъ того выводы, пока еще не раскрыто; и былъ ли дѣйствительно „доносъ“, сказать трудно. Въ настоящемъ случаѣ, мы укажемъ нѣсколько документовъ, имѣющихъ отношеніе къ этому разсмотрѣнію актовъ и разрѣшенію ложъ.

Эти документы находятся въ коллекціи московскаго Румянцеваго Музея, въ сборникѣ различныхъ масонскихъ бумагъ стараго и новаго времени. Изъ нихъ еще не видно связи этого дѣла, но есть, однако, нѣкоторые данныя для разъясненія тогдашнихъ масонскихъ отношеній.

Во-первыхъ, любопытенъ здѣсь одинъ документъ, писанный по-французски. Это — записка или докладъ имп. Александру (въ черновой или въ копіи), писанный не извѣстно кѣмъ, но, очевидно, въ то самое время, когда подвѣрнуть о предметѣ, который уже имѣлся въ виду и подвѣрнулся обсужденію. Приводимъ этотъ документъ въ переводѣ:

Я счелъ долгомъ представить В. В-ву нѣкоторые мысли относительно тѣхъ мудрыхъ мѣръ, которыя В. В-во предполагаете употребить для устройства масонства. Онѣ кажутся мнѣ способными обезпечить успѣхъ вашихъ намѣреній. Хорошее устройство масонства въ имперіи должно приносить двѣ существенныя выгоды:

¹⁾ Богдановичъ, Ист. VI, стр. 406.

1. Оно должно основывать увеличение испорченности нравовъ, основывая добрую нравственность, утвержденную на прочномъ основаніи религіи.

2. Оно должно воспрепятствовать введенію всякаго другого общества, основаннаго на вредныхъ началахъ, и такимъ способомъ образовывать родъ постояннаго, но незадолго надзора, который, по своимъ тайнымъ сношеніямъ съ министерствомъ полиціи, доставлять бы ему, такъ сказать, залогъ противъ всякой попытки, противной предлагаемой цѣли.

Чтобы установить это устройство способомъ вѣрнымъ, необходимо слѣдовать двумъ началамъ, которые неизбежно привести къ желаемому результату:

1. Сколько возможно, скрывать дѣйствіе полиціи въ ея примотрѣ, такъ, чтобы не только публики вообще, или тѣ, кто пытался бы вводить эти вредныя начала, не подозревали этого надзора; но чтобы самыя члены ложъ оставались въ невѣдѣніи, что они находятся подъ примотромъ или покровительствомъ правительства, и чтобы только начальники ордена участвовали въ этой тайнѣ.

2. Установить масонство во всей его первоначальной чистотѣ. Все то, что могли прибавить къ нему въ нѣкоторыхъ странахъ отдаленныя обстоятельства, чуждыя цѣли В. В-ва, должно быть разсматриваемо какъ подробности, чуждыя для насъ и которыя легко отбросить отъ существенной части.

Когда устройство этого ордена будетъ разъяснено и утверждено такимъ образомъ, было бы необходимо образовать центръ соединенія, къ которому примыкали и гдѣ сходились бы всѣ учрежденія этого рода, какія могли бы образоваться внутри имперіи, въ какомъ бы то ни было мѣстѣ.

Эти учрежденія слѣдуютъ бы и единственнымъ предохраненіемъ противъ зла, которое могло бы проникнуть въ страну путями, удаленными отъ примотра, установленнаго въ столицѣ; и слѣдуютъ бы удобствомъ надзора для общей полиціи (*la police générale des mœurs*), которое трудно было бы замѣнить какимъ-нибудь другимъ средствомъ.

Этимъ центромъ соединенія была бы ложа-мать, основанная въ столицѣ.

Всякая другая ложа въ имперіи, не учрежденная этою ложей-матерью, не должна бы быть терпима.

Этимъ-бъ государь, проводимыя благоразумно и въ тайнѣ, обезпечили бы успѣхъ предложеннаго плана, такъ что намѣреніе В. В-ва было бы совершенно исполнено.

Трудно угадывать, къ-мъ могла быть представлена эта бумага, но въ концѣ концовъ дѣло было устроено именно такъ, какъ предгадилось въ этой запискѣ.

Въ томъ же сборникѣ мы имѣемъ другой документъ, относящійся къ этому дѣлу—самое объявленіе министра полиціи начальникамъ петербургскихъ ложъ. Читатель замѣтитъ, что въ этомъ объявленіи есть общія черты съ предыдущей запиской.

Отъ министра полиціи начальникамъ масонскихъ обществъ, въ Спб. существующихъ.

Начальникамъ существующихъ здѣсь масонскихъ обществъ извѣстно, что правительство, зная ихъ существованіе, не полагало никакихъ препятствій ихъ собраніямъ. Съ своей стороны и общества сіи заслуживаютъ ту справедливость, что доселѣ не подавали они ни малѣйшаго повода къ какому-либо на нихъ притязанію.

Но неосторожностію нѣкоторыхъ членовъ, взаимными ложъ состязаніями и нѣкоторою поспѣшностію къ разширенію ихъ новыми и непрестанными принятіями, бытіе сихъ обществъ слишкомъ огласилось. Изъ тайныхъ они стали почти явными, и тѣмъ подали поводъ невѣжеству или злонамѣренности къ разнымъ на нихъ нареканіямъ.

Въ сѣмъ положеніи вещей и дабы положить преграду сѣмъ толкованіямъ, правительство признало нужнымъ войти подробнѣе въ правила сихъ обществъ и удостовѣриться въ тѣхъ основаніяхъ, на коихъ они могутъ быть терпимы или покровительствуемы.

Цѣль истиннаго масонства не можетъ быть никому предсудительна. Правительство надѣется, что начальники обществъ откровенностію своею докажутъ, что они знаютъ свою цѣль и искренно желаютъ ее достигнуть.

На сей конецъ съ начальниками сихъ обществъ учреждаются доверенныя и отъ обыкновенныхъ полицейскихъ мѣръ совершенно чуждыя сношенія. Правительство избе-

реть отъ себя двухъ особъ, знаніемъ и степенями своими въ масонскомъ дѣлѣ извѣстныхъ. Съ сими двумя лицами, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ министра просвѣщенія, каждый начальникъ ложи войдетъ въ сношенія и изложитъ имъ въ духѣ довѣренности и братства правила, основанія и систему своей ложи.

Между тѣмъ иманея кореннаго закона, всѣмъ масонскимъ ложамаъ общаго, назначается: 1) чтооъ съ сего времени до послѣднато окончанія всѣхъ выше означенныхъ сношеній пріостановлены были во всѣхъ ложахъ новыя члены новыя принятіи; 2) чтооъ сношенія съ начальниками ложа, отъ правительства устанавливаемыхъ, были сохраняемы каждамы изъ нихъ лично въ совершенной тайнѣ не только для публики, но и для членовъ самихъ ложа. Всякое о семь разглашеніе обратится въ сущій вредъ самимъ симъ обществамъ.

Въ С.-Петербургѣ,
августа „ „ дня,
1810.

Далѣе, мы находимъ въ сборникѣ свѣдѣній о петербургскихъ ложахъ, собранныя вѣроятно министеромъ полиціи, вслѣдствіе упомянутого высочайшаго повелѣнія.

Собранныя свѣдѣнія отъ начальниковъ ложа: Жеребцова, Вельгорскаго ¹⁾ и Сергѣева.

Ложа Жеребцова, подъ названіемъ Loge des Amis Réunis, имѣетъ 50 членовъ дѣйствительныхъ и 29 почетныхъ, коимъ реестръ при семь прилагается.

Жеребцовъ принять былъ въ Парижѣ, во время консулства, и получилъ тамъ патентъ и акты, по которымъ онъ управляетъ здѣсь сію ложу.

Сношеній однакожъ никакихъ, по увѣренію его, съ французскими ложами онъ не имѣетъ.

Въ ложѣ сей должны быть 5-ть родовъ собраний:

- 1) пріемныя;
 - 2) фамиліи, или хозяйственныя для внутреннѣхъ разпоряженій;
 - 3) учебныя;
 - 4) праздничныя;
 - 5) печальныя.
- ¹⁾ Такъ и далѣе, въ Вельгорскаго.

Въ похвалу сихъ братствъ сказать должно, что они дѣлаютъ много благодѣяній, посѣщаютъ тюрьмы, помогаютъ бѣднымъ и проч.

Всѣ акты, протоколы собраний и проч. изъ сей ложи получены.

Ложа Вельгорскаго, подъ названіемъ Loge de la Paletine, не имѣетъ никакихъ особыхъ правилъ, а работаетъ по системѣ Жеребцова.

Всѣ ихъ архивъ, мѣ доставленный, состоитъ въ нѣсколькихъ тетрадахъ, выписанныхъ изъ актовъ вышепоказанной ложи.

Членовъ 75, коимъ списокъ при семь прилагается.

Ложа Сергѣева учреждена была въ 1805-мъ году подъ названіемъ Пелликанъ, потомъ раздѣлилась на три ложи, коимъ, слѣдуя шведской системѣ, находится подъ управленіемъ четвертой, директоріальной.

Сии три соединенныя ложи, подъ названіями:

Елизавета, управляемая	Сергѣевымъ;
Александръ,	Розенштраухомъ;
Петръ,	Елизеномъ.

Директоріальная, Владиміръ, подъ управленіемъ дѣйств. ст. совѣтника Бѣбера.

Членовъ въ 3-хъ соединенныхъ ложахъ, нынѣ здѣсь нахопились, 114, коимъ списокъ при семь прилагается.

Всѣ акты и протоколы собраний получены.

Замѣчанія. О первыхъ двухъ ложахъ, Жеребцова и Вельгорскаго, замѣтить должно: что система ихъ ничего осудительнаго въ себѣ не заключаетъ, что бумаги ихъ состоятъ изъ однихъ обрядовъ и церемоніаловъ; что ученія въ нихъ мало, и предмету никакого, въ чемъ сами начальники согласуются. Оба признавались мнѣ, что они никакой точной цѣли не имѣютъ, и масонской тайны никакой не въдаютъ.

Въ такомъ положеніи никакая ложа существовать долго не можетъ. Занимаясь одними наружными обрядами, церемоніалами и пріемами, въ продолженіи времени занятіе сіе членамъ, конечно, покажется скучнымъ; и тогда, или вовсе ложа должна рушиться, или превратиться въ общество шумное и непрістойное, въ коемъ главной цѣлью собраний будетъ ложа столовая. Примѣры такого ходу бывали вездѣ,

Маононъ.

тъ масонскія ложи учреждались не на истинномъ и твердомъ основаніи.

Но сверхъ того замѣтить слѣдуетъ, что система сіи весьма удобна къ полученію всякаго направленія, какъ полезнаго, такъ и вреднаго. Въ добромъ направленіи она можетъ быть обращена къ полезной для нравственности цѣли. Въ противномъ она же можетъ слѣжаться средствомъ къ распространенію вредныхъ и опасныхъ влущеній.

О системѣ трехъ соединенныхъ ложъ сказать должно, что она полнѣе французской и весьма близко подходитъ къ истинному масонству. Слѣдственно, съ нѣкоторымъ исправленіемъ и пополненіемъ, легко можетъ принять надлежащее и желаемое направленіе.

Документы, мнѣ доставленные отъ всѣхъ начальниковъ, вручены для подробнѣйшаго ихъ разсмотрѣнія чиновникамъ, къ тому назначеннымъ.

Наконецъ, въ томъ же сборникѣ находятся и списки членовъ тѣхъ ложъ, о которыхъ упоминается въ предыдущихъ бумагахъ, т.-е. списки 1810-го года (актовъ и протоколовъ собраній здѣсь нѣтъ). Эти списки дають понятіе о составѣ тогдашнихъ ложъ.

Въ ложѣ *Amis Réunis*, работавшей по французской системѣ Жеребова, съ высшими степенями, мы находимъ, между прочимъ, слѣдующихъ лицъ.

Въ степени *Rose-Croix* (это—французская степень съ именемъ розенкрейцества, которой не слѣдуетъ смѣшивать съ нѣмецкимъ розенкрейцествомъ) были: герцогъ Александръ Виртембергскій, Алекс. Жеребовъ, гр. Станиславъ Потоцкій, гр. Александръ Остерманъ-Толстой, генералъ-майоръ Ник. Бороздинъ, Оде-де-Сіонъ и проч. Въ степени „рыцарей Востока“, *chevaliers d'Orient*, упомянуть самъ Баталовъ, министръ полиціи (!). Въ степени „великихъ шотландцевъ“, *grands Ecossais*, названъ въ числѣ другихъ Сергѣй Ланской. Въ степени „избранныхъ“, *élus* (эта степень называлась въ старину „элюской“): графъ Иванъ Боровцовъ, гр. Дм. Зубовъ, перемоніймейстеръ двора Ив. Нарышкинъ, кн. Павелъ Лопухинъ, колл. асс. Василій Пушкинъ и проч. Въ степени мастера: гр. Ярославъ Потоцкій, гр. Гераклъ и Луи Полинъяки и проч. Въ другомъ раздѣлѣ

мастеровъ (какихъ, неизвестно) названъ Алекс. Бенкендорфъ. Далѣе слѣдуютъ товарищи и ученики. Въ числѣ почетныхъ членовъ—Фесслеръ, отст. ген.-лейт. Кушелевъ, Боальдье (композиторъ), Далимась (франц. актеръ и отчасти литераторъ). Членами-основателями этой ложи названы: Жеребовъ, Остерманъ-Толстой, Оде-де-Сіонъ, Карбоннье, Чаплицъ, Бернаръ, Чекалевскій.

Въ ложѣ Палестинъ, находившейся въ управленіи Вильгорскаго и которой списокъ помѣченъ сентябремъ 1810, мы находимъ, между прочимъ, и болѣе высокія французскія степени, чѣмъ въ предыдущей.

На первомъ планѣ—Шаррьеръ де-Монтеранъ, который по „гражданскому“ своему положенію быть не могъ какъ гувернеръ у того же министра полиціи, а по масонскому достоинству былъ *Grand Chevalier Elu Kadosh, prince de Liban et de Jerusalem*, „великій избранный рыцарь Кадошъ“, князь ливанскій и іерусалимскій“. Докторъ Бенъи былъ *Grand Chevalier Ecossais, prince de Jerusalem*. Потомъ *Rose-croix* Вильгорскій; далѣе *chevaliers d'Orient*, *chevaliers Ecossais*, въ числѣ которыхъ упомянуть уроженецъ Мена, инженеръ *Pierre Dominique Bazaine* (отецъ маршала второй имперіи). Въ числѣ *élus* мы находимъ кн. Александра Иксиланти. Между „учениками“ забавно встрѣтить извѣстнаго тогда ресторатора—Тардифа. Въ низшихъ степеняхъ болѣею частію были французскіе и нѣмецкіе купцы, артисты и т. п.

Въ соединенныхъ ложахъ Елизаветы, Александра и Петра, подъ управленіемъ Великой Директоріальной Ложи Владиміра, названы слѣдующія лица: великимъ мастеромъ Директор. Ложи былъ Бёберъ,—великими и на-мѣстными мастерами въ ложѣ Елизаветы были дѣйств. ст. сов. Сергѣевъ и ген.-майоръ Синицынъ,—въ ложѣ Александра: Розенштраухъ и Риземанъ,—въ ложѣ Петра: Эдлизенъ и Свенске. Въ числѣ другихъ членовъ названы ген.-лейт. Кушелевъ, профессоры Кайдановъ, Фесслеръ, Лоди, Гауэншильдъ, камергеръ Жеребовъ, гр. Зубовъ, кавалеріи поручикъ кн. Лопухинъ, семеновскіе и преображенскіе офицеры, иностранные купцы, доктора и проч. Въ числѣ почетныхъ членовъ—сенаторъ Кутузовъ, Лабзинъ.

Какъ происходило разсмотрѣніе актовъ и къ чему именно оно привело, здѣсь нѣтъ о томъ достаточныхъ свѣдѣній. Выше мы упомянули извѣстіе, что акты ложъ были возвращены Бёберу, управляющему „соединенными ложами“. Что касается другихъ ложъ, то, напр., ложа Палестины не получила своихъ актовъ еще въ октябрѣ 1811-го года; намѣстникъ мастеръ этой ложи обращался (8 окт. 1811) къ гр. Разумовскому съ просьбой объ ихъ возвращеніи и съ вопросомъ, можетъ ли ложа, получивши документы, возобновить принятіе членовъ, оставленныхъ больше года; Разумовскій рекомендовалъ ему обратиться съ этой просьбой къ министру полиціи ¹⁾.

Въ біографіи Сперанскаго, бар. Корфа, есть свѣдѣнія, что около того самого времени Сперанскій былъ назначенъ членомъ въ особу учрежденный отъ правительства комитетъ для разсмотрѣнія масонскихъ дѣлъ, и что вслѣдствіе того, онъ „съ вѣдома правительства“ принять былъ въ масонскіе обряды подъ предѣлательствомъ доктора Фесслера. Едва ли сомнительно, что это было то самое разсмотрѣніе масонскихъ дѣлъ, въ которомъ мы видимъ участвующими министра полиціи Балашова и министра народного просвѣщенія, гр. Разумовскаго. Последніе были уже знакомы съ предметомъ, и Балашовъ былъ даже самъ „братомъ“ въ ложѣ Соединенныхъ Друзей,—только Сперанскому надо было пріобрѣсти необходимыя масонскія познанія, чтобы участвовать въ разсмотрѣніи,—и для этого, вѣроятно, послужило посвященіе Фесслера ²⁾. Кто былъ еще въ комитетъ, мы пока не знаемъ. Въ приведенной выше бумагѣ сказано, что для подробнѣшаго разсмотрѣнія масонскіе документы были отданы (министромъ полиціи) назначеннымъ для того чиновникамъ. Вѣроятно, къ этому подробнѣшему разсмотрѣнію относятся одинъ документъ, находящійся въ томъ же сборникѣ Московскаго Музея.

¹⁾ Сборникъ масонской переписки, 1811—1822 г. на французскомъ языкѣ. Письмо Разумовскаго отъ 11 октября 1811 года „...J'ai l'honneur de vous assurer qu'il n'y a qu'une seule loge à laquelle j'ai restitué des documents, par ordre suprême (это вѣроятно—ложа Бёбера). N'étant que le dépositaire de ces papiers, c'est au ministre de la police que vous voudrez bien vous adresser pour tout ce qui concerne cet objet“ и проч.

²⁾ О посвященіи въ масонство Сперанскаго мы упоминали въ „Очерк. общ. движенія“, стр. 308 и слѣд.

Это—копія записки (написанной первоначально, очевидно, по-французски) о масонскихъ ложахъ въ Петербургѣ, составленной Розенкампомъ и Фесслеромъ (на 44 стр. въ листъ). Не входя въ ея подробности, мы укажемъ только общее ея содержаніе. Авторы записки или донесенія дѣлать его на двѣ части: первая излагала тогдашнее состояніе ложъ; во второй они объясняютъ говорить объ истинномъ масонствѣ и о средствахъ уничтожить масонскія злоупотребленія. Указавъ въ началѣ, что петербургскія ложи основаны по двумъ системамъ: шведской и французской (какъ упомянуто выше), записка представляетъ нѣчто вроде исторіи масонства, довольно подробной, съ изложеніемъ разныхъ системъ, разныхъ обмановъ, происходившихъ въ орденахъ, какъ, напр., въ системѣ тамплиерства. Въ заключеніи, собственная мысль авторовъ высказывается такимъ образомъ: „Истинное масонство соображается со всякимъ христіанскимъ ученіемъ и, какое бы масоны не исповѣдовали, оно стремится возбудить во всѣхъ человѣкахъ чувства прямо благочестивыя и христіанскія, и сберечь ихъ отъ фанатизма и живой тупости, не вводя въ нововре...“. Упомянувъ о разнообразныхъ системахъ масонства, записка говорить: „...Мы знаемъ обряды по крайней мѣрѣ 50 грядущихъ различныхъ системъ (во Франціи, которые всѣ не иное что, какъ выродки (modification) и перемены, больше или меньше глупыя, новаго англійскаго масонства или системы Клермонъ. Германія представляетъ по крайней мѣрѣ столько же примѣровъ, и потребны тѣхъ книги, дабы изобразить различности ¹⁾ сей части исторіи заблужденія ума человѣческаго. Оканчивая сіе донесеніе, мы надѣемся изложить въ другомъ представленіи истинную систему древняго масонства, и способы, какіе правительство можетъ употребить не только для избѣжанія злоупотребленій, въ которыхъ впади касательно сего предмета во всѣхъ земляхъ, но что можно воспользоваться масонствомъ и для просвѣщенія цѣлой націи“.

Мы не находимъ въ сборникѣ Московскаго Музея этого „другаго представленія“ объ истинной системѣ древняго масонства,—но встречаемъ статью, которая могла имѣть

¹⁾ Т. е. подробности.

своя отношеніе. Это—статья, гдѣ излагается система берлинской ложи Ройль-Йоркъ, введенная Фесслеромъ въ этой ложѣ еще въ первую пору его масонской дѣятельности въ Германіи, около 1798 года.

Представленіе объ истинной системѣ масонства, исходящее отъ Фесслера, могло естественно быть въ связи съ его собственной системой, съ которой онъ выступилъ въ нѣмецкомъ масонскомъ мирѣ, и если статья о ложѣ Ройль-Йоркъ не была его „представленіемъ“, то появленіе ея въ ряду указанныхъ документовъ едва ли было случайно. Эту свою систему Фесслеръ, безъ сомнѣнія, сообщалъ и Сперанскому, при его посвященіи. Въ музейномъ сборникѣ статья помѣщена подъ заглавіемъ: „Каменьщикская система ложи ¹⁾ Ройль-Йоркъ, посвященная дружбѣ, и представленная въ томъ видѣ, въ какомъ составлена бр. Фесслеромъ“ (46 страницъ. Kloss. Bibliogr. № 1960).

Перечисленные документы не объясняютъ пока всей исторіи официального разсмотрѣнія актовъ и дѣйствій ложи, существовавшихъ въ Петербургѣ въ 1810 году, и потому разрѣшенія ихъ на послѣдующее время; но очевидно, что Фесслеръ и Розенкамфъ играли довольно дѣятельную роль въ этой исторіи, и припоминать рассказы Штейна, занесенные въ его біографію,—о томъ, какъ въ то время Сперанскій, наклонный къ мечтательному мистицизму и вѣрившій въ возрожденіе міра посредствомъ тайныхъ обществъ, вступилъ въ сношенія съ Фесслеромъ и Розенкамфомъ, ложи котораго сдѣлался центромъ масонскихъ ложъ, и о томъ, какъ Фесслеръ составлялъ для Сперанскаго проектъ соединенія въ одно цѣлое всѣхъ тайныхъ обществъ, т.-е. всѣхъ масонскихъ ложъ,—припоминать эти рассказы, можно думать, что они должны относиться именно къ тому предмету, о которомъ идетъ рѣчь въ указанныхъ документахъ: дѣло только преувеличено въ рассказахъ Штейна, и то, что онъ считалъ частнымъ дѣломъ Сперанскаго, Розенкамфа и Фесслера, имѣло официальную подкладку ²⁾.

Сами масоны, надъ которыми Фесслеръ былъ здѣсь поставленъ какъ бы судьей, относились къ нему, кажется,

¹⁾ Въѣсто этого слова обыкновенная фигура четверугольника; дальше вм. „посвященная“ должно быть: „посвященной“, т.-е. ложи.

²⁾ Pertz, т. III, стр. 57 и слѣд.

очень не дружелюбно. Они, конечно, опасались его нововведеній, грозившихъ ихъ преданіямъ и собственному ихъ знанію; какъ выше сказано, они приписывали самое начало этого дѣла его доносу и съ своей стороны принимали противъ него свои мѣры. Во всякомъ случаѣ, къ нему были враждебны тѣ масоны, которые принадлежали къ старой школѣ и придавали большое значеніе высшимъ степенямъ, потому что Фесслеръ не вѣрилъ въ высшія степени и старался устранить ихъ въ своей реформѣ масонства. Въ другомъ мѣстѣ мы упоминали, съ какою злобостью говорить о Фесслерѣ одинъ изъ главныхъ представителей высшихъ степеней, Бёберъ. Въ сборникѣ Московскаго Музея есть два документа, въ которыхъ остались слѣды враждебныхъ отношеній, порожденныхъ въѣздомъ Фесслера въ масонскія дѣла. Одинъ изъ этихъ документовъ есть короткая біографическая записка о Фесслерѣ, на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ, гдѣ изображается въ весьма неблагоприятномъ свѣтѣ его личный характеръ и его масонская дѣятельность. Другой документъ есть русскій переводъ письма, писаннаго къ Бёберу однимъ изъ значительнѣйшихъ берлинскихъ масоновъ, къ которому тотъ обращался за свѣдѣніями о Фесслерѣ. Отвѣтное берлинское письмо помѣчено ноябремъ 1810 года; письмо Бёбера писано было въ концѣ сентября, свѣдѣтельно, въ самомъ разгарѣ этой исторіи. Изъ двухъ этихъ документовъ мы выполнѣ приведемъ послѣдній, какъ болѣе любопытный:

Высокопочтенный и любезный братъ,

Почтенное письмо ваше, отъ 20-го сентября, получено мною 1-го сего мѣсяца. Къ сожалѣнію, я не былъ дома, когда г. совѣтникъ Мейеръ принесть мнѣ оное. Онъ велѣлъ мнѣ сказать, что охотно берется доставить вамъ отвѣтъ мой, который я ему собственноручно и вручу. Извините, что я не прежде отвѣчалъ вамъ и что пишу къ вамъ съ братскою искренностію; первое потому не могъ прежде исполнить, что хотѣлъ сперва имѣть вѣрное свѣдѣніе о Фесслерѣ, а второе сдѣлать въ надеждѣ вступитъ съ вами въ тѣснѣйшую связь и сношеніе.

Я помню, любезный братъ, что назадъ тому 28 лѣтъ, я имѣлъ честь познакомиться съ вами въ то время, когда вы

проѣзжали или возвращались из Вильгельмсбада; но я думаю, вы ошибаетесь въ годъ, ибо мы встрѣтились у покойнаго брата Циннендорфа, который умеръ въ 1782-мъ году¹⁾. Впрочемъ, какъ бы то ни было, мнѣ все очень пріятно начать съ вами переписку. Съ большимъ участіемъ и съ искреннимъ удовольствіемъ выдѣлать я изъ письма вашего и изъ приложеннаго при ономъ, въ какомъ положеніи теперь въ Россіи древній и высокопочтенный нашъ орденъ. Желаю отъ всего сердца вамъ и почтенному братству успѣха въ начинающихъ работахъ вашихъ. Да не прервутся никогда оныя.

Наша мать-ложа почтетъ себя за честь вступить въ сношеніе съ вашею Директоріальною Ложюю Владиміромъ; для сего нужно лишь вашей Директоріальной Ложѣ изъяснить нашей матери-ложѣ свое желаніе; письмо ваше адресуйте ко мнѣ и я берусь сіе исполнить. Пожелайте также вступить въ связь съ прочими двумя здѣшними матерями-ложками: я съ удовольствіемъ помогу вамъ въ томъ, ибо три берлинскія матери-ложки между собою соединены и находятся въ совершенномъ согласіи²⁾.

Касательно желанія вашего, любезный братъ, знать о Фесслерѣ, отнесся я къ одному изъ братьевъ Королевско-Йоркской ложи, дабы узнать, что то, что я сказалъ вамъ, есть истина. Онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: по пріѣздѣ Фесслера въ Берлинъ, постигъ онъ здѣшнія ложи и когда предложенія его Государственному ложюю были отвергнуты, тогда обратился онъ къ Королевско-Йоркской ложѣ. Его представили братьямъ, какъ совершеннаго каменщика. Едва побывавъ онъ въ ложѣ нѣсколько разъ, какъ объявилъ, что нужно исправить или преобразовать наружныя (lognes) работы. Любя объясниться иносказательно, онъ при семъ случаѣ сказалъ: „Ложи сравнить можно съ садами: сады сіи я посѣщать только въ Берлинѣ, въ другихъ садахъ на-

¹⁾ Циннендорфъ былъ основателемъ особой масонской системы, носившей его имя.

²⁾ Эти три ложи были: *Grosse Nationalloge zu den drei Weltkugeln*, *Grosse Landloge* и *Grossloge Royal York*. Объ ихъ радорахъ и потомъ соединеніи, см. Keller, *Gesch. der Freim. in Deutschland*, стр. 219, 234 и слѣд.; совершенное согласіе наступило между ними только съ 1810 года.

ходилъ одинъ дикіи и ядовитыя растенія, такія, которыя требуютъ совершенной перемѣны. У васъ нашеть я все въ лучшемъ порядкѣ, — ограда только не прочна; исправьте ее, дабы ничто нечистое не могло войти, и тогда вашъ садъ будетъ прекраснѣйшій и едва ли гдѣ быть лучше“. Итакъ, Фесслеру поручено было исправить. Черезъ нѣсколько времени явился онъ съ новыми обрядами, которые всѣми были одобрены и приняты. Когда работы производились уже нѣкоторое время по сему ритуалу, одинъ изъ братьевъ, которому Фесслеръ давно казался подозрительнымъ, объявилъ, что обряды сіи напечатаны въ системѣ пражскихъ ложъ. Фесслеръ отвѣчалъ: „это справедливо; онъ слѣдуетъ сіе съ намѣреніемъ, дабы не могли его упрекнуть, что онъ издалъ для масонства собственное свое произведеніе“. Онъ требовалъ потомъ отъ братьевъ принять древнюю англискую систему съ нѣкоторыми перемѣнами, введенную въ Гамбургъ Шредеромъ, что и исполнилось: по сей системѣ и теперь работаетъ Королевско-Йоркская ложа. Изъ сего ясно видно, что ни первая, ни послѣдняя перемѣна не есть собственно Фесслерова, ибо онъ лишь предлагалъ оныя. Будучи обвиненъ во многомъ, его исключили изъ ложи. Напримѣръ: одинъ крещеный жилъ объявилъ желаніе быть принятъ; при баллотированіи, большинствомъ голосовъ ему было въ томъ отказано. Фесслеръ далъ ему рекомендательное письмо въ Гамбургъ, въ которомъ пишетъ, что противная партія отвергнула сего членовѣка, но онъ просить о его принятіи. Вслѣдствіе сей рекомендаціи, новокрещеный жилъ принятъ былъ въ каменщики и возвратясь въ Берлинъ, тотчасъ явился въ Йоркскую ложу, дабы быть допущенъ къ работамъ. Ему въ семь воспрепятствовали, за что жилъ жаловался своей ложѣ, и дѣло сіе объяснилось тѣмъ, что рекомендательное письмо Фесслера доставлено какъ актъ въ ложу.

Въ другой разъ передать онъ брату, имѣвшему только три іоанновскія степени, самые высшіе градусы, объявилъ о немъ братьямъ, что онъ, высокопочтенный братъ, испытать его въ ихъ присутствіи и брать сей принятъ быть въ члены самыхъ высшихъ степеней. Когда узнали о семъ, то онъ оправдывалъ себя разными софизмами, между прочимъ сказалъ, что не онъ ложъ, а ложа ему предписала

скромность, что онъ свободенъ употребить по своему произволу то, что есть собственность его духа. Бытность его въ ложѣ ознаменована спорами и гонениями. Всѣ, знающіе Фесслера, единогласно жалуютъ, что сердце его не соответствуетъ его разуму.

Намъ известно теперь, что Фесслеръ хотѣлъ сначала присоединиться къ намъ ¹⁾; но онъ не могъ бы въ томъ успѣть, потому что мы всегда догадывались, что онъ не былъ никогда истиннымъ образомъ принятъ. По крайней мѣрѣ известно то, что при первомъ своемъ посѣщеніи ложи въ Силезіи не могъ въ томъ представить законныя доказательства, и былъ допущенъ по поручительству одного изъ первыхъ братьевъ ложи той. Изъ сего видимъ, что выдаваемая имъ система за свою, не есть его, а мнимая древняаглинская, введенная въ Германіи гамбургскимъ братомъ Шредеромъ. Я говорю мнимая, ибо ничѣмъ не доказано, чтобъ сія система была истинно древняаглинская; слышанны мною о томъ доказательствъ такъ слабы и даже, смѣю сказать, такъ смѣшны, что непонятно, какъ благоразумные люди могутъ на нихъ основываться. Положимъ, что шестьдесятъ ложъ въ Германіи приняли систему сію, но все же не Фесслеру, а древнююаглинскую; едва ли половина сего числа ложъ работаютъ по сей системѣ, и то не въ одно время. Онъ старается подъ смиреннымъ ложью пробовать себя послѣдователемъ въ Россіи, ежели это ему удастся. Вотъ что пишетъ онъ въ Германію: „Вся Россія приняла систему его. Симъ хочеть онъ наиболѣе здѣсь выиграть и утвердиться“.

Довольно, а можетъ быть и много разсуждали мы о семъ человѣкѣ; лучше поговоримъ о томъ предметѣ, который гораздо для меня занимательнѣе, а именно объ образованіи вашихъ ложъ. Вы пишете мнѣ, что три соединенныя ложи, работающія во всѣхъ сообщенныхъ вамъ графусахъ, по прежнимъ шведскимъ актамъ, состоятъ подъ управленіемъ матери-ложи, Вилдимиромъ названной. Но неизвѣстно мнѣ, о какихъ графусахъ вы говорите и сколько ихъ сообщено вамъ, хотя, по извѣстнымъ знакамъ и по нѣкоторымъ названіямъ, я догадываюсь. Ежели вы имѣете болѣе трехъ

¹⁾ Рѣчь идетъ, вѣроятно, о берлинской Grosse Landesloge.

юанновскихъ степеней, то я не понимаю, какъ могутъ всѣ три ложи работать въ высокіхъ степеняхъ, сіе несогласно съ шведскими актами, а еще менѣе съ прежними, до ихъ преобразованія ¹⁾. По симъ актамъ работы въ степеняхъ, превышающихъ юанновскія степени, производятся въ особенной ложѣ.

Въ надеждѣ, что переписка наша не прекратится, я прошу васъ на сіе сообщить мнѣ объясненіе.

Въ ожиданіи пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ и искреннею любовью, почтенный и любезный братъ, вашъ покорнѣйшій слуга

Ф. Кастилло.

Берлинъ.

23 ноября 1810.

Я сообщалъ при семъ описаніе нашей ложи.

Имя, которымъ описано это письмо, вѣрнѣе есть Кастильонъ. Этотъ Кастильонъ (Фридрихъ, собственно Сальвеминъ), род. 1747 г. въ Лозаннѣ и умеръ 1814 г., былъ профессоромъ математики въ Ritteracademie и директоромъ философскаго класса берлинской академіи наукъ, а по ма-сонской дѣятельности, онъ въ 1782 — 89-мъ и въ 1799 — 1814-мъ г. былъ просейстеромъ въ берлинской Grosse Landesloge ²⁾.

Исторія возобновленныхъ петербургскихъ ложъ за первую пору ихъ существованія до официального утвержденія въ 1810—1811-мъ году, до сихъ поръ темна. Въ матеріалахъ Московскаго Музея, какіе мы имѣли возможность пересмотрѣть, намъ встрѣтилось только небольшое число указаній на дѣятельность ложъ до и около этого времени.

О ложѣ Сергѣева упомянуто было въ „свидѣніяхъ“ 1810-го г., что она была основана въ 1805-мъ году, подъ названіемъ „Пеликана“. Эта самая ложа носила и другое названіе — „Александра“, и отъ нея получивши свое начало двѣ другія ложи: „Елизаветы“, которою Сергѣевъ и управ-

¹⁾ Шведская система проникла къ намъ впервые въ концѣ семидесятихъ годовъ XVIII вѣка. Преобразование шведскихъ ложъ, о которомъ здѣсь упоминается, произведено было въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія.

²⁾ Nandb. I, 168. II, 618.

взять въ 1810-мъ году и „Петра“, которая находилась подъ управленіемъ, Элизена. Въ матеріалахъ Московскаго Музея сохранились протоколы этихъ ложъ, писанные по-нѣмцки и по-русски, съ 12 сентября 1810-го до 19 апрѣля 1811-го года [№ 1884]. Между прочимъ, 11 октября 1810 года, Сергѣевъ открылъ, по-русски, праздничную ложу для празднованія основанія ложи Александра (слѣдовательно, 11-го октября 1805), и въ это торжество включено было празднованіе основанія двухъ другихъ ложъ — „такъ какъ ложа Пеикана дада имъ начало и поводъ“¹⁾. Изъ другого указанія видно, что ложа Елизаветы основана была 1-го іюня 1809-го года²⁾.

Въ спискахъ членовъ этихъ ложъ упоминаются члены, принятые въ ложу Александра въ 1807-мъ г. Великій мастеръ ложи Елизаветы, Александръ Серг. Сергѣевъ (дѣйств. ст. сов.), принятъ былъ въ Москвѣ, въ 1780-хъ годахъ, и управлялъ ложей Елизаветы съ 1809-го до 14 іюня 1811-го года. Намѣстный мастеръ той же ложи, генералъ-майоръ Федотъ Дан. Синицынъ, принятъ былъ въ 1783-мъ году и былъ намѣстнымъ мастеромъ Елизаветы съ 1809 года.

Элизень принятъ былъ въ ложу Александра въ 1809-мъ году. Въ то же время былъ принятъ тамъ Ив. Сем. Орлай. Въ перепискѣ Карамзина съ Дмитриевымъ упоминается какой-то певалье де-Месансъ, который вербовалъ въ Московскъ масоновъ, „сылаясь на петербургскую мочу“ (письмо Карамзина отъ 19 февраля 1811 г.). Это имя встрѣтилось намъ на одномъ изданіи масонской пѣсни ложи Палестины, слова которой были написаны Месансомъ, а музыка — Бозальдѣ³⁾. О Жеребоновъ упомянуто было выше, что онъ принятъ

¹⁾ „Indem die Loge zum Pelikan ihnen Ursprung und Veranlassung gegeben hatte“.

²⁾ Французскій циркуляръ ложи Елизаветы 1818-го года, гдѣ говорится между прочимъ: „La loge d'Elizabeth à la vertu, ayant atteint ainsi la 10-me année de son existence, a célébré pour la 9-e fois le 1-er jour du IV-e mois, l'anniversaire de son établissement“, etc. (Связка печатныхъ масонскихъ листовъ, въ Моск. Музее).

³⁾ „Antique de la loge St. Jean de la Palestine, O. de St.-Petersbourg, dédiée au T. R. et T. J. G. M. F. Duc de Wurtemberg par Les FF. de Mes-sence, auteur des paroles, et A. Boilelleu, auteur de la musique. A Jérusalem. 12 stran. нотъ. (Въ связкѣ масонскихъ печатн. листовъ, Моск. Музей).

былъ въ Парижѣ во время консульства и управлялъ ложей „Соединенныхъ Друзей“ по полученному тамъ патенту и актамъ. Въ дѣлахъ Великой Провинціальной Ложи находится одна бумага, писанная Жеребовымъ въ мартѣ 1817, гдѣ онъ упоминаетъ, что уже 14 лѣтъ управляетъ мосткомъ — принадлежностью мастера. По другимъ указаніямъ, ложа Соединенныхъ Друзей была основана 10 іюня 1802 г.

Мы увидимъ далѣе, что уже съ первыхъ годовъ возобновленія ложъ были въ Петербургѣ разныя высшія масонскія учрежденія, составляющія принадлежность французской и шведской системъ, которые у насъ были приняты и обѣ были богаты высшими степенями. Въ собраніи масонскихъ дипломовъ, Московскаго Музея, есть свѣды этихъ высшихъ учрежденій, хотя не раньше 1811 года. Такъ, былъ въ Петербургѣ „верховный капитулъ Горы Оавора“, le souverain charité du Mont Thabor, établi en la vallée de St.-Petersbourg, и составленный изъ chevaliers et souverains princes Rose-Croix, — отъ имени котораго выданъ былъ одному масону дипломъ на степень chevalier d'Orient (въ началѣ 1812-го г.); этотъ дипломъ подписали упомянутый прежде Шаррьер де-Монтеранъ, Вильгорскій, С. Ланской, Ржевскій и другіе. Далѣе, существовалъ „верховный капитулъ Иерусалима“, le souverain charité de Jerusalem à l'or. de St.-Petersbourg, отъ имени котораго выданъ былъ дипломъ С. Ланскому, въ январѣ 1811 года: Ланской (въ то время 34-хъ лѣтъ), членъ ложи Соединенныхъ Друзей, прошедшій уже степени frère élu, écossais и chevalier d'Orient, получая этотъ дипломъ на степень chevalier prince de l'Aigle et du Pelican, portait Maçon libre d'Heredon, sous le titre de souverain Prince Rose-Croix. Этотъ дипломъ подписанъ Жеребовымъ, однимъ „prince de Jerusalem“, однимъ „prince du Royal secret 32“ и проч.¹⁾. Громкіе титулы, которые мы здѣсь видимъ, унаследованы были большей частью отъ тѣхъ старинныхъ системъ, которые распространились съ половины прошлаго столѣтія, особенно во Франціи, и вводили множество новыхъ степеней, съ таинственными легендами и напыщенными названіями. Эти „избранные братья“, „ры-

¹⁾ Тамъ же дипломъ, выданный Ланскому отъ ложи Amis Réunis на три символическія степени, отъ 30-го іюня 1810.

цари Востока", "князя Розоваго Креста", "князя Иерусалима" и проч. повторяются въ многообразныхъ системахъ, высшихъ степеней, но здѣсь принадлежатъ, кажется, къ двумъ французскимъ системамъ боѣе позднего образования, такъ называемымъ *rite français* или *moderne*, и *rite écossais ancien et asseré*. Степень *"prince du Royal secret 32"*, была именно 32-я степень въ системѣ *rite ancien et asseré*, состоявшей изъ 33 степеней ¹⁾.

Другія высшія степені, существовавшія въ нашихъ ложахъ, принадлежали шведской системѣ. Въ московскомъ собраніи находится подобный документъ нѣскольکو боѣе поздняго времени: это—латинскій дипломъ (1815 г.), выданный отъ „викарія Садомона“ и членовъ „верховнаго со- вѣта“ на основаніе шотландской директоріи. Викаріемъ Садомона былъ Бѣберъ.

IV. Директоріальная Ложа Владимира и Великая Провинціальная Ложа.

Мы разсказывали въ другомъ мѣстѣ, какимъ образомъ ложи, образовавшіяся въ первые годы царствованія Александра, соединились въ одинъ союзъ подъ управленіемъ „Великой Директоріальной Ложи Владимира къ Порядку“ ²⁾. Первый союзъ составилъ изъ трехъ „соединенныхъ ложъ“,— Александра, Елизаветы и Петра, основанныхъ по шведской системѣ, и открытіе Директоріальной Ложи, подъ управленіемъ старата масона Бѣбера (нѣкогда секретаря старой Провинціальной или Национальной Ложи шведской системъ, 1779-го года), произошло „на основаніи конституціоннаго патента, полученнаго прежде изъ Швеціи для Великой Национальной Ложи“.

Въ 1810-мъ году, какъ мы видѣли, рядомъ съ этими „о-единенными ложами“ шведской системъ, существовали двѣ ложи французской системъ—Соединенныхъ Друзей и Палестины. Эти послѣднія въ 1811—12-мъ году также присоединились къ Директоріальной Ложѣ, которая такимъ образомъ, имѣла въ своемъ управленіи всѣ существовавшія тогда ложи, кромѣ „работавшихъ въ тиши мартинистовъ“. Въ

¹⁾ См. *На d b*, статьи: *Französisches System*, *Schottisches syst.*, *Ritter vom Rosenkreuz* и проч.; также *R a g o n*, *Orthodoxie Macomnique etc.* *Paris* 1853, стр. 130, 135, 322—325.

²⁾ См. „Очерки общ. движенія“, стр. 298 сл.

1813-мъ году къ Директоріальной Ложѣ приступили и возобновленные въ это время старыя ложи—Изиды въ Ревелѣ и Нептуна въ Кронштадтѣ (послѣдняя возобновлена 21-го октября 1813-го года).

Это согласіе и единство продолжались до 1814-го года, но въ этомъ году они были нарушены: въ масонскомъ кругу начался расколъ, который кончился тѣмъ, что Директоріальная Ложа потеряла свое исключительное господство, и вмѣсто одной образовались двѣ Великія Ложи, между которыми и раздѣлилось управленіе масонскими „мастерскими“: это были прежняя Директоріальная Ложа Владимира, вскорѣ преобразовавшаяся въ Великую Провинціальную Ложу, и Великая Ложа Астревъ, которая уже скоро послужила явнымъ перевѣсъ надъ Провинціальной.

Причиной раздѣленія было то, что въ наши ложи произошло новое представленіе о масонствѣ, которое развилось тогда особенно въ Германіи, и имѣло главными своими представителями Шрёдера и Фесслера. Эта школа хотѣла оживить масонскій союзъ новыми, боѣе определенными идеями объ его достоинствѣ и назначеніи, и потому, между прочимъ, отвергла масонскую іерархію высшихъ степеней, которая справедливо казалась ей пустымъ и даже вреднымъ извращеніемъ первоначальнаго простого масонства. Къ этому послѣднему школа и хотѣла возвратиться, дополнивъ его основными ученіями по требованіямъ новаго времени. Директоріальная Ложа, какъ мы видѣли, была преисполнена высшими степенями, французскими и шведскими: здѣсь были рыцари Розоваго креста, рыцари Востока, іерусалимскіе принцы, былъ викарій Садомона и т. д. Противъ этого старата хлама и возстали въ нашихъ ложахъ люди, которые успѣли познаться съ движеніемъ, происходившимъ въ ложахъ нѣмецкихъ. Влѣдѣльцы высшихъ степеней, конечно, не желали отказываться отъ высокихъ титуловъ, которыхъ добивались нѣкогда съ великими усиліями и которымъ, безъ сомнѣнія, придавали большое значеніе. Уступки и соглашенія ожидать было трудно, и раздѣленіе должно было совершиться. Дѣло началось въ 1814-мъ году, а въ половинѣ 1815-года основана была, на особыхъ началахъ, Великая Ложа Астревъ.

Самымъ дѣятельнымъ представителемъ новаго взгляда

и, кажется, первым начинателем дѣла былъ докторъ Е. Эллизенъ, въ качествѣ мастера ступа управлявшій ложей „Петра къ истинѣ“. Въ матеріалахъ Московскаго Музея находится документъ, который заключаетъ въ себѣ изложеніе основаній, послужившихъ причиной раздѣленія. Это—письмо Эллизена къ Бёберу, великому мастеру Директоріальной Ложѣ, въ іюль 1814, гдѣ Эллизенъ высказываетъ весьма рѣшительно свои взгляды и новыя требованія. Приводимъ вполнѣ это письмо, представляющее довольно любопытныя разъясненія для исторіи тогдашнихъ ложъ ¹⁾:

Высокопочтенный братъ Бёберъ! Высокопросвѣщенный префектъ капитула Феникса!

и

Оберъ-мейстеръ шотландскія св. Андрея ложи подъ названіемъ св. Георгія!

Долготнѣе ученіе и чрезвычайныя отношенія удостоили меня, что такъ-называемыя высшія степени ни мало не состоятъ въ связи съ первоначальнымъ чистымъ свободнымъ каменищичествомъ; что онѣ не только что въ высочайшей степени излишни суть, но даже и вредны, что онѣ, вмѣсто облагороживанія человѣческаго сердца, имѣютъ послѣдствіемъ явное разращеніе нравовъ и легко могутъ слѣжаться вредными для государства.

Богѣе и богѣе возникающее просвѣщеніе имѣло также послѣдствіемъ, особливо въ послѣдніе годы, отмѣненіе оныхъ во всѣхъ прочихъ земляхъ европейскіхъ, и съ постыженіемъ удивленіемъ взираютъ нынѣ на мелочный торгъ церемоніями и на разнообразное сплетеніе сумасбродства, которые чрезъ долгое время столько могли имѣть приверженцевъ.

Сіи приключенія подтвердили мое давнее о семъ мнѣніе, а единообразіе въ мысляхъ со мною всѣхъ почти свѣдущихъ иноземныхъ каменищиковъ превратило оное въ твердую увѣренность; также сильныя и основательныя выраженія противъ всѣхъ высшихъ степеней одной свѣтлѣйшей

1) Письмо писано собственно по-нѣмецки, и находится въ Музѣ въ нѣмецкомъ подлинникѣ. Мы приводимъ современный переводъ, помѣщенный въ другомъ сборникѣ. Переводъ, какъ увидимъ, довольно тяжелей.

особы, къ нашему союзу принадлежащей, съ которою я имѣлъ недавно разговоръ, побудили меня къ рѣшительному намѣренію явно слѣдовать собственному моему убѣжденію, а вѣротно и желанію нашего, не менѣе иноземныхъ, просвѣщенного и благотвѣтельнаго правительства, и потому отойти отъ всего того, что за третью степень распространяется, и такъ отказать ся формально, совершенно и навсегда отъ должностей моей яко командора, отъ сочленства въ Капитулѣ и въ Шотландской ложѣ. Притомъ поставлю себѣ долгомъ изъяснить пространнѣе въ нижеслѣдующемъ побудительныя причины мои и объявить мое желаніе, чтобы онѣ отъ всѣхъ Командировъ и Капитулировъ приняты были въ благосклонное, серьезное и общее разсужденіе. Я никакъ не хочу кому-либо навязывать моихъ видовъ и убѣжденій, но съ другой стороны ожидаю, что для всякаго истиннаго и проникательнаго Каменищика точною признанная истина будетъ драгоцѣннѣе всего.

Убѣдительнѣйшія возраженія, кои противъ высшихъ степеней слѣзаны быть могутъ, происходятъ изъ исторіи ихъ происхожденія. Когда въ началѣ прошедшаго столѣтія Свободное Каменищичество во второй разъ привезено было изъ Англіи, то извѣстны были только три символическія степени. Вскорѣ потомъ услышали объ одной шотландской рыцарской степені, которая (какъ то неоспоримо показывается въ одной, мною нынѣ читаемой книгѣ) учреждена была, іезуитами совершенно руковождаемымъ, Іаковомъ II, когда онъ былъ еще герцогъ Йоркскій, для достиженія цѣли своея. Появились многіе отрывки сего шотландскія рыцарскія степени, изъ коихъ составили степень и, за дорогіи деньги, продавали ее. Сія новая рыцарская степень возбудила любопытство, которымъ обманщики весьма хорошо умѣли воспользоваться для частныхъ намѣреній своихъ. Прежде сего еще, въ Англіи, а особливо въ Шотландіи, было Свободное Каменищичество злоупотребляемо іезуитами для составленія себѣ партіи. Но они скрывали намѣренія свои подъ разными формами, распускали въ Англіи и во Франціи, что Свободное Каменищичество есть продолженіе Тампліерскаго Ордена, коего начальники изъ духовенства имѣли великія тайнства и сокровища. Сіе дѣлалъ Рамзей,

который учинился католикомъ, но когда и сія уловка не возымѣла желаемого послѣдствія, то, въ продолженіи нѣкотораго времени, должно было Розенкрейстеру играть главную роль; тогда возстали глупцы и обманщики въ великомъ числѣ и соорудили на сказкахъ нѣсколько степеней вышшихъ. Въ Семилѣтнюю войну продавалось уже оныхъ 47, въ коихъ начать творить свои дѣйствія Клермонтскій высшій капитулъ въ іезуитской коллегіи, въ Страсбургѣ находившейся, учрежденный. Сіе заблужденіе увеличено было фальшивымъ монетчиномъ, предшественникомъ г-на Гунда, основателя Строгаго Наблюденія (Sticte Observantz), коемъ чадомъ есть Шведская Система. Цинендорфъ, признанный обманщикъ, составилъ систему сію изъ Клермонтскаго высшаго капитула, изъ Строгаго Наблюденія и изъ собственныхъ своихъ выдумокъ, чрезъ кои однако-же оба тѣ слѣденія обмана и нечестности иного ничего не приобрѣли, какъ токомъ болѣе систематическій видъ. Король Густавъ шведскій хотѣлъ публично возстановить Тамплиерскій орденъ, хвасталъ великими магическими познаніями и искалъ заманить нѣмецкихъ тамплиеровъ и получить отъ нихъ важныя денежные суммы. Но необыкновенное приключеніе открыло обманъ и Шарите Шиннѣ король шведскаго потерялъ свою славу премудрости и истинны, а можетъ быть и нѣчто болѣе. Тутъ стали искать помощи и совѣта въ Италіи, и при дворѣ претендента узнали, что вся исторія тамплиеровъ подложна. На всеобщемъ конвентѣ въ Вильгельмсбадѣ 1783 года ¹⁾, когда просвѣщеннѣйшіе Каменьщики изъ всѣхъ европейскихъ земель собраны были подъ предсѣдательствомъ герцога Брауншвейгскаго, были объявлены за обманъ по сіе время продолжавшіяся рыцарскія ирушки и высокія степени, и начертана новая къ обстоительствамъ времени приличнѣйшая система единаго истиннаго, признаннаго Симболическаго Масонства. (Читай переписку, въ манускриптѣ, короля шведскаго съ герцогомъ Фердинандомъ Брауншвейгскимъ, шведскихъ ложъ съ Великою ложею въ Берлинѣ, акты Вильгельмсбадскаго Конвента и проч.). Хотя на Вильгельмсбадскомъ конвентѣ Тамплиерство именно объявлено и признано ложнымъ и подлиннымъ, но и по сей день

¹⁾ Должно быть: 1782.

продолжается въ Швеции (тамъ, можетъ быть, по причинамъ, коихъ основаніи искать надобно въ политикѣ государей ея, чему нѣкоторые происшествія придають вѣроятіе) и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ оно введено было, какъ то, напримѣръ, и здѣсь въ Петербургѣ. Въ Швеции дають кровь изъ раны Христовой въ маленькой стекляночкѣ; дагѣ показываютъ мощи, состоящія изъ перста св. Іоанна, въ вознагражденіе много истраченныхъ денегъ и времени. Истинно странное возданіе за тѣ многія іезуитскія присяги и католическія церемоніи, которые чрезъ столько лѣтъ дѣлались. Довольно и даже до самой скуки доказано Каменьщикамъ и міру, что чрезъ высшія степеніи ни въ какое время ни малѣйшаго не произведено добра; что нелѣпыя церемоніи давно уже содѣлались презрительными въ понятияхъ всякаго мыслящаго Каменьщика и большей части публики, а нѣрѣдко бывали попираемы злобныхъ, праздноныхъ и живыхъ людей и что все цѣлое съ начала до конца есть іезуитизмъ. Тотъ, кто имѣетъ іезуитскій ключъ, видѣть сіе изъ обрядовъ при пріемахъ, изъ каждаго слова и изъ каждой морали. Кто захочетъ убоѣдиться въ этомъ, пускай прочтетъ:—Bode's Gutachten, 2 Theile, in f., Manuscript; Levesque, des Rapports de l'homme, Liv. III, chap. II; Knigge's Glaubens-Bekenntniss eines Mannes, der 25 Jahre im Orden gegingelt wurde; Knigge's Glaubens-Bekenntniss nach neun Jahren bestätigt; Signatstern, Die Akten des grossen Hamburiger Logenvereins; Wurm's (Ministers in Sachsen), Testament an seine Söhne, in Manuscript; Beleuchtung der Truggestalten in freimaurerischer Halle; Krause's Drei ältesten Kunsturkunden, 2 Theil, и проч.

Кому недостаетъ времени самому основательно изучаться масонской исторіи, тотъ да повѣритъ по крайней мѣрѣ примѣру двухъ просвѣщеннѣйшихъ націй, англичанъ и нѣмцевъ, кои отмѣнили высшія степеніи, яко совершенно вредныя челоувѣчеству и государству. Не должны ли непремѣнно убивать нравственность, заглушать уваженіе къ присягѣ, ко св. писанію и къ религіи, тѣ четыре присяги, кои берутся съ кандидата при пріемѣ его въ какую высшую степенъ самъ торжественнымъ образомъ, говоря, четверъ

присяти о ничего не знаущихъ церемоніяхъ и басняхъ, кои при томъ даже не тайны, но всё въ школьникамъ извѣсны и смѣшны стали. Если кто хочетъ видѣть опасность, коею угрожается государство высшими степенями, то да вспомнить о пропавшей 1772 года въ Швеціи перемѣнѣ въ государственномъ правленіи королемъ Густавомъ съ помощью высокопросвѣщенныхъ Каменьщиковъ, умалчивая о другихъ происшествіяхъ, въ сей землѣ событіе имѣвшихъ, да вспомнить о циркулярѣ, коего герцогу Орлеанскій при началѣ французской революціи старался разослать по орденскимъ начальникамъ и т. д.

Если вліяніе нѣкоторыхъ орденскихъ начальниковъ можетъ употреблено быть къ добру, то и противное ему не подлежитъ сомнѣнію. Всякое тайное вліяніе и, изъ темноты происхождение свое имѣющее уваженіе исчезнуть, когда подымется завѣса, которая чрезъ высшія степени скрываетъ истину отъ большаго числа братьевъ и ихъ дѣласть если не слѣпыми, то терпѣливыми орудіями тѣхъ, кои на крайнѣйшемъ концѣ за оною завѣсою сидятъ. Да и всегда можно узнать птицу по перьямъ. Учредители высшихъ степеней суть іезуиты: Роза, отрѣшенный священникъ, сумасбродный, католикомъ сѣдлавшійся баронъ Гундъ, Шрепферъ, Гугомось, Лонсонъ, Штаркъ, Плуменекъ, Цинендорфъ, Вельнеръ, и проч., коихъ нравственную или интеллектуальную цѣну каждаго однимъ словомъ разуршитъ можно. Всѣ были апостола іезуитовъ, всѣ были злые, утонченные обманщики или жадостно обманутые; однако ими одними высшія степени вырождены и распространены. Время положило уже страшный приговоръ на людей сихъ, составъ ихъ по большей части погруженъ въ презрѣніе и ежедневно болѣе и болѣе разрушается. Выдавать себя за поспѣдователя ихъ, послѣ признанной и испытанной правды, совѣтъ противно увѣренію и совѣсти нижеподписавшагося, который обо всемъ вышеказанномъ можетъ представить убѣдительнѣйшія доказательства и который, какъ то само по себѣ разувѣется, въ вышеказанномъ не цѣлится, особенно здѣсь въ Петербургѣ производимое Каменьшичество, а говорить о высшихъ степеняхъ вообще.

Въ нашемъ первоначальномъ договорѣ, правда, сказано: „мы сохраняемъ орденъ Тамплиеровъ только какъ одежду“

но это пустыя токмо слова, когда мы сохранили по прежнему и церемоніи, и акты.

Къ тому же, акты высшихъ степеней не были предметами правительству, сдѣлано отъ него не одобрены и не приняты, а посему здѣшняя шотландская ложа и капицулы не имѣютъ даже исключительнаго права раздавать высшія степени.

По вышеозначеннымъ причинамъ, почитаю я моимъ долгомъ какъ христіанинъ, гражданинъ и каменьщикъ, сдѣлая моему образу мыслей, отказатся отъ всякаго сношенія съ капицуломъ и шотландскою ложею, прошу васъ, высокопочтенный братъ, сіе мое рѣшительное намѣреніе, яко префектъ и шотландскій оберъ-мейстеръ, объявить почтеннымъ сочленамъ, обонихъ отдѣлений, мнѣ же какъ можно скорѣе доставить реверсъ въ томъ, что я просить выйти изъ оныхъ. Впрочемъ, я оставляю сей союзъ съ любовью ко всякому члену въ особености, проса, чтобы и меня изъ оного отпустили въ покоѣ и не приписывали бы словамъ моимъ и намѣреніямъ дурнаго толкованія.

Для извѣжанія же всякихъ произойти могущихъ недоразумѣній, объявлю я, какъ Мастеръ Стула Іоанновской ложи Петра къ Правдѣ, подчиненной здѣшней Директоральной Ложѣ, что я и ложа¹⁾, коею я правдо, нимаю не намѣрены разрывать сношеній обыкновенной Іоанновской ложи, подлѣ конституціею рѣченной высокопочтенной Директоральной Ложи работающей; но что мы, напротивъ того, вѣрно будемъ держаться актовъ 3-хъ степеней и книги законовъ, вами, высокопочтенный и высокопросвѣщенный братъ Беберъ, подписанныхъ, запечатанныхъ и печатью Директоральной Ложи скрѣпленныхъ, покуда законы сіи не будутъ касаться до локальныхъ отношеній, которые всегда всякою Іоанновскою ложею по особеннымъ ея обстоятельствамъ учреждаемы быть могутъ и покуда высокопочт. Дир. Ложа будетъ оказывать уваженія и справедливости ложѣ Петра къ Правдѣ. Что же принадлежитъ до предметовъ увѣренія и ученаго изслѣдованія, то повторю еще разъ, что я никому не хочу навязывать своихъ

¹⁾ Въсто этого слова извѣстный четвероугольникъ.

убѣжденій и удостовѣреній Ложки, къ коей я принадлежу, но требую равномѣрно, какъ старый св. Каменьщикъ 3-й степени и какъ Мастеръ Стула, для себя и для членовъ Ложки моей, чтобъ и всякій другой человекъ и каменьщикъ съ толпкою же терпимостію и со мною обходился. Въ сдѣланіе же разговора, который я недавно съ вами, высокопочтенный братъ, имѣлъ, объявляю и откровенно какъ св. Каменьщикъ, что я никакому члену Ложки моей не воспрепечую говорить истину, въ рѣчахъ, съ должною благоприсойностію излагаемыхъ, хотя бы онъ касался до масонскихъ событій и мнѣній.

Если же покажется предразсудительно дать право сіе мнѣ и членамъ Ложки Петра къ Правдѣ, если вышеказанное принято будетъ противно намѣренію моему, или же если вздумали бы забыть должную терпимость къ чужимъ мыслямъ и увѣреніямъ, то я нисколько не остановлюсь сіе настоящее объявленіе столь же неукоснительно предъявить правительству, какъ вамъ и всѣмъ высокопроставленнымъ членамъ Капитула, даже оно напечатать и болѣе распространить со всѣми нужными ссылками и доказательствами, сообщать почастію каждому брату мастеру, мнѣ знакомому или пожелавшему оно читать.

Боръ Эдлензентъ.

16-го іюля 1814 года.

Этотъ документъ представляетъ исходную точку того раздѣленія, которое привело къ учрежденію двухъ Великихъ Ложъ. Въдѣлствіе несогласій, возникшихъ по поводу новаго взгляда, Бѣберъ сложилъ съ себя званіе гроемейстера Директоріальной Ложки, новый выбранный гроемейстеръ, графъ Шуваловъ, не принялъ на себя этой должности, и наконецъ выбранъ былъ новый великій мастеръ, графъ В. В. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ. При немъ вопросъ разрѣшился.

Мы не имѣемъ пока подробностей этого дѣла, и не встрѣтили ихъ въ официальныхъ масонскихъ матеріалахъ Московскаго Музея, — но, вѣроятно, нѣкоторые разъясненія найдутся въ обширной, еще не разобранной перепискѣ. Общій ходъ дѣла состоялъ въ томъ, что при новомъ гроемейстерѣ въ Директоріальной Ложѣ постановлена была полная тер-

пимость къ существующимъ и принятымъ масонскимъ системамъ. На этомъ основаніи Эдлензентъ открыто ввелъ въ своей ложѣ защищаемую имъ систему трехъ степеней, и за нимъ послѣдовали Ложки Иаиды, въ Ревель, и Нептуна, въ Кронштадтѣ. Этотъ успѣхъ новой системы долженъ былъ еще увеличить столкновеніе между нею и вѣдѣльцами высшихъ степеней, такъ что, когда въ Іоанновъ день (24-го іюня) 1815 года приступлено было къ учрежденію для Директоріальной Ложки новаго устава (въ замѣну прежняго, неполнаго и утвержденаго только на годъ), оказалось совершенно невозможнымъ примирить притязанія двухъ партій. Кончилось тѣмъ, что Директоріальная Ложка была закрыта и ей мѣсто заняли, съ согласія правительства, двѣ равныя по правамъ и независимыя Великія Ложки: предложеніе объ основаніи двухъ Ложъ сдѣлано было Бѣберомъ.

Въ рукописяхъ Московскаго Музея [№ 1885] находятся, между прочимъ, писанные по-французски, протоколы Великой Директоріальной Ложки за послѣднее время ея существованія, и здѣсь мы встрѣчаемъ слѣды неустойчивости, происшедшаго тогда въ Ложкахъ. На первое время подверглось опасности самое существованіе Директоріальной Ложки. Изъ протоколовъ видно, что когда въдѣлствіе упомянутыхъ несогласій возникла мысль объ основаніи Астреи¹⁾, гр. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ объявилъ, 11 августа 1815 года, что Директоріальная Ложка должна считаться закрытой. „Братья“ высшихъ степеней, принадлежавшіе къ этой ложѣ, не хотѣли признать власти Мусина-Пушкина: „принимая во вниманіе, что закрытіе этой великой мастерской (atelier) можетъ быть постановлено только нашимъ августѣйшимъ государемъ, который ее уполномочилъ (а autorisé), и что Ложки, оставшіяся вѣрными обряду, который извѣстенъ этому великодушному императору, не могутъ выбирать болѣе совершеннаго устроителя (régulateur) ихъ трудовъ, чѣмъ эта масонская власть“, — братья рѣшили возобновить дѣятельность великой мастерской и выбрать должностныхъ лицъ. На это дать согласіе и высшій орденскій совѣтъ. На такомъ основаніи, старая Директоріальная Ложка была преобразована, и въ засѣданіи 10-го ноября 1815 года определенъ новый составъ властей Великой Директоріальной Ложки.

¹⁾ Она окончателъно была основана 30-го августа 1815 г.

Бёберъ дать полномочіе управлять работами собранія г-р. М. Ю. Вильгоровскому, и въ составъ управленія были выбраны слѣдующія лица: великій мастеръ новой Директоріальной Ложи—А. Жеребцовъ (не разъ упомянутый выше); 1-й и 2-й великіе наместные мастера—Вильгоровскій и Палева Шуваловъ; 1-й и 2-й великіе надзиратели—Корфъ и Сергій Ланской; великій канцлеръ—Буденброкъ; великій маршалъ—Станиславъ Потоцкій и пр. ¹⁾.

Составъ ложъ, принадлежавшихъ къ Астрей и Директоріальной Ложѣ, опредѣлился только къ концу 1815 года. Съ 1810 года, существовавши тогда ложи (кромя мартинистовъ) распредѣлялись, вообще, такимъ образомъ:

1810: ложа Соединенныхъ Друзей	Директ. Ложа Владимира:
— Палестины	— ложа Елизаветы
(франц. системы)	— Александра
	— Петра
	(швед. сист.).

Въ слѣдующіе годы, къ Директоріальной Ложѣ присоединились ложи французской системы и вновь возстановлены Изиды и Нептунъ, и она оставалась единственной высшей властью:

Директоріальная Ложа Владимира:

— ложа Елизаветы
— Александра
— Петра
1811—1812: — Соединенныхъ Друзей
— Палестины
1813—1814: — Изиды (въ Ревель)
— Нептуна (въ Кронштадтѣ).

Къ концу августа 1815-го года, или къ основанію Астреи, ложи распредѣлились слѣдующимъ образомъ между двумя новыми союзами:

Вел. Директ. Ложа:	Астрей:
(авг. 1815) ложа Елизаветы,	— ложа Петра,
— Александра	— Палестины
— Соед. Друзей	— Изиды (въ Ревель)
—	— Нептуна (въ Кронштадтѣ).

¹⁾ Въ этомъ собраніи присутствовали, кромѣ Вильгоровскаго, Корфа, Ланскаго, еще Оде-де-Сюль, Жевскій, Шупленниковъ, Евреиновъ, Прево-де-Люмлянъ, Арсеньевъ и другіе.

Но это положеніе удержалось недолго. Астрей стала брать перевѣсъ, и съ этого же года начала усиливаться отчасти новыми, ею самой основанными ложами, отчасти переходившими къ ней изъ союза Директоріальной Ложи. Такъ, въ сентябрѣ Астреи основала ложу Избраннаго Минхага, а въ октябрѣ къ ней присоединилась одна изъ старѣйшихъ петербургскихъ ложъ—Александра.

Взамѣнъ того, Директоріальная учреждала новыя ложи. Протоколомъ ея, отъ 10-го ноября 1815-го года, утверждена была ложа Пламѣнющей Звѣзды (de l'Etoile Flamboyante). Черезъ нѣсколько дней, 26-го ноября, постановлено было возобновленіе ложи Трехъ Коронованныхъ Мечей (von drei gekrönten Schwertern), въ Митавѣ. Въ тотъ же день Директоріальная Ложа дала свое согласіе на просьбу объ учрежденіи новой ложи Трехъ Добродѣтелей, въ Петербургѣ; инсталляція, т. е. официальное открытіе которой послѣдовала уже 11-го января 1816 года.

Прежде, чѣмъ излагать дальнѣйшія перевѣны въ составъ этого союза, остановимся на внутреннихъ дѣлахъ самой Директоріальной Ложи ¹⁾. Въ слѣдующемъ 1816-мъ году, 19-го мая, происходили, въ присутствіи Бёбера, новые выборы должностныхъ лицъ. Великимъ мастеромъ Директоріальной Ложи вновь былъ избранъ Жеребцовъ; 1-й и 2-й великіе наместные мастера были Вильгоровскій и Николай Бороздинъ; 1-й и 2-й великіе надзиратели—Ревель и Арсеньевъ; великій канцлеръ—Буденброкъ; великій маршалъ—Жевскій и проч. Но за отсутствіемъ Жеребцова, находившагося въ Митавѣ, дѣла лежали на Вильгоровскомъ.

Однимъ изъ первыхъ вопросовъ представлялся для Директоріальной Ложи вопросъ объ отношеніяхъ ея къ Астрей. Въ собраніи 2-го августа 1816-го года, читано было письмо Жеребцова изъ Митавы. Онъ желалъ, во-первыхъ, чтобы Директоріальная Ложа вступила въ дружественныя отношенія съ Великой Ложей Астреей, признанной правительствомъ; во-вторыхъ, чтобы назначенъ былъ одинъ „братъ“ для предварительныхъ переговоровъ съ г-р. Мусиньмъ-Пушкинымъ.

¹⁾ См. упомянутые французскіе протоколы Вел. Директ. Ложи [Муз. № 1885]. Они ведены были великимъ секретаремъ, мѣсто котораго занималъ тогда Дальмась (Dalmas), актеръ французскаго театра и отчасти литераторъ.

кинымъ,—*afin d'éviter toute fausse dépêche*; и въ-третьихъ, чтобы „посланы были протоколы Директоріальной Ложки министру (т.-е. министру полиціи, Вязмитинову), такъ какъ эта формальность не была исполнена съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣзжалъ изъ нашего востока“. Первое изъ этихъ предположеній принято было 16-ю голосами противъ 5-ти, и Бѣберъ, бывшій въ собраніи, первый подагъ голосъ за союзъ съ Астреей. По второму, выбранъ былъ тайной баглотировкой Оде-де-Сіонъ, которому самымъ настоятельнымъ образомъ поручено было, въ сношеніяхъ съ г-р. Мусинимъ-Пушкинымъ, ничѣмъ не компрометтировать достоинства Директоріальной Ложки ¹⁾.

Въ слѣдующемъ собраніи, 8-го августа, не было ни Жеребова, ни Вельгорскаго, котораго не было, кажется, въ Петербургѣ. Оде-де-Сіонъ имѣлъ разговоръ съ Мусинимъ-Пушкинымъ и заявилъ, что сообщеніе Директоріальной Ложки, если будетъ слѣзано, принято будетъ Астреей съ искреннимъ братскимъ чувствомъ, и что Пушкинъ увѣренъ, что Астрея заключитъ этотъ союзъ. При этомъ С. Ланской объявилъ отъ имени Ложки Елизаветы, что она желаетъ дождаться Вельгорскаго, которому она дала свое довѣріе, для того, чтобы высказаться относительно союза съ Астреей. Сомнѣніе этой Ложки заключалось въ томъ, что „это сближеніе съ братьями, которые разъ уже насъ покинули и приняли другія системы, т.-е. другія дорожки, требуетъ самыхъ глубокихъ размышленій“. По мнѣнію Оде-де-Сіона, достоинство Директоріальной Ложки не дозволяло обращаться вниманіе на это заявленіе, и Директоріальная Ложка должна исполнить сама свое постановленіе. Это и было принято большинствомъ.

Кромѣ Ложки Елизаветы, предубѣжденіе противъ союза съ Астреей обнаружилось и въ Ложѣ Соединенныхъ Друзей. Четверо изъ ея „братьевъ“ возстали противъ рѣшенія Директоріальной Ложки, вычеркнули свои имена изъ списка Ложки и перешли въ т. Елизаветы, которая приняла ихъ. Директоріальная Ложка нашла нужнымъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости; она постановила (25-го августа) наказать

¹⁾ „Au nom de l'honneur de ne rien faire et de ne rien dire dans l'intérêt qu'il doit avoir avec le t. (frère) Ponschkin, qui puisse compromettre la dignité de la Grande Loge Dir.“.

протестовавшихъ исключеніемъ изъ всѣхъ, управляемыхъ ею Ложъ, одного—на шесть мѣсяцевъ, остальныхъ на три мѣсяца.

Между тѣмъ прѣбывалъ Жеребцовъ. Въ собраніи 5-го сентября онъ объявилъ отъ имени Ложки Соединенныхъ Друзей, что она забываетъ проступокъ упомянутыхъ братьевъ и что ея достоинство удовлетворено постановленіемъ Директоріальной Ложки; на этомъ основаніи братьямъ дана была амнистія. Жеребцовъ сообщилъ Вязмитинову свѣдѣніи о Директоріальной Ложѣ, чего не дѣлалъ Вельгорскій около года,—и предложилъ написать Вязмитинову благодарственное письмо за его вниманіе къ ордену....

Сентября 19-го, происходило, подъ пресѣдательствомъ Жеребова, экстраординарное собраніе. Великій мастеръ говорилъ рѣчь, въ заключеніе которой великіе наизартели, по его приказанію, объявили „братьямъ“, что Директоріальная Ложка Владимира закрывается, и что ее замѣняетъ Великая Провинціальная Ложка. Въѣсть съ тѣмъ, установлены были основанія союза съ Астреей и подчиненными ей Ложамъ. Затѣмъ учреждена была (24-го октября) коммиссія изъ мастеровъ Ложъ, подъ пресѣдательствомъ Жеребова, для пересмотра (прежде дѣйствовавшей) устава Великой Ложки, и 4-го ноября 1816-го года происходило собраніе всѣхъ Ложъ для торжественнаго открытія или инсталляціи управляющей Великой Провинціальной Ложки. Пресѣдателемъ этого торжественнаго собранія былъ г-р. Станиславъ Потолкій (министръ народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, просмейстеръ польскаго Востока), какъ представитель верховнаго орденскаго совѣта; присутствовали также и члены Ложъ союза Астреи, напр., члены Ложъ Петра, Палестины, Михаила Избраннаго и Александра.

Въ собраніи 14-го декабря, снова явился вопросъ о сношеніяхъ съ Вязмитиновымъ. Жеребцовъ опять не было, и съ министромъ видѣлся Вельгорскій. Вслѣдствіе этихъ разговоровъ, Вельгорскій объявилъ „братьямъ“, что отнынѣ Ложки должны сообщать ему, какъ великому наместному мастеру,—для представленія министру,—въ теченіе 24-хъ часовъ имя и фамилію, возрастъ, мѣсто рожденія, занятія и мѣсто жительства каждаго вновь принимаемаго члена; кромѣ того, ежемѣсячно доставлять ему отчетъ о всѣхъ

работах ложи, съ краткимъ изложеньемъ говоримыхъ рѣчей и т. п., — для представленія начальству.

Въ протоколѣ Великой Провинціальной Ложки 13 января 1817 года (или по масонскому лѣтосчисленію 5816 года, 13 дня XI мѣсяца) записано, что Великая Ложа Астрей выразила желаніе, чтобы для утвержденія ихъ дружественныхъ связей Провинціальная Ложа назначила съ своей стороны уполномоченнаго, чтобы установить основаніи договора и опредѣлить взаимныя права и обязанности обѣихъ ложекъ. Полномочіе дано было Провинціальной Ложей Вельгортскому. Въ результатъ этого явился формальный „Актъ взаимныхъ отношеній двухъ Великихъ Ложъ на Востокъ С.-Петербурга“, заключенный 1817-го года 12-го декабря обѣими ложами, въ лицѣ своихъ великихъ мастеровъ, великихъ чиновниковъ, великихъ офицаловъ и членовъ. Рум. Муз. № 1890.

Такъ волею, наконецъ, согласіе. Договоръ быть необходимъ, потому что въ отношеніяхъ Ложъ легко могли явиться поводы къ несогласію. Провинціальная Ложа, вообще, отставала отъ Астрей, и вскорѣ различныя ложи начали дезертировать изъ первой во вторую.

Съ 1816-го года, составъ союза Провинціальной Ложки является въ слѣдующемъ видѣ. Въ концѣ этого года, 24-го октября, утверждена была просьба объ основаніи новой ложи — Трехъ Святыхъ, которая и была инсталлирована 4-го декабря. Въ томъ же октябрѣ принята, условно, просьба объ основаніи новой ложи — Трехъ Свирь (Trois Masses d'astres) въ Ревель. Но 11-го декабря уже началось дѣло о двухъ ложахъ, которые отдѣлились отъ союза Провинціальной Ложки: это были Л. Соединенныхъ Друзей и Памѣнтой Звѣзды, которые въ началѣ слѣдующаго года и были приняты въ Астрю. Ревельская ложа Трехъ Свирь также оказалась въ союзѣ Астрей. Ложа Трехъ Коронованныхъ Мечей, въ Митавѣ, не получила разрѣшенія отъ орденовато генералъ-губернатора Паулуччи.

Въ 1817-мъ, взаимныя отпавшихъ, основались новыя ложи: въ мартъ этого года утверждены просьбы объ основаніи Л. Дубовой Долины и Л. Сѣверныхъ Друзей, въ Петербургѣ; началось дѣло объ учрежденіи Л. Сѣверной Звѣзды, въ Вологдѣ. Съ 24-го ноября заявлено было объ

основаніи Л. Нищихъ Маннъ, въ Москвѣ, которая и была инсталлирована въ концѣ года. Въ томъ же ноябрѣ началось дѣло объ учрежденіи Л. Эвксинскаго Понта, въ Одессѣ.

Но въ слѣдующемъ, 1818-мъ году, уже началось дѣло объ отходѣ Л. Сѣверныхъ Друзей, которая и была принята въ Астрю. Въ томъ же году или еще въ 1817-мъ, перешла въ Астрю и митавская ложа Трехъ Коронованныхъ Мечей. Въ декабрѣ 1818-го года, открыта была, впрочемъ, новая ложа — Орфей.

Въ 1819-мъ году заявлено было желаніе основать Ложу Новыхъ Возжженныхъ Святыхъ у Трехъ Колоннъ, въ Нижнемъ Новгородѣ, — о которой не знаемъ, была ли она открыта.

Въ 1820-мъ году упрямлена была, давно утвержденная, но совсѣмъ не открывавшаяся, вологодская ложа Сѣверной Звѣзды.

Мы остановимся теперь на отдѣльныхъ ложахъ, и соберемъ нѣкоторые указанія объ ихъ вышней судьбѣ, а также о тѣхъ историческихъ матеріалахъ, въ которыхъ болѣе или менѣе сохранились подробности ихъ дѣйствій.

1. Ложа Соединенныхъ Друзей (Les Amis Réunis). Основана была 10 іюня 1802-го года, по французской системѣ, которая была вывезена изъ Франціи Жеребцовымъ. Въ 1810-мъ году, когда документы ложъ провѣрялись министромъ полиціи и особымъ комитетомъ, эта ложа состояла подъ управленіемъ Жеребцова, независимо отъ Директоріальной Ложки; въ 1811-мъ или 1812-мъ году приступила къ этой послѣдней.

Рѣчи, говоренныя въ этой ложѣ, на французскомъ языкѣ, въ 1810—1811-мъ годахъ, находятся въ рукописяхъ Московскаго Музея [№ 1969]. Въ той же коллекціи, въ связиъ печатныхъ масонскихъ листовъ, встрѣтилось намъ изданіе французскихъ пѣсенъ этой ложи: „*Nymphes et Sauteurs pour la R. Loge Des Amis Réunis à l'O. de St.-Petersbourg. A Jerusalem. L'an 5810 de L. v. L. (de la vraie lumière)*“. 56 стр. ноть со словами ¹⁾.

¹⁾ Всего помѣщено три пьесы: № 1, *Paroles du F. Pouschkin, musique de F. Boieldieu.* — На ч.

Amitté sainte et fraternelle.
Présent des cœurs, vient nous unir etc.

Съ 11-го декабря 1816-го, началось дѣло объ отпаденіи Соединенныхъ Друзей отъ Провинціальной Ложки. Просьба о принятіи въ союзъ Астрей поступила 28-го февраля 1817-го года. Въ союзъ Астреи Соединенные Друзья оставались до конца существованія масонскихъ ложъ.

Ритуалъ мастерской степени этой тожки (на русскомъ языкѣ), отъ того времени, когда эта ложка принадлежала къ Астрѣ, находится въ рукописи Публичной Библіотеки (Q. III. № 30, на 39 лист.).

Въ 1816—17-мъ году, когда шло дѣло о переходѣ Соед. Друзей въ Астрѣю, мастеромъ въ этой ложѣ былъ Жеребцовъ; 1-мъ и 2-мъ наместными мастерами—Оде-де-Сюнь и Павелъ Арсеньевъ; 1-мъ надзирателемъ Прево-де-Люмیانъ и пр.

2. Палестины. Основана до 1810-го года (кажется, 4-го марта 1809) по той же французской системѣ ¹⁾. Въ 1810-мъ году управляетъ ею Вильгорскій. Въ 1811-мъ или 1812-мъ году она присоединилась къ Директоріальной ложѣ Влاديمіра, но въ 1814—15-мъ году, когда начался споръ о высшихъ степеняхъ, она держалась новаго взгляда и при учрежденіи двухъ великихъ ложъ, вступила въ Астрѣю.

Ръчи, говоренныя въ этой ложѣ въ 1810—11-мъ году, на французскомъ языкѣ, находятся въ рукописи Моск. Музея [№ 1970]. Выше мы упоминали печатное изданіе этой ложки: „Sanctus“, со словами Мессанса и музыкой Бодльвѣ.

3. Александра (Alexander zur Miltthigkeit des geistigen Reikens). Основана была въ 1805-мъ году по шведской системѣ нѣсколькими старыми масонами, и названіе ея взято было отъ одной прежней ложки этого имени. Въмѣсть сѣ, происшедшими отъ нея ложками Петра и Елизаветы, эта

№ 2. Слова Дальмаса, муз. Кавоса (здесь опять вставлена пѣсня: *Pour la santé du v. (т.-е. vénérable, мастера), ratons du F. Ponselkin*).
№ 3. Слова Пушкина, музыка Кавоса, начин.
Servit, adoret sa Patrie

C'est le devoir d'un bon shoon и пр.

Этотъ братъ Пушкинъ былъ, вѣроятно, известный Василій Львовичъ, принятый въ ложу Соединенныхъ Друзей въ 1810 году. Ср. Е ш е в с каго, Сочинен., т. III, стр. 410—412, прим.

¹⁾ По одному пригласительному циркуляру, ложка Палестины должна была 4-го марта 1820 г. праздновать 11-ю годовщину своего основанія (въ бумагахъ Н. И. Кусова, сообщенныхъ Е. И. Ламанскимъ).

три „соединенныя ложки“ находились подъ управленіемъ Директоріальной Ложки Влاديمіра, великимъ мастеромъ которой былъ Беберъ. Въ 1810-мъ году ею управляетъ Розенштраухъ. Протоколы этой ложки съ 15-го сентября 1810-го до первыхъ мѣсяцевъ 1811-го, находятся въ рукописи Московскаго Музея, вмѣсть съ протоколами ложъ Петра и Елизаветы [№ 1884].

При основаніи новыхъ Великихъ Ложъ, т. Александра въ октябрѣ 1815-го перешла къ Астрѣ.

4. Петра къ Истинѣ (*Pierre à la Vérité, Peter zur Wahrheit*). Произшла, до 1810-го года, отъ ложки Александра къ Коронованному Пеликану; работала по шведской системѣ и въ числѣ „соединенныхъ ложъ“ была подъ управленіемъ Директоріальной Ложки. Въ 1810-мъ году мастеромъ стула былъ въ ней Элизенъ. Нѣмецкіе протоколы первыхъ мѣсяцевъ 1811-го года (съ 7-го января) находятся въ рукописи Музея [№ 1884].

При основаніи Великихъ Ложъ, эта ложка на первомъ планѣ вступила къ Астрѣ.

5. Елизаветы къ Добродѣтели. Произшла до 1810-го года (кажется, 1-го юня 1809) отъ ложки Александра; работала по шведской системѣ и была въ числѣ „соединенныхъ ложъ“. Съ 1809-го года по 14-е юня 1811-го года, мастеромъ стула былъ въ ней старый масонъ Ал. Серг. Сергѣевъ; наместнымъ мастеромъ—также старый масонъ Де-лотъ Дан. Синицынъ.

Эта ложка оставалась всегда въ союзѣ сначала Директоріальной, потомъ Великой Провинціальной Ложки.

Въ 1816—17-мъ году мастеръ стула былъ въ ней Вильгорскій, наместный мастеръ—Сергѣй Ланской, 1-й надзиратель—Корсаковъ и проч.

Въ 1818-мъ году, мастеръ стула—С. Ланской; наместный мастеръ—Андрей Римскій-Корсаковъ; 1-й и 2-й надзиратели—Романъ Шулепниковъ и Петръ Кайсаровъ, и пр.

Въ tableau 1819—20-го года названы: мастеръ—С. Ланской; наместный мастеръ—Шулепниковъ; 1-й надзиратель—П. Кайсаровъ и проч.

Относительно этой ложки въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ находится большое количество историческаго матеріала, именно:

а) Уставъ этой ложи, 1817 года [Муз. № 1916] и „Дождности мастера ложи, намѣстнаго мастера, обоихъ надзирателей и офицеровъ совершенной и справедливой ложи св. Іоанна, подъ названіемъ Елизаветы къ Добродѣтели“, подпис. великимъ провинціальнымъ мастеромъ Мих. Велегурскимъ (Віельгорскимъ), вел. канцлеромъ гр. Грив. Чернышевымъ и т. д. и, наконецъ, великимъ мастеромъ (въротно, ложи) С. Ланскимъ, въ Публ. Библіотекѣ (Ф. Ш. № 19).

б) Протоколы, на русскомъ языкѣ, съ 12 сент. 1810-го до начала 1811 [Муз. № 1884]. Затѣмъ, почти полные протоколы работъ ученической, товарищеской и мастерской степеней, съ 1811-го до 1822-го года [Муз. № 1917—1923]. Также черновые протоколы, протоколы хозяйственнаго комитета, подписи членовъ, посѣщавшихъ ложу, 1817—1822 годовъ и проч. [Муз. № 1926—1928].

с) Дѣла ложи 1811—1822 годовъ [Муз. № 1929—1932]. Приходо-расходныя книги, журналы входящихъ и исходящихъ бумагъ, списки членовъ и проч. [Муз. № 1933—1935]. Рѣчи, говоренныя въ ложѣ Елизаветы, въ 1810—22 гг. Протопоповымъ, Ланскимъ и другими [Муз. № 1969]. Рѣчи, пис. І. А. (т.-е. Поздвевымъ) для произнесения гр. М. Ю. В. (Віельгорскимъ) въ ложѣ Елизаветы при вступленіи его въ должность м. с. (мастера стула) апрѣля 3-го 1815, находится въ записной книжкѣ С. Ланского (Муз. № 855, лист. 20—21).

е) Сборникъ переписки по ложѣ Елизаветы: письма къ Левентагену и др., 1811—1814 года. Между прочими, находится здѣсь письма Эдлизена, Егора Кушелева и проч. [Муз. № 868].

6. Пламенѣющей Звѣзды (de l'Étoile Flamboyante, Zum flammenden Stern). Протоколы Вел. Директоріальной Ложи объ ея учрежденіи, 10-го ноября 1815-го года [Муз. № 1885]. Въ 1816-мъ году мастеръ стула былъ въ ней бар. Корфъ; намѣстный мастеръ—Буденброкъ и проч. Съ 11-го декабря 1816 уже начинается дѣло объ отпаденіи Пламенѣющей Звѣзды отъ Вел. Провинціальной Ложи; просьба о принятіи въ Астреху поступила 3-го марта 1817. Астрехъ тогда же приняла ее, на что послѣдовало и согласіе министра полиціи Вязмитинова.

7. Трехъ Добродѣтелей (Trois Vertus). Утвержденіе на основаніи этой ложи дано было Директор. Ложей

братѣмъ Ржевскому, Павлу Ланскому, Павлу Лопухину, Сергѣю Волконскому и др., которые всѣ были члены ложъ и желали основать новую ложу. Это утвержденіе состоялось 26-го ноября 1815. Инсталляція новой ложи происходила 11-го января 1816: кромѣ должностныхъ лицъ Директоріальной Ложи, при этомъ присутствовали члены ложъ: Елизаветы, Соед. Друзей и Пламенѣющей Звѣзды. Мастеромъ стула Трехъ Добродѣтелей назначенъ былъ Ржевскій, надзирателями Лопухинъ и Волконскій; потомъ (въ мѣзъ 1816, при повѣркѣ выборовъ) мастеромъ былъ опять выбранъ Ржевскій; намѣстнымъ мастеромъ—Павелъ Ланской, надзирателями—Лопухинъ и Мих. Ланской.

Эта ложа осталась до конца въ союзѣ Великой Провинціальной Ложи, и въ масонскомъ архивѣ Московскаго Музея сохранились отъ нея слѣдующіе документы:

а) Уставъ [Муз. № 1936].

б) Протоколы засѣданій 1815—20 годовъ, на французскомъ и русскомъ языкахъ [№ 1937].

с) Входящія и исходящія бумаги, дѣла 1816—1822 годовъ [Муз. № 1938—1941], и списки членовъ 1815—19 годовъ [Муз. № 1941].

8. Трехъ коронованныхъ Мечей (Zu den drei gekrönten Schwertern, Trois Épées Couronnées), въ Митавѣ. Возобновленіе этой ложи, существовавшей въ Митавѣ въ прошломъ столѣтіи и прекратившей работы уже 22 года, постановлено было Директоріальной Ложей 26 ноября 1815-го, подъ предѣлительствомъ Віельгорскаго. Дѣло началось тѣмъ, что нѣсколько масоновъ, въ томъ числѣ и бывшихъ членовъ старой митавской ложи, собрались (въ Митавѣ) подъ предѣлительствомъ Жеребцова и просили о возобновленіи ложи подъ прежнимъ ея названіемъ и по статутамъ Директоріальной Ложи.

Существованіе этой ложи было, однако, очень затруднительное. Генералъ-губернаторъ остзейскихъ провинцій, маркизъ Паулуччи, закрыть эту ложу (основанную во время его отъѣзда въ Италію) по своему возвращенію въ край, и его мѣра удостоилась высочайшаго одобренія¹⁾. Въ мартѣ 1817-го, Жеребцовъ, въ письмѣ къ Віельгорскому изъ Ми-

¹⁾ Богдановичъ. Ист. Алекс. I, т. VI, стр. 408—409.

тавы, выражаетъ, между прочимъ, сожалѣніе, что эта революционная ложа, состоящая въ союзѣ Провинціальной Ложи и которой онъ считаетъ себя членомъ, была и зглажена изъ союза безъ всякаго извѣщенія,—потому что хотя маркизъ Паулуччи и не далъ ей разрѣшенія, но это не должно было исключать ея изъ памяти Великой Провинціальной Ложи.

Въроятно, въслѣдствіе этихъ послѣднихъ недоразумѣній и неудовольствій, въ слѣдующемъ 1818-мъ году, а можетъ быть еще и раньше, ложа Трехъ коронованныхъ Мечей перешла уже въ союзъ Астреи.

9. Трехъ Сѣкирь (*Zu den drei Steichhamern, Trois masses d'armes*) въ Ревелѣ. Въ 1816-мъ году, 24 октября, принята была Вел. Провинціальной Ложей просьба нѣсколькихъ братьевъ изъ Ревеля объ основаніи новой ложи; но принята съ условіемъ, если братья примутъ ритуальъ Провинціальной Ложи. Но, или братья не приняли этихъ ритуаловъ, или произошли другія недоразумѣнія, и ложа Трехъ Сѣкирь къ іаннову дню 1817-го года является въ союзѣ Астреи.

10. Трехъ Сѣтиль (*Trois Flambeaux*). Въ протоколѣ Вел. Провинціальной Ложи, того же 24 октября 1816-го, записано, что нѣсколько братьевъ просили объ основаніи новой ложи подъ этимъ названіемъ, и что рѣшено было приготовить для нихъ конституцію и зачислить новую ложу въ союзъ подъ № 6. Инсталляция происходила 4 декабря 1816-го. Мастеромъ стула назначенъ Евреиновъ; наместнымъ мастеромъ — Дм. Зубовъ; 1-мъ и 2-мъ надзирателями — Петровъ и Рубецъ.

11. Сѣверной Звѣзды, въ Вологдѣ. Дѣло объ ея основаніи началось 26 февраля 1817-го (см. Дѣла Провинц. Ложи). Затѣмъ, намъ встрѣтился слѣдъ этой предполагаемой ложи въ бумагахъ Астреи; это — бумага, писанная въ Астрею отъ братьевъ имѣющей учредить ложи Сѣверной Звѣзды на востокъ Вологды, съ благодарностью за присылку *Code des Lois* Астреи и съ просьбой о руковоленіи: бумага (отъ 19 окт. 1817) подписана избраннымъ для управленія будущей ложей мастеромъ Алексѣемъ Волоцкимъ. Но съ января 1820-го явился уже вопросъ о закрытіи ея, и 29 мая 1820-го Великая Провинціальная Ложа упразднила эту вологодскую ложу — „по причинѣ непроизводства въ оной работъ со времени ея учрежденія“. (См. Дѣла Пров. Ложи).

12. Сѣверныхъ Друзей (*Les Amis du Nord*). Эта ложа основана была въслѣдствіе отпаденія Соединенныхъ Друзей отъ Провинціальной Ложи, и должна была замѣнить отпавшую ложу, какъ слѣдующая дальше ложа Дубовой Долины должна была замѣнить отпавшую тогда же Пламѣнющую Звѣзду. Дѣло объ учрежденіи л. Сѣверныхъ Друзей и Дубовой Долины началось 5 марта 1817-го, и въ Дѣлахъ Провинціальной Ложи сохранился докладъ Вильгортскаго Вязмитинову обо всемъ этомъ дѣлѣ, съ просьбой испросить разрѣшеніе государя на то, чтобы оставшіеся члены обѣихъ отошедшихъ въ Астрею ложъ могли продолжать свои труды по прежнему подъ управленіемъ Великой Провинціальной Ложи, — и удовлетвореніемъ этой просьбы „доказать намъ, что союзъ подъ Провинціальную Ложею пользуется равными съ великою ложею Астрею преимуществами, и что въ глазахъ правительства члены сего союза на счету самыхъ вѣрныхъ русскихъ подданныхъ, преданныхъ своему государю, любящихъ отечество и спокойныхъ гражданъ, занимающихся масонствомъ, яко приятнымъ и полезнымъ для ума и сердца упражненіемъ, утверждающимъ насъ, во всѣхъ нашихъ обязанностяхъ, въ разсужденіи гражданскою и духовною власти въ имперіи Россійской“. (Дѣла 1818-го г.). Ложа Сѣверныхъ Друзей учреждена была для французскаго языка.

Но и эта ложа не долго оставалась вѣрна своему союзу. Съ 1 іюня 1818-го г. начинается дѣло о переходѣ ея въ Астрею, гдѣ она и показана уже въ спискахъ на 1818—19 годъ.

13. Дубовой Долины. Мы говорили сейчасть о переходѣ къ ея основанію: просьба объ ея учрежденіи представлена была семью членами Пламѣнющей Звѣзды (между прочимъ, Утехомъ, Герландомъ и др.), которые не хотѣли переходить въ Астрею съ своей отпавшей ложей. (Дѣла 1817 года).

Эта ложа работала на нѣмецкомъ языкѣ и оставалась до конца въ союзѣ Провинціальной Ложи.

14. Ищущихъ Манны (*Chercheurs de la Manne*), въ Москвѣ. Дѣло объ учрежденіи ея началось съ 24 ноября 1817; инсталляция происходила 7 декабря того же года (Дѣла Пров. Ложи, Муз. [№ 1893]). Ръчи, говоренныя въ этой ложѣ въ 1818-мъ г., въ рукописи Музея [№ 1970].

Въ списокъ членовъ этой ложи за 1819—20 г. названы: мастеръ стула — Серг. Павл. фонъ-Визинъ; наместный мастеръ — Курбатовъ; 1-й надзиратель — Камнинъ; риторъ — Алексѣй Ос. Поздѣвъ; 1-й стюартъ — Василій Льв. Пушкинъ (названный членомъ ложи Елизаветы). Въ числѣ почетныхъ членовъ — А. И. Дмитриевъ-Мамоновъ (гус. ротмистръ, 2-й великій надзиратель Вел. Провинц. Ложи и наместный мастеръ л. Трехъ Добродѣтелей). Впрочемъ къ этой ложѣ относятся предположенія, высказанныя въ перепискѣ Ланского и Вельторскаго объ устройствѣ въ Москвѣ масонскаго кружка изъ лицъ, живущихъ въ Москвѣ и принадлежащихъ къ петербургской ложѣ Елизаветы, — между ними было и нѣсколько мастеровъ, и изъ числа ихъ преимуществу отдавалось Дмитриеву-Мамонову.

15. Эвксинскаго Понта, въ Одессѣ. Дѣло объ учрежденіи этой ложи началось того же 24 ноября 1817 [Муз. № 1893]. Ритуаль ея, на нѣмецкомъ языкѣ, въ рукописяхъ Музея [№ 1989].

16. Орфей. Дѣло объ основаніи ложи этого имени, для работъ на французскомъ языкѣ, началось съ 1 декабря 1818-го года; инсталляція ложи 8-го того же декабря, причемъ она записана въ списокъ ложъ за № 9. При учрежденіи ложи назначены въ ней: мастеръ стула — гр. Ив. Чернышевъ, л. тайн. сов.; наместный мастеръ — А. П. Римский-Корсаковъ; 1-й и 2-й надзиратели — А. П. Мансуровъ и Ив. Г. Кругликовъ.

Отъ этой ложи сохранилось значительное количество документовъ:

а) Уставъ, *Lois pour la loge d'Orphée*, 1818 года [Муз. № 1942].

б) Протоколы ученической, товарищеской и мастерской степени и подписи членовъ, за 1818—22 г. на французскомъ языкѣ [Муз. № 1943—1944]. Дѣла, журналы входящихъ и исходящихъ бумагъ, списки членовъ, за 1818—22 г. [Муз. № 1945].

в) Рѣчи, говоренныя въ этой ложѣ въ 1818—19 г., черновыя и бѣловыя [Муз. № 1969, 1972—73].

г) Ритуаль этой ложи, на французскомъ языкѣ, въ трехъ книгахъ [Муз. № 1987].

17. Вновь Вознесеннаго Свѣтила у Трехъ Ко-

лоннъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Письмо нѣкоторыхъ братьевъ о дозволении имѣть ложу этого имени находится въ дѣлахъ Великой Провинц. Ложи, подъ 11 марта 1819 г.

Такъ какъ система Великой Провинціальной Ложи была система высшихъ степеней, то за обыкновенными такъ называемыми іоанновскими ложами слѣдовали еще ложи и собранія высшаго порядка. Такъ, въ союзѣ Провинціальной Ложи было нѣсколько такъ называемыхъ шотландскихъ ложъ св. Андрея, для масоновъ, имѣвшихъ высшія степени послѣ мастера. Это были: ложа Александра Златаго Льва и л. Сфинкса. Выше была еще упомянута шотландская ложа „подъ названіемъ св. Георгія“, которой оберъ-мейстеромъ былъ Беберъ.

Отъ первой сохранилось нѣсколько документовъ, именно: протоколы засѣданій 4-й и 5-й степени, 1817—20 годовъ, журналы входящихъ и исходящихъ бумагъ и списки членовъ [Муз. № 1949].

Отъ ложи Сфинкса остались списокъ членовъ [тамъ же]. Въ собраніи масонскихъ дипломовъ Московскаго Музея есть латинскій дипломъ, выданный отъ этой ложи Сфинкса (*fraternitas S-ti Andreae a munitientia ad Sphingem*) въ апрѣлѣ 1815-го, и гдѣ означены слѣдующіе чины: *l. magister modicus* (великій мастеръ) — Жеребцовъ; *magister legatus* (наместный мастеръ) — Корфъ; *primus* и *secundus invigilans* (кавалеры) (1-й и 2-й надзиратели) — Мельниковъ и Евреиновъ; *zatzmъ огатов*, *introduktor* (вводитель), *thesaurarius* (казначей), *titulum magister* (обрятоначальникъ), *administer primus* и *secundus* (хранители отара) и *secretarius*.

Въ 1818-мъ году, по представленію Римскаго-Корсакова въ верховный орденскій советъ (отъ 27 ноября), началось дѣло объ основаніи новой шотландской ложи въ Одессѣ, которая должна была называться ложей Трехъ царствъ природы (*des Trois Règnes de la nature*). Въ собраніи дипломовъ сохранилась черновая французскаго диплома, отъ имени президента и членовъ шотландской директоріи, на основаніе этой ложи Трехъ царствъ природы. Членами основателями ложи являются: А. Римскій-Корсаковъ, *du pombre de St. Jean*, Ланжеронъ и другіе — *du pombre des chevaliers d'Occident*, потомъ еще нѣсколько *maîtres écossais* и *freres élus*.

Для управления шотландскими ложами существовало особое собрание—Шотландская Директорія. Въ 1818-мъ году для директоріи утверждены были новые законы: проектъ этихъ законовъ, составленный въ верховномъ орденскомъ совѣтѣ, посланъ былъ въ директорію, и затѣмъ законъ подписанъ совѣтомъ 7 октября 1818-го.

Въ масонскомъ архивѣ Московскаго Музея находятся слѣдующіе документы, касающіеся шотландскихъ ложъ:

- а) Законы и статуты этихъ ложъ;
- б) Рѣчи, говоренныя въ нихъ;
- в) Ритуалы шотландскихъ ложъ, катехизисы, инструкции должностнымъ лицамъ,—4-й, 5-й и 6-й степени, рыцарей Востока и Іерусалима,—старого времени и новые.

Отъ шотландской директоріи сохранились слѣдующіе документы: а) Законы ея, въ двухъ экземплярахъ, правила для шотландской директоріи или матери-ложи св. Андрея; б) Дѣла и протоколы директоріи, за 1817—20 г. [Муз. № 1947]; бумаги по казначейству, кассовая книга, книга для записи сбора съ членовъ шотландскихъ ложъ, сборъ для бѣдныхъ [Муз. № 1948].

Вышшимъ учрежденіемъ шотландскаго масонства былъ Капитуль Феникса. Намъ не встрѣтилось свѣдѣній объ его прежнемъ составѣ. Въ 1817-мъ г., октября 5, произведены были новые выборы, по которымъ онъ является въ составѣ слѣдующихъ членовъ:

Префектъ—А. А. Жеребцовъ.	
Блюститель короны—Герландъ.	
лампалы—гр. Зубовъ.	
меча—Павелъ Ланской.	
наугольника—Евреиновъ.	
хоругви—Павелъ Ржевскій.	
шпору—Утехъ.	
1-й блюститель храма—Левенгагенъ.	
2-й " " —Шулепниковъ.	
Канцлеръ—гр. Чернышевъ.	

Затѣмъ назначены были еще два обрядоначальника, два герольда, секретарь и казначей.

За отсутствіемъ префекта, субпрефектомъ назначенъ былъ гр. Вельгоровскому, а въ случаѣ его отъѣзда править командиромъ Сергѣю Ланскому.

Протоколы и переписка капитула Феникса за 1817—19 гг. и списки членовъ его за 1818-й годъ находятся въ собраніи Музея [№ 1950].

Отдѣльно отъ капитула является еще Верховный орденскій Совѣтъ, о которомъ намъ встрѣтились свѣдѣнія опять только за послѣднее время, 1817—20 годы, хотя онъ упоминается и раньше. [Дѣла его въ Муз. № 1950].

Въ 1819-мъ году, въ высшемъ управленіи ордена является новое видоизмѣненіе. Въ протоколѣ верховнаго совѣта, отъ 3-го апрѣля этого года внесено слѣдующее извѣстіе: предсѣдатель совѣта (Видьгорскій) „послѣ подробнаго изъясненія всѣхъ обстоятельствъ, происшедшихъ въ союзѣ нашемъ и допустившихъ великія измѣненія въ орденскомъ правленіи“, объявилъ, что онъ, какъ командоръ, вмѣстѣ съ другими командоромъ, С. Ланскимъ, „возобновили древнее существовавшее высшее правленіе ордена и отнынѣ имѣть оно именоваться Верховною Директоріею, которая состоятъ будетъ единственно изъ командоровъ“. Братъ 8-й степени будутъ составлять совѣтъ капитула Феникса, какъ власть исполнительную, на что совѣтъ получить особый регламентъ. Предсѣдатель объявилъ, что нѣкоторые братья уже введены въ Верховную Директорію, другіе будутъ введены, но ихъ имена останутся неизвѣстными, а Верховная Директорія будетъ „вынуждена“ только въ двухъ нынѣ извѣстныхъ командорахъ, такъ какъ третій командоръ, Еques а Leone атматю (Бороздинъ), отсутствуетъ.

Это новое учрежденіе имѣло, кажется, въ виду сосредоточить управленіе орденомъ, какія обстоятельства вызвали эту перемѣну—остается пока неясно, но въ числѣ ихъ едва ли не были упомянуты нами постоянныя отпаденія ложъ, и наконецъ отпаденіе той ложи, которою управлялъ Жеребцовъ, и вмѣстѣ съ которой самъ великій мастеръ Провинціальной Ложи перешелъ, также въ Аустрию.

Жеребцовъ, повидимому, пользовался большимъ уваженіемъ въ союзѣ Провинціальной Ложи, какъ старшій масонъ, владѣвшій высокими степенями, и какъ одинъ изъ первыхъ возстановителей масонства при имп. Александрѣ. Несмотря на то, что онъ долго отсутствовалъ изъ Петербурга, его

продолжали выбирать въ великіе мастера и оставляли во главѣ управленія. Но наконецъ явились недоразумѣнія. Въ началѣ 1817-го года, произошло отпаденіе Соединенныхъ Друзей и переходъ ихъ въ Астреху. Причиной этого отпаденія былъ раздоръ по поводу упомянутого прежде Дальмаса, который подвергся обвиненію въ томъ, что продалъ за 300 рублей мастерскую стѣнень какому-то Смирнову, оказавшемуся членовѣкомъ недостойнымъ. Жеребцовъ, который былъ мастеромъ въ ложѣ Соединенныхъ Друзей, оправдалъ этого Дальмаса, — хотя обвиненіе было очень справедливо. Поэтому, когда отпаденіе совершилось, Визьгорскій, управлявшій за отсутствіемъ Жеребцова Провинціальной Ложей, обратился къ нему, въ письмѣ отъ 21 марта 1817, съ вопросомъ, желаетъ ли онъ остаться въ союзѣ Провинціальной Ложки и быть ея великимъ мастеромъ, или быть при ложѣ Соединенныхъ Друзей въ Астрехѣ, и тогда, следовательно, потѣрять званіе члена Провинціальной. Жеребцовъ отвѣчалъ изъ Митавы, отъ 27-го марта, что онъ слагаетъ съ себя званіе великаго мастера, по своему недостойнству, защищался, однако, что онъ имѣлъ право опровергать Дальмаса. Упомянуть о своемъ 14-лѣтнемъ управленіи молоткомъ (т.-е. управленіи въ качествѣ мастера), Жеребцовъ заявляетъ, что со дня закрытія имъ Соединенныхъ Друзей (въ союзѣ Провинціальной Ложки), онъ считаетъ себя членомъ митавской ложки Трехъ Коронованныхъ Мечей, состоящей въ союзѣ Провинціальной Ложки, — но выражаетъ при этомъ сожалѣніе, что эта ложка изглажена изъ союза, — потому что хотя она и не получила разрѣшенія отъ маркиза Паулуччи, это не должно было исключать ее изъ памяти Великой Провинци. Ложки, отъ которой она долго ждетъ отпѣта на свои вопросы. Такимъ образомъ Жеребцовъ привелъ формальное основаніе, по которому онъ продолжалъ оставаться въ союзѣ Провинци. Ложки, и вмѣстѣ дѣлалъ ей упрекъ въ несправедливости. Отказъ его, кажется, не былъ принятъ, потому что въ концѣ 1817 мы опять видимъ его во главѣ капитула Феникса. Но въ концѣ 1818, вопросъ возобновился (тѣмъ временемъ и ложка Трехъ Коронованныхъ Мечей перешла въ Астреху). Въ собраніи верховнаго орденакаго Совѣта, 7-го октября 1818, читана была копія письма Жеребцова, изъ Митавы, въ ложу Сѣверныхъ Дру-

зей, въ маѣ 1818, гдѣ онъ даетъ свое согласіе на переходъ и этой ложки въ союзъ Астреи. Такимъ образомъ всѣ ложки, гдѣ Жеребцовъ былъ членомъ, находились въ Астрехѣ, но по законамъ Провинціальной Ложки членомъ капитула и совѣта можно было быть только состоя дѣйствительнымъ членомъ въ одной изъ подвѣдомыхъ ей ложъ, и потому рѣшено было не считать больше Жеребцова ни членомъ Верховнаго Совѣта, ни преемдѣтелемъ капитула Феникса. Должность префекта рѣшено было заступить Визьгорскому. Въ засѣданіи 13-го ноября 1818-го года постановлено было, по случаю выхода Жеребцова, написать ему отъ имени Верховнаго Совѣта благодарственный адресъ за время нахожденія его въ союзѣ Великой Провинціальной Ложки.

Упомянемъ, наконецъ, о сохранившихся въ архивѣ документахъ самой Провинціальной Ложки. Эти документы следующие:

а) Подлинный уставъ В. Провинціальной Ложки, 17-го мая 1817-го года; Должности и права правительствующихъ лицъ, Іоанновскихъ ложъ; Акты взаимныхъ отношеній обѣихъ Великихъ Ложъ, 1817-го года [Муз. № 1888—1890].

б) Дѣла Великой Провинціальной Ложки, 1816—22 годовъ. Въ этихъ дѣлахъ находятся, между прочимъ, выписки изъ протоколовъ подвѣдомственныхъ ей ложъ, такъ что по нимъ можно слѣдить исторію также и тѣхъ ложъ, отъ которыхъ не сохранились подлинныя и полныя протоколы [Муз. № 1891—1899]. Журналы входящихъ и исходящихъ бумагъ, за 1816—22 г. [Муз. № 1900—1903]. Протоколы засѣданій Вел. Провинціальной Ложки, за 1817—22 г. [Муз. № 1904—1905]. Протоколы Совѣта Великой Провинціальной Ложки, за 1819—22 г. [Муз. № 1907].

в) Подписи членовъ, бывавшихъ въ собраніяхъ Ложки. Списки членовъ. Выписки изъ протоколовъ ложъ союза, составившіяся для представленія правительству. Дѣла казначейскія; экономическое постановленіе между іоанновскими ложами 12-го сентября 1819; положеніе и протоколы братской вспомогательной кассы [Муз. № 1906, 1909—1915].

г) Рѣчи, говоренныя въ Вел. Провинціальной Ложѣ Данскимъ и другими, за 1817—22 годы [Муз. № 1969].

Списки членовъ, находившихся въ этомъ масонскомъ архивѣ, даютъ возможность въ подробности видѣть, между прочимъ, и личный составъ масонскаго крута Великой Провинціальной Ложи. Мы уже называли многія лица изъ этого крута. Въ числѣ именъ, болѣе или менее извѣстныхъ и замѣчательныхъ, мы встрѣчаемъ здѣсь, между прочимъ, имена многихъ декабристовъ и также многихъ лицъ, извѣстныхъ въ послѣдствіи своею литературною или служебною дѣятельностью ¹⁾. Укажемъ нѣсколько примѣровъ.

Такъ, въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ ложи *Amis Réunis*, за 1816-й годъ находятся имена гвардіи офицеровъ: Петра Чадаева, Александра Грибоѣдова, Авраама Норова, генераль-майора Александра Бенкендорфа, гв. офицера Пестеля. Въ одномъ изъ списковъ Грибоѣдовъ означенъ 1-й степенью; Пестель и Чадаевъ—5-й степенью.

Нѣсколько извѣстныхъ именъ встрѣчаются въ ложѣ *Трехъ Добродѣтелей*. Въ подробномъ спискѣ этой ложи, съ 11-го января 1816 по 1-е ноября 1819, означены, между прочимъ, слѣдующіе лица съ указаніемъ ихъ масонскихъ прохожденій:

Князь Сергій Григ. Волконскій, генераль-майоръ, принятъ былъ въ орденъ въ 1812, въ ложѣ Соединенныхъ Друзей, въ Петербургѣ, былъ однимъ изъ учредителей ложи *Трехъ Добродѣтелей*; вторымъ надзирателемъ въ ней съ 16 янв. 1816 до 1 февр. 1817, и первымъ надзирателемъ съ 1 февр. 1817 до 14 іюня того же года.

Князь Илья Андр. Долгорукій, офицеръ гвардіи, принятъ былъ въ 1814, въ ложѣ Соединенныхъ Друзей, съ 11 января 1816 до 17 апрѣля 1817 былъ въ ложѣ *Трехъ Добродѣтелей* сначала секретаремъ, потомъ вторымъ стуартомъ и вторымъ надзирателемъ. Закрывъ работы съ 22 декабря 1818.

Князь Сергій Петр. Трубецкой, офицеръ гвардіи, принятъ 25 января 1816 въ ложѣ *Трехъ Добродѣтелей*, повышенъ во вторую степень 4 января 1817, и въ третью 8 февраля 1817, былъ въ этой ложѣ намѣстнымъ мастеромъ съ 19 августа 1818 до 28 апрѣля 1819, и затѣмъ состоялъ въ ней почетнымъ членомъ.

¹⁾ Ср. В. И. Семеновскій, Декабристы-масоны, въ журналѣ „Минувшіе годы“, 1908, № 2, 3 и 5—6 и его же, Политическія и общественыя идеи декабристовъ“, Спб. 1910, тл. III. Ред.

Князь Александръ Ипсиланти, генераль-майоръ, принятъ былъ въ 1810 году, въ ложѣ Палестины, присоединенъ къ 3-й степени 19 декабря 1816, и въ 1820 году не числился болѣе членомъ.

Матвій Иван. Муравьевъ-Апостоль, гвардіи офицеръ, принятъ въ ложѣ Соединенныхъ Друзей, повышенъ (въ ложѣ *Трехъ Добродѣтелей*) во вторую и третью степень 26 декабря 1816 и 11-го января 1817, затѣмъ былъ въ числѣ отсутствующихъ и 3 мая 1820 исключенъ.

Сергій Иван. Муравьевъ-Апостоль (род. въ Петербургѣ 28 сентября 1796), принятъ 2 января 1817 въ ложѣ *Трехъ Добродѣтелей*, повышенъ во вторую и третью степень 24 апрѣля и 10 іюня 1817 г. Съ 14 іюня того же года былъ обрядоначальникомъ этой ложи, и 22 декабря 1818 закрылъ работы.

Никита Михайловичъ Муравьевъ, гвардіи подпоручикъ (род. въ Петербургѣ 19 августа 1795), принятъ 30 января 1817 въ ложѣ *Трехъ Добродѣтелей*, повышенъ во вторую и третью степень 27 февраля и 12 апрѣля 1817, съ 14 іюня 1817 былъ риторомъ въ этой ложѣ и 22 декабря 1818 закрылъ работы.

Павелъ Ивановичъ Пестель, гвардіи офицеръ, присоединенъ къ третьей степени 6 февраля 1817, и въ 1820 не числился болѣе членомъ.

Александръ Николаевичъ Муравьевъ, полковникъ, принятъ въ ложѣ Елизаветы, съ 17 апрѣля 1817 былъ избранъ въ ложѣ *Трехъ Добродѣтелей* во вторые надзиратели; съ 14 іюня 1817 по августъ 1818 былъ намѣстнымъ мастеромъ; затѣмъ показанъ находившимся въ Москвѣ.

Петръ Иван. Колошинъ, гвардіи прапорщикъ (род. въ Костромѣ 11 октября 1795), принятъ 18 апрѣля 1817, повышенъ во вторую степень 3 іюня 1817; затѣмъ показано, что членомъ болѣе не числится.

Авраамъ Серг. Норовъ, гвардіи офицеръ, принятъ 10 февраля 1819, повышенъ во вторую степень 6 сентября 1819 ¹⁾.

¹⁾ Ср. въ журналѣ Великой Провинц. Ложи, 15 мая 1819, извѣщеніе отъ ложи *Трехъ Добродѣтелей*, что въ ней навсегда покрыли работы Никита Муравьевъ, Пушкинъ, кн. Долгорукій, и одинъ Муравьевъ-Апостоль.

Въ протоколахъ капитула Феникса, по VI-й степени, мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія подробности относительно Александра Ник. Муравьева, любопытныя какъ обрѣзаныя масонскихъ связей русскихъ ложъ. Въ засѣданіи капитула 17 марта 1817, Вильгорскій объявилъ, что членъ, управляемой имъ ложі Елизаветы, мастеръ Муравьевъ, подковникъ свиты его в—ва, „во время пребыванія его, по военнымъ обстоятельствамъ, въ 1814 году во Франціи, въ родѣ Мелонъ, познакомился съ братомъ Болтренталемъ, членомъ верховной митрополіи Гередона¹⁾ и четырехъ еврейскихъ восточныхъ, что сей братъ Болтренталь, замѣтивъ въ братѣ Муравьевѣ потребности качества, сообщилъ ему семью степень“. Вильгорскій представилъ капитулу подлинное свидѣтельство, выданное Муравьеву Болтренталемъ 9 апрѣля 1814, оговаривавшееся самымъ благопріятнымъ образомъ объ его поведеніи и качествахъ, и ходатайствовалъ, чтобы Муравьевъ былъ признанъ въ высокіхъ степеняхъ, представляя притомъ, что отличныя дарованія этого брата и его ревность къ ордену подають надежду, что онъ можетъ быть очень полезенъ для ордена. Капитулъ по этому ходатайству опредѣлить утвердить Муравьева въ шестой степени, но съ тѣмъ, однако, чтобы онъ сперва былъ баллотированъ въ шотландской ложѣ Александра въ четвертую степень, и когда всѣ шары окажутся бѣлыми, то былъ бы приведенъ къ присягѣ; затѣмъ, такимъ же порядкомъ баллотированъ въ пятую степень и также приведенъ къ присягѣ. Послѣ этого управляющій шотландскою ложей Александра долженъ былъ сообщить о немъ шотландской директоріи, которая представить капитулу, и тогда уже постановлено было созвать капитулъ, ввести въ него Муравьева и снявши съ него еще присягу, признать его въ шестой степени и дѣйствительнымъ членомъ капитула.

Дѣйствительно, имя Муравьева стоитъ въ спискахъ шотландской ложі Александра. Великимъ мастеромъ въ этой ложѣ сначала былъ тотъ же Вильгорскій, съ учрежденія ея до 8-го ноября 1818; потомъ его смѣнилъ С. С. Ланской. Оба они были въ числѣ ея учредителей. Въ списокъ дѣйствительныхъ членовъ входятся: князь Сергій Гр. Волкон-

¹⁾ Французская система высшихъ степеней.

скій, принятый въ шотландское братство въ ложѣ Сфинкса и находившійся въ ложѣ Александра съ 17 февр. 1817, въ пятой степени; дагбе, Ал. Ник. Муравьевъ, вступившій въ ложу съ 22 марта 1817 и признанный въ томъ же году въ четвертой и пятой степеняхъ; дагбе, Сергій Львовичъ Пушкинъ, принятый въ шотландское братство въ ложѣ Александра, получившій четвертую степень 22 іюня 1817, и 8 ноября 1818 вывѣнчанный въ ложу Сфинкса, и т. д.

V. Инструкція Вибелю, 1818, и Уставъ петербургской „Директоріи“ 1780.

Въ масонскомъ архивѣ Московскаго Музея находится, между прочимъ, любопытный документъ 1818 года, заключающій въ себѣ нѣсколько историческихъ свѣдѣній о старыхъ русскихъ ложахъ шведской системы, которые до сихъ поръ были мало извѣстны. Этотъ документъ есть инструкция, данная въ 1818 г. въ Берлинѣ одному нѣмецкому маэстру, Вибелю, отправлявшемуся въ Петербургъ, которому поручалось собрать свѣдѣнія о русскомъ масонствѣ; при инструкціи помѣщены и свѣдѣнія, полученные Вибелемъ въ Петербургѣ на ея вопросы. Документъ называется: *Instruktion für den Nachw. Hr. Wiebel auf seiner bevorstehenden Reise nach Russland*. На нѣмецкіе вопросы инструкціи написаны, ея регатъ, отвѣты по-французски¹⁾.

Ешевскій приводитъ слѣдующія свѣдѣнія о Вибелѣ. Это былъ лейбъ-медикъ короля прусскаго Фридриха Вильгельма III и членъ берлинской *Landesloge*. Когда въ 1822 г. бывшій прусскій министръ, графъ Гаувицъ, нѣкогда ревностный масонъ (ему приписывается у нашихъ масоновъ „Пастырское Посланіе“ 1785), подалъ на Веронскомъ конгрессѣ императорамъ Александру и Францу и королю прусскому записку о вредѣ масонскихъ ложъ и необходимости ихъ закрытія,—записку, свѣдѣніемъ которой было закрытіе ложъ въ Россіи и Австріи,—прусскіе масоны въ страхъ ожидали закрытія и своихъ ложъ. Но король прусскій призвалъ къ себѣ Вибеля и поручилъ ему успокоить „братьевъ“, что онъ сохранитъ имъ свое прежнее покровительство, если они останутся въ должныхъ границахъ.

¹⁾ Этотъ документъ былъ однажды указанъ Ешевскимъ въ: Сочин. т. III, стр. 456—457.

Въ 1818 г. Вибель долженъ былъ сопровождать прусскаго короля въ Петербургъ. Берлинскіе масоны воспользовались этимъ случаемъ и дали Вибелю порученіе освѣдомиться о состояніи ордена въ Россіи. Въ началѣ инструкціи находятся краткія свѣдѣнія о русскомъ масонствѣ за прежнее и новѣйшее время и затѣмъ поставленъ рядъ вопросовъ, на которые Вибель долженъ былъ получить отвѣты отъ петербургскихъ братьевъ. Кроме вопросовъ историческихъ о связяхъ русскихъ ложъ со Швеціей, инструкція занята главнымъ образомъ вопросами о внѣшнемъ устройствѣ петербургскаго капитула, его обрядлахъ, символахъ и т. п., по которымъ берлинскіе масоны хотѣли, конечно, судить объ источникахъ и связяхъ русскаго масонства. Конечной цѣлью освѣдомленій было узнать, не представится ли для прусской Landesloge возможности завязать отношенія съ Беберомъ и съ Директоріальной Ложей Вадимира (т. е. въ то время съ Великой Провинціальной Ложей): „...такое соединеніе, — говорится въ инструкціи, — было бы весьма благотворно для пользы ордена, и могло бы положить предѣлы успехамъ такъ-называемой древне-англійской Шредеровой системы, которая все болѣе и болѣе распространяетъ свои вѣтви“.

Мы упоминали выше о перепискѣ Бебера съ Кастильономъ. Вибель, какъ видимъ, былъ адресованъ именно къ той изъ русскихъ Великихъ Ложъ, которую берлинская Landesloge находила себѣ сочувственной, по общей имъ обывимъ враждѣ къ системѣ Шредеровой.

Отвѣты, какъ мы сказали, писанные по-французски, находятъ въ Музее въ двухъ экземплярахъ: одинъ былъ подлинный или черновой, и писанъ, кажется, Ланскимъ; въ другомъ отвѣты переписаны при полномъ текстѣ самой инструкціи. Тутъ же находится французское письмо, писанное, повидимому, къ Вибелю Вельгторскимъ, гдѣ довольно темно говорится о трудномъ тогдашнемъ положеніи масонства ¹⁾.

Какія были послѣдствія сношеній берлинской Landesloge съ нашей Великой Провинціальной Ложей, происходившихъ черезъ посредство Вибеля, объ этомъ намъ пока не встрѣ-

¹⁾ Прибавимъ еще, что въ началѣ инструкціи, гдѣ говорится о старыхъ русскихъ ложахъ, сдѣлана замѣтка о Чебогарахъ, извѣстномъ московскомъ профессорѣ и соавторѣ Новикова (ум. 1815): „V. Tschelb-“

тилось положительныхъ указаній; но въ перепискѣ нашей Великой Ложы есть свѣды продолжавшихся связей съ Берлиномъ, и въ Музейномъ сборникѣ разныхъ печатныхъ документовъ иностранныхъ ложъ есть также списки членовъ берлинскихъ ложъ. Въ этихъ послѣднихъ намъ встрѣтился и имя Вибеля: Joh. Wilh. Wiebel, Leibarzt Sr. M. des Königs und General-Staabs-Arzt der Armee, упомянутъ въ числѣ почетныхъ членовъ іоанновской ложи Zur Pflanze въ Берлинѣ, 1819—1820 г. и, какъ мастеръ стула, въ ложѣ Минервы въ Потсдамѣ.

Мы опустили первую страницу инструкціи, и приведемъ только вопросы и данныя на нихъ „Объясненія и отвѣты“.

1. Кѣмъ и когда основанъ былъ петербургскій Капитуль Феникса?

Капитуль Феникса основанъ былъ первоначально королемъ шведскимъ (Карломъ XIII), какъ это видно изъ подлиннаго патента, находящагося въ нашемъ архивѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Инструкція для директоріи, основанной въ Петербургѣ, данная въ Стокгольмѣ 9 мая 1780“ ¹⁾. Въ концѣ находится подпись короля и подпись графа Бильке. Акты и конституція привезены были княземъ Александромъ Куракинымъ (бывшимъ посланникомъ русскаго двора въ Вѣнѣ и Парижѣ). Покойный князь Гавриилъ Гагаринъ былъ назначенъ Префектомъ и Великимъ Національнымъ Мастеромъ—достоинства, всегда неразрывныя (какъ это явствуется изъ 9-й статьи Инструкціи), — и самый Капитуль извѣстенъ былъ братьямъ-масонамъ подъ именемъ Великой Національной Ложы (по 1-й статьѣ той же Инструкціи). Капитуль основанъ былъ двумя годами раньше Директоріи, то-есть въ 1778 г., и былъ въ полной зависимости отъ Шве-

taget in Moskau war sehr weit in der Lage zum todtten Hof 1806, wie Grahe sagt, er war immer ein feuriger Mann“.

Во второмъ экземплярѣ, отвѣты переписаны рукой одного изъ тогдашнихъ масоновъ, Жуяйе (Jouyex).

¹⁾ Instruction pour le directeur établi à St. Petersbourg, d'après le Stockholm le 9 Mai 1780. Этотъ документъ находится дѣйствительно въ подлинникѣ въ масонскомъ собраніи Московскаго Музея (рукоп. мас. на иностранныхъ язык. № 374), и мы вполнѣ приводимъ его ниже.

ции, эта зависимость была тѣмъ болѣе стѣснительна для русскихъ братьевъ, что не вознаграждалась познаниями, которыми петербургскій капитулъ типетно ожидалъ и которыхъ Швеція вѣроятно болѣе не имѣла, потому что самый глава ея сдѣлался жертвой обмановъ одного негодяя (firron), исторія котораго слишкомъ извѣстна, чтобы много о ней распространяться. Когда на Вилгельмсбадскомъ конвентѣ Россія, во вниманіе къ ея обширному пространству и къ большому числу ложъ, ревностно въ ней работавшихъ (по Строгому Наблюденію), признана была за 8-ю провинцію ордена, Москва и въ особенности ложа-мать Трехъ Знаменъ, сдѣлалась центромъ провинціального управленія. Акты, принятые ею для трехъ іоанновскихъ степеней, занимають сѣдину между Строгимъ Наблюденіемъ и шведской системой. Вскорѣ потомъ князь Гагаринъ, не безъ нѣкоторыхъ затрудненій, подчинился новому порядку вещей, присоединился въ 1783-мъ г. къ 8-й провинціи съ большей частью ложъ своей юрисдикціи и сдѣлался управляющимъ мастеромъ матери-логи Феникса въ Москвѣ.

Одна изъ ложъ (Коронованнаго Пеликана), которые не хотѣли отдѣлиться отъ Швеціи и гдѣ братъ Бѣберъ былъ членомъ, продолжала работать до того времени, когда всѣ масонскія работы въ Россіи прекратились, по повѣсткѣ императрицы Екатерины. Это была та самая ложа, которую хотѣли возобновить въ 1809-мъ г. нѣсколько братьевъ (принадлежавшихъ къ шведской системѣ и тайнымъ главою которыхъ былъ братъ Люберъ), и въ которой братъ Бѣберъ вслѣдствіе ихъ настояній, сдѣлался вполнѣтви великимъ мастеромъ. Ея новыя отличительнымъ названіемъ стало названіе Александра Благотворительности (Коронованнаго Пеликана (Alexandre à la Bienfaisance au Reisan companion)). Для того, чтобы образовать открытое (ostensible) масонское управленіе, эта самая ложа была раздѣлена на три, то-есть изъ ея нѣдѣрь образовали еще двѣ логи: Елизаветы къ Добродѣтели для русскаго языка и Петра къ Истинѣ для французскаго языка, и эти три логи составили тогда Великую Директоріальную Ложу Владиміра къ Порядку (zu Ordnung). Хотя уже въ то время братъ Бѣберъ и другіе считали себя вправѣ сообщать высшія степени, Капитулъ Феникса, собственно говоря, былъ формально возстановленъ

уже только въ 1811-мъ г., когда къ Великой Директоріальной Ложѣ присоединились логи Соединенныхъ Друзей и Палестины, чтобы составлять только одно цѣлое. Это можно считать за вторую эпоху этого Капитула ¹⁾.

2. Откуда получилъ онъ свои познанія, ритуалы, акты? Изъ Швеціи или изъ другого источника?

Покажется довольно очевиднымъ, что всѣ познанія, которыми петербургскій префектура могла получить изъ Швеціи (предполагая, что послѣдняя была въ состояніи сообщить нѣчто болѣе, чѣмъ символы и историческія объясненія, которые даже и не восходить къ особенно высокому началу), что эти познанія необходимо должны были перейти вмѣстѣ съ ея начальникомъ (префектомъ и великимъ провинціальнымъ мастеромъ Гагаринымъ) въ 8-ю провинцію. Однако же нѣсколько бумагъ, обладаніе которыми было болѣе интересно и любопытно, чѣмъ полезно и законно, нѣсколько подлинныхъ актовъ и ритуаловъ остались въ рукахъ братьевъ, которые не послѣдовали примѣру префекта, и эти масонскіе обрывки (которые притомъ шли не далѣе УП-й степени), переходя изъ рукъ въ руки, вмѣстѣ съ познаніями, болѣе или менѣе обширными, и всегда принадлежавшими лично этимъ братьямъ и основанными на ихъ хорошей или дурной памяти, сдѣлались краеугольнымъ камнемъ, на которомъ вновь воздвигли храмъ въ Петербургѣ въ 1809 году. По основному договору (Grund-Vertrag), который былъ сообщенъ в. п. бр. Вибелю, видно, что въ принципахъ и мнѣніяхъ этихъ братьевъ не было ничего положительнаго и реальнаго, и что въ этомъ первомъ достовѣрномъ актѣ формальнаго возрожденія шведской системы въ Петербургѣ они согласились скорѣе въ томъ, что не было масонство по ихъ понятіямъ, нежели въ томъ, чѣмъ оно должно быть, и еще менѣе въ томъ, что оно въ сущности есть ²⁾. Братъ Люберъ, который въ этомъ актѣ объявленъ гермейстеромъ въ благодарность за то, что онъ продолжалъ управлять

¹⁾ Эту внѣшнюю исторію вновь образованныхъ при Александрѣ I ложъ шведской системы мы видѣли въ предыдущей главѣ.

²⁾ Основной договоръ (Grund-Vertrag), вѣроятно, разумѣется тотъ, который былъ именно заключенъ въ 1809-мъ году, при возобновленіи „храма“. Намъ онъ неизвѣстенъ.

русско-шведскимъ Капитуломъ, самъ этотъ братъ имѣлъ только отрывки о высшихъ степеняхъ. Ослабленный дѣлами и излишествами стола, онъ не могъ даже принимать дѣятельнаго участія въ дѣлахъ ордена, которые поручены были бр. Бёберу, какъ его помощнику или префекту. По всему этому не трудно будетъ судить объ основани, на которомъ должно быть утверждено все здание масонства, возобновленное и терпимое съ этого времени въ Россіи ¹⁾.

Что касается до настоящаго положенія Капитула Феникса, которое можно считать его третьей эпохой, управляющіе имъ братья сохранили по вышности высшія шведскія степени, но они ничего не ждутъ отъ Швеціи, потому что имѣютъ счастье знать источникъ истиннаго орденскаго ученія, тотъ благовольный источникъ, который въ болѣе счастливыя времена оплодотворялъ не одну масонскую страну, который однажды уже разлился въ наше отечество и въ которомъ утоляли свою жажду наши предшественники на царственномъ пути,—плодотворный источникъ, который еще изливаетъ свои сокровища на всѣхъ дѣтей св. Іоанна, по истинѣ жаждущихъ мудрости; единственный источникъ и безъ котораго масонскія поля бывають только безплодной пустыней ²⁾. Дальнѣйшія болѣе существенныя разясненія относительно этого пункта требуютъ совершенно основательныхъ отношеній. Пусть Великій Архитекторъ Вселенной самъ приведетъ братьевъ, привязанныхъ къ духу истиннаго каменннчества, къ болѣе тѣсному соединенію, какъ для ихъ взаимнаго блага, такъ и для того, чтобы противоставить плотину опустошительному потоку духа нововсѣдній, который царствуетъ въ масонскомъ мірѣ, и который, умножая съ каждымъ днемъ число своихъ, приверженцевъ,

1) Объ этомъ братъ Люберъ (Liber) мы не имѣемъ ближайшихъ свѣдѣній. Надобно думать, что это—то же лицо, о которомъ упоминаютъ нѣмецкіе историки нашего масонства подъ именемъ Людера. Они рассказываютъ именно, что „въ половинѣ шестидесятъ годовъ прошлаго столѣтія, въ Россію было уже введено Строгое Наблюденіе (название Тамплиерской системы)... и въ Петербургѣ учрежденъ капитулъ, великимъ мастеромъ котораго былъ купецъ Людеръ“ (См. Napf, III, стр. 108).

2) Какой здѣсь разумѣется „источникъ истиннаго орденскаго ученія“, не видно. Быть можетъ, составители отвѣтовъ имѣли въ виду преданія своихъ наставниковъ изъ стараго розенкрейцства.

болѣе и болѣе удаляетъ несчастныхъ каменщиковъ отъ самой возможности узнать ихъ истинное происхождение.

3. Приобрѣтъ ли онъ, вмѣстѣ съ своимъ конституціоннымъ актомъ и съ своимъ дипломомъ (Freiheitsbrief), право учреждать другіе Капитулы, и на какомъ разстояніи отъ Петербурга сообщено ему это право? На 81—49 или 27 миль?

По данной ему инструкціи, полномочія Капитула простирались только на Россію.

4. Находится ли онъ въ связи съ другими иностранными Капитулами? И въ какомъ случаѣ, какъ называются они и гдѣ имѣютъ свое мѣстопробываніе?

Капитулъ не имѣлъ никакихъ связей съ другими Капитулами. Швеція предлагала возстановить эти связи, но это не имѣло никакихъ послѣдствій. Въ настоящее время слѣдуетъ тому же правилу, потому ли, что не знаютъ мѣста, гдѣ имѣютъ мѣстопробываніе другіе Капитулы, или потому, что не увѣрены въ томъ духѣ, который, быть можетъ, совершенно уклонился отъ первоначальнаго учрежденія.

5. Имѣтъ ли онъ свѣдѣнія о первомъ первоначальномъ Великомъ Орденскомъ Капитулѣ ¹⁾ и объ его мѣстопробываніи?

Основной договоръ (Grund-Vertrag), очевидно, доказываетъ, что бр. Бёберъ и другіе основатели не знали о первоначальномъ Капитулѣ.

6. Полагаетъ ли онъ, что есть только одинъ главный орденскій мастеръ (Maître-Ordens-Meister), и что всѣ другіе только его викаріи? И гдѣ онъ могъ бы имѣть свое мѣстопробываніе?

Мы не знаемъ, какого мнѣнія были относительно этого предмета наши бывшіе начальники. Что-касается до насъ, мы думаемъ, что одинъ изъ первыхъ вопросовъ, дѣлаемыхъ при открытіи ложи, достаточно показывается, гдѣ находится мѣсто Единнаго Великаго Мастера ордена. Что касается его викаріевъ или его органовъ, истинные викаріи суть тѣ, которые всего болѣе приближаются къ его качествамъ и его намѣреніямъ и которые жили ранѣе и послѣ его пришествія въ

1) Такъ мы читаемъ нѣмецкое сокращеніе Gr. O. K.

мръ, чтобы просвѣтить его и приготовить людямъ путь, который приводить ихъ къ первоначальному ихъ совершенству.

7. Съ своими актами получить ли онъ также полную, письменную исторію всѣхъ Капитуловъ?

Капитулъ при своемъ возобновленіи въ 1809 г. не имѣлъ, кажется, ничего значительнаго объ исторіи Капитуловъ.

8. Тамонній оберъ-мейстеръ носить ли имя викарія Саломона или мудраго изъ мудрыхъ? Имѣть ли петербургскій оберъ-мейстеръ право выбирать по своему усмотрѣнію своихъ двухъ помощниковъ, 1-го и 2-го архитектора, или же этотъ выборъ происходитъ, какъ у насъ, по извѣстному законному порядку? Напримѣръ, что мастеръ капитула дѣлается оберъ-мейстеромъ и получаетъ преемникомъ второго мастера (Unter-Meister), послѣдній замѣняется первымъ бюстигелемъ, короны, а это мѣсто, при ваканціи, достается старшему орденскому чиновнику?

Братъ Бёберъ былъ объявленъ викаріемъ Саломона своими братьями; это единственное основаніе (titel) его достоинства. Въ настоящее время Совѣтомъ и Капитуломъ управляетъ префектъ, за нимъ слѣдуетъ субъ-префектъ, за этимъ канцлеръ, потомъ вице-канцлеръ и командиры (Grands-Stoix). Должности и достоинства назначаются верховнымъ Совѣтомъ.

9. Есть ли въ тамоннемъ капитулѣ особенная почетная скамья, предназначаемая какъ почетное мѣсто для оберъ-мейстера и другихъ чиновниковъ, которые по старости сложили съ себя должности?

10. Украшенія (Schmuck) оберъ-мейстера похожи ли на наши, именно, состоятъ ли они въ цѣпи, украшенной 9-ю іоаннитскими крестами, и на которой виситъ крестъ съ красной эмалью? На этомъ крестѣ находится ли съ одной стороны треугольникъ, съ буквами R. N. F., а съ другой стороны черное кольцо между¹⁾

¹⁾ Эта часть вопроса, не исполнѣ намъ ясна, изложена въ оригиналѣ такъ: „Ob auf letzterem Kreuze von der einen Seite ein Triangel sich befindet und mit den Buchstaben R. N. F., und auf der andern Seite ein schwarzer Ring zwischen zwei kreuzweisegelegten (?) mit den Buchstaben S. T. P.?"

съ буквами S. T. P.? Имѣють ли эти буквы историческое или аллегорическое истолкованіе и какое? Или же орденскій крестъ петербургскаго мастера имѣеть другія буквы, именно въ треугольникѣ B. W. F., а въ кольцѣ R. S. T. P.; какое значеніе имѣють эти буквы, если онѣ таковы?

11. Командоры или Grands-Stoix (Gr.-Kreuze) состоявляютъ ли особый Соѣсетъ, выбираютъ ли они изъ 9-ти высшихъ чиновниковъ оберъ-мейстеромъ; получаютъ ли они особенныя, другимъ степенямъ неизвѣстныя познанія? Носить ли они на шеѣ свѣтло-красную ленту съ краснымъ крестомъ, на которомъ въ медальонѣ находится буква B, и что это B. означаетъ?

12. Находится ли въ петербургскомъ капитулѣ 9 или 13 низшихъ чиновниковъ?

13. Имѣють ли старѣйшіе рыцари Востока, называемые Seniores, особенныя преимущества и только имъ однимъ принадлежатъ украшенія?

(9. 10. 11. 12. 13.). Такъ какъ эти вопросы относятся главнымъ образомъ къ подробностямъ степеней, д. н. бр. Вибель будетъ въ состояніи отвѣчать на нихъ, потому что бумали, къ нимъ относящіяся, были ему сообщены.

Что касается до 9-й степени, то съ ней не связывались никакія особенныя познанія. Это былъ только титулъ, который давалъ право засѣдать въ верховномъ Совѣтѣ (der Hohen Ordensrath, le conseil sublime), который долженъ былъ держать кормило правленія ордена.

14. Ob im dotigen Karitel eine schwarze Kugel auf beständig anschliesst, ohne dass man nachfragen dürfte, von wem und wann sie eingeworfen ist?

Non est¹⁾.

15. Есть ли также въ петербургскомъ Капитулѣ и духовная отрасль, именно 1 пріоръ и 2 капеллана, какъ въ Швеціи? Моутъ ли занимать эти мѣста только дѣйствительно духовныя лица, или же поручаютъ эти мѣста и людямъ свѣтскимъ? Имѣють ли они особыя правила своей должности (Amts-Verrichtungen), облачаютъ ли особенно имъ принадлежащими привилегіями,

¹⁾ Вопросъ для насъ непонятенъ.

носить ли особая украшенія, и приобрѣтаютъ ли имъ только сообщаемыя познанія? При какой степени начинается эта духовная отрасль, и при принятіи рыцаря Запада происходить ли посвященіе въ капеллы?

Духовная вѣтвь существуетъ въ нашей системѣ (не должно смѣшивать ее съ настоящимъ клерикаломъ, тамплировъ, котораго тайный капитулъ былъ основанъ въ Россіи и о которомъ мы имѣемъ въ рукахъ довольно любопытный актъ), но въ нашемъ Капитулѣ былъ всего только одинъ братъ изъ духовныхъ. Въ настоящее время мы больше не имѣемъ такового. Притомъ мы полагаемъ, что братъ, достойный уваженія по чистотѣ своихъ нравовъ, можетъ, за недостаткомъ священника, исполнять его должность при посвященіи, которое совершается въ капеллѣ.

16. Происходить ли принятіе архитекторовъ по какому-нибудь ритуалу? И кромѣ принятаго между ними акта (Erkenntings-Akt), получаютъ ли они еще другія познанія?

У насъ нѣтъ (степени) архитекторовъ.

17. На сколько книгъ (Logen-Bücher) раздѣлены акты, которые петербургское братство получило изъ Швеціи? На двѣнадцать ли, и какое содержаніе 11-й и 12-й книги? Было бы очень желательно имѣть полный указатель этихъ 12-ти книгъ и ихъ содержанія.

Число книгъ, присланныхъ Швеціей, нельзя опредѣлить, потому что онѣ были, вѣроятно, разсѣяны (disséminés), какъ вслѣдствіе различныхъ преслѣдованій и перемѣчившихъ обстоятельствъ, испытанныхъ орденомъ въ Россіи, такъ и вслѣдствіе смерти многихъ братьевъ. Впрочемъ, къ какой пользѣ послужить бы длинный списокъ степеней и книгъ, которые похожи на тѣло безъ души, когда истинный смыслъ, въ нихъ скрывающійся, не сообщается тѣмъ, кто имѣетъ къ тому возможность и власть? Самыя степени, которыя, повиному, содержать и указываютъ возвышенныя предметы словами и благочестивыми образами, не всегда исходить изъ очень чистаго источника. Кромѣ того, бумаги или письменные документы и проч. могутъ теряться, попадать незаконнымъ образомъ въ недостойныя руки.

Истинныя преданія ордена и его тайнства не подлежатъ

подобнымъ правиламъ и не боятся переимчивыхъ обстоятельствъ, которые такъ часто потрясаютъ предверія масонскаго храма, гдѣ столько тысячъ масоновъ шлутъ, и часто безплодно, тайную нить, которая должна руководить ихъ въ этомъ лабиринтѣ и привести ихъ къ святѣйшему. По самымъ достовѣрнымъ документамъ, Россіи не Швеціи обязана высшими познаніями въ масонствѣ.

18. До какой степени идутъ катехизисы (Ffiges-Bücher)? Есть ли такія книги при степени высшихъ чиновниковъ и въ еще болѣе высокихъ отдѣленіяхъ? Катехизисъ идетъ до 7-й степени включительно.

19. Наконецъ, было бы очень желательно, чтобы 6р. Вибель убѣдилъ высокопочтеннаго 6р. Бёбера доверить ему шифръ степеней Капитула для снятія копій, чтобы мы могли сравнить его съ тѣмъ шифромъ, какой есть у насъ.

Никогда не было совершенно опредѣленнаго шифра, хотя Капитулъ имѣетъ ихъ нѣсколько въ своемъ архивѣ.

Общій взглядъ на нашъ нынѣшній союзъ.

1. Въ іонановскіи ложи, находящіяся подъ управленіемъ Великою Провинціальною Ложю, работаютъ въ трехъ степеняхъ по ритуалу, введенному въ 8-й провинціи въ 1783. Этотъ ритуалъ носитъ всѣ признаки чистаго источника, указаннаго въ статьѣ, которая отвѣчаетъ на 2-й вопросъ и которая представляетъ самые удовлетворительные результаты сердцу и уму шлущихъ (aspirants), давая положительное направленіе ихъ размышленію и ихъ нравственной дѣятельности.

2. Ложь шотландскія (ложж. Сфинкса и Александра Злато Лъва) работаютъ по шведскимъ ритуаламъ. Въ ка-сающіихся ихъ дѣла ввѣрены шотландской директоріи, которая сама находится въ непосредственной зависимости отъ верховнаго совѣта, которому подчиненъ также Капитулъ Феникса. Совѣтъ раздѣляется на двѣ палаты (chambres); первая состоитъ изъ братьевъ 9-й степени, а вторая изъ братьевъ 8-й степени. Обыкновенно онѣ собираются въ этой послѣдней степени.

Ритуалы Капитула очень полны, до 7-й степени включи-тельно.

3. Наконецъ, цѣль братьевъ, управляющихъ союзомъ Великой Провинціальной Ложы, есть поддерживать съ Божіею помощію древнее и истинное Свободное Каменн. шество между немногочисленными, но вѣрными брр., которые Провидѣніе ввѣрило ихъ попеченію. Они надѣются, что Великій Архитекторъ Вселенной, во вниманіе къ тому благу, которое должно произойти отсюда для ихъ отечества, благословить ихъ слабыя труды и что истинный свѣтъ сохранится и распространится въ Россіи, несмотря на мракъ, который старается затмить его, но который не можетъ, и никогда не будетъ мочь погнѣть его, и еще менѣе восторжествовать надъ нимъ.

Да будетъ имя Верховнаго Мастера всякой плоти благословенно во вѣки вѣковъ.

Затѣмъ, братья, продиктовавшіе эти строки, поручаютъ себя братской любви братьевъ, которые будутъ читать ихъ. С.-Петербургъ, 4 іюля 1818.

„Инструкція для директоріи, основанной въ Петербургѣ“, 1780-го года, о которой упоминается въ отвѣтъ нашихъ масоновъ на первый пунктъ вопросовъ Вибеля, какъ мы замѣтили, сохранилась въ масонскомъ архивѣ, находящемся теперь въ Московскомъ Музѣѣ иностран. № 374. Это единств. въ немногихъ, извѣстныхъ до сихъ поръ, официальныхъ документовъ, представляющихъ сношенія нашихъ ложъ съ иностранными великими ложами. Директоріи, заѣвъ упомянуема, была директорія той шведской системы, утвержденіе которой у насъ совершилось въ 1776—1780 годахъ. „Инструкція“ 1780-го года была, кажется, послѣднимъ актомъ этого утвержденія, и составляла законодательство и правила управленія для основавшихся у насъ ложъ шведской системы.

Инструкція (въ тетради, въ листъ, и прекрасно переплетенная) написана на французскомъ языкѣ. Мы приведемъ ее въ возможно точномъ переводѣ, какъ документъ, дающій понятіе о свойствѣ отношеній петербургской Великой Ложы, основанной въ 1779—80 г., къ шведскому „восточку“, и объ устройствѣ и управленіи русскихъ ложъ этой системы.

Терпиотъ Карль Эодерманландскій (вспомогательн. Карль XIII, король шведскій), отъ имени котораго дана эта ин-

струкція, занималъ тогда второе мѣсто въ іерархіи шведской системы, первое принадлежало самому королю, который, впрочемъ, въ томъ же 1780-мъ году передалъ герцогу всѣ масонскія полномочія ¹⁾. Ихъ отношенія во время составленія „Инструкціи“ мы увидимъ далѣе изъ самаго документа.

Мы, Карль, Божіею милостію наслѣдный принцъ шведскій, готскій и вандальскій, герцогъ эодерманландскій, наслѣдникъ норвежскій, герцогъ шлезвигъ-гоштинскій, стормарскій и литмарскій, графъ ольденбургскій и дельменгорстскій, великій адмиралъ шведскій, непремѣнный генеральный визитаторъ и генеральный инспекторъ... св. Ордена Храма Іерусалимскаго, великій провинціальный мастеръ VI и IX провинцій, въ орденѣ называемый рыцарь и бр. проф. животовращаго солнца, снмъ объявляемъ ²⁾.

Что, принимая во вниманіе сколь похвально, столько и блестящія преданность и усердіе къ общему благу нашего св. Ордена, оказанныя братьями достопочтеннаго Капитула, основаннаго нами въ Петербургѣ, съ первой минуты, какъ мы сочли нужнымъ возжечь у нихъ свѣтъ, и имѣя въ виду мѣстность Россійской имперіи, обширное пространство которой, для поддержанія доброго порядка и точнаго выполненія нашихъ священныхъ законовъ, требуетъ особеннаго надзора, какой могъ бы предотвратить или быстро исправить злоупотребленія и безпорядки, могущіе вкрасться какъ въ масонскія ложи, такъ и въ различныя капитулы, могущіе имѣть быть основанными въ этой имперіи: Мы нашли необходимо, согласно съ тѣмъ, что было постановлено во второй ст. Договора (Acte de Convention) 10 апрѣля 1778 года, учредить Директорію въ Петербургѣ, которая не только наблюдала бы за сохраненіемъ законовъ, статутовъ и об-

¹⁾ О введеніи у насъ шведской системы и герцогу Эодерманландскому см. Лонгинъ въ стр. 105 и слѣд. (сообщенныя заѣвъ свидѣнія, однако, не вполне точны). „Дополненія“ Пекарскаго; Нандъ, stat. Schweden (III, стр. 214—215), и друг.

²⁾ Масонскій титулъ въ подлинникѣ значится такъ: „Visiteur général Représenté et Inspecteur général des Armes du S. O. du T. de Jeter, Grand-Maître Provincial de la VII-e et IX-e Province, in Orde diet. Bdu. et Fr. Prof. a Sole Vivificante“. Седьмая и девятая провинція означали заѣвъ Швецію и Россію.

ридовъ св. Ордена, но также разрывши бы и судилъ всѣ несогласія, могущи возникнуть между братьями, какъ масонами, такъ и тампліерами, которые работаютъ съ пѣвчо расширить и поддерживать свѣтъ, а потому и не должны подлежать выдѣлнѣ профанныхъ судей, не принадлежа къ ихъ области (ressort).

На этотъ конецъ, мы хотѣли дать достопопочтеннымъ братьямъ, имѣющимъ составить вышеупомянутую Директорію, слѣдующую инструкцію, которая, будучи основана на древнихъ законахъ и обычаяхъ, издавна принятыхъ и уста новленныхъ въ нашѣмъ св. Орднѣ, послужить имъ руководствомъ (règle), по которому они будутъ впрелѣ имѣть надзоръ и специальное управленіе всѣми дѣлами, имѣющимися какое-нибудь отношеніе къ св. Ордену Хр. Іер. на всемъ пространствѣ имперіи всея Россіи.

Надѣмся, впрочемъ, что эти достойные братья, своимъ повиновеніемъ и своей точностью въ исполненіи ея статей, впослѣдствіи будутъ отвѣчать нашему ожиданію и нѣжному до вѣрью, какое Мы имѣемъ къ ихъ рвенію.

Ст. 1-я.

Такъ какъ достопопочтенный Петербургскій Капитулъ и въсѣмъ братьямъ каменщикамъ только подъ именемъ Великой Национальной Ложи, то Директоріи, которой принадлежитъ управленіе (à tête) этимъ самымъ Капитуломъ¹⁾, будетъ носить имя Совѣта Великой Национальной Ложи.

Ст. 2-я.

Директоріи останется навсегда учреждена и будетъ имѣть пребываніе въ столицѣ имперіи и составлена будетъ изъ слѣдующихъ лицъ: 1) Великій префектъ; 2) Канцлеръ; 3) Вице-канцлеръ; 4) Прелатъ Петербургскаго капитула; 5) Начальникъ нововступающихъ (Senior Novitior); 6) Великій Хранитель; 7) Деканъ; 8) Прокураторъ; 9) Первый и 10) второй Вел. Инспект. Храма; 11) Великій казначехранитель; 12) Le Grand Hospitalier (или Dator Raportum); 13) Великій герольдъ (Le Roi d'armes, или Heraldic. Magnus).

¹⁾ Здѣсь и дальше, вмѣсто этого слова, ставится четверугольникъ съ крестомъ на верху. Далѣе, мы будемъ выдѣлять р а з р я д к о й словъ обозначаемаго масонскими знаками.

Директоріи, кромѣ того, будетъ позволено выбирать между рыцарями или же между друзьями Ордена двухъ лицъ, изъ которыхъ одно будетъ исполнять обязанности секретаря Директоріи, а другое будетъ хранить ея архивы, не имѣя, однако, голоса въ Директоріи, и Директоріи можетъ придать имъ, въ качествѣ помощниковъ, 4 или 5 écusiers, атташесъ 3-го класса, смотря по тому, какъ Директоріи сочтеть за нужное.

Префекты другихъ капитуловъ, пріѣзжая въ Петербургъ, будутъ получать позволеніе присутствовать въ Директоріи, но безъ права голоса.

Кромѣ вышеупомянутыхъ 13 членовъ, составляющихъ Директорію, въ Директоріи всегда будетъ имѣть мѣсто и голосъ одинъ изъ представителей Великаго капитула въ Стокгольмѣ, который будетъ назначенъ Великимъ Провинціальнымъ Мастеромъ IX-й Провинціи, чтобы чрезъ это имѣть еще болѣе средствъ къ поддержанію тѣсной связи и доброго согласія между двумя капитулами. Такимъ же образомъ одинъ изъ представителей капитула петербургскаго, называемый Великимъ Провинціальнымъ Мастеромъ, будетъ имѣть то же преимущество въ Великой Директоріи въ Стокгольмѣ.

Но затѣмъ, никому не будетъ позволено входить въ Директорію, подъ какимъ бы то ни было именемъ и предлогомъ, если только это не будетъ *Magister Tempri IX-й Провинціи*, или кто-либо нарочно посланный отъ Великаго Провинціальнаго Мастера IX-й Провинціи.

Ст. 3-я.

Каждый членъ, прежде чѣмъ начать засѣданія въ Директоріи, долженъ дать, на Библіи, слѣдующую присягу:

Присяга.

Я, NN, обещаюсь передъ Богомъ и клянусь св. Евангеліемъ во всемъ сообразоваться и точно слѣдовать тому, что мнѣ предписывается въ законахъ рыцарей тампліеровъ и въ особой инструкціи, данной для Директоріи въ 1780. Я обещаюсь блисти за сохраненіемъ правъ и законной власти славнаго и достопопочтеннаго Великаго Мастера этой IX-й Провинціи; не допускать никогда, чтобы имъ нанесенъ былъ малѣйшій ущербъ, и повиноваться ему во всемъ, что не

противно вѣрности, повиновенію и покорности, которыми я обязанъ моимъ законнымъ государямъ и какъ свѣтскимъ, такъ и церковнымъ законамъ этой имперіи. Я обѣщаюсь также употребить все мои старанія къ быстрому и немедленному исполненію приказаній и повелѣній моего Великаго Мастера, относящихся ко благу св. Ордена, придуть ли эти приказанія прямо ко мнѣ, или отъ его имени, черезъ Великую Директорію Сѣвернаго Пріората (du Prieuré Supérieur). Я обѣщаюсь, сверхъ того, поддерживать, сколько будетъ отъ меня зависѣть, каждый капиталъ, кидую ложу, каждый рыцаря и каждого брата-каменьщика въ полномъ обладаніи правъ, привилегій и преимуществъ, имъ принадлежащихъ и со всевозможнымъ вниманіемъ предупреждать все, что могло бы принести малѣйшее нарушеніе доброго порядка, повиновенія и братской дружбы, которые должны царствовать между братьями или членами нашего св. Ордена. Я обѣщаюсь держать все это свято и искренно, въ силу креста, который я ношу, какъ подobaетъ истинному свободному и вѣрному рыцарю Ордена Храма нашего Господа Иисуса Христа.

И да будетъ нао мной милость Всемогущаго.

Ст. 4-я.

Такъ, какъ Директорія Россіи зависить единственно отъ Великаго Провинціального Мастера IX-й Провинціи, она обязана будетъ строго исполнять всѣ статьи Договора 1778 года, и никогда по собственной волѣ (de son propre chef) не дѣлать никакихъ новыхъ учрежденій, не принимать никакихъ мѣръ или измѣненій, не испросивъ и не получивъ предварительно согласія Великаго Провинціального Мастера. На этотъ конецъ, Директорія будетъ поддерживать тѣсную корреспонденцію съ Директоріей Сѣвернаго Пріората, имѣющей пребываніе въ Стокгольмѣ, сообщать ей не только все то, что могло бы какии-нибудь образомъ касаться общаго блага Ордена, но также и все, что относится къ частнымъ дѣламъ ложъ и капиталовъ и что могло бы заслуживать вниманія Великаго Провинціального Мастера. Поэтому, петербургская Директорія будетъ каждые полгода посылать Великой Директоріи въ Стокгольмъ точный отчетъ о доходахъ и капитулахъ, работающихъ на всемъ простран-

ствѣ Россійской Имперіи, и въ концѣ каждого года—краткій общій отчетъ о замѣчательнѣйшихъ событіяхъ, какіе произошли въ теченіе года, для доклада о томъ Великому Провинціальному Мастеру.

Ст. 5-я.

Каждая ложа каменьщиковъ, какъ іоанновскихъ, такъ и св. Андрея, называемая Шотландской, и каждый капиталъ, который существуетъ или будетъ, впредъ существовать на всемъ пространствѣ имперіи всея Россіи, обязаны во всемъ и безъ замедленія повиноваться Директоріи, представлять ей точныя донесенія о своемъ состояніи, о способѣ своихъ работъ, о своихъ экономическихъ дѣлахъ, о производимыхъ ими принятіяхъ, и о томъ, какъ они исполняютъ приказанія Директоріи или Великаго Мастера, которые будутъ имъ сообщаемы Директоріей, и никому не позволятся дѣлать какихъ-либо нововведеній, приводить въ исполненіе какой-либо проектъ безъ вѣдома, и еще менѣе противъ мнѣнія и безъ одобренія Директоріи.

Въ случаѣ нарушенія (этой статьи) виновные подвергнутся наказаніямъ, установленнымъ законами, и будутъ вычеркнуты и исключены (rayés et bîsqués), какъ отщепенцы, измѣнники и клитвопреступники, изъ списка истинныхъ свободныхъ каменьщиковъ и вѣрныхъ рыцарей Храма.

Ст. 6-я.

Директорія наблюдаетъ (fait exécuter), чтобы во всѣхъ ложахъ и капитулахъ, находящихся въ ея зависимости, исполнялись повелѣнія, эдикты и распоряженія Великаго Провинціального Мастера, относящіеся къ дѣламъ св. Ордена. Съ этой цѣлью, какъ скоро дойдутъ до Директоріи повелѣнія Великаго Мастера, она разсылаетъ ихъ въ ложи и капиталы. Эти послѣдніе даютъ росписки въ полученіи, съ означеніемъ времени, на той же бумагѣ, и отсылаютъ ее обратно Директоріи для храненія въ архивѣ Директоріи, которая потомъ доноситъ объ этомъ, съ приложеніемъ копій, Великой Директоріи Сѣвернаго Пріората въ Стокгольмѣ.

Ст. 7-я.

Никто не долженъ быть баллотировемъ, для принятія въ рыцари Востока, прежде чѣмъ капиталъ, гдѣ онъ пред-

дагается, не пошлетъ предварительно его имени и его ка-
чества въ Директорію, для испрошенія у Великаго Провин-
ціального Мастера согласія на эту баглотировку, и получивъ
это согласіе, можно приступить къ баглотировкѣ и къ при-
нятію, сообразно съ законами, на подобные случаи уста-
новленными.

Ст. 8-я.

Такъ какъ Директорія имѣетъ главное начальство и
надзоръ за всѣми кассами и экономіей ложъ и капиту-
ловъ, то послѣдніе обязаны въ концѣ каждаго полугодія
отдавать Директоріи отчетъ въ ихъ употребленіи. Имъ по-
ложительно запрещается дѣлать какую-либо чрезвычайную
издержку безъ позволенія Директоріи, также какъ и Ди-
ректорія не въ правѣ давать свое согласіе на подобныя
издержки, не получивъ на то одобренія Великаго Провин-
ціального Мастера.

Директорія, сверхъ того, бюджетъ заботиться и бюджетъ въ
томъ отвѣтственна передъ Великимъ Провинціальнымъ Ма-
стеромъ, чтобы ежегодный взносъ (contribution) девиности
девятъ дукатовъ, опредѣленный по 8-й статьѣ Договора
1778 года, быть въ точности уплачиваемъ и очищаемъ.

Ст. 9-я.

Каждый членъ Директоріи, имѣя свою особенную долж-
ность, обязанъ сообразоваться съ слѣдующей инструк-
ціей.

Великій Префектъ.

1°. Великій Префектъ есть всегда предсѣдатель Дирек-
торіи, гдѣ онъ имѣетъ два голоса, и при равенствѣ голо-
совъ, онъ рѣшаетъ. Онъ имѣетъ право собирать Директу-
рію такъ часто, какъ сочтетъ это нужнымъ для пользы Ор-
дена, что должно дѣлаться по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ.
Остальнымъ братьямъ-каменщикамъ онъ будетъ извѣстенъ
подъ именемъ Великаго Провинціального Мастера, и ему
принадлежитъ главное начальство (suprintendence) надъ всѣми
ложами, которые работаютъ на пространствѣ имперіи
всей Россіи. По его смерти или въ томъ случаѣ, если его
должность останется вакантною вслѣдствіе его отставки, Ве-
ликій Провинціальный Мастеръ IX-й Провинціи, о томъ
предварительно извѣщенный, представить Великому Гене-

раліному Мастеру всего св. Ордена ¹⁾ дѣлать, изъ которыхъ
Великій Мастеръ выберетъ одного, чтобы занять его мѣсто
и ему наследовать.

2°. Великій Префектъ имѣетъ право присутствовать на
исѣхъ великихъ конвентахъ Ордена, также какъ и на всѣхъ,
провинціальныхъ конвентахъ, гдѣ онъ всегда будетъ имѣть
голосъ, и когда ему нельзя будетъ находиться тамъ лично,
онъ имѣетъ право посылать туда представителя, но нужно,
чтобы этотъ послѣдній былъ всегда рыцарь, имѣющій
высшія степени ²⁾.

3°. Онъ имѣетъ также право управлять, открывать и
закрывать капитулы, зависящіе отъ его округа, если
только не присутствуетъ самъ Великій Генеральный Мастеръ
всего Ордена, или Великій Мастеръ IX-й Провинціи, тогда
это право принадлежитъ ему одному.

4°. Должность Вел. Префекта пожизненная, если только
онъ ее не оставитъ добровольно, и онъ всего болѣе своимъ
примѣромъ долженъ воодушевлять другихъ братьевъ, вы-
казывать свою ревность, свое повиновеніе и свою привя-
занность къ ихъ общему начальнику или Вел. Провинціаль-
ному Мастеру.

5°. Великій Префектъ не можетъ, по собственному произ-
волу или безъ вѣдома Директоріи, принимать никакихъ
мѣръ относительно управленія ложъ и капитуловъ, и
еще менѣе—учреждать новые, предварительно не испросивъ
и не получивъ согласія Великаго Пров. М.

6°. Великій Префектъ, какъ предсѣдатель Директоріи,
въ особенноти долженъ блюсти за охраненіемъ правъ Ве-
ликаго Провинціального Мастера и въ особенноти быть
передъ нимъ отвѣственнымъ въ быстрой передачѣ и ис-
полненіи его приказаній. Онъ долженъ также заботиться,
чтобы донесенія, какия Директорія обязана дѣлать Великому
Провинціальному Мастеру, были посылаемы и отправляемы
безъ замедленія въ назначенные сроки.

¹⁾ Въ то время это былъ еще, какъ мы говорили, самъ король
шведскій, у котораго герцогъ Зюдерманландскій былъ какъ бы помош-
никомъ.

²⁾ Въ этомъ смыслѣ былъ, вѣроятно, Бёберъ на Вилгелмсбадскомъ
конвентѣ. Онъ былъ тогда секретаремъ русской Национальной Ложы
шведской системы.

7°. Онъ долженъ также смотрѣть за поведеніемъ ложъ и капитуловъ своего округа, для того, чтобы съ точностью исполняемы были законы, обряды, церемоніи и обычаи, принятые въ Каменьщицествѣ и установленныя съ первыхъ временъ общими и древними законами св. Ордена. Но въ особенности обязанность его должности есть блюсти за поведеніемъ рыцарей и дѣлать о томъ вѣрное донесеніе въ концѣ года Великому Провинціальному Мастеру, съ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ Великій Мастеръ могъ знать всѣхъ братьевъ и вознаграждать ихъ рвеніе ко благу и расширенію св. Ордена, смотря по заслугамъ каждаго.

Канцлеръ.

1°. Канцлеръ будетъ заботиться о томъ, чтобы приказанія Директоріи различнымъ ложама и капитулама были должнымъ образомъ посылаемы; онъ будетъ также наблюдать за отправленіемъ донесеній отъ Директоріи Великому Провинціальному Мастеру, и заавѣдывать (аутъ ле detail) всей корреспонденціей Директоріи, какъ съ Великимъ Мастеромъ и Великою Директоріей Сѣвернаго Пріората, такъ и съ ложами и капитулами, находящимися въ вѣдѣніи Директоріи.

2°. Въ Директоріи онъ есть докладчикъ всѣхъ дѣлъ, приходящихъ отъ ложъ и капитуловъ. Поэтому, онъ будетъ вести точный журналъ дѣламъ, вносимымъ въ Директорію, также какъ рѣшеніямъ и отвѣтамъ Директоріи. Въ другомъ журналѣ онъ будетъ отмѣчать всѣ письма и приказанія, исходящіе отъ Великаго Мастера, и отвѣты Директоріи на упомянутыя письма.

3°. Когда его мѣсто дѣлается вакантнымъ, Директоріа представитъ Великому Провинціальному Мастеру трехъ рыцарей, имѣющихъ высшія степени, изъ которыхъ Великій Мастеръ назначитъ одного ему въ преемники. Впрочемъ, онъ будетъ дѣйствовать сообразно съ тѣмъ, что предписано въ масонскихъ законахъ, гдѣ онъ носитъ имя Великаго Канцлера Великой Национальной Ложи.

Вице-канцлеръ.

Вице-канцлеръ будетъ исполнять должность канцлера во время его отсутствия и вообще будетъ помогать ему въ исполненіи его должности.

Въ каменьщицествѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ Великаго Вити Великой Национальной Ложи.

Прелатъ Капитула.

Прелатъ будетъ имѣть попеченіе о томъ, чтобы въ капитулахъ, зависящихъ отъ Директоріи, совершаема была по божественной службѣ въ первую пятницу каждаго мѣсяца, по законамъ Ордена, и всѣ духовныя лица (ecclésiastiques) ордена должны признавать его властью¹⁾.

Начальникъ новопоступающихъ (Chef des novices).

1°. Начальникъ или Senior Novitium будетъ вѣдать всѣ проступки, какіе были бы совершены противъ законовъ ордена, и будетъ доносить о томъ Директоріи.

2°. Онъ будетъ смотрѣть за поведеніемъ всѣхъ членовъ капитуловъ, какъ рыцарей, такъ и есцусъ, и еслибы случилось, что кто-нибудь могъ забыть или пренебречь своими обязанностями, онъ долженъ съѣздить или пренебречь своими замѣчаніями и увѣщаніями, и никто не въ правѣ питать неудовольствіе (prendre en mauvaise part) противъ Senior Novitium, такъ какъ этимъ онъ исполняетъ обязанности своего званія. Если, противъ всякаго ожиданія, кто-нибудь изъ братьевъ будетъ такъ несчастенъ, что выпадетъ въ какую-нибудь важную вину, которая можетъ имѣть свои послѣдствія, Senior Novitium обязанъ немедленно извѣстить о томъ Великаго Провинціальнаго Мастера, черезъ посредство Директоріи.

3°. Особенный надзоръ долженъ имѣть Senior Novitium всего болѣе надъ арміерами или Есцусъ всѣхъ классовъ. На этотъ конецъ онъ будетъ имѣть точные списки (des rôles exacts), гдѣ будутъ означаться ихъ положеніе въ орденѣ, также какъ и въ профанномъ свѣтѣ, и ихъ нравственные качества, для того, чтобы онъ всегда имѣлъ возможность доставлять по этому предмету необходимыя объяс-

¹⁾ Эта должность, по всей вѣроятности, должна была быть занимаема цимъ Вибея. Наши масоны отвѣчали, что въ ихъ (шведскомъ) капитулѣ духовную должность только одинъ братъ изъ духовныхъ; но что исполнять эту достойный уваженія по чистотѣ своихъ нравовъ.

Что духовныя лица вообще бывали не одинъ разъ въ нашемъ масонствѣ, объ этомъ есть нѣсколько различныхъ указаній.

ясненія, въ случаѣ, если бы Великій Провинціальный Мастеръ ихъ потребовалъ. Есугуеъ обязаны оказывать ему всякое почтеніе и всевозможное повиновеніе, какъ своему особенному начальнику.

4°. Кроме того, онъ долженъ еще употреблять все свое вниманіе на то, чтобы никакой человѣкъ съ испорченными нравами или по инымъ причинамъ недостойный такой чести, не могъ быть предложенъ и допущенъ къ баллотировкѣ, для принятія въ рыцари Востока и Іерус. Поэтому, онъ долженъ прилагать свое мнѣніе о каждомъ лицѣ къ тѣмъ представленіямъ, какия Директорія будетъ посылать Вели. Провинціальному Мастеру о лицахъ, предложенныхъ къ баллотировкѣ въ капитулаъ Востока.

5°. Въ каменщичество онъ носить имя Великаго Инквизитора Великой Национальной Ложки, и онъ можетъ быть судить только Великимъ Мастеромъ.

Великій Хранитель.

1°. Великій Хранитель долженъ имѣть подл своимъ надзоромъ архивъ Директоріи, въ которомъ будутъ сохраняться всѣ акты, относящіеся къ св. Ордену, какъ общіе и частные законы, ритуалы, декреты, приказанія и письма Великаго Мастера и проч.

2°. Впрочемъ, Великій Хранитель будетъ дѣйствовать сообразно съ тѣмъ, что предписывается въ слѣдующей статьѣ для Декана и Прокуратора, употребленіе которой раздѣляется между ими троими, смотря по требованію обстоятельствъ. Поэтому, онъ извѣстенъ братьямъ-каменщикамъ подл именемъ Перваго Великаго Визитатора Национальной Ложки.

Деканъ и Прокураторъ.

1°. Они обязаны, какъ имъ возможно чаще, дѣлать визитацию въ Ложкахъ и капитулахъ, зависящихъ отъ Директоріи, чтобы видѣть, производится ли работы ихъ сообразно съ тѣмъ, что повелѣвается законами, и дѣлать объ этомъ вѣрный докладъ Директоріи, такимъ образомъ, чтобы эта послѣдняя имѣла возможность тотчасъ исправлять и устранять злоупотребленія и безпорядки, какия могли бы вкраснѣе какъ въ способѣ работъ, такъ и во внутреннемъ управленіи. При этомъ случаѣ они должны разсматривать протоколы и журналы каждой Ложки и капитула, также

какъ состояніе ихъ кассы, и не упускать изъ виду ничего, что могло бы заслуживать ихъ вниманія.

2°. Директорія будетъ дѣлать извѣщеніе изъ донесеній, ими слѣданныхъ, съ замѣчаніями ихъ о настоящемъ состояніи Ложъ и капитуловъ и о перемѣнахъ, какия могли произойти со времени послѣдней визитации, и это извѣщеніе будетъ посыласмо Великой Директоріи въ Стокгольмъ.

3°. Они извѣстны въ Каменщичество подл именами Второго и Третьяго Великаго Визитатора Национальной Ложки. Великіе Инспекторы Храма (Inspecteurs du Temple).

Два Великіе Инспектора Храма, извѣстные братьямъ-каменщикамъ подл именемъ Великихъ Надзирателей (Surveillants) Национальной Ложки, завѣдуютъ всѣми домами и зданіями, принадлежащими Ордену. Они имѣютъ попеченіе объ украшеніяхъ (ornemens et décorations) какъ въ Ложкахъ, такъ и въ капитулахъ, чтобы они были сообразны съ тѣмъ, что относительно ихъ предписано въ законахъ.

Великій Казнохранитель.

1°. Завѣдываніе и управленіе денежными суммами поручается Великому Казнохранителю. Поэтому всѣ частные казнохранители Ложъ и капитуловъ зависить отъ него, должны ему повиноваться и обязаны отдавать ему отчетъ въ своемъ управленіи такъ часто, какъ онъ потребуетъ.

2°. Для этой цѣли онъ озабочится тѣмъ, чтобы имѣть росписки (recettes) и документы о всѣхъ доходахъ и расходахъ Ордена, которые онъ каждую четверть года будетъ представлять Директоріи, для того, чтобы она имѣла возможность давать Великому Провинціальному Мастеру всѣ разсужденія, какия онъ отъ нея потребуетъ.

3°. Онъ будетъ блюсти за взиманіемъ доходовъ и особенно ежегоднаго взноса (tribut), который Ложки должны посылать Директоріи, подл именемъ іоанновскаго взноса (tribut de St.-Jean). Въ Ложкахъ каменщиковъ онъ носить то же имя какъ здѣсь.

Великій Hôpitalier, или Datoг rapport.

Великій Hôpitalier ¹⁾, извѣстный подл тѣмъ же име-

¹⁾ Не знаемъ, какъ могло быть переведено это слово. Должность, имъ обозначаемая, была, вѣроятно, та же, которая въ другихъ системахъ принадлежала „собирателю милостыни“.

немъ братьямъ-каменьщикамъ, имѣть назоръ за всѣми благотворительными учрежденіями, устроеными орденомъ, и за недостаточными братьями, о которыхъ будетъ заботиться, чтобы они правильно получали то, что назначено на ихъ содержаніе, по разсчету (état), сдѣланному о томъ Директоріей. Поэтому, въ концѣ каждаго года онъ будетъ представлять Директоріи записку объ ихъ числѣ и ихъ другихъ обстоятельствахъ, чтобы Директоріа, на основаніи этихъ свѣдѣній, могла распределить суммы, ассигнованныя на это употребленіе, въ началѣ слѣдующаго года. Эти суммы будутъ составляться отчасти изъ добровольныхъ пожертвованій великодушныхъ и человеколюбивыхъ братьевъ, но главнымъ образомъ изъ сборовъ, какіе должны дѣлаться во всѣ рабочіе дни въ лѣсахъ и капицахъ, передъ тѣмъ, какъ братья будутъ расходиться. Эти деньги должны быть въ каждую четверть года отсылаемы къ Великому Носпіалиеру, и онъ будетъ вести имъ особенный счетъ. Эти книги и отчеты, также какъ отчеты Великаго Носпіалиеру, должны быть каждые полгода представляемы Директоріи, которая будетъ поручать ревизію ихъ двумъ изъ своихъ членовъ поочередно, и въ концѣ года Директоріа дастъ имъ приличныя квитанціи ¹⁾).

Великій Носпіалиеръ будетъ имѣть особенное попеченіе о немощныхъ и больныхъ Ордена, приглашая врачей и хирурговъ, находящихся въ Орднѣ, подавать имъ всю возможную помощь.

Le Roi d'armes, или Heraldicus Magnus.

1°. Le Roi d'armes ²⁾ будетъ имѣть завѣдываніе и распоряженіе всѣми празднествами, какія будутъ торжественно вѣдаться въ капицѣ по обычаямъ, установленнымъ законами Ордена. Онъ долженъ также обращать вниманіе на то, чтобы рыцари и Ескуперы были прилично и должнымъ образомъ одѣты и убраны въ дни, назначенные для собраній капицъ.

2°. Онъ долженъ представлять проекты и рисунки для гербовъ, именъ и девизовъ братьевъ-рыцарей, которые бу-

¹⁾ Въ подлинникѣ: décharges convenables. Изложеніе не вполне намъ ясно.

²⁾ Лица этой должности въ другихъ системахъ нашихъ назывались герольдами.

дуть потомъ послышамъ Великому Мастеру на его утвержденіе. Послѣ того, какъ Великій Мастеръ утвердитъ ихъ и возвратитъ въ Директорію, Le Roi d'armes вручитъ ихъ рыцарямъ, связавъ предварительно копіи, которые внесеть въ особую книгу, съ ихъ именами, должностями и гербами, какіе употребляются ими въ профанномъ свѣтѣ, и по смерти этого брата, онъ прибавитъ сюда исторію жизни или краткую біографію покойнаго.

3°. Въ каменьщикомъ мірѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ Великаго Маршала Великой Национальной Ложки.

Секретарь Директоріи.

Секретарь долженъ вести протоколы въ Директоріи и помогать канцлерамъ въ веденіи дѣлъ и корреспонденціи; поэтому секретарь долженъ хорошо знать иностранныя языки и вполне знать исторію, законы, обычаи и проч. нашего св. Ордена.

Наконецъ, мы даемъ нашей любезной Директоріи, симъ нами установленной, въ гербъ—серебрянато орла на красномъ полѣ, сидящаго на мозаичномъ паркетѣ изъ песка и серебра. Направо онъ держитъ гербъ св. Ордена, именно красный крестъ на серебряномъ полѣ, а позади щита онъ держитъ зеленую пальмовую вѣтвь.

Надъ орломъ находится золотой треугольникъ съ двумя чашами, въ серединѣ котораго находится око. Кругомъ написано: Sigill. Dig. Capitulog. S. O. T. N. in Imp. Russ. inst. A^o MDCCCLXXX.

Въ заключеніе, мы хотимъ верховнато и трижды Великаго Архитектора Вселенной, да удостоитъ имѣть подъ своей св. охраной нашу любезную Директорію.

Дано въ Стокгольмѣ, MDCCCLXXX, въ IX-й день 5-го мѣсяца, въ нашѣмъ Вели. Совѣтѣ на Востокъ.

Карль — — ¹⁾ Зодерм.

I. O. D. Equ. IX Pt. Prof. a Sole vivificante.

Шведская система, которая устанавлилась этимъ законодательствомъ въ нашѣмъ масонствѣ, udržжалась недолго. Князь Г. П. Гагаринъ, который былъ „Прфектомъ“ капицъ или Великимъ Мастеромъ Национальной Ложки, пере-

¹⁾ Крестъ такъ называемой Андреевской формы.

если бы вскорѣ въ Москву, гдѣ онъ получилъ новое назначеніе по службѣ, и здѣсь онъ былъ окруженъ новыми обстоятельствами. Въ 1782-мъ году, послѣ Вильгельмсбадскаго конвента, происходившаго совершенно независимо отъ притязаній Швеции на масонское первенство, Россія объявлена была отдѣльной и независимой „провинціей“. Центръ русскаго масонства оказался въ Москвѣ, гдѣ дѣйствовалъ новиковскій кружокъ, заботами котораго и было устроено это независимое положеніе нашего масонства. Князь Гагаринъ вскорѣ отказался отъ своихъ прерогативъ, шведское масонство окончательно уступило московскому розенкрейстерству.

Въ Петербургѣ шведскія прерогативы не были, однако, забыты, и нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя масонство шведской системы снова явилось на сцену при возобновленіи ложъ въ Александровское время. Какъ это произошло, — разсказывается въ отвѣтахъ нашихъ масоновъ на инструкцію Вибелия.

VI. Запрещеніе ложъ 1822-го и 1826 гг.

Извѣстно, что въ 1822 г. изданъ былъ указъ, запрещавшій масонскія логи и вообще тайны общества. Отъ масоновъ и не масоновъ требовались подписки о непринятіи ложности впрелъ къ ложамъ и тайнымъ обществамъ, и логи должны были быть закрыты. Въ 1826-мъ году запрещеніе было повторено. До сихъ поръ не были еще разъяснены причины изданія указа 1822-го года: онъ заключался, по видимому, главнымъ образомъ въ томъ предубѣжденіи, которое умѣли за границей поселить въ императоръ Александръ противъ европейскаго либерализма; когда началось тамъ преслѣдованіе тайныхъ обществъ, а также отчасти и масонскихъ ложъ, русскому правительству казалось, что и наши логи представляютъ такую же опасность. При этомъ наши, кажется, поволь къ этой мѣрѣ и въ нашихъ ложахъ, въ какихъ-нибудь неосторожныхъ словахъ или чемъ-нибудь подобномъ¹⁾.

¹⁾ Ср. доклады записки Е. А. Кушелева 1821 г., поданныя имъ Александру I и послужившія однимъ изъ поводовъ уничтоженія ложъ Русск. Стар. 1877, т. 18, стр. 464, 641, 661, и „Очерки общ. движенія“ стр. 328—333.

Ред.

Въ матеріалахъ Московскаго Музея [№ 1952] находятся два документа (въ копии и въ черновой), относящіеся къ первому и второму запрещенію ложъ, — именно, отвѣтная бумага С. С. Ланскаго къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубею, 1822-го года, объ исполненіи имъ предписаннаго указа о закрытіи ложъ, и другая подобная бумага отъ 1826-го года.

Первая изъ нихъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Милостивый государь

гграфъ Викторъ Павловичъ!

Вслѣдствіе почтеннѣйшаго отношенія вашего сіятельства отъ 6-го сего августа за № 565, съ изobraженіемъ въ ономъ высочайшаго его имп. в—ва повелѣнія о закрытіи масонскихъ ложъ, честь имѣю уведомить васъ, м. г., что по предмету сему учинены мною слѣдующія распоряженія:

1) Состоявшія здѣсь подъ управленіемъ Великой Провинціальной Ложи пять масонскихъ ложъ, подъ именами: 1) Елизаветы Добродѣтели; 2) Трехъ Добродѣтелей; 3) Трехъ Долгинъ къ Вѣрности (на нѣмецкомъ языкѣ); 4) Дубовой (на французскомъ языкѣ), 12-го сего мѣсяца безъ всякихъ обрядовъ закрыты; а токмо объявлено о томъ мною всѣмъ бывшимъ въ сіе время членамъ тѣхъ ложъ.

2) Отъ находившихся здѣсь на лицо членовъ означенныхъ пяти ложъ взяты, на основаніи поминутаго высочайшаго повелѣнія, подписки, кои, въ числѣ 95-ти, при семь честь имѣю препроводить.

3) О закрытіи въ Москвѣ ложъ, подъ именемъ Ипполитъ Манна (работавшей на руссійскомъ языкѣ), подъ управленіемъ той же Великой Ложи состоявшей, сообщено мною управляющему оной г. надворному совѣтнику фонъ-Визину; копии съ сего отношенія при семь прилагаются.

4) Къ отсутствующимъ членамъ ложъ, здѣсь учрежденныхъ, посланъ мною циркуляръ, при семъ въ списокъ прилагаемый, о присылкѣ ко мнѣ подписокъ, кои, по мѣрѣ полученія, я буду имѣть честь доставлять непосредственно къ вашему с—ву.

5) Подъ управленіемъ Великой Провинціальной Ложи находилась еще одна ложа въ Одессѣ, подъ именемъ Эв-

испанскаго Понта (работавша на російскомъ и разныхъ иностранныхъ языкахъ), въ коей великимъ мастеромъ былъ, г-р. Александръ Оедоровичъ Ланжеронъ, а намѣстнымъ мастеромъ французскій вице-консулъ Шале. Какъ извѣстно мнѣ, что ложа сія г-р. Александромъ Оедоровичемъ закрыта еще до состоянія нынѣ высочайшаго повелѣнія, то Великая Провинціальная Ложа не имѣетъ уже съ оною сношеній, а потому и взятіе отъ членовъ, составившихъ одесскую ложу, подписокъ, состоитъ внѣ моей возможности.

При семъ долготъставляю изяснить вашему с-ву, что члены ложи, подъ управленіемъ Провинціальной Ложи состоявшихъ, исполнены будучи върнополданіиескими чувствами (къ Государю Императору, всегда старались оныя оправдать на опытѣ; въ собранияхъ ихъ по существу законовъ, руководствовавшихъ. Великую Провинціальную Ложу, не допускались никакіе политическіе толки, а всегда внушаемы были братьямъ правила, основанныя на христіанствѣ и исполненіи гражданскихъ обязанностей, нашему образу правленія свойственныхъ. Сношеній же съ другими тайными обществами у насъ никакихъ не бывало и имѣть ихъ воспрещалось. Нынѣ члены, узнавъ чрезъ меня волю Государя Императора, въ отношеніи вашего с-ва изясненію, со всею готовностію во всякомъ случаѣ безпрекословно повиноваться оной, охотно исполнили высочайшее повелѣніе. О каковой готовности и върнополданіиеской преданности ко всемілостивѣйшему государю я осмѣливаясь покорѣйше просить ваше с-во довести до высочайшаго свѣдѣнія его императорскаго величества.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть вашему с-ва покорѣйшимъ слугою.

С. Ланской.

Въ С.-Петербурѣ

16 (или 17) августа 1822

Его с-ву В. П. Кочубею.

При этомъ письмѣ, какъ сказано, препровождалсь и подписки членовъ, въ числѣ 95-ти. Затѣмъ, 2 и 30 сентября и 18 ноября были доставлены Кочубею еще 83 подписки отъ членовъ ложи Елизаветы, Трехъ Добродѣтелей, Дубовой Долины, Орфея и Пшущихъ Манны.

Датѣ, въ томъ же сборникѣ находится копія рескрипта

императора Николая Павловича къ министру внутреннихъ дѣлъ В. С. Ланскому, отъ 21 апрѣля 1826, о новомъ истребованіи подписокъ относительно непринадлежности къ тайнымъ обществамъ и представленія свѣдѣній о нихъ, еслибы таковыя у кого оказались; и затѣмъ, черновая отвѣтная бумага (повидимому, отъ того же С. С. Ланского) къ министру объ этомъ предметѣ. Въ отвѣтной бумагѣ подробно описано содержаніе документа 16—17 августа 1822 года объ исполненіи высочайшаго повелѣнія императора Александра о закрытіи тайныхъ обществъ и масонскихъ ложъ, и затѣмъ говорится:

Послѣ таковаго даннаго мною обязательства, согласно съ высочайшею блаженныя памяти государя императора волею, я никакихъ ложъ не посѣщалъ и не составлялъ.

Нынѣ же, во исполненіе высочайшей воли, изъясненной въ высочайшемъ рескриптѣ на имя г-на управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ д. т. с. Ланкова, 21-го апрѣля сего года состоявшагося, къ прежде даннымъ мною подпискамъ нужнымъ цитаю присовокупить: что цѣль масонскаго общества, въ коемъ я находился, такъ равно и тѣхъ ложъ, коими я управлялъ, была исканіе чистѣйшаго познанія Бога, чловѣка и природы. Мыры же къ достиженію сей цѣли не иныя были, какъ исполненіе законовъ, духовною и гражданскою властію возлагаемыхъ, не изъ страха казни и не изъ своекорыстныхъ видовъ въ ожиданіи награды, но изъ сердечнаго и нелицемѣрнаго стремленія къ добру. Къ сему клонились все упраженія масоновъ, принадлежавшихъ къ Провинціальной Ложѣ, и подвѣдомственныхъ ей ложъ, о чемъ правительство ежемѣсячно было извѣщено въ то время, когда собранія сіи не были запрещены имъ. Все участвовавшіе въ сихъ собраніяхъ съ искренствомъ снѣмъ обязанностей, на правилахъ христіанской вѣры и върномъ служеніи государю и отечеству основанныхъ, конечно, не измѣнили и не измѣняютъ снѣмъ священнымъ обязанностямъ, отъ соблюденія коихъ временное благосостояніе и вѣчное блаженство каждаго чловѣка зависятъ.

Другихъ же тайныхъ обществъ я не зналъ и не знаю.